

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://zhukovskyvasily.ru/> Приятного чтения!

Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения.
Василий Андреевич Жуковский

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ
Не прилично ли будет нам, братия,
Начать древним складом
Печальную повесть о битвах Игоря,
Игоря Святославича!
Начаться же сей песни
Но былинам сего времени,
А не по вымыслам Бояновым.
Вещий Боян,
Бел и песнь кому сотворить хотел,
Растекался мыслию по древу,
Серым волком по земле,
Сизым орлом под облаками.
Вам памятно, как пели о бранях первых времен:
Тогда пускались десять соколов на стадо лебедей;
Чей сокол долетал, того и песнь прежде пелась:
Старому ли Ярославу, храброму ли Мстиславу,
Сразившему Редю перед полками касожскими,
Красному ли Роману Святославичу.
Боян же, братия, не десять соколов на стадо лебедей пускал,
Он вещи персты свои на живые струны вскладывал,
И сами они славу князьям рокотали.
Начнем же, братия, повесть сию
От старого Владимира до нынешнего Игоря.
Натянул он ум свой крепостью,
Изострил он мужеством сердце,
Ратным духом исполнился
И навел храбрые полки свои
На землю Половецкую за землю Русскую.
Тогда Игорь воззрел на светлое солнце,
Увидел он воинов своих, тьмой от него прикрытых,
И рек Игорь дружине своей:
«Братия и дружина!
Лучше нам быть порубленным, чем дань в полон.
Сядем же, други, на борзых коней
9
Да посмотрим синего Дона!»
Вспала князю на ум охота,
А знаменье заступило ему желание
Отведать Дона великого.
«Хочу, – он рек, – преломить копье
На конце поля половецкого с вамп, люди русские!
Хочу положить свою голову
Или выпить шелоном из Дона»
О Боян, соловей старого времени!
Как бы воспел ты битвы сии,
Скача соловьем по мыслен ну древу,
Взлетая умом под облаки,
Свивая все славы сего времени,
Рыща тропию Троянвою через поля на горы!
Тебе бы песнь гласить Игорю, оного Олега внуку:
Не буря соколов занесла чрез поля широкие –
Галки стадами бегут к Дону великому!
Тебе бы петь, вещий Боян, внук велссов!
Ржут кони за Сулою,
Звенит слава в Киеве,
Трубы трубят в Новеграде,
Стоят знамена в Путивле,
Игорь ждет милого брата Всеволода.
И рек ему буй-тур Всеволод:
«Один мне брат, один свет светлый ты, Игорь!
Оба мы Святославичи!

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Седлай же, брат, борзых коней своих,
А мои тебе готовы,
Оседланы пред Курском.
Метки в стрельбе мои куряне,
Под трубами повиты,
Под шеломами взлелеяны,
Концом копья вскормлены,
Пути им все ведомы,
Овраги им знаемы,
Луки у них натянуты,
Тулы отворены,
Сабли отпущены,
Сами скачут, как серые волки в поле,
Ища себе чести, а князю славы».
Тогда вступил князь Игорь в золотое стремя
И поехал по чистому полю.
Солнце дорогу ему тьмой заступило;
Ночь, грозою шумя на него, птиц пробудила;
Рев в стадах звериных;
Див кличет на верху древа:
Велит приедушать земле неизвестной,
Волге, Поморию, и Посулию,
И Сурожу, и Корсуню,
И тебе, истукан тмутараканский!
И половцы неготовыми дорогами побежали к Дону великому.
Кричат в полночь телеги, словно распущенны лебеди.
Игорь ратных к Дону ведет!
Уже беда его птиц скликает,
И волки угрозою воют по оврагам,
Клетком орлы на кости зверей зовут,
Лисицы брешут на червлёные щиты...
О Русская земля! Уж ты за горами
далеко!
Ночь меркнет,
Свет-заря запала,
Мгла поля покрыла,
Щекот соловьиный заснул,
Галичий говор затих.
Русские поле великое червлёными щитами прегородилн,
Ища себе чести, а князю славы.
В пятницу на заре потоптали они нечестивые полки половецкие
И, рассеясь стрелами по полю, помчали красных дев половецких,
А с ними и золото, и паволоки, и драгие оксамиты,
Ортмажи, епанчицами, и кожухами, и разными узорочьями половецкими
По болотам и грязным местам начали мосты мостить.
А стяг червлёным с белою хоругвию,
А челка червлёная с древком серебряным
Храброму Святославичу!
Дремлет в поле Олегово храброе гнездо –
далеко залетело!
Не родилось оно на обиду
ни соколу, ни кречету,
н
ни тебе, чёрный ворон, неверный половчанн!
Гзак бежит серым волком,
А Кончак ему след прокладывает к Дону великому.
И рано на другой день кровавые зори свет поведают;
Чёрные тучи с моря идут,
Хотят прикрыть четыре солнца,
И в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому!
Идти дождю стрелами с Дону великого!
Тут-то копьям поломаться,
Тут-то саблям притупиться
О шеломы половецкие,
На реке на Каяле, у Дона великого!
О Русская земля, далеко уж ты за горами!
И ветры, Стрибоговы внуки,

Ведут с моря стрелами
На храбрые полки Игорсвы.
Земля гремит,
Реки текут мутно,
Нрахп поля покрывают,
Стяги глаголют!
Половцы идут от Дона, и от моря, и от всех сторон.
Русские полки отступили.
Бесовы дети кликом поля прегородили,
А храбрые русские щитами червлеными.
Ярым тур Всеволод!
Стоишь на обороне,
Прыщешь на ратных стрелами,
Гремишь по шеломам мечом харалужным;
Где ты, тур, ни проскачешь, шеломом златым посвечивая,
Там лежат нечестивые головы половецкие,
Порубленные калеными саблями шлемы аварские
От тебя, ярый тур Всеволод!
Какою раною подорожит он, братие,
Он, позабывший о жизни и почестях,
О граде Чернигове, златом престоле родительском,
О свычае и обычае милой супруги своей Глебовны краеня.
Были веки Троя новы,
Миновались лета Ярославовы;

12

Были битвы Олега,
Олега Святославича.
Тот Олег мечом крамолу ковал,
И стрелы он по земле сеял.
Ступал он в златое стремя в граде Тьмутаракане!
Молву об нем слышал давний великий Ярослав, сын Всеволодов,
А князь Владимир всякое утро уши затыкал в Чернигове.
Бориса же Вячеславича слава на суд привела,
И на конскую зеленую попону положили его
За обиду Олега, храброго юного князя.
С той же Кая ли Святополк после сечи увел отца своего
Между угорскою конницею ко святой Софии в Киев.
Тогда при Олеге Гориславиче сеялось и выростало междоусобием.
Погибала жизнь Дажьбожних внуков,
Во крамолах княжеских век человеческий сокращался.
Тогда по Русской земле редко оратаи распевали,
Но часто граяли враны,
Трупы деля меж собою;
А галки речь свою говорили:
Хотим полететь на добычу.
То было в тех сечах, в тех битвах,
Но битвы такой и не слыхано!
От утра до вечера,
От вечера до света
Летают стрелы каленые,
Гремят мечи о шеломах,
Трещат харалужные копья
В поле незнаемом
Среди земли Половецкия.
Черна земля под копытами
Костьми была посеяна,
Полита была кровию,
И по Русской земле взшло бедой!..
Что мне шумит,
Что мне звенит
Так задолго рано перед зарею?
Игорь полки заворачивает:
Жаль ему милого брата Всеволода.
Билпся день,
Бились другой,
На третий день к полдню
Пали знамена Игоревы!
Тут разлучилися братья на бреге быстрой Каялы;

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Тут кровавого вина не достало;
Тут пир dokonчили бесстрашные русские:
Сватов попоили,
А сами легли за Русскую землю!
Поникает трава от жалости,
А древо печалию
К земле преклонилось.
Уже невеселое, братья, время настало;
Уже пустыня силу прикрыла!
И встала обида в силах Дажьбожих внуков,
Девой вступя на Троянову землю,
Крыльями всплеснула лебедиными,
На синем море у Дона плескаяся.
Прошли времена, благоденствием обильные,
Миновал исся брани князей на неверных.
Брат сказал брату: то мое, а это мое же!
И стали князья говорить про малое, как про великое,
И сами на себя крамолу ковать,
А неверные со всех сторон приходили с победами на Русскую землю!..
О! далеко залетел ты, сокол, сбивая птиц к морю!
А храброму полку Игореву уже не воскреснуть!
Вслед за ним крикнули Карма и Жля и по Русской земле поскакали,
Мча разорение в пламенном роге!
Жены русские всплакали, приговаривая:
«Уж нам своих милых лад
Ни мыслию смыслить,
Ни думаю еду мать,
Ни очами сглядсть,
А злата-серебра много утрачено!»
И застонал, друзья, Киев печалию,
Чернигов намастию.
Тоска разлилась по Русской земле,
Обильна печаль потекла среди земли Русския.
Князи сами на себя крамолу ковали,
А неверные сами с победами набегали на Русскую землю,
Дань собирая по белке с двора.
Так-то сии два храбрые Святославича,
Игорь и Всеволод, раздор пробудили,
Едва усypил его мощный отец их,
Святослав грозный, великий князь киевский,
Гроза был Святослав!
Притрепетал он врагов своими сильными битвами
И мечами булатными;
Наступил он на землю Половецкую,
Притоптал холмы и овраги,
Возмутил озера и реки,
Иссушил потоки, болота;
А Кобяка неверного из луки моря,
От железных великих полков половецких
Вырвал, как вихорь!
И Кобяк очутился в городе Киеве,
В gridнице Святославовой.
Немцы и венедаы,
Греки и моравы
Славу поют Святославу,
Какют Игоря-князя,
Погрузившего силу на дне Каялы, реки половецкия,
Насыпая ее золотом русским.
Там Игорь-князь из золотого седла пересел на седло отрока;
Уныл и в градах забрал ы,
И веселие поникло.
И Святославу смутный сон привиделся:
«В Киеве на горах в ночь сию с вечера
Одевали меня, – рек он, – черным покровом на кровати тесовой;
Черпали мне синее вино, е горечью смешанное;
Сыпали мне пустыми колчанами
Жемчуг великой в нечистых раковинах на лоно
И меня нежили.

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

А кровля без князя была на тереме моем златоверхом.
И с вечера целую ночь граяли враны зловещие,
Слетевшись на выгон в дебри Кпсановой...
Уж не послать ли мне к синему морю?»
И бояре князю в ответ реклп:
«Печаль нам, князь, умы полонила;
Слетели два сокола с золотого престола отцовского,
Поискать города Тмутараканя
Или выпить шеломом из Дона.
Уж соколам и крылья неверных саблями подрублены,
Сами ж запутаны в железных опутинах.
В третий день тьма наступила.
Два солнца померкли,
Два багряных столпа угасли,
А с ними и два молодые месяца, Олег и Святослав,
Тьмою подернулись.
На реке на Каялс свет темнотою покрывся.
Гнездом леопардов простерлись половцы по Русской земле
И в морс се погрузили,
И в хана вселилось буйство великое.
Нашла хула на хвалу,
Неволя грянула на волю,
Всргнулся Див на землю!
Вот уж и готские красные девы
Вспели на бреге синего моря;
Звоня золотом русским,
Поют они время Бусово,
Величают мечь Шаруканову.
А наши дружины гладны веселием!»
Тогда изронил Святослав великий слово златое, со слезами смешанное:
«О сыновья мои, Игорьь и Всеволод!
Рано вы стали мечами разить Половецкую землю,
А себе искать славы!
Не с честью вы победили,
С нечестьем пролили кровь неверную!
Ваше храброе сердце в жестоком булате заковано
И в буйстве закалено!
То ль сотворили вы моей серебряной седине!
Уже не вижу могущества моего сильного, богатого,
многовойного брата Ярослава
С его черниговскими племенами,
С мои гутами, татра на ми и шелбнрами,
С топчаками, ревугами и олберамн!
Они без щитов с кинжалами засапожными
Кликом полки побеждали,
Звеня славою прадедов.
Вы же рекли: «Мы одни постоим за себя,
Славу передню сами похитим,
Заднюю славу сами поделим!»
И не диво бы, братья, старому стать молодым.
Сокол ученый
Птиц высоко взбивает,
Не даст он в обиду гнезда своего!
Но горе, горе! Князья мне не в помощь!
Времена обратились на низкое!
Вот и у Роменя кричат под саблями половецкими,
А князь Владимир под ранами.
Горе и беда сыну Глебову!
Где ж ты, великий князь Всеволод?
Иль не помыслишь прилететь издали, отцовский
златой престол защитить?
Силен ты веслами Волгу разбрызгать,
А Дон шеломами вычерпать,
Будь ты с нами, и была бы дева по ногате,
А отрок но резане.
Ты же по суху можешь
Стрелять живыми шерешрамн с чадами Глеба удалыми;
А вы, бесстрашные Рюрик с Давыдом,

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Не ваши ль позлащенные шеломы в крови плавали?
Не ваша ль храбрая дружина рыкает,
Словно как туры, калеными саблями ранены, в поле неизвестном?
Вступите, вступите в стремя золотое
За честь сего времени, за Русскую землю,
За раны Игоря, буйного Святославича!
Ты, галицкий князь Осьмомысл Ярослав,
Высоко ты сидишь на престоле своем золотокованом,
Подпер Угрские горы полками железными,
Заступил ты путь королю,
Затворил Дунаю ворота,
Бремена через облака мечешь,
Рядишь суды до Дуная,
И угроза твоя по землям течет,
Ворота отворяешь к Киеву,
? 3088

Стреляешь в султанов с золотого престола отцовского через дальние земли.
Стреляй же, князь, в Кончака, неверного кощея, за Русскую землю,
За раны Игоря, буйного Святославича!
А ты, Мстислав, и ты, смелый Роман!
Храбрая мысль носит вас на подвиги,
Высоко взлетаетс вы на дело отважное,
Словно как сокол на ветрах ширяется,
Птиц одолеть замышляя в отважности!
Шеломы у вас латинские, под ними железные панцири!
Дрогнули от них земля и многие области хановы,
Литва, деремсла, ятвяги,
И половцы, копья свои повергнув,
Главы подклонили
Под ваши мечи ха радужные.
Но уже для Игоря-князя солнце свет свой утратило
И древо свой лист не добром сронило;
По Роем, по Суде грады поделены,
А храброму полку Игоря уже не воскреснуть!
Дон тебя, князя, кличет,
Дон зовет князей на победу!
Ольговичи, храбрые князи, доспели на бой.
Вы же, Ингвар, и Всеволод, и все три Мстиславича,
Не худого гнезда шестокрильцы,
Не по жеребью ли победы власть себе вы похитили?
На что вам золотые шеломы,
Ваши польские копья, щиты?
Заградите в поле врата своими острыми стрелами
За землю Русскую, за раны Игоря, смелого Святославича!
Не течет уже Суда струею сребряной
Ко граду Переяславлю;
Уж и Двина болотом течет
К оным грозным полочанам под кликом неверных.
Один Изяслав, сын Васильков,
Позвенел своими острыми мечами о шлемы литовские,
Утратил он славу деда своего Всеслава,
Под червленными щитами на кровавой траве
Положен мечами литовскими,
И на сем одре возгласил он:
«Дружину твою, князь Изяслав,
Крылья птиц приодели,
И звери кровь полизали!»
Не было тут брата Брючислава, ни другого – Всеволода.
Один нзронил ты жемчужную душу
Из храброго тела
Через золотое ожерелье!
Голоса приуныли,
Поникло веселие,
Трубят городенские трубы.
И ты, Ярослав, и вы, внуки Весел а ва,
Пришлось преклонить вам стяги свои,
Пришлось вам в ножны вонзить мечи поврежденные!
Отскочили вы от дедовской славы,

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Навели нечестивых крамолами
На Русскую землю, на жизнь Веселавову!
О, какое ж бывало вам прежде насилие от земли Половецкия!
На седьмом веке Трояновом
Бросил Всеслав жребий о девице, ему милой.
Он, подпершись клюками, сел на коня,
Поскакал ко граду Киеву
И коснулся древком копья до золотого престола Киевского.
Лютым зверем в полночь поскакал он из Белграда,
Синею мглою обвешенный,
К утру ж, вонзивши стрикузы, раздвигнул врата Новугороду,
Славу расшиб Ярославову,
Волком помчался с Дудуток к Немизе.
На Немизе стелют снопы головами,
Молотят цепами булатными,
Жизнь на току кладут,
Веют душу от тела.
Кровавые бреги Немизы не добром были посеяны,
Посеяны костями русских сынов.
Князь Всеслав людей судил,
Князьям он рядил города,
А сам в ночи волком рыскал;
До петухов он из Киева успевал к Тьмутаракани,
К Херсоню великому волком он путь перерыскивал.
Ему в Полоцке рано к заутрене зазвонили
В колокола у святыя Софии,
А он в Киеве звон слышал!
Пусть и вещая душа была в крепком теле,
Но часто страдал он от бед.
Ему первому и вещей Боян мудрым припевом предрек:
«Нудь хитер, будь смыиiep.
Будь по птице горазд,
Но божьего суда не минуешь!»
О, стонать тебе, земля Русская,
Вспоминая времена первые п первых князей!
Нельзя было старого Владимира пригвоздить к горам киевским!
Стяги его стали ныне Рюрнковы,
Другие Давыдовы;
Нося на рогах их, воны ныне землю пашут,
И копья славят на Дунае».
Голос Ярославнин слышится, на заре одинокой чечеткою кличет:
«Полечу, – говорит, – чечеткою по Дунаю,
Омочу бобровый рукав в Каяле-реке,
Оботру князю кровавые раны на отвердевшем теле его».
Ярославна поутру плачет в Путивле на стене, приговаривая:
«О ветер, ты, ветер!
К чему же так сильно веешь?
На что же наносишь ты стрелы ханские
Своими легковейнымп крыльями
На воинов лады моей?
Мало ль подоблачных гор твоему веяню?
Мало ль кораблей на синем море твоему лелеяню?
На что ж, как ковыль-траву, ты развеял мое веселие?»
Ярославна поутру плачет в Путивле на стене, припеваючи:
«О ты, Днепр, ты, Днепр, ты, слава-река!
Ты пробил горы каменные
Сквозь землю Половецкую;
Ты, лелея, нес суда Святославов!»! к рати Кобяковой:
Прилелей же ко мне ты ладу мою,
Чтоб не слала к нему по утрам, по зорям слез я на море!»
Ярославна поутру плачет в Путивле на стене городской, припеваючи:
«Ты, светлое, ты, прссветлое солнышко!
Ты для всех тепло, ты для всех красно!
Что ж так простерло ты свой горячий луч на воинов лады моей,
Что в безводной степи луки им сжало жаждой
И заточило им тулы печалию?»
Прыснуло море к полуночи;
Идут мглою туманы;

Игорю-князю бог путь указывает
Из земли Половецкой в Русскую землю,
К златому престолу отцовскому.
Приугаела заря вечерняя.
Игорь-князь спит -- не спит:
Игорь мысли к) поле меряет
От великого Дона
До малого Донца.
Конь к полуночи;
Овлур свистнул за рекою,
Чтоб князь догадался.
Не быть князю Игорю!
Кликнула, стукнула земля;
Зашумела трава:
Половецкие вежи подвинулись.
Прянул князь Игорь горностаем в тростник,
Белым гоголем на воду;
Взвергнулся князь на быстра коня,
Соскочил с него босым волком,
И помчался он к лугу Донца;
Полетел он, как сокол под мглами,
Избивая гусей-лебедей к завтраку, и обеду и ужину.
Когда Игорь-князь соколом полетел,
Тогда Овлур волком потек за ним,
Сбивая с травы студеную росу:
Притомили они своих борзых коней!
Донец говорит: «Ты, Игорь-князь!
Не мало тебе величия,
Кончаку нелюбия,
Русской земле веселия!»
Игорь в ответ: «Ты, Донец-река!
И тебе славы не мало,
Тебе, лелеявшему на волнах князя,
Подстилавшему ему зеле ну траву
На своих берегах серебряных,
Одевавшему его теплыми мглами
21
Под навесом зеленого древа,
Охранявшему его на воде гоголем,
Чайками на струях,
Чернедями на ветрах.
Не такова, – примолвил он, – Стугна-река:
Худая про нес слава!
Пожирает она чужие ручьи,
Струги меж кустов расторгает.
А юноше князю Ростиславу
Днепр затворил брега зеленые.
Плачет мать Ростислава
По юноше князе Ростиславе.
У вянул цвет жалобю,
А деревья печалию к земле преклонило».
Не сороки защекотали –
Вслед за Игорем сдут Гзак и Кончак.
Тогда враны не граяли,
Галки замолкли,
Сороки не стрекотали,
Ползком только ползали,
Дятлы стуком путь к реке кажут,
Соловьи веселыми песнями свет прорекают.
Молвил Гзак Кончаку:
«Если сокол ко гнезду долетит,
Соколенка мы расстреляем стрелами злаченными!»
Гзак в ответ Кончаку:
«Если сокол ко гнезду долетит,
Соколенка опутаем красной девицей!»
И сказал опять Гзак Кончаку:
«Если опутаем красной девицей,
То соколенка не будет у нас,

Ни будет и красной девицы,
И начнут нас бить птицы в поле Половецком!»
Пел Воян, песнотворец старого времени,
Пел он походы на Святослава,
Правнука Ярославова, сына Ольгова, супруга дщери когановой.
«Тяжко, – сказал он, – быть голове без плеч,
Худо телу, как нет головы!»
Худо Русской земле без Игоря!
Солнце светит на небе –
Игорь-князь в Русской земле!
Девы поют на Дунае,
Голоса долетают через море до Киева,
Игорь едет по Борнчеву
Ко святой богородице Пирогощей.
Радостны земли,
Веселы грады! –
Песнь мы спели старым князьям,
Песнь мы спели князьям молодым:
Слава Игорю Святославичу!
Слава буйному туру Всеволоду!
Слава Владимиру Игоревичу!
Здравствуйте, князья и дружина,
Поборая за христиан полки неверные!
Слава князьям, а дружине аминь!

ЦЕИКС И ГАЛЬЦИОНА

Отрывок из Овидиевых «Превращений»
Цейкс, тревожимый ужасом тайных, чудесных видений,
Был готов испытать прорицайе кларинеккого бога –
В Дельфы же путь заграждали форбас и дружины флегиян.
Он приходит к своей Гальционе, верной супруге,
Ей сказать о разлуке... сказал... ужаснулась и хладом
Грудь облилась; бледность ланиты покрыла; слезами
Очи затмились; трикраты ответ начинала – трикраты
Скованный горем язык изменял; наконец возопила,
Частым рыданием томно-печальную речь прерывая:
«Милый супруг мой, какую виной от себя удалила
Я твое сердце? Ужели не стало в нем прежней любви?
Ты равнодушно теперь покидаешь свою Гальциону;
Путь выбираешь дальнейший; я уж милей в отдаленье.
Странствуй ты по земле – тогда бы сердце не знало
Страха в печали; была бы тоска без заботы... но моря,
Моря страшусь; ужасает печальная мрачность пучины;
Волны – я зрела вчера – корабельны обломки носили;
Здесь не раз в гробницах пустых имена я читала.
Друг, не вверяйся надежде бесстрашного сердца; не льстися
Дружбой родителя, бога Эола, могущего силу
Ветров смирять и море по воле крутить и покоить.
Раз овладевши волнами, раскованны ветры не знают
Буйству границ; и земля и моря им покорны; сгоняют
Тучи на небо и страшным огнем зажигают их недра.
Ах! чем боле их знаю (а знать их должна; я младенцем
Часто в жилище отца их видала), тем боле страшусь их.
Бели ж ни просьбы, ни слезы мои над тобою не властны,
Бели уж в море далекое должно, должно пускаться,
Друг, возьми с собою меня: мы разделим судьбину;
Зная, чем стражду, менее буду страдать; что ни встретим,
Все заодно; без разлуки неверным волнам предадимся».
Тронутый жалобной речью супруги, сын Люциферов
Долго безмолвствовал, в сердце тая глубокое горе.
Но, постоянный в желанье, он вверить своей Гальционы
Вместе с собой произволу опасного моря не смеет.
Хочет её убедить ободрительным словом... напрасно!
Нет убежденья печальной душе. наконец он сказал ей:
«Долго разлука и краткая длится; но я Люцифером
Светлым клянусь возвратиться, если допустит судьбина,
Прежде чем дважды луна в небесах совершиться успеет».
Сим обетом надежду на скорый возврат ожививши,
Он повелел спустить на волны ладью и, не медля,

Снасти устроить и всё изготовить к далёкому бегу.
Видит ладью Гальциона и, вещей душой предузнавши
Будущий рок, содрогнулась, слезы ручьем пол ил ися;
Нежно прижалась к супругу лицом безнадежно печальным;
Томно шепнула: «прости!» – и пала без чувства на бреге.
Медлит унылый супруг; но пловцы уж рядами взмахнули
Весла, прижав их к могучим грудям, и согласным ударом
Вспенили влагу. Тронулось судно. Она отворила
Влажные очи и видит его у кормы... Удаляясь,
знаком прощальным руки он последний привет посылает;
Тем же знаком она отвечала. Дале и далс
Берег уходит, и очи лица распознать уж не могут;
Долго, долго преследует взором бегущее судно;
Но когда и оно в отдаленье пространства пропало,
Силится взором поймать на мачте играющий парус;
Скоро и парус пропал. И безмолвно в чертог опустелый
Тихо пошла Гальциона и пала на одр одинокий...
Ах! и чертог опустелый, и одр, и все раздражало
Грустное сердце, твердя о далекоплывущем супруге.
Судно бежит. Вдруг ветер шатнул неподвижные верви;
Праздные весла к бокам ладии прислонив, корабельщик
Волю дал парусам и пустил их свободно по мачте:
Полные ветром попутным, шумя, паруса натянулись.
Морс браздя, половину пути уж ладья совершила;
Берег повсюду равно отдален, повсюду невидим.
Вдруг перед ночью надул ися волны, море белеет;
Сильный порывистый ветер внезапно ударил от юга.
«Свить паруса!» – возопил ужаснувшийся кормщик... напрас
Ветра могучий порыв помешал повеленье исполнить;
Шумом ревущей волны заглушило невнятное слово.
Сами гребцы на работу бегут; один убирает
Весла, другой чинит расколовшийся бок, тот исторгнуть
Силится парус у ветра; а тот, из ладьи выливая
В трещины бьющую воду, волны волнам возвращает.
Всё в беспорядке, а буря грозней и грозней; отовсюду
Ветры, елстаяся, бьются, и морс, вздымался, воеет;
Кормщик бодрость утратил, и сам, признавая опасность,
Где они, что им начать, от чего остеречься, не знает.
Властвует буря, ничтожны пред нею искусство и опыт;
Вихорь, вопли гребцов, скрипенье снастей, непрерывный
Плеск отшибаемых волн и гром отовсюду... ужасно!
Воды буграми, и море то вдруг до самого неба
Рвется допрыгнуть и темные тучи волнами обрызгать;
То, подымая желтый песок из глубокия бездны,
Мутно желтеет; то вдруг чернее стигийския влаги;
То, опадая и пеной шипящей разбившись, белеет.
Мчится трахинское легкое судно игралищем бури;
Вдруг возлетит и как будто с утесистой горной стремнины
Смотрит в глубокий дол, в глубокою мглу Ахерона;
Вдруг с волной упадет и, кругом взгроможденному морю,
Видит как будто из адския бездны далекое небо.
Страшно гремит ладья, отшибая разящие волны:
Так раздаются удары в стене, тяжелым тараном
Глухо разимой иль брошенным тяжким обломком утеса,
Сюнно как пламенный лев свирепеет, теснимый ловцами,
Вешен встает на дыбы и грудью кидается в копыа:
Так яримая ветром волна, бросаясь на мачты,
Судно грозитя пожрать и ревет, над ним подымаясь.
Киль расшатался; утратив защиту смолы, раздал ися
Бренные шивы досок, и вторглась губящая влага;
Вдруг облака, расступившись, дождем зашумели; казалось,
Небо упало на море и море воздвиглося к небу.
Взмокли все паруса, смешались с водами пучины
Воды небес, и казалось, что звезды утратило небо.
Темную ночь густила темная буря; но часто
Молнии быстрым, излучистым блеском, летая по тучам,
Ярко сверкали, и бездна морская в громах загоралась.
Вдруг поднялся и бежит, раскачавшись, ударить на судно

Вал огромный. Подобно бойцу-великану, который дерзко не раз набегал на раскат осажденного града, Сбитый, снова рвался, наконец, окрыляемый славой, Силой взбежал на вершину стены один из дружины: Так посреди стесненных валов, осаждающих судно, Все перевыся главой, воздвигся страшный девятый; Хлещет, бьет по скрипучим бокам ладим утомленной, Рвется, ворвался и вдруг овладел завоеванным судном. Волны частью толпятся на приступ, частью вломились; Все трепещет, как будто во граде, когда уж в проломы Бросился враг и стена за стеною, гремя, упадает; Тщетно искусство; мужество пало; мнится, что с каждой Новой волною новая страшная смерть нападает. Нет спасенья! тот плачет; тот цепенеет; тот мертвым В гробе завидует; тот к богам посылает обеты; Тот, напрасно руки подъявля к незримому небу, Молит пощады; тот скорбит об отце, тот о брате, Тот о супруге и чадах, каждый о том, что покинул; Цейкс о милой своей Гальционе: одной Гальционы Имя твердит он, тоскует по ней, но, тоскуя, утешен Тем, что она далеко; хотел бы к домашнему берегу Раз оглянуться, раз хотел бы лицом обратиться К милому дому... но где же они? разъяренная буря Все помутила; сугубою мглою черные тучи Небо все обложили, и ночь беспредельная всюду.

26

Вихорь вдруг налетел... затрещав, подломилась и пала Мачта за край, и руль пополам. И, ветав на добычу, Грозен, жаден, смотрит из бездны вал-победитель. Тяжкий, словно Афос, могучей рукою с подошвы Сорванный, словно Пинд, обрушенный в бездну морскую, Он повалился. Корабль, раздавленный падшей громадой, Вдруг потонул. Одни из пловцов, захлебнувшись В вихре пенных валов, не всплыли и разом погибли; Часть за обломки ладьи ухватилась. Цейкс руками, Некогда скипетр носившими, стиснул отбитую доску; В помощь отца, в помощь Эола, водою душимый, Часто зовет он, но чаще зовет свою Гальциону; С нею мысли и сердце; жаль ее, а не жизни; Молит он волны: тело его до очей Гальционы Милых донести, чтоб родная рука его схоронила; Он утопает, но только что волны дыханье отпустят, Он Гальциону зовет, он шепчет водам: «Гальциона!» Вдруг горой набежала волна, закипела и, лопнув, Пала к нему на главу и его задавила паденьем... Мраком задернувшись, в оную ночь был незрим и незнаем Светлый Люцифер: невластный покинуть вершины Олимпа, Он в высоте облаками закрыл печальные очи. Тою порою Эолова дочь, об утрате не зная, Ночи свои в нетерпенье считает, готовит супругу Платья, уборы готовит себе, чтоб и ей и ему нарядиться В день возврата, ласкаясь уже невозможным свиданьем. Всех богов призывая, пред всеми она зажигает Жертвенный ладан; Юнону ж богиню усерднее молит, Молит, увы! о погибшем, навек невозвратном супруге; Молит, чтоб он был здоров, чтоб к ней возвратился, чтоб, верный, Сердца не отдал другой... из стольких напрасных желаний Только последнее слишком, слишком исполнено было. Но мольбы Гальционы о мертвом тревожат Юнону: Жертву и храм оскверняет рука, посвященная тени. «Вестница воли богов (сказала Юнона Ириде), Знаешь, где Сон обитает, безмолвный податель покоя, К этому богу лети от меня повелеть, чтоб, не медля, В образе мертвого Цсикса призрак послал Гальционе Истину ей возвестить». Сказала... Ирида, в одежде Яркостью красок блестящей, дугой в небесах отразившись, Быстро порхнула к обители бога, в скалах сокровенной. Есть в стороне кппмериян пустая гора с каменистой

Мрачной пещерой; издавна там Сон обитает ленивый.
Там никогда – ни утром, ни в полдень, ни в пору заката –
Феб не сияет; лишь тонкий туман, от земли подымаясь,
Влажною стелется мглой, и сумрак сомнительный светит.
Там никогда будитель пернатых с пурпуровым гребнем
Дня не приветствует криком, ни пес – сторожитель молчанья
Лаем своим не смущает, ни говором гусь осторожный;
Там ни птицы, ни зверя, ни легкой ветки древесной
Шорох не слышен, и слова язык человеческий не молвит;
Там живет безгласный Покой. Из-под камня сочась,
Медленной струйкой Лстийский ручей, по хрящу пробираясь,
Слабым, чуть слышным журчанием сладко наводит дремоту;
Вход пещеры обсажен цветами роскошного мака
С множеством трав: из них усыпительный сок выжимая,
Влажная Ночь благодатно кропит им усталую землю.
В целом жилище нет ни одной скрипучия двери,
Тяжко на петлях ходящей, нет на пороге и стража.
Одр из гебена стоит посредине чертога, задернут
Темной завесой; наполнены пухом упругим подушки.
Бог, разметавшись на ложе, там нежит расслабленны члены.
Ложе осыпав, Сны бестелесные, легкие Грезы
Тихо лежат в беспорядке, несчетны, как нивные класы,
Листья дубрав иль песок, на бреге набросанный морем.
Входит в пещеру младая богиня, раздвинув рукою
Вход заслонявшие Сны. Сиянье небесной одежды
Быстро темный чертог облеснуло. Встревоженный блеском,
Бог медлительно поднял очи и снова закрыл их;
Силится встать, но слабость голову сонную клонит;
Нехотя он приподнялся; шатаясь, оперся на руку;
Встал. «Зачем ты?» – спросил он богиню. Ирида сказала:
«Сон, живущих покой! о Сон, божество благодати!
Мир души, усладитель забот, усталого сердца
Нежный по тяжких трудах и печалях дневных оживитель,
Сон! повели, чтоб Мечта, подражатель обманчивый правде,
В город Ираклов Трахины под видом царя полетела
Там сновиденьем погибель супруга явить Гальционс.
Так повелела Юнона». Окончив, Ирида младая
Бога покинуть спешит: невольню ее покоряла
Сонная сила, и тихо кралось в нес усыпление.
Снова лазурью по радуге светлой она полетела.
Бог из несметного роя им порожденных видений
Выбрал искусника, всех приниматся видов Морфея:
Выдумщик хитрый, по воле во всех он является лицах,
Всё выражает: и поступь, и телодвиженья, и голос,
Даже все виды одежд и каждому свойственны речи;
Но способен он брать лишь один человеческий образ.
Есть другой – тот является птицей, зверем, шипящим
Змеем, слывет на Олимпе Икелос, а в людях Фоветор.
Третий, мечтательный фантазос, дивным своим дарованьем
В камни, волны, пригорки, пни, во все, что бездушно,
С легкостью быстрой влетает. Они царям и владыкам
Чудятся ночью; другие ж народы и граждан посещают.
Бог, миновав их, из легкого сонмища вызвал Морфея
Волю Ириды свершить; потом, обессилен дремотой,
Голову томно склонил и в мягкий пух погрузился.
Тихо Морфей на воздушных, без шороха веющих крыльях
Мраком летит; он, скоро полет еоверша, очутился
В граде Гемонском, и крылья сложил, и Цейксов образ
Принял: бледен, подобно бездушному, наг, безобразен,
Он подошел к одру Гальционы; струею лилася
Влага с его бороды; с волос бежали потоки.
К ложу тихо склонившись лицом, облитым слезами,
Он сказал: «Я Цепке; узнала ль меня, Гальциона?
Смерть ужель изменила меня? Всмотрися – узнаешь;
Иль хоть призрак супруга вместо супруга обнимешь.
Тщетны были моления твои, Гальциона: погиб я.
В море Эгейском южный порывистый ветер настигнул
Нашу ладью, и долго бросал по волнам, и разрушил.

Мне в уста, напрасно твое призывавшие имя,
Влага морская влилась. Не гонец пред тобой, Гальциона,
С вестью неверной; не слуху неверному ныне ты внемлешь:
Сам я, в морс погибший, тебе повествую гибель.
Встань же, вдова; дай слез мне, оденься в одежды печали.
О! да не буду я в Тартаре темном бродить неоплакан!»
Так говорил Морфей, и голос его был подобен
Голосу Цикса; очи его непритворно слезами
Плакали; даже и руки свои простирал он как Цейкс.
Тяжко во сне Гальциона рыдала; сквозь сон протянула
Руки; ловит его, но лишь воздух пустой обнимает.
«Стой! – она возопила. – Помедли, я за тобою».
Собственный голос и призрак ее пробудили; вскочила
В страхе; ищет, очами кругом озираясь, тут ли
Виденный друг?.. На крик ее прибежавший невольник
Подавал светильник – напрасно! нигде его не находит.
С горя бьет себя по лицу, раздирает одежду,
Перси терзает и рвет на главе неразвитые кудри.
«Что с тобой, Гальциона?» – спросила кормилица в страхе.
«Нет Гальционы, – она возопила, – нет Гальционы!»
С Циксом вместе она умерла; оставь утешенье;
Он погиб: я видела образ его и узнала.
Руки простерла его удержать, напрасно – то было
Тень; но тень знакомая, подлинный Цейксов образ.
Правда, почудилось мне, что в милом лице выразалось
Что-то чужое, нежнее: прелести не было прежней.
Бледен, наг, утомлен, с волосами, струящими влагу,
Мне привиделся Цейкс, и там стоял он, печальный!
Вот то место... (и мутно глаза привиденья искали).
Друг! не того ли страшилось вешнее сердце, когда я
Так молила тебя остаться и ветрам не верить?
К смерти навстречу спешил ты... почто ж Гальциону
Здесь ты покинул? Вместе нам все бы спасением было.
Ах! тогда ни минуты бы жизни розно с тобою
Я не утратила: смерть постигла бы нас неразлучных.
Ныне ж в отсутствии гибну твоею гибелью; морс
Все мое лучшее, всю мою жизнь в тебе погубило.
Буду безжалостней самого моря, если останусь
Тяжкую жизнь влачить, терпя нестерпимое горе.
Нет! не хочу ни терпеть, ни тебя отречься, о милый,
Бедный супруг мой; все разделим; пускай нас в могиле
Если не урна одна, то хоть надпись одна сочетается;
Розно прахом, будем хотя именами не розно».
Тут умолкла: печаль оковала язык, и рыданье
Дух занимало, и стоны рвал ися из ноющей груди. –
Было утро; она повлеклась на тихое взморье,
К месту тому, откуда вслед за плывущим смотрела.
Там стояла долго: «Отсюда ладья побежала;
Здесь мы последним лобзаньем простились». Так повторяя
Прошлой думою, взор помраченный она устремляла
В даль морскую. Вдали, на волнах колыхаясь, мелькает
Что-то, как труп, – но что? Для печального взора не ясно.
Влнже и ближе, видней и видней; уже Гальциона
Может вдали распознать плывущее мертвое тело.
Кто бы ни был погибший, но бурей погиб он; и горько
Плача об нем, как бы о чужом, она возопила:
«Горе, бедный, тебе! горе жене овдовевшей!»
Тело плывет, а сердце в ней боле и боле мутится.
Вот уж у берега; вот и черты различает уж око.
Смотрит... Кто ж? Цейкс. «Он! – возопила, терзая
Перси, волосы, платье. С берега трепетны руки
К телу простерла. – Так ли, мой милый, так ли, несчастный,
Ты возвратился ко мне?..» В том месте плотина из камня
В реку заслоняла высокой стеной от приливного моря,
В бурю же ярость и силу напорной волны утомляла.
С той высокой стены в пучину стремглав Гальциона
Бросилась... Что же? о чудо! она взвилась, и над морем,
Воздух свистящий внезапно-расцветшим крылом разбивая,

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Вдоль по зыбучим волнам полетела печальною птицей.
Жалобно в грустном полете, как будто кого прикликая,
Звонким щелкая носом, она протяжно стенала;
Прямо на труп охладелый и бледный она опустилась;
Нежно безгласного юным крылом обняла и как будто
Силилась д,ушу его пробудить безответным лобзаньем.
Был ли чувствителен Цейкс, волны ль ему, колыхаясь,
Подняли голову, – что бы то ни было – он приподнялся.
Скоро, над их одиночеством сжалась, бессмертные боги
В птиц обратили обоих; одна им судьба; и поныне
Верны бывалой любви; и поныне их брак не разорван.
Поздней зимней порою семь дней безбурных и ясных
Мирно, без слета сидит на плавучем гнезде Гальциона;
Море тогда безопасно; Зол, заботясь о внуках,
Ветры смиряет, пловца бережет, и воды спокойны.
СИД В ЦАРСТВОВАНИЕ ФЕРДИНАНДА (ВЕЛИКОГО)

I
Мрачен, грустен Дон Диего!
Что сравнить с его печалью.
О своей погибшей славе
Он тоскует день и ночь.
Посрамлен навеки древний
Знаменитый дом Ленеев.
Не равнялись ни Инпгн,
Ни Аварки славой с ним.
Оскорбленный древний старец
1° Слезы льет, сходя в могилу.
А Дон Гормас торжествует
Вез отмщения над ним.
Сон забыв, не зная пищи,
Он очей не поднимает,
За порог свой не выходит,
Не отвечает друзьям,
Не приемлет их приветов,
Ни сердечных утешении.
«Посрамленного дыханье, –
*° Мыслит он, – срамит друзей!»
Наконец сложил он бремя
Скорби мрачно-одинокой,
Сыновей созвал, но с ними
Слова он не говорит.
И в молчаньи грозном руки
Крепко узами связал им,
Все трепещут и рыдая
Просят жизнь им сохранить.
Нет душе его надежды!
3° Но отчаянному бодрость
С упованьем возвращает
Дон Родриго, младший сын.
На отца блеснув очами,
Отступил он и воскликнул:
«Иль забыл отец мой, кто ты?
Иль не ведаешь, кто я?
Если б ты своей рукою
Сам меня не опоясал
Боевым мечом на славу –
Был бы меч в твоей груди!»
Слезы градом покатались
По родительским ланитам;
Он прижал ко груди сына:
«Ты, Родриго, ты мой сын!
Бодрый гнев твой мне услада!
Скорбь твоя мне нецелсньс!
Не с отцом, мой сын Родриго,
С и ос рам и тел ем отца
Ты изведай меч мой!» – «Где он?
Кто обидчик?» – сын воскликнул.
Дал едва отцу и время

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Про обиду рассказать.

II

Удаляется Родриго
Полон гнева, полон думы
О враге своем могучем,
О младых своих годах.
Знает, в горной Астурии
Дон Гормас богат друзьями,
И в совете королевском,
И в сраженье первый он.
Но лишь вспомнит, как обижен
Был отец, и все иное
Позабыто, и управы
Ждет себе лишь от небес.
Храбрость – требованье чести,
Храбрым юность не причина,
А за честь охотно гибнет
И младенец в пеленах.
Со стены он меч снимает,
Меч, испробованный в битвах,
Знаменитый меч Модарда!
(Одиноко на стене
Он висел, как бы горя
О руке его носившей).
И Родриго, им любясь,
Так приветствовал его:
«Ведай меч мой, что дождался
Ты руки такой отважной,
Как модардова, хоть силой
С ней она и не равна.
Новый витязь твой не дрогнет
В битве ратуя с тобою;
Пусть булат твой благороден,
Благородней сердцем я!
Чей ты был, тому победа.
Будет тот, чей ты, отважен.
Бели будешь обесчещен,
Меч, не будь тогда ничей.
Глубоко врагу в утробу
Ты проникнешь обнаженный.
Обнажись же! Наступила
Мести праведной пора».
И тайком, никем не видим,
Дом отцовский он покинул.
Не прошло еще и часа,
Как стоял он пред врагом.

III

Там на площади дворцовой
Встретил витязь Дон Гормаса,
Одного, без провожатых,
И вступил с ним в разговор.
«Дон Гормас, ответствуй, знал ли
Ты о сыне Дон Диего,
Оскорбив рукою дерзкой
Святость старцева лица?
Знал ли ты, что Дон Диего
Есть потомок лайна Калва,
Что породы нет славнее,
Нет славней его щита?
Знал ли, что пока дышу я,
Не дерзал еще ни смертный,
Ни бессмертный сам владыка
Не на казан оскорбить?»
Дон Гормас в ответ: «Младенец,
Что и жизни половина
Ты не знаешь». – «Знаю твердо», –
Смелый витязь возразил.
«Половина жизни – почесть

Воздавать достойным чести,
А другая половина ---
Горделивцев унижать
И заглаживать обиды
Кровью дерзких», – и умолкнув,
Он .упер в лицо Гормаса
Раскаленные глаза.
«Что ж? Чего ты ждешь, младенец?» –
«Головы твоей надменной».
«Розог ждешь ты!» – Царь небесный!
Как от слов сих вспыхнул Сид!

IV

Горько слезы, тихо слезы
По ланитам старца льются.
За столом своим семейным
Он сидит, все позабыв.
О стыде своем он мыслит,
О младом своем Родриго,
О ужасном поединке,
О могуществе врага,
Обесчещен – все прискорбно,
Недоверчив, безнадежен.
Но душою млад и весел,
Тот, кто честь свою сберег.
И скорбящий не приметил,
Как вошел к нему Родриго,
Приложив ко груди руки
И под мышкой меч зажав.
С состраданием глубоким
На отца глядел Родриго;

3'

35

Вдруг подходит и пожавши
Руку старца: «Ешь, отец», –
Говорит, придвинув пищу.
Но быстрее старца слезы
Поли ися! «Ты ль, Родриго,
Мне даешь такой совет?»
«Я родитель! Смело можешь
Ты поднять священные очи».
«Спасена ли наша слава,
Отвечай мне». – «Он убит!»
«Сядь со мной, мой сын Родриго,
Поделись со мною пищей:
Кто с врагом подобным сладил,
Первый тот в своем роду».
Со слезами на коленях
Сын лобзает руки старца,
И в слезах лобзает старец
Сына в очи и уста.

V

Крики, вопли, шумны крики,
Конский топот, стук оружия
Раздаются во Бургосс,
Королевский двор открыт,
И король на шум выходит
Из палат своих высоких,
С ним идут его вельможи
Ко дворцовым воротам.
У ворот стоит Х и мена,
Распустив власы в печали
И слезами заливаясь,
Пала ниц пред королем.
И вблизи был Дон Диего,
Триста мужей благородных,
Позади его, и с ними
Гордый, смелый Кастильянец
Дон Родриго; те на мулах –

Он один лишь на коне.
Те в перчатках с бахромою;
Он один в простых перчатках;
Те в парче, серебре и злате;
Он один в стальной броне.
И народ, и двор, завидя
Приближенье их, воскликнул:
«Вот дитя, которым славный
Дон Гормас был побежден».
Витязь твердо и сурово
Оглянулся и промолвил:
«Если кто обижен смертью
Дон Гормаса, друг, родня,
Кто бы ни был, конный, пеший
Выходи.» – Но все замолкли.
«Пусть с тобой дерется, шельма,
Если хочет, Сатана».
Тут все триста провожатых
Сходят с мулов, чтоб покорно
Подойти к руке монарха.
Дон Родриго лишь один
На коне. «Сойди, Родриго, –
Говорит отец, – к монаршей
Подойти руке ты должен».
«Если требуешь, родитель,
То исполню для тебя».

VI

На коленях, умиленно
Короля X и мена молит.
Орошенная слезами
И прекрасная в слезах,
Словно роза молодая
Под росой молодой денницы,
На ланитах пламень скорби;
Лишь слова ее певец,
А не взоры и не вздохи
В песнях выразить способен.
«Государь, – она сказала, –
Правосудия молю.
Пал могучий мой родитель.
Как змея отравой жалит,
Так мечом своим убийца
Моего пронзил отца.
Моего отца, потомка
Тех блестящих знаменосцев
Православного Пелага,
Выступавших с ним в бою.
Моего отца, защиту
Чистой веры христианской;
Он был ужас Альманзоров,
Он был первым среди равных,
Он жемчужина короны,
Драгоценная медаль.
Правосудия молю я!
Государь неправосудный –
Стыд престола, страх бессильных,
Ненавидим он могучим,
Нет ему от королевы
Ни привета, ни любви.
Иль ты дикий зверь, Родриго!
Грудь моя перед тобою:
Порази ж, чего ты медлишь!
Был убийцею отца,
Будь и дочери убийцей!
Мы с тобой враги отныне.
Мести требую от неба,
Землю всю зову на ты!»
Не отвечает Родриго,

Шевелит уздой конской
И, спиной поворотившись
К полководцам, поджидал он,
Что из них сразиться выйдет
По следам его противник.
Но ни с места ни один!
То увидевши, Химена
Поднимается и громко
Возглашает: «Мести, крови!
Я отмщения цена!»

VII

За столом сидел Фернандо
Во дворце своем в Бургосе.
Там в слезах Хм мена пала
На колени перед ним.
И промолвила стыдливо
Умоляющее слово:
«Государь, будь мне защитой.
Милой матери меня
Скорь безвременно лишила;
Незаглажена осталась
Наша честь, пока убийца
Ненаказанный живет.
Каждодневно, как в насмешку,
Необузданный Родриго
Мимо наших окон скачет,
Бойкий сокол на руке.
Им он травит белокрылых
Голубей моих, ты видишь
Кровь моей ручной голубки
На косынке у меня.
Часто я то запрещала;
Что ж его ответом было?
Вот какие ныне строки
Мне в обиду он прислал.

VIII

На Кастилию напали
Мавры, пять их предводило
Королей; опустошенье,
Смерть и плен по их следам.
Уж в окрестностях Бургоса,
Монтсдока, Бельдорадо,
Сан Домннго и Наррары
Вся страна расхищена...
Похищают стада, жатву,
Христиан влекут в неволю,
Старцев, жен, девиц, младенцев;
Старики безмолвно плачут,
Робко спрашивают дети
Матерей: «Куда идем?»
Собрались с добычей мавры,
Чтоб идти с ней восвояси.
И пути не преграждали
Им никто, ни сам король.
Но в Виваре в крепком замке
Сведал ту беду Родриго;
Двадцать лет едва считал он,
Но отважный был он муж.
Вабиека конь оседлан,
На него Родриго прынул,
Словно бог на громовую
Колесницу; вслед за ним
Все отца его вассалы;
Уж они близ Монтсдока
И стоят стеною ратной
Дожидаются врага!
Царь небесный! Что за битва!
Мавры все легли на месте,

А похищенные стада,
Христиане, старцы, жены
Идут веселы и вольны
Восвояси; пять плененных
Королей послал в подарок
Победитель Дон Родриго
Дон Фернанду королю.

IX

На престоле Дон Фернандо.
Внемля жалобам народа,
Заседал, определяя
Наказанья и награды.
Наказаньем и наградой
Управляется народ.
Вдруг является Химена.
Триста мужей благородных
Вслед за ней, н ко престолу
Приближается она.
В черной траурной одежде
Дочь могучего Гормаса
У последнея ступени
Пала ниц и говорит:
«Государь, уже полгода
С той поры прошло печальной,
Как убийственной рукою
Поражен родитель мой.
Я не раз тебя с поклоном
О вмешательстве молила
И не раз мне обещал ты
Правосудие и месть.
Но обет свой не исполнил;
Юн и дерзко необуздан
Насмехается Родриго
Над законами людей.
Ты же сам ему защита!
Кто дерзнул бы руку мести
Вознести на Дон Родриго,
Выл бы худо награжден.
Но владыка правосудный
Бог земной; неправосудный
Не любим; неблагодарен
Пред отчизной; засеваает
Злобу, ненависть, раздоры
И гоненья семена.
Государь, о том подумай
И прости мне, что упреком
Стала горькая молитва
Беззащитной сироты».
«Твой упрек тебе прощаю, –
Отвечал король Хименс, –
Но запомни: для тебя же
Сохранил я Дон Родриго!
Днесь его ты смерть молила,
Скоро будешь о спасеньи
Мила друга ты молить».

X

Чья бывала слава громче
Громкой славы Дои Родриго?
Пятерых пленил он разом
Мавританских королей.
Взявши с них обет подданства,
Обязавши их налогом,
Их без выкупа в отчизну
Дон Фернандо отпустил.
Град конмбра был в осаде
(Семь лет длнлася осада),
Но свершилось – пали башни,
Пали стены городские

К Дон Фернандовым столам.
И мечеть преобразили
В светлый храм Пречистой Ден
Там и рыцарское бденье
Дон Родриго совершил.
Сам король на Дон Родриго
Меч навесил на одежду.
Королева боевого
Подвела ему коня.
Донна Урака, инфанта,
Подала золотые шпоры
П подумала краснея:
«Где подобный рыцарь есть,
Сколь счастлива поселянка!
Невозбранно, без укора
Может взор ее свободно
Любоваться, веселиться
Красотой его лица.
Но счастливее супруга,
Обещающая богу
Жизнь, судьбу, любовь и душу
Несравненному отдать».
Так инфанта говорила,
Говорила не устами,
А горячим, жарким сердцем,
Томно тлеющим в груди.

XI
«Благородный Дон Родриго,
Ты прекрасен, млад, разумен,
Но тебя да покарает
Бог за то, что, безрассудный,
На мое напал ты сердце,
Позабыл, кто я, кто ты.
Град тобою завоеван,
Пятерых царей неверных
Ты пленил и Дон Гормаса
Победил молодой рукою.
Но, Родриго, чем гордишься!
Каждый рыцарь благородный
То ж и боле совершит.
Ты рожден для дел великих,
Ты потомок предков славных.
Но прелестны ли награды
Совершающему должность?
Бели ж требуешь награды,
Жди ее от рук монарха,
Жди ее не от меня.
Я сокровищ не имею!
Но не мысли ты, что бедность
Нас могла с тобою сблизить!
Я монархов славных дочь!
И для дочери монарха
Нужды нет в таком богатстве,
Нам приданое наш славный,
Наш великий царский род.
Не срамит, а возвышает
Бедность мой высокий сан.
Дочь Гормасова богата!
Уж не золото ли ты любишь?
Нет! К тебе несправедливой
Не хочу, Родриго, быть!
Ты любим, любовь свободна.
Для меня же не утрата,
Что Хнмену любит Сид.
Пряжа – нити для жемчужин,
Для вассала – дочь вассала.
Я бедна алмаз прекрасный,
И без света – все алмаз.

Ты красавец – но красую
Уподобился Нарциссу.
Мудр – но что пред Соломоном?
Знатен -- мало ли знатнее?
Храбр – но чем же величаться:
Нет испанцев трусов.
Ты богат – не честь богатство,
И глупец богат иной.
Славен – сколько было славных
Позабыто на земле.
Рыцарь, в зеркало смотряся,
Ты любишь себя;
Чтоб свою умерить гордость,
Стань пред зеркалом моим,
Поглядись в него смиренно
И в толпу тебе подобных
Удались, благоговей
Перед дочерью царя».
Так свою любовь скрывая,
Донна Урака инфанта
Говорила, и безмолвно
Перед ней стоял Родриго.
И умолкнув, удалилась
Вышивать в уединенье
Златом перевязь для Сида,
Им не требуемый дар.

XII

Дни весенние настали,
И земля, как будто фея,
Из старушки поседелой
Обратилась в молодую,
Расцветающую нимфу.
Дон Фернандо из Бургоса
Из палат своих блестящих
В благодатную долину
Вышел; двор его за ним.
Благосклонно давши руку
Дон Родриго, отошел он
С ним к ручью, который мчался
Серебристою струей
В изумрудных берегах.
Долго длилась беседа.
Все, участвуя очами,
Не участвовали слухом
В разговоре тайном их.
И король сказал: «Родриго!
Я люблю тебя отважным,
Но без опытности света
Напмене обходиться
Знаешь с женщинами ты.
Всем владычествовать – страсть их
И покорно все их воле;
Что мужчина их игрушка?
Наша мужеская воля
Никогда не устояла
Перед слабостию жен.
Скажешь: женщину, создавши,
В свой прекрасный дом создатель
Ввел за тем, чтоб все творилось
Для нее и ею в свете,
Но чтоб было неприметно,
Что творится ею все.
Женщин знать тебе б полезно,
И труднее нету силы,
Ей учися, но за грани
Опасайся перейти.
Иль с тобою то ж случится,
Что с философом старинным:

В тайну бездны не проникнув,
Он слетел в се жерло.
В чем, Родриго, тайна женщин?
В силе их над нашим сердцем?
Неразгаданная тайна!
Сам всевидящий едва ли
В глубину его проникнет!
Лишь тогда, когда предстанем
Мы на суд, являсь пред Богом,
Сокровеннейший и честный,
Обнажится сердце женщин:
Будут все равны виною
Или все равно безвинны,
Столь запутано оно.
Ведай, друг, мужчин от женщин
Отделяет расстоянье
Все ко выгоде последней!
Хочешь ведать, в чем оно?
Мы вперед – они за нами,
Им видна дорога наша,
Мыслим мы, а управляют
Нашей мысли к) оне.
Видишь птичку? По деревьям
С ветки прыгает на ветку,
И стрелок, мнимый ею,
Шаг за шагом вслед идет;
И клюет в глазах владельца
Лучший плод его дерев,
Подсмотрев, что безоружен
Перед нею он стоит.
Так и мы – игрушки женщин.
Мы пред ними безоружны,
Нами властвуют они.
Нет в сей правде исключений,
Все одна с другою сходны.
Вывод правилен рассудка:
От супружества бежать».
Так, испытывая С и да,
Говорил с ним Дон Фернандо,
Что же Сид ему в ответ?

XIII

У сребристого истока
Речь монаршню дослушав,
Дон Родриго отвечал:
«Государь, еще я молод
Для старинных мудрых правил,
Но не молод я законы
Чести верно понимать.
Честь от доброй, чистой крови
Славной школою питаюсь,
Говорит мне: «Благородный
Должен род свой сохранять.
Должен он служить отчизне
И монарху словом, делом,
Должен быть им верен сердцем
И могучею рукой.
И свое он должен имя
Посадить высоким древом,
Чтоб нашел под ним и странник
И спасенье и привет.
Должен дать отчизне, церкви
Чад с ним доблестию равных.
Вот закон мой; он велит мне
Узы брака уважать.
Кто от брака устранился,
Тот предатель и отступник,
И отцов своих и веры
Прочь презрительно бежит.

Он расторгнул узы чести,
С человечеством в разрыве,
И с своим священным родом,
И с чужими племенами,
И наказан будет он.
Долг презревший, презираем
Завсегда от благородных.
Дни влачить свои без пользы
Чуждо предкам и потомству!
Тайна женщин мне известна,
Властолюбие их тайна.
Но они владеют нами,
Как безумными владеют
Господами их рабы.
Тот, кто слабостей постыдных
Прикрывать не должен ими,
Пред врагом своим не раб.
Тот, хотя бы сговорились
Все исчадия вселенной,
И могуч и безопасен;
Кто же спросит их о чести?
Удовольствие их участь.
Им пускай и управляют.
Управлять им – их искусство,
Преимущество здесь им,
Здесь мужчина уступает.
Сходство их одной с другою,
Государь, неоспоримо.
Признаю: они негодны
Все, когда негоден муж.
Но готов я, конный, пеший
Поддержать моим участием,
Что мужчина их ошибкам
Попустительствует сам.
И теперь к стопам монарха
Приношу мою молитву:
Дать супругой мне Химену,
Дочь могучего Гормаса,
Государь, благоволи».
И свою беседу кончив,
Дон Фернанд и Дон Родриго
Разлучил ися на бреге
Серебристого ручья.

XIV

Родриго

В полночный тихий час,
Когда сомкнуть не может глаз,
Вез утешенья и замены
Моя любовь и скорбь твоя,
Перед окном Химены
Вздыхаю я.

Химено

Когда печаль, неведомая прежде,
Мне не даст сомкнуть усталых глаз,
В полночный тихий час
Кто бродит под окном Химены?
Р(одриго)

Здесь может враг подслушать нас.
Прекрасная, услышь мое желанье.
Моей любви себя поверь
И отвори на час свиданья
Ревнивую, Химена, дверь.

Х(имена)

Для незнакомых,
Для безымянных
Ночных гостей
Не отворит
Никто дверей!

Туман скрывает
Твои черты!
Скажи, кто ты?
Р{одриго)
На что меня вопрошаешь,
Меня не скроет темнота,
Меня довольно знаешь,
Хи мена-сирота.
X{имена)
Родриго. так, тебя я знаю,
Тебя, всех бед моих творца.
Вспоминая смерть отца,
я о тебе вспоминаю.
Р{одриго)
Не я, но честь его пролила кровь,
Но примеритель будь – любовь.
X{имена)
Покинь меня! я скорбь не исцелила.
я скорбная люблю.
Р{одриго)
Любовь отдай свою мне,
и скорбь я исцелю!
X{имена)
Меж вас двоих души не разделю!
Сей жребии не люблю.
Р{одриго)
Любовь велит любить. Ей подчинись
X{имена)
Родриго, удались!

XV

Дон Фернандо, убеждая
Дон Родриго и Химену
Примирить вражду, велел им
Свой союз запечатлеть:
Лишь одна любовь прощает.
и епископ Луии Кальво
должен был их сочетать.
Чтоб с Хименю богатой
Мог сравнимым быть Родриго,
Он Салдану, Фальдуэру
Дс Кордону, Бслфорадо
и Сан Педро дал ему.
Лучезарным в день венчанья
встало солнце. Дон Родриго
снял с себя убор военный.
на него надели братья
Платье – свадебный убор:
Обтяжные панталоны,
Башмаки его из кожи
С оторочкою узорной
Из пунцового сафьяна,
Заснурованныс тесно,
Каждый с пряжкой.
на камзол в обтяжку сшитый
Он надел кафтан широкий
Цвету черного с обшивкой
Из атласа дорогого
С прорезными рукавами
Лишь поношенный отцом.
на атлас его блестящий,
Изукрашенный зубцами,
Падал кожаный колет.
Сеть, сплетенная из нитей
Золотых с зеленым шелком,
на густых кудрях надета.
Жаркопурпурно играя,
Петушиное перо
веляло на тонкой шляпе

Из кортрайского сукна.
Ящерина с бахромою
Опускалася до лядвпй,
По плечам играл пушистый
Белоснежный горностаей.
И товарищ настоящий
Меч прозваньем Тисонада,
Ужас мавров, был навешен
На широкий крепкий пояс,
Чернобархатные ножны
Серебром были теснены,
И на них, красиво сложен,
Носовой висел платок.
Так наряженный Родриго
Скоро с братьями явился
На церковной площади.
Там король, архиепископ
И придворные вельможи
С образами и с невестой
Ожидали жениха.
Выл красив убор невесты:
На упругой белой ткани
Крылья легкие лежали;
Пышно убранное платье,
С украшеньем покрывало,
Стан величественно стройный.
На красивых ножках девы
Светлорозовые туфли
Выли с пряжкой, н стояла,
Как владычица она.
И на шее ожерелье
Из осьмн медалей было,
Равных городу ценой.
И одна из них являла
Лик святого Михаила;
В блеске жемчуга лежали
Лучезарные алмазы
На Хн мен и ной груди.
Так пошли жених с невестой
К алтарю; и Дон Родриго
Покраснел, подав ей руку,
И в глаза ей устремивши
Очи полные любви,
Он стыдливо произносит:
«Благородная Химена,
Я лишил тебя, к несчастью,
Мужа правды, мужа чести;
Жертвы требовала честь.
Мужа правды, мужа чести
Отдаю тебе обратно.
Все, чего ты в нем лишилась –
Спутника, отца и друга,
И слугу – все возвращаю».
Став пред Божним престолом,
Смелый меч свой он исторгнул,
Острием возвысил к небу
И сказал смиренно твердо:
«Накажи меня, отец мой,
Бели раз нарушу в жизни
Мой обет: тебя любить.
И за все воздай мне, Боже,
Как теперь тебе пред Богом
Обещаюсь и клянусь.
Ты ж, отец архиепископ,
Соверши обряд венчанья».
XVI
Совершив обряд, из церкви
Все пошли, и следом слуги.

Дон Родриго вел Химену.
Как отец ее названный
Шел король с Хн меной рядом,
С Дон Родриго шел епископ,
Вслед за НИМИ двор н знать.
На пути к дворцу стояли
Трнумфальные ворота,
Всюду вывешаны в окнах
Выли ткани золотые,
Всю дорогу покрывали
Ветви, травы благовонны
И душистый розмарин.
И по улицам стояли
Многочисленные толпы,
Хоры пели им при звуках
Мандолин, гитар, кимвалов
Многолетие и славу.
И торжественные песни
Поздравляли молодых.
Всех заметнее у двери
Альвар фанца, друг Родриго
(И любимец Дон Родриго),
Провожаемый толпою
Слуг в блистающих одеждах,
Он, (свой) лоб украсив рогом,
Вхал в образе быка.
Нарядив осла по-конски,
С величавою осанкой
Антопн скакал на нем.
Пузыри набив горохом,
Мартин Пелаз осыпает
Веселящийся народ.
От души король смеялся,
Вынув горстью мара вед и,
Разбросать велел их пажу,
Нарядившемуся чертом,
Чтоб пугать детей и дам.
Так провел король Химсну
Во дворец, и королева
С провожатыми при входе
На крыльце (кричит) им счастье.
Веселились все кругом.
В окна сыпалась пшеница,
Много пало легких зерен
В (нрзб.) королевский.
У Химсны за косынкой
Много легких зерен было.
И король при королеве
Сам рукою со стараньем
Из-за легкия косынки
Их с улыбкой выбирал.
То Аль вар заметив, (громко)
Промычал, как бык: «Охотно
Королевскую бы руку
Предпочесть я согласился
Королевской голове».
«Дать ему мешок пшеницы!» –
И король сказал, смеясь.
«А насмешника, Химена,
За удачную насмешку
Поцелуешь во дворце».
Но душе Химсны было
Чуждо шумное веселье,
В ней таилась печаль,
Чувство сладостного счастья.
И задумчивость молчанья
Выразительнее шумной
Говорливости была.

XVII

Пред наместника Петра,
Пред святейшего Виктора
Сам немецкий император
Генрих жалобу принес.
«Обвиняю Дон Фернандо!
Он в Кастилии, в Леоне
Государствуя, отрекся
Признавать меня главою
И не платит дани мне.
Повели отдать веленье,
Чтоб познал во славе церкви
Он могущество мое».
И святой отец угрозы
Посылает к Дон Фернанду
И велит, чтобы покорен
Императору он стал.
И грозит крестоносцев
За ослушное упорство
На него вооружить.
Долго был король Кастилии
В нерешительном раздумье,
Зря восставшую опасность
На отечество его;
Все советовали силы
Превосходству уступить.
Выл в отсутствии Родриго,
Наслаждая любовью
На груди молодой супруги.
Но услышав о посольстве,
Об угрозах и совете,
Он поспешно собирался
И предстал пред королем.
«На беду тебе рожденье, –
Он сказал, – когда потерпишь,
Что другой твоей державой
Самовластвовать дерзнет.
Никогда, доколе живы,
Ты и я, того не будет,
И твоя, и наша сила
Сохранит от посрамленья
Вогом данную нам честь.
Кто ж советует иное,
Тот бессмысленно желает
Обесславить твой престол!
Сам их вызови, надменных!
Для грозящих сам будь грозным;
Сам их вызывай, а с ними
Переведаюся я!
Государь, о том помысли:
Мы Кастилию достали
Честью, кровью и трудом!
Прежде жизнь отдам стократно,
Чем стерплю, чтобы пришельцы,
Захватив добычу нашу,
И победы плод сорвали!
Бели что-нибудь отдашь им,
Скоро будешь сам ни с чем».
И Родриго десять тысяч
Смелых воинов собравши,
Через Альпы перешел.
С сильной конницею встретил
Принц Раймон из Савой Сиды,
Но он на голову Сидом
Был разбит и в плен достался,
И за волю дочь родную
Вместо выкупа отдал.
И прельстился Дон Фернандо

Юной пленницей, и сына
Прижила с ним, и великим
Кардиналом был потом.
Сам король французский выслал
Рать могучую на Сида,
Но ее рассыпал С ид.
И Италию занял он
Столь губительной войною,
Что и папа, и немецкий
Император, ужаснувшись,
Отрекаются от дани,
Умоляют Дон Фернандо
Их от Сида защитить.
И с победою в отчизну
Возвратился полководец,
И ему король в награду
Всенародно подал руку.
Сколь обрадовала Сида
Благодарность короля!

РАЗРУШЕНИЕ ТРОИ

Из «Энеиды» Вергилия
Все молчат, обратив на Энея внимательны лица.
С ложа высокого так начинает Эней-прародитель:
«О царица, велишь обновить несказанное горе:
Как погибла Троя, как Приамово царство
Греки низринули, все, чему я плачевный свидетель,
Всё, чего я был главная часть... повествуя об этом,
Кто – мирмидон ли, долоп ли, свирепый ли ратник Улисса –
Слез не прольет! Но влажная ночь уже и излетела
С тихого неба; ко сну приглашают сходящие звезды.
Если ж толь сильно желание слышать о наших страданьях,
Слышать о страшном последнем часе разрушенной Трои, –
Сколь ни тяжело душе вспоминать о бедах толь великих,
Я повинюсь. Войной утомленны, отверженны роком,
Столько напрасно утративши лет, полководцы данаев
Хитрым искусством небесной Паллады коня сотворили,
Дивно-огромного, плотные ребра из крепкия сосны,
В жертву богам при отплытии (так молва разгласила).
Тут избранных мужей, назначенных жребием, тайно
Скрыли они в пространные недра чудовища: полно
Сделалось чрево громады одеянных броней ратных.
Влиз Ил иона лежит Тенедос, знаменитый издревле
Остров, обильный, доколе стояло царство Приама,
Ныне же бедный залив, кораблям ненадежная пристань.
Там, удалясь, у пустых берегов притаились данаи;
Мы же их мнили уплывшими с ветром попутным в Микины.
Тсвкрия вся от тяжелой печали вдруг отдохнула;
Град растворился; рвемся на волю, чтоб лагерь дорийский.
Место пустое и берег, врагами оставленный, видеть.
«Там стояло их войско; тут шатер был Ахиллов;
Здесь корабли их; там поле, где рати обычно сражались».
Все дивятся опасному дару безбрачной Паллады;
Все дивятся великой громаде, и первый Тиметос –
Выл ли он враг нам, судьба ль уж паденье Псргама решила –
В город вовлечь и в замке поставить коня предлагает;
Но пронизательный Капис и каждый, в ком ясен был разум,
В море советуют козни данаев с их даром неверным
Вросить, или предать огню и пеплом развеять;
Или, чрево пронзив, сокровенное в нем обнаружить.
Так в нерешимости мнений толпа волновалась. Но быстро,
Гневен, стремится от замка, один впереди, провожаем
Сонмом шумящим народа, Лаокоон; издалека
Он возопил: «О несчастные! что за безумство, граждане!
Верите ль бегству врага? Иль мните, что дар нековарный
Могут оставить данаи? Так ли узнали Улисса?
Или ахеянс здесь, заключенные в древе, таятся;
Или громада сия создана, чтоб, на гибель Псргаму,
В дома наши глядеть и град сторожить с возвышенья;

Или коварство иное... коню не вверяйтесь, тевкры!
Что здесь ни будь... я данаев страшусь и дары приносящих».
Так сказал, и копье тяжелое мощной десницей
Он в огромный бок и в согбенное чрево громады
Ринул; вонзившись, оно зашаталось; дрогнуло зданье;
Внутренность звон издала; застенало в недре глубоком.
Так, когда бы не боги, когда б не затменье рассудка,
Нам бы тогда же открыло их козни железо... и ты бы,
Троя, стояла, ты бы стояло, жилище Приама!
Вдруг дарданские горные пастыри с криком и плеском
Юношу, руки ему на хребет заковавши, к Приаму
Силой влекут; он сам, неведомый им, замышляя
Хитрость и средство ахсян впустить в Ил ион, произвольно
Предал себя, отважный, на все готовый заране:
Козни ль свои совершить иль верною смертью погибнуть.
Жадно троянские бросились юноши грека увидеть;
Стали кругом и спорят друг с другом, чтоб пленным ругаться,
Сведай же хитрость ахсян; в злодействе едином
Всех их узнай!
Стоя один, посреди толпы, смятен, безоружен,
Робко водил он кругом недоверчивый взор; напоследок:
«О, какая земля, какое море, – воскликнул, –
Примут меня, и что мне теперь, несчастливцу, осталось!
Места меж греками нет, а здесь раздраженная Троя,
Полная праведной мести, гибелью мне угрожает!»
Жалоба пленника тронула наши сердца; замолчало
Буйство толпы; вопрошаем: какой он породы? откуда?
Что намерен начать? за что судьбу упрекает?
Бремя етраха сложивши, Приаму отвечивал пленник:
«Что б ни случилось, о царь, ничего не сокрою. Во-первых,
Родом я грек – не таюсь; С и нон быть может несчастен,
Воля судьбы; но коварным лжецом никогда он не будет.
Верно, молва донесла до тебя знаменитое имя,
Верно, слышал о делах Паламеда, Вилова сына;
Славный вождь, но безвинно, по злым наущеньям пелазгов,
Только за то, что воины не оправдывал, преданный смерти,
Ныне же, света лишенный, от них же, свирепых, оплакан.
Сродник его, мой убогий отец, его попеченьям
В юности вверил меня, снарядив на войну; и доколе
Был почтен Паламед, заседаю с вождями в совете,
Был и я не без имени, было и мне уважение.
Но с тех пор как пал он жертвой Улиссовой злобы,
Тяжкую жизнь во мраке печальном влачил я, бесплодно
В сердце своем негодуя на гибель невинного друга;
О безрассудный! я не смолчал, но смело грозился
Мстить за него, лишь только б в Аргос возвратиться с победой
Боги велели! Угрозы мои распалили их злобу.
С той минуты беды за бедами; Улисс неусыпно,
Сам виновным, меня обвинял в замышленьях, коварно
Сеял наветы в толпе и губил меня клеветами.
Прежде не мог успокоиться он, доколе Калхаса...
Но почто продолжать бесполезно-прискорбную повесть?
Что прибавлю? Когда вам все греки равно ненавистны –
Ведать довольно: я грек; поражайте меня; вы Улиссу
Тем угодите; и щедро за то наградят вас Атриды».
Чужды сомненья, не зная всего вероломства пелазгов,
Мы, любопытством горя, вопрошать продолжаем Синона.
Снова начал он робкую речь с лицемерным смиреньем:
«Долгой осадой наскучив, бесплодной войной утомлены,
Греки не раз от упорных Трои бежать замышляли.
О! почто сего не свершилось? Но бури от моря
Часто им путь заграждали, и южный ветер страшил их.
С той же поры, как построен был конь сей из брусьев сосновых,
Грозы с небес не сходили, и ливень шумел непрестанно.
В трепете мы дрифилу узнать, что велит нам оракул,
В Дельфы послали – с ужасным ответом он возвратился:
Греки, плывя к Илиоиду, кровию девы закланной
Вечных склонили богов даровать им ветер попутный:

Крови аргосского мужа и ныне за ветер возвратный
Требует небо. Едва разнеслось прорицанье в народе,
Все возмущились умы, сердца охладели, и трепет
Кости проникнул. Кому сей жребий? Кто Фебова жертва?
С шумом тогда Улисс ухищренный Калхаса пророка
Силой привлек пред народ, да откроет волю бессмертных.
Многие тут же, зная Улисса, мне предсказали
Умысел злой на меня и ждали в смятенье, что будет;
Десять дней прорицатель молчал и, таясь, отрекался
Жертву назвать и слово изречь, предающее смерти.
Но наконец, приневолен докучным Улиссовым воплем,
Он произнес... то было мое несчастное имя!
Все одобрили выбор, и всяк, за себя трепетавший,
Рад был, что грозное всем одному обратилось в погибель.
День роковой наступал; меня уж готовили в жертву;
Выли готовы и соль и священный пирог, и повязка
Мне уж чело украшала... но я (не сокрою) разрушил
Цепи, скрылся в болото и там, в тростнике притаившись,
Ночью ждал, чтоб они, подняв паруса, удалились...
Нет теперь мне надежды отчизну древнюю видеть!
Вечно милых родных и отца желанного вечно
Я не увижу! Быть может, и то, что их же, невинных,
Мне в замену, за бегство мое, убийцы погубят...
О! всевышними, зрящими вечную правду богами.
О! правотой неизменной – если еще сохранилась
Где на земле правота – молю: яви сожаленье
Бедному мне и тронься на мой незаслуженный жребий!»
Мы, сострадая, скорбели над ним, проливающим слезы;
Сам благодушный Приам повелел тяготящие узы
С пленника снять и ему с утешительной ласкою молвил:
«Кто бы ты ни был, забудь о своих неприязненных греках;
Наш ты теперь; ободрись и друзьям откровенно поведай:
Что знаменует громадный сей конь? На что он воздвигнут?
Кем? Приношение ль богу какому? Орудие ль брани!» –
Так Приам вопрошал. И, полный коварства пелазгов,
Пленник, поднявши к священному небу свободные руки:
«Вы, светила небесные, вы, надзвездные боги,
бо
Вас призываю (воскликнул), вас, от которых бежал я,
Жертвенный нож, алтарь, роковая повязка! Отныне
Я навсегда разорвал ненавистные с греками узы;
Греки враги мне; свободно открою троянам их тайны:
Чуждый отчизне, я чужд навсегда и законам отчизны.
Ты же мне данный обет сохрани, сохраненная Троя,
Вели тебе во спасенье великую истину молвлю.
Всех упований подпорой, надежной помощницей в битвах
Грекам Паллада была искони; но с тех пор как преступный
Сын Тидеев и с ним Улисс, вымышляютсь коварных
Смерней, из храма Палладиум, стражей высокого замка
Смерти предав, унесли, и рукой, от убийства кровавой,
Девственно-чистых богини одежд прикоснуться дерзнули –
Кончилась наша доверенность к ней, охладела надежда,
Сила упала, от нас отклонилась богиня; и зрелись
Явные знаки гнева Тритоны: лишь только во стане
Выл утвержден похищенный идол, ожившие очи
Вдруг ослепительным блеском зажглись, по членам соленый
Пот проступил, и трикраты (о страшное чудо!) богиня,
Прянув воздвигнула щит и копьем потрясла, угрожая.
Нам, устращенным, Калхас немедля советует бегство.
Трое не пасть от аргивския силы, – прорек он, – иль снова
Греки должны спросить оракул в Аргосе и морем
Взятый в отчизну)* Палладиум вновь привести к Илиону.
Знайте ж: теперь, переплывши в Аргос с благовсущим ветром,
Рать и сопутных богов они собирают, чтоб снова
Вслед за Калхасом войной на Пергам неожиданной грянуть.
В дар же богам за Палладиум, в честь оскорбленной Тритоны
Ими воздвигнут сей идол, чтоб их святотатство загладить;
Сам Калхас повелел, чтоб конь сей чудовищный создан

Выл из крепких досок и высылся ростом огромным
К небу, дабы не пройти во врата и не стать в Ил ионе
Грозной защитой народу по древним сказаниям предков.
Ведай же, Троя: когда оскорбите святыню Минервы,
Гибель великая – о! да обрушат ее на Калхаса
Праведны боги! – постигнет Приамов престол и фригиан;
Вели же сами коня возведете во внутренность града,
Некогда Азия стены Пелопсовы сильной оступит
Ратью, и наших потомков постигнет мстящая гибель».

61

Боги! боги! притворным речам вероломна Си нона
Жадно поверили мы... и те, кого ни Тидсев
Сын, ни Ахилл-фесеалиец, ни десять лет непрерывной
Брани, ни тысяча их кораблей покорить не умели, –
Те единому слову, одной слезе покорились.
Тут явилось другое, неслыханно страшное чудо
Нашим очам и вселило в сердца неописанный трепет.
Лаокоон, Нептунов избранный жрец, всенародно
Тучного богу вола приносил пред храмом на жертву...
Вдруг, четой, от страны Тенсдоса, по тихому морю
(Вспомнив о том, трепещу!) два змея, возлегши на воды,
Рядом плывут и медленно тянутся к нашему берегу:
Груды из волн поднялись; над водами кровавые гребни
Дыбом; глубокий, излучистый след за собой покидая,
Вьются хвосты; разгибаясь, сгибаясь, вздымаются спины,
Пеняся, влага под ними шумит; всползают па берег;
Ярко налитые кровью глаза и рдеют и блещут;
С свистом проворными жалами лижут разинуты пасти.
Мы, побледнев, разбежались. Чудовища прянули дружно
К Лаокоону и, двух сынов его малолетних
Разом настигнув, скрутили их тело и, жадные втиснув
Зубы им в члены, загрызли мгновенно обоих; на помощь
К детям отец со стрелами бежит; но змеи, напавши
Вдруг на него и спутавшись, крепкими кольцами дважды
Чрево и грудь и дважды вью ему окружили
Телом чешуйным и грозно над ним поднялись головами.
Тщетно узлы разорвать напрягает он слабые руки –
Черный яд и пена текут по священным повязкам;
Тщетно, терзаем, пронзительный стон ко звездам он подымлет;
Так, отряхая топор, неверно в шею вонзенный,
Бесится вол и ревет, оторвавшись от жертвенной цепи.
Быстро внясь, побежали ко храму высокому змеи;
Там, достигши святыни гневной Тритоны, припали
Мирно к стопам божества и под щит улеглись огромный.
Всем нам тогда предвещательный ужас глубоко проникнул
Сердце; в трепете мыслим: достойно был дерзкий наказан
Лаокоон, оскорбитель святыни, копьем святотатным
Недра пронзивший коню, посвященному чистой Палладс.
«В весть коня в Ил нон! молить о пощаде Палладу!» –
Весь народ возопил...
Стены поспешно пронзаем; разломаны града твердыни;
Все на работу бегут: под коня подкативши колеса,
Ставят громаду на них и, шею канатом опутав,
Тянут... шатнулось чудовище; воинов полное, в город
Медленно движется; юноши вокруг и безбрачные девы
Гимны поют и теснятся, чтоб вервей коснуться руками.
Вдвинулся конь и идет, угрожающий, стогнами Трои...
О отчизна! о град богов Ил нон! о во брани
Славные стены дарданские! трижды в воротах громада
Остановилась, трижды внутри зазвучало железо...
Мы ж, ослепленные, разом утратив, не зрим и не слышим.
В замок Перга ма введен наконец истукан бедоносный.
Тут Кассандра, без веры внемляема нами, напрасно
Вещий язык разрешила, чтоб нам предсказать о грядущем;
Мы, слепцы, для которых сей день был последний, цветами
Храмы богов украшали, спокойно по стогнам ликуя...
Небо тем временем круг совершило, и ночь полетела
С моря, и землю, и твердь, и обман мирмидонян объемля

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Тенью великой; по граду беспечно рассыпавшись, тевкры
Все умолк нули: сон обнимал утомленные члены.
Тою порою от берегов Тенедоса фалангу аргивян
Строем несли корабли в благосклонном безлуния мраке
Прямо к знакомым брегам; и лишь только над царской кормою
Вспыхнуло пламя – судьбою богов, нам враждебных, хранимый,
Тихо сосновые двери замкнутым в громаде да паям
Отпер коварный Синоп; растворившись, греков на воздух
Конь возвратил; спешат из душного мрака темницы
Выйти вожди: Стенел, и Тессандр, и Улисс кровожадный,
Смело по верви скользят, и за ними Фоас с Афаном,
Внук Пслеев Неоптолем, Магаон, напоследок
Сам Менелай и с ним громады создатель Зпеос.
Быстро напали на сонный, вином обезумленный город;
Стража зарезана; твердые сбиты врата, и навстречу
Ждущим у входа вождям мирмидоняне хлынули в Трою.
Было то время, когда на усталых сходить начинает
Первый сон, богов благодать, успокоитель сладкий.
Вдруг... мне заснувшему видится, будто Гектор печальный
Стал предо мной, проливая обильно горькие слезы,
Тот же, каким он являлся, конями размыканный, черен
Пылью кровавой, истерты ремнями опухшие ноги.
Горе! таким ли видал я его? Как был он несходен
С Гектором прежним, гордо бегущим в Ахилловой броне
Иль запалившим фригийский пожар в кораблях супостата!
Включена густо брада; от крови склеились кудри;
Тело истерзано ранами, некогда вокруг илионских
Стен полученными. Сам, заливаясь слезами, казалось,
Так во сне я приветствовал Гектора жалобной речью:
«О светило Дардании! верная Трои надежда!
Где так долго ты медлил? Гектор желанный, откуда
Ныне пришел ты? О! сколь же ты нас, по утрате толиких
Храбрых друзей, по толиких бедствиях граждан и града
Сердцем унылых обрел! И что недостойное светлый
Образ твой затемнило? Откуда тол и кие раны?»
Он ни слова; бесплодным вопросам он не дал вниманья;
Но, протяжный, тяжелый вздох исторгнув из груди,
Молвил: «Беги, сын богини, спасайся; Пергам погибает;
Враг во граде; падает Троя; Приаму, отчизне
Мы отслужили; когда бы от смертной руки для Пергама
Было спасенье – Пергам бы спасен был этой рукою.
Троя пенатов своих тебе поверяет, прими их
В спутники жизни; для них завойю обреченные небом
Стены державные, их же воздвигнешь, исплававши море».
Кончил – и вынес из тайны святилища утварь, повязки,
Вечно-пылающий огонь и лик всемогущи» Весты.
Тою порою по граду, шумя, разлнвалася гибель.
Боле и боле – хотя в стороне, одинок и непышен,
Дом Анхиза-родителя сенью закрыт был древесной –
Шум приближается; явственней слышно волнение брани.
Я очнулся и ложе покинул; на верхнюю кровлю
Дома взбежал и стою, внимательным слушая ухом.
Так – когда, раздуваемый бурей, свирепствует пламень
В жатве, иль ливнем поток наводненный, с горы загремевши,
Губит поля, и веселые нивы, и труд земледельца,
С корнями рвет и уносит деревья – с вершины утеса
В смутном неведении силится к шуму прислушаться пастырь.
Всё мне тогда, и видения тайна, и козни данаев
Вдруг объяснилось. Уж дом Денфобов горит и огромной
Грудой развалин, дымящийся, падает; с ним пламенеет
Укалегонов, и заревом блещут енгеийские воды;
Слышны и крики людей и звонкой трубы дребезжанье.
Я, как безумный, за меч... но куда с мечом обратиться?
Рвусь нетерпением дружину созвать, чтоб броситься в замок;
Ярость и бешенство душу стремительно мчат, и погибнуть
Смертью прекрасной в бою с тоскою мучительной жажду.
Вдруг явился Панфсй, убежавший от копий ахейских,
Старец Панфсй, Отриад и в замке жрец Аполлонов.

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Утварь и лики богов побежденных похитив, младого
Внука он влек за собой и, беспамятен, мчался к Анхизу.
«Есть ли надежда, Панфсий? Уцелели ль замка твердыни?» –
я спросил; отчаянным стоном ответствовал старец:
«День последний настал, неизбежное время настало
Царству; мы были трояне, был ил ион, и великой
Тевкрии слава была... на аргивян жестокий Юпитер
Все перенес; господствуют греки в пылающем граде,
Гибельно высясь над площадью замка, ратников сонмы
Конь извергает; Синон, торжествуя, пожарное пламя
Тщится усилить; там непрестанно двумя воротами
Войска бесчисленны входят, каких не видали Микины;
Здесь, захвативши тесные выходы, сильная стража
Сдвинула копья, и грозно, вонзиться готовое, блещет
Их острие; безнадежно, расстроенной, слабой дружиной
Вьются привратные воины, силясь напрасно отбиться».
Страшную вестью Панфея и силой бессмертных влекомый,
я побежал, куда призывали дриинис, и шумный
Говор сраженья, и пламень, и стон, ко звездам восходящий.
Следом за мною Рифсий и зрелый мужеством Ифит;
К нам пристали при блеске пожара Димант с Гпанисом,
К нам и Хорев Мигдонид, в Илпон приведенный судьбою
За день пред тем, горящий безумной к Кассандре любовью,
С верною помощью к тестю Приаму и Трое... несчастный!
Купно с другими вещим речам вдохновенной невесты
Он не поверил...

Я же, их видя решительных, жаждущих боя, воскликнул:
«Юные друзья! сердца, толь напрасно бесстрашные ныне!
Если, отважась на все, испытать вы со мною готовы
5 – 3088 6<>
Силы последней (что же фортуна решила, вы зрите:
Наши святилища бросили, наши покинули храмы
Боги, хранители Трои; снятый Итон исчезает
Дымом), на смерть побежим, ударим в средину оружий;
Друш! спасенья не ждате – одно побежденным спасенье».
Вспыхнула бодрая младость. Подобно как в темном тумане
Рыщут, почуя добычу, гонимые бешенством глада,
Хищные волки и, пасти засохшие жадно разинув,
Их волчата ждут в логовищах, – сквозь копья и сонмы
Так на погибель ударились мы, пролагая в средину
Города путь, облетаемы ночи огромною тенью.
Ночь несказанная; где слова для ее разрушений?
Кто и какими слезами такую погибель оплачет?
Падает древний град, многолетний властитель народов;
Всюду разбросаны трупы; лежат неподвижно во прахе
Улиц, на прагах домов, при дверях, во святилищах храмов.
Но не одну безотпорную смерть принимает троянец,
Часто горит в побежденном привычная бодрость, и гибнет
Грек-победитель... Везде, отовсюду являются взору
Ужас, и бой, и кровавая смерть в перечисленных видах.
Первый из греков, дружиною встреченный нашей на стогнах,
Был Андрогей; в обманчивом сумраке ночи приемля
Нас за данаев союзных, он так дружелюбно воскликнул:
«Братья, спешите; где же так долго вас задержала
Праздная лень? Давно расхищают горящую Троию
Греки; а вы едва с кораблями расстаться успели».
Так он сказал; но, узрев безответную нашу суровость,
Вмиг догадался, кто перед ним, отскочил и у молкнул,
Скованный страхом. Как путник, змею разбудивший ногою,
Трепетен рвется назад, узрев, как она, развернувшись,
Гнев воздымает и свищет, подняв чешуи голубые, –
Так, задрожавши, от нас побежал Андрогей... но напрасно!
Мы за ним; разорвали их строй; и, не ведая града,
Вдруг осажденные страхом, незапною, ночью и нами,
Все до единого пали враги. Улыбнулась фортуна
Первому нашему бою. Хорсв, воспаленный удачей,
«Друзья! – воскликнул. – Отважимся ввериться первому счастью;
Нам благосклонно судьба укажет наш путь; облачимся

В брони данаев, щиты переменяем; обманом иль силой –
Всё равно для врага. И ныне оружие сами
Греки троя нам дадут». Сказал и надел Андрогеев
Гривистый шлем, завоеванный щит надвинул на шуйцу,
Греческий меч утвердил на бедре. Ему подражая,
Водро Димант, и Рифей, и вся молодая дружина
Свежей добычей оружий себя ополчили. В средину
Греков бежим... но боги отчизны были не с нами.
Подвигов много, врагами не узнанны, в сумраке ночи
Мы совершили, много данаев низринуты в Оркус.
В страхе одни к кораблям, к безопасному берегу моря
Мчатся из града; иных загоняет постыдная робость
В недра коня, и приемлет их снова знакомое чрево.
Но... богам отвратившимся, поздно вверяться надежде!
Вдруг из храма Паллады влекут за власы распущенны,
Вырвав се из святилища, дочь Приама Кассандру,
К темному небу напрасно подъемлющу пламенны очи –
Очи одни, окованы были невинные руки;
Страшного вида сего ие стерпело сердце Хорева;
Он, обезумленный, прямо в средину толпы их; и, сдвинув
Груды и копья, мы дружно за ним; но плачевно-ужасный
Вой тогда закипел: трояне, обмануты видом
Наших греческих лат и сверканьем шлемов косматых,
С кровли высокого храма пустили в нас тучею стрелы;
Стон пораженных нам изменил; на Кассандрины вопли
Бросился враг; мы все опрокинуты; с бурным Аяксом
Оба явились Атрида – за ними толпами данаи.
Так, подымаясь крутящимся вихрем, сшибаются ветры
Нот и Зефир, и на легких несомый конях от востока
Звр, и бушуют леса, и Нерей опененным трезубцем
Бьет по водам, и до самого дна содрогается море.
Скоро и греки, испуганны мраком ночным и по граду
Нашей дружиной рассеяны, вышли из тайных убежищ,
Первые нас по щитам и обманчивым броням узнали,
Вслушались в наши слова и чужие заметили звуки.
Множество нас задавило: первый мечом Пснелея
Пал Хорев пред святым алтарем броненосной Паллады;
Пал и Рифей, из троян непорочнейший, правды блюститель
(Иначе боги судили о нем); Димант с Гипанисом
Пали от копий троянских; ни Фсбова риза, ни святость
Чистыя жизни тебя не спасли, о Панфсий благодушный.
Прах Ил иона, вес блага мои поглотившее пламя.
Вас призываю! вы зрели, что я не чуждался ни копий
Вражьих, ни силы врага; и когда бы назначил мне жребий
Пасть – я паденье свое заслужил. Но из битвы (за мною
Ифит один с Пелиасом, Ифит, уже отягченный
Дряхлостью лет, Пелиас, умирающий, ранен Улиссом)
Я устремился на стон, огласивший чертоги Приама.
Там все ужасы брони стеклися: как будто во граде
Не было битвы иной и нигде никого не разили –
Так свирепствовал Марс, так бешено греки рвалнея
В замок и, сдвинув щиты черепахой, на вход напирали.
Множеством лестниц унижены стены; вверх по ступеням
Лезут данаи, шуйцей щиты над главами под копы
Наши подставив, десной за вершину ограда хватаясь;
Тевкры, готовя отпор, разоряют и башни и дома,
Вместо оружий собирают обломки с намереньем грозным
В битве отчаянной ими врага раздавить, погибая;
С шумом державного дома царей позлащенные убранства
Падают; меч обнаживши, другие, у врат осажденных
Тесной дружиной столпясь, ограждают святилище прага.
Взорванный гневом, стремлюсь на защиту Приамова дома,
Ратных усилить и бодрого духа придать побежденным.
Выли сокрытые двери в стене высокого замка.
Ход потаенный из внешнего града в царево жилище;
Часто, во дни благоденствия Трои, ко свекру Приаму
Оным путем Андромаха несчастная тайно ходила:
Взор престарелого деда порадовать внуком цветущим.

Оным путем пробираюсь к тому возвышенью, откуда
Тщетно последние стрелы на греков бросали трояне.
Там воздымалась стремнистая башня, весь град перевыся:
С кровли ее неприступной видимы были вся Троя,
Все корабли мнрмидонян, весь греческий стан отдаленный.
Там, где она со стены висела громадою всею
Грозно над градом, как туча, мы острым железом подрыли
Сплоченны камни и двинули башню... гремя и дымяся,
Вдруг она повалилась и страшной развалиной пала
Вся на греков; погибших сменили другие, и градом
Стрелы, копья и камни опять полетели.
Всех опрся, напирал на преддверие Пирр бедоносный,
Грозен, как пламенный, медной броней и стрелами сияя.
Так на солнце змея, напитавишея ядом растений,
Долго лежав неподвижно под тягостным холодом снега,
Вдруг, чешуи обновив, расправляет красы молодые,
Скользкий волнует хребет, золотистую грудь надувает,
Вьется в лучах и жалом тройным, разыгравшея, блещет.
С ним великан Пернфрас, и правитель Ахилловых коней
Оруженосец Автомедои, и дружина скирнян
Шумно к чертогам теснятся и пламень бросают на кровли.
Сам же, у всех впереди, он огромной двуострой секирой
Рушит затворы, с притолок тяжких, окованных медью,
Петли сбивает, брусья дробит и плотные доски
Вдруг прорубил – широкою щелью разинулнеь двери.
Видимы стали и внутренний двор и ряды переходов,
Видима древняя храмина прежних царей и Приама,
Видимы в сенях и стражи, хранители царского прага.
В самом же доме и жалобный крик, и шум, и волнение;
Звонкие своды чертогов наполнив пронзительным стоном,
Жены рыдают; к звездам подымает отчаянье голос.
Бледные матери, бегая в мутном безумии страха,
Праги объемяют дверей и к ним прилипают устами.
Вдруг вторгается Пирр, как отец, неизбежно-ужасный.
Тщетны загради; низринута стража; таран стенобойный
Сшиб ворота; расколовшись, огромные рухнули створы;
Силе прочистился путь, и в пролом, опрокинув передних,
Ринулся грек, и врагами обители все закипели.
Менее грозен, плотину прорвав и разрушивши стену,
С ревом и с пеной стремится поток из берегов и, равнину
Шумным разливом окрест потопив, стада и за грады
Мчит по полям. Я видел убийством яримого Пирра;
Видел обоих Атридов, дымящихся кровью в обители царской;
Видел Гекубу, и сто невесток се, и Приама,
Кровью своею воздвигнутый ими алтарь обагривших.
Вдруг пятьдесят сыновних брачных чертогов, надежда
Стольких внуков, и стены, добыч многочисленных златом
Гордые, пали – пожаром забытое схвачено греком.
Знать пожелаешь, быть может, царица, что было с Приамом.
Видя падение града, видя пылающий замок,
Видя врага, захватившего внутренность царского дома,
Старец давно позабытую броню на хилые плечи,
Сгорбленный тягостью лет, чрез силу надел, бесполезный
Меч опоясал и в сонмы врагов пошел на погибель.
В самой середине царских чертогов, под небом открытым,
Выл великий алтарь; над ним многолетнего лавра
Сень наклонялась и лики домашних богов обнимала.
Там с дочерьями сидела Гекуба. Напрасно – укрывшись
Робко под жертвенник, словно как стая пугливая горлиц
В грозу под ветви, – кумиры бессмертных они обнимали.
Вдруг царица одетого броней младости бранной
Видит Приама. «Куда ты, бедный супруг (возгласила)?
Что ополчило тебя? К чему безрассудная бодрость?
Ныне такая ли помощь, такой ли защитник Псргаму
Нужны? Пергама не спас бы теперь и великий мой Гектор.
С нами останься, Приам; алтарь защитит нас,
Или умрем неразлучны». Сказала и, руку супругу
Давши, старца с собой посадила на месте священном.

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Вдруг из убийственных Пирровых рук убежавший Политое,
Сын последний Приама, сквозь копья, сквозь сонмища вражды,
Вдоль переходов, пустыми чертогами, раненый, мчится;
Быстро за ним сверкающий Пирр с неизбежным убийством
Гонится... близко; нагнал, достигну.! железом; пронзенный,
К лону родителей кинулся юноша в страхе, пред ними
Пал, содрогнулся... и жизнь пролилася потоками крови.
Тут закипело Приамово сердце. Сам погибая,
Он не стерпел толь великого горя и гневно воскликнул:
«О чудовище! Боги тебе, святотатный убийца,
Боги – сели живет в небесах правосудная жалость –
Мзду ниспосллют; по заслуге получишь награду, губитель,
Ты предо мной моего растерзавший последнего сына!
То ли Ахилл, от тебя названьем отца поносимый,
Сделал с Приамом-врагом? Он, краснея, почтил уннженьс
Старца молящего; дал схоронить мне бездушное тело
Гектора-сына и в Троию меня отпустил безобидно».
Так он сказал и копьё бессильное слабой рукою
Бросил; оно, ударяся в медь, зазвеневшую глухо,
Тронуло выгиб щита и на нем без движенья повисло.
Яростно Пирр возопил: «Иди же с поносною отсюда
Вестью к Пелиду-отцу; не забудь о бесславных дсяньях
Пирра поведать ему; теперь же умри». Беспощадно
Он перед жертвенник дрогнувший старца повлек; сединами
Шуйцу, облитую кровью сыновней, опутал, десницею
Меч замахнул и в ребра до самой вонзил рукояти.
Так совершилася участь Приама; так он покинул
Землю, зревши добычей пожара Пергам и паденье
Трои, некогда сильный властитель народов, державный
Азии царь... и великое тело на бреге пустынном
Ныне без чести лежит, обезглавлено, труп безымянный.
Тут впервые мне ужас предчувствия душу проникнул:
Я обомлел; я о милом старце родителе вспомнил,
Видя, как дряхлый ровесник его, под рукой беспощадной,
Царь издыхал; я вспомнил о сирой Креузе, о доме,
Преданном греку во власть, о судьбине младенца Пула.
Взор обращаю: нет ли со мною сподвижников ратных?
Все исчезли; одни, утомленные битвою, с башни
Прянули в город; другие отчаянно кинулись в пламень;
Я один уцелел. И вдруг в преддверии храма
Весты, робко-безмолвную, скрытую в темном притворе,
Вижу Тиндарову дочь: при зареве ярком пожара
Светлым путем я бежал, все оку являлося ясным.
Там, опасаясь троян, раздраженных паденьем Псргама,
Злобы данаев и мести супруга, отчизну и Троию
Купно губящая фурия, жертвенник Весты объемя,
В храме, богам ненавистная, тайно сидела Елена.
Вспыхнуло сердце во мне; отомстить за гибель отчизны
Рвется мой гнев; истребить истребленья виновницу жажду.
«Ей ненаказанной Спарту узреть! в родные Мнкнны
Гордой царицей вступить, торжествуя! увидеть супруга,
Дом родительский, чад, окруженной прискорбной толпою
Дев нллонских и пленных троян!.. А Приам уж зарезан,
Троя горит и Дарданния целая кровью дымится!
Нет! того не стерплю! пускай не великая слава
Женоубийце, пускай для него беспохвальна победа –
Свет от чудовища должно очистить; кровавою местию
Сердце свое утолю и пепел моих успокою».
Так я, себя раздражая, злобой кипящий, стремился.
Вдруг перед очи мои, откровенная, мрак осиявши
Ярким блистаньем, великой богиней, какою лишь небо
Знает се, предстала мать и, меня удержавши,
Молвила так мне устами, живыми как юная роза:
«Сын, для чего необузданной скорбию гнев пробуждаешь?
Что за безумство? Ужели оставил о нас попеченье?
Прежде помысли о том, где покинут тобою родитель,
Дряхлый Анхиз, не погибли ль супруга Крсуза и юный
Сын твой Асканий? Кругом их обители бешено рыщет

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Грек, и давно бы, когда б не моя берегла их защита,
Их истребило железо и пламень враждебный похитил!..
Нет! не Парид, похититель преступный, не образ спартанки,
Низкой Тиндаровой дочери – боги, разгневаны боги
Ваш опрокинули град и сразили величие Трои.
Зри – я всякое облако, ныне темнящее слабый
Смертного взор и облекшее вес пред тобою туманным
Мраком, подымаю – но только моим повелениям смело,
Сын, покорись, и бесспорно мои поученья исполни.
Там, где видишь разбросанны груды, утес на утесе,
Где подымается черное облако праха и дыма,
Там Посидон великим его потрясенны трезубцем
Стены дробит и, подрыв основанья, весь город в обломки
Рушит; здесь беспощадная Ира, на Скийских воротах
Грозно воздвигшись, союзную рать с кораблей к Илиону,
Броней звучащая, кличет...
Там – оглянись – на замке, над градом, Тритона-Паллада
Села, гремещею тучей и страшной Горгоной блистая.
Сам вседержитель и бодрость и бранную силу низводит
Свыше на греков и сам на дардан подымает все небо.
Нет упования, сын; беги, не упорствуй сражаться;
Буду с тобой; невредимо достигнешь родительской сени».
Так сказала и скрылась в глубокую бездну ночную.
Грозные лики тогда мне предстали, разящие Трои
Силы великих богов я увидел...
Тут открылось, как, страшно разрушен, в огне распался
Весь Ил ион и в обломки валилась Нептунова Троя.
Так на густой прародительский ясен, горы украшенье,
Корни кругом подрубив, дровосеки, столпясь, нападают;
Споря проворством, разят топоры; благородное древо
Зыблется, сенью шумит, волосистой главою трепещет,
Мало-помалу под ранами клонится... вдруг, изнемогши,
Стонет и падает, всю завалив разрушением гору...
Я удаляюсь, храним божеством; иду через пламень,
Мимо врагов: раздвигаются копья, огонь уступает.
К древней обители, к прагу священной родительской сени
Скоро достиг я, и первой заботой в защитное место,
На гору старца отца перенеет. Приближаюсь к Анхпзу --
Трою свою пережить и себя осудить на изгнание
Старец отрекся. «Вы, сохранившие бодрость младость,
Вы, не лишены мужеской силы годами, спешите
Бегством спастись, – сказал он. –
Бели б державные боги конец мой отсрочить хотели –
Мне бы они сохранили мой дом. Но слишком довольны
Зреть и однажды погибель своих и сожжение града.
С миром идите, почтивши мое полумертвое тело
Словом прощальным; смерть я сам обрету, иль, жалея,
Враг умертвит старика. Не страшна погребенья утрата;
Слишком долго, противный богам, на земле я промедлил,
Чуждый земле, с тех пор как бессмертных и смертных владыка
Вяньем молний своих и громом ко мне прикоснулся».
Так говорил мой родитель, в жестоком намеренье твердый.
Мы же в слезах – и я, и Крсуза, и юный Асканий,
Сын мой, и с нами домашние – молим, чтоб вместе с собою
Он, отец, семьи не губил и в беду не ввергался...
Тщетны моленья; покинуть свой дом непреклонный отрекся.
Снова тогда ополчаюсь, отчаянный, жаждущий смерти.
Что иное мне оставалось? Какая надежда?
«Как, родитель, чтоб я убежал, об отце позабывши,
Требовал ты! из родительских уст толь обидное слово!
Бели назначили боги, чтоб не было Трои великой,
Бели тобой решено истребить с истребляемым градом
Нас и себя – для погибели нашей двери открыты:
Скоро Приамовой кровью дымящийся Пирр, умертвивши
Сына пред взором отца и отца пред святыней Пенатов,
Явится здесь! Для того ли сквозь бой и пожар, о богиня,
Я проведен, чтоб, врага допустив во святилище дома,
Видеть, как сын мой Асканий, и дряхлый отец, и Крсуза,

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Кровью друг друга облив, предо мною истерзаны будут?
Дайте оружия, воины; время пришло роковое;
Грекам меня возвратите; отведаем силы последней;
В бой, друзья! мы не все неотмщенные ныне погибнем».
Меч опоясав и щит свой надвинув на шуйцу, из дома
Выйти спешу; но Крсуза, упав со слезами на праге,
Ноги мои обняла и, сына-младенца подъявля
К лону отца, возопила: «Если себя на погибель
Ты осудил – да погибнем с тобою и мы неразлучно!
Если ж осталось тебе упование на меч и на силу –
Прежде свой дом защити; здесь младенец Иул; здесь отец твой;
Здесь Крсуза... се называл ты донныне своею».
Так вопияла супруга, стенаньем весь дом оглашая.
Тут несказанное в наших очах совершилось чудо:
Сына Пула с печалью родительской мы обнимали –
Вдруг над его головою сверкнуло эфирное пламя,
В кудри власов, не палящее, веяньем тихим влетело,
Пыхнуло ярко и вокруг головы обвилось блистаньем.
В трепете страха мы отряхиваем горящие кудри;
Силимся влагой студеной огонь затушить чудотворный.
Чуда свидетель, Анхиз оживленные радостью очи
К небу возвел и, дрожащие длани подъявля, воскликнул:
«О вседержитель Зевсе! когда ты молитвам доступен,
Призри на нас, о едином молящих: если достойны,
Будь нам защитой, отец, и знаменье дай подтверждена».
Только промолвил Анхиз – помутилось небо, и страшно
Грянуло влеве; и, быстро упавшая с темных тверди,
Мрак лучезарный рассекая браздой, звезда побежала...
Видели мы, как она, разразившись над нашею кровлей,
Светлая, вдаль покатила и, путь наш означив блистаньем,
Пала за Идою в рошу... долго, протянут вдоль неба,
След пламенел, и запахом серным дымилась окрестность.
Тут побежденный старец родитель нодъявляется с ложа,
Молит богов и творит поклоненье звезде путеводной.
«Вес решено! – возгласил он – Боги отчизны, ведите;
С верой иду; сохраните и дом мой и внука; то ваше
Знаменье было, и в вашем могуществе есть еще Троя;
Вам покоряюсь; мой сын, предводи; за тобою отец твой».
Так он сказал... и уже приближался к обители нашей
С треском пожар и шумящего пламени зной опалял нас.
«Время, родитель; на плечи сыновние сядь (возгласил я),
Дай мне мои подклонить рамена под священное бремя.
Что бы ни встретило нас на пути – одно нам спасенье,
Гибель одна; перестанем же медлить; младенец Асканий
Рядом со мною пойдет; в отдаленье за нами Крсуза.
Вы же, служители дома, заметьте, что вам повелю я:
Есть при исходе из града холм, и на холме Церсрин,
Древле покинутый храм; перед ним кипарис престарелый,
С давних времен сохраненный почтением набожных предков.
Там во единое место из разных сторон соберитесь.
Лики Пенатов и утварь тебе поверяю, родитель;
Я же, пришедший из битвы, рукою кровавой не смею
К ним прикоснуться, доколь не очищу себя орошеньем
Свежия влаги...»
С сими словами, широкие плечи склона и на выю
Сверх одеянья накинув косматую львиную кожу,
Старца подъявляю; идем; Асканий, мою обхвативши
Крепко десницу, бежит, торопяся, шагами неровными сбоку;
Следом Крсуза; идем, пробираясь мглою по стогнам;
Я же, дотоле бесстрашным оком смотревший на тучи
Стрел и отважно встречавший дружины враждебные греков,
Тут при малейшем звуке бледнел, при шорохе каждом
Медлил, робея за спутника, в страхе за милую ношу.
И уже достигал я ворот и мнил, что опасный
Путь совершился... вдруг не вдали голоса раздал ися,
Что-то мелькнуло, послышался топот. Пристально в сумрак
Смотрит Анхиз. «Мой сын, мой сын, беги! – возопил он. –
Идут! сверкают щиты! оружие медное блещет!..»

кто изъяснит? Божество ли какое враждебною силой
Ум мой смутило... но, в сторону бросясь, чтоб мнимой
Встречи избегнуть, далеким обходом я вышел из града;
Боги! Крсуза исчезла; во тьме ль, ослепленная роком,
Сбилась с дороги иль где отдохнуть, утомленная, села –
я не знаю, с тех пор мы нигде уж ее не встречали.
Только тогда я утрату, опомнясь, заметил, когда мы
Холма святого и древнего храма Цереры достигли.
Там собрались мы, убогий остаток троян, – а Креузы
Не было, к горю сопутников, сына, отца и супруга.
О! кого из людей и богов я не клял, исступленный!
Было ли что для меня и в паденье Пергама ужасней?
Сына Пула с Анхизом-отцом и с Пенатами Трои
Спутникам вверив, в излучине дола велю им укрыться;
Сам же, блестящей одетый броней, возвращаюсь в Трью.
Вновь решено боевые труды испытать, по горящим
Стогнам Пергама промчатся и грудь под удары подставить.
К темному прагу ворот, чрез который мы вышли из града,
Прежде спешу, чтобы, снова по свежему нашему следу
Трью пройду, замечательным оком всмотреться в приметы;
Всюду ужас! даже молчание в трепет приводит!
К дому Анхиза – не там ли она, не туда ли ей случай
Путь указал – я бегу, но да на и уж грабили дом наш;
Вес испровергнуто; с воплями враг по обители рыскал;
Пламень пожара уже прошибал из-под верхняя кровли;
Вихрем взвивал ися искры, и в воздухе страшно гремело.
Я обратился к Прнамову дому, к высокому замку:
Воги! боги! в притворе пустого Юнонина храма
Зверский Улисс и Феникс у добычи стояли на страже:
Там сокровища Трои, богатства сожженных святилищ,
Чаши золотые, престолы богов, и убранства, и ризы
В горах лежали; младенцы и бледные матери длинным
Строем стояли вблизи.
Презря меня окружавшую гибель, дерзнул я во мраке
Голос возвысить; печальный мой клик раздавался по стогнам.
«Где ты, Крсуза?» – взывал я, взывал... но было напрасно.
В яростном горе по горадам разрушенных зданий я бегал.
Вдруг перед очи мои появилась призраком, легкой
Тенью она... и казалась возвышенной прежнего станом.
Я ужаснулся, волосы дыбом, голос мой замер.
Тихо с улыбкой, смиряющей душу, сказала Крсуза:
«Тщетной заботе почто предаешься, безумно печалась?
О Зней, о сладостный друг, не без воли бессмертных
Выло оно: мне не должно идти за тобой из Пергама;
То запрещает владыка небес, громодержец Юпитер.
Долго изгнанником будешь браздить беспредельное море;
Там в Гесперии, где волны Лидийского Тибра по тучным,
Людным равнинам обильно-медлительным током льются,
Светлое счастье, и царский венец, и невесту царевну
Ты обретешь. Не томи ж по Креузе утраченной сердца;
Нет! ни дверей мирмидона, ни пышных чертогов долопа
я не увижу; ис буду рабынею матери грека,
Дочь Дардании, вечной Венеры невестка...
Выть при есбе мне судила великая мать бессмертных.
Ты же прости; поминай о супруге любовь к сыну».
Смолкла и тихо со мной, проливающим слезы, рассталась;
Много хотел я сказать, но она улетела; трикраты
я за летящую тению руки простер, и трикраты
Легкая тень из напрасно объемлющих рук ускользнула,
Словно как веющий воздух, словно как сон мимолетный.
Так миновалась ночь; возвращаюсь к товарищам бегства;
Много толпою притекших из Трои сопутников новых
Там нахожу, изумленный: матери, мужи, младенцы,
Жалкий народ беглецов, невозвратно утратив отчизну,
С бедным остатком сокровищ, теснил ися там, при готовясь
Вместе со мной за морями искать обреченного берега.
И уже восходил над горой светоносный Люцифер,
Юного дня благовестник, и все ворота Илиона

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov
Заперты были врагом... упование исчезло! судьбине
я уступил и Анхиза понес на высокую Иду».

ПРЕДАНИЕ

(Из «Конрада Валленрода»)

О предание народное! Ты кивот завета
От времен минувших к временам настоящим!
В тебе народ заключает и оружия своих
баснословных героев, и
чистую ткань своих мыслей, и цветы прекрасные
чувств своих.

Святой кивот, не прикоснется к тебе иноземец,
доколе сам народ не осквернит, не предаст тебя.

О песнь народная! Ты страж

Эдема воспоминаний –

С крылами Архангела, с гласом Архангела,

Но часто и с мечом Архангела!

Пламя истребляет историю, начертанную кистью
живописца!

Вооруженные опустошители разрушают памятники!

Но песня остается! неискаженная живет она посреди
народа!

И если низкие души не будут питать се скорбию,

поить упованием,

Она перелетит в горы, селясь в развалины

И к ним при кл и каст годы прошедшие.

Так соловей вырывается из дому, объятого пожаром,

Минуту отдыхает на кровле;

когда же падает кровля, улетает

в лес на свободу,

и голосом сладостным выше развалин и пепла,

поет для прохожего песню печали

Сид

Отрывок

Горные испанцы вместе с религиею, законами, честью и свободою
предков своих визиготфов сохранили и употребление языка романского.
То были необразованные люди, характера дикого, гордые, отважные,
не способные покорствовать рабскому игу.

Каждая долина была особенною малою областью.

В сих долинах властвовали графы, коим короли визиготские вве-
ряли наблюдение правосудия в мирные дни и предводительство народ-
ного войска во дни военные.

Когда пала монархия, сии графы были почитаемы военачальниками
и покровителями народа.

Народ сей был составлен большею частию из переселенцев, покинув-
ших свою родину, дабы среди бесплодных утесов спасти религию и
законы отцов своих. Там не было отдаваемо никаких отличных поче-
стей фортуне: под кровлею бедной хижины часто находили человека,
победившего в сражении. Вероятно, что в сии времена вошла в испан-
ские нравы сия кастильская спесь, замечаемая ныне в самых нищих.
Санхо Великий, король кастильский, в начале XI века соединил под
державу свою почти все христианские области полуострова; от него
зависели Астурия, Наварра и Арагония; он первый принял титул ко-

7*

роля Кастилии и может быть почитаем родоначальником королевских
домов Испании.

При сем короле родился Дон Родриго Диац (сын Дисга), прозванный
Саидом, или Сидом (господином) от побежденных им мавров. Наиме-
нованный главным военачальником армии от короля кастильского, он
получил еще прозвание кампеадора (воителя).

Замок Б к вар, недалеко от Бургоса, завоеванный отцом его Дон-
Диегом, был местом его рождения. С женской стороны происходит
он от древних графов Кастильских. Знаменитый породю, он при-
обрел богатство мужеством и оружием. Подвиги его сохранились в
народных песнях, или романсах, из которых здесь предлагается из-
влечение.

Сид

в царствование короля Фердинанда

I

Пятерых царей неверных
Дон Родриго победил;
И его называли Сидом
Побежденные цари.
Их послы к нему явились
И в смирении подданства
Так приветствовали Сида:
«Пять царей, твоих вассалов,
Нас с покорностью и данью,
Добрый Сид, к тебе прислали».
«Ошибаетесь, друзья! –
Дон Родриго отвечал им. –
Не ко мне посольство ваше:
Неприлично господином
Называть меня в том месте,
Где господствует Великий
Фердинанд, мой повелитель:
Всё его здесь, не мое».
И король, таким смиреньем
Сида храброго довольный,
Говорит послам: «Скажите
Вы парям своим, что, если
Господин их Дон Родриго
Не король, то здесь по праву
С королем сидит он рядом,
И что все, чем я владею,
Завоевано мне Сидом».
С той поры не называли
Знаменитого Родрига
Мавры иначе, как Сидом.

II

Полных семь лет без успеха
Неприступную Коимбру
Осаждал Дон-Фердинанд.
Никогда б не одолел он
Неприступным Коимбру,
Крепкой башнями, стенами...
Но является Сан-Яго,
Рыцарь господа Христа:
На коне он скачет белом,
С головы до ног в доспехах
Свежих, чистых и блестящих.
«Сим ключом, который блещет
У меня в руках (сказал он),
Завтра утром на рассвете
Отопру я Фердинанду
Неприступную Коимбру».
И король вступил в Коимбру;
И мечеть ее называли
Церковью Марии Девы.
Там был рыцарем поставлен
Дон Родриго, граф Биварский.
Сам король своей рукою
Меч к бедру его привесил,
Дал ему лобзание мира;
Только не дал акколады,
Ибо то уж для другого
Было сделано им прежде;
И, в особенную почесть,
Конь в блестящей сбруе Сиду
Подведен был королевой,
А инфанта золотые
На него надела шпоры.

III

Мрачен, грустен Дон Диего...
Что сравнить с его печалью?
День и ночь он помышляет
О бесчестии своем.

Посрамлен навеки древний,
Знаменитый дом Лснесов;
Не равнялись ни Иниги,
Ни Аварки славой с ним.
И болезнью и летами
Изнуренный, старец видит
Близкий гроб перед собою;
Дон Гормас же, злой обидчик,
Торжествующий, гуляет,
Не страшась суда и казни,
По народной площади.
Напоследок, свергнув бремя
Скорби мрачно-одинокой,
Сыновей своих созвал он
И, ни слова не сказавши,
Повелел связать им крепко
Благородные их руки.
И, трепещущие, робко
Вопрошают сыновья:
«Что ты делаешь, родитель?
Умертвить ли нас замыслил?»
Нет душе его надежды!
Но когда он обратился
К сыну младшему Родригу,
В нем опять она воскресла;
Засверкав очами тигра,
Возопил молодой Родриго:
«Развяжи, отец, мне руки!
Развяжи! когда б ты не был
Мой отец, я не словами
Дал себе тогда б управу;
Я бы собственной рукою
Внутренность твою исторгнул;
Мне мечом или кинжалом
Выли пальцы бы мои!»
«Сын души моей, Родриго!
Скорбь твоя – мне исцеленье;
Грозный гнев твой – мне отрада;
Будь защитник нашей чести:
Ей погибнуть, если ныне
Ты не выкупишь ее».
И Родригу рассказал он
Про свою тогда обиду
И его благословил.

IV

Удаляется Родриго,
Полон гнева, полон думы
О враге своем могучем,
О младых своих летах.
Знает он, что в Астурии
Дон Гормас богат друзьями,
Что в совете королевском
И в сраженье первый он.
Но того он не страшится:
Сын г п даль га благородный,
Он, родившись, обязался
Жизнью жертвовать для чести.
И в душе своей он молит
От небес – одной управы,
От земли – простора битве,
А от чести – подкрепленья
Молодой своей руке.
Со стены он меч снимает,
Древней ржавчиной покрытый,
Словно трауром печальным
По давнишнем господине.
«Знаю, добрый меч, -- сказал он. --
Что тебе еще постыдно

Быть в руке незначительной;
Но когда я поклянуся
Не нанести тебе обиды,
Ни на шаг в минуту боя
Не попятиться... пойдём!»

V
Там на площади дворцовой
Сид увидел Дон Гормаса
Одного, без провожатых,
И вступил с ним в разговор:
«Дон Гормас, ответствуй, знал ли
Ты о сыне Дон Диега,
Оскорбив рукою дерзкой
Святость старцева лица?
Знал ли ты, что Дон Диего
Есть потомок лайна Калва,
Что нет крови благородней,
Нет щита его честней?
Знал ли, что пока дышу я,
Не дерзнет никто из смертных –
Разве бог один всевышний –
Сделать то без наказания,
Что дерзнул с ним сделать ты?»
«Сам едва ли ты, младенец
(Отвечал Гормас надменно),
Знаешь жизни половину».
«Знаю твердо! половина
Жизни: почесть благородным
Воздавать, как то прилично;
А другая половина:
Быть грозой горделивых
И последней каплей крови
Омывать обиду чести».
«Что ж? Чего, младенец, хочешь?»
«Головы твоей хочу я».
«Хочешь розог, дерзкий мальчик;

б*
Погоди, тебя накажут,
Как проказливого пажа».
Боже праведный, как вспыхнул
При таком ответе Сид!

VI
Слезы льются, тихо льются
По ланитам Дон Диега:
За столом своим семейным
Он сидит, все позабыв;
О стыде своем он мыслит,
О младых летах Родрига,
О ужасном поединке,
О могуществе врага.
Ож и в ител ьная радость
Убегает посрамленных;
Вслед за нею убегают
И доверенность с надеждой;
Но цветущие, молодые
Сестры чести, вместе с нею
Возвращаются они.
И, в унылость погруженный,
Дон Диего не заметил
Подходящего Родрига.
Он, с мечом своим под мышкой,
Приложив ко груди руки,
Долго, долго, весь пронзенный
Состраданием глубоко,
На отца глядел в молчанье;
Вдруг подходит и, схвативши
Руку старца: «Ешь, родитель!» –
Говорит, придвинув пищу.

Но сильнее плачет старец.
«Ты ли, сын мой Дон Родриго,
Мне даешь такой совет?»
«Я, родитель! смело можешь
Ты поднять свое святое,
Благодать города и цо».
«Спасена ли наша слава?»
«Мой родитель, он убит».
«Сядь же, сын мой Дон Родриго,
Сядь за стол со мною рядом!
Кто с соперником подобным
Сладить мог, тот быть достоин
Дома нашего главой».
Со слезами Дон Родриго,
Преклонив свои колена,
Лобызает руки старца;
Со слезами Дон Диего,
Умиленный, лобызает
Сына в очи и уста.

VII

На престоле королевском
Восседал король-владыка,
Внемля жалобам народа
И давая всем управу.
Твердый, кроткий, правосудный,
Награждал он добрых щедро
И казнил виновных строго:
Наказание и милость
Верных подданных творят.
В черной, траурной одежде
Входит юная Химена,
Дочь Гормаса; вслед за нею
Триста пажей благородных.
Двор в безмолвном изумленьи.
Преклонив свои колена
На последнюю ступени)
Королевского престола,
Так Химена говорит:
«Государь, прошло полгода
С той поры, как мой родитель
Под ударами молодого
Сопротивника погиб.
И уже я приносила
Перед трон твой королевский
Умиленную молитву.
Были мне даны тобою
Обещанья; но управы
Не дано мне и поныне.
Между тем, надменный, дерзкий,
Издавается Родриго
Над законами твоими,
И, его надменность видя,
Ей потворствуешь ты сам.
Государь праволюбивый
На земле есть образ бога;
Государь неправосудный,
Поощряющий строптивость,
Сердцу добрых не любезен,
Не ужасен и для злых.
Государь, внемли без гнева
Сим словам моей печали:
В сердце женщины почтенье
Превращается от скорби
Часто в горестный упрек».
И король на то Химене
Так отвечает без гнева:
«Здесь твоя печаль не встретит
Ни железа, ни гранита.

Если я сберег Родрига,
То сберег его, Химена,
Для души твоей прекрасной;
Будет время – будешь плакать
Ты от радости по нем».

VIII

В час полуночи спокойной
Тихий голос, нежный голос
Унывающей Химсне
Говорил: «Отри, Химена,
Слезы грусти одинокой».
«Отвечай, откройся, кто ты?»
«Сирота, меня ты знаешь».
«Так! тебя, Родриго, знаю;
Ты, жестокий, ты, лишивший
Дом мой твердый опоры...»
«Честь то сделала, не я».

IX

В храме божием Родриго
Так сказал своей Химсне:
«Благородная Химена,
Твой отец убит был мною
Не по злобе, не изменой,
Но в отмщенье за обиду,
Грудь на грудь и меч на меч.
Я тебе за мужа чести
Мужа чести возвращаю;
Я тебе в живом супруге
Все даю, что прежде в мертвом
Ты отце своем имела:
Друга, спутника, отца».
Так сказав, он обнажает
Крепкий меч свой и, поднявши
Острие к святому небу,
Произносит громогласно:
«Пусть меня сей меч накажет,
Бели раз нарушу в жизни
Мой обет: любить Химсну
И за все моей любовью
Ей воздать, как здесь пред богом
Обещаюсь и клянуся!»
Так свершил свой брак с Хименой
Дон Родриго, граф Бпварскнй,
Славный Сид Кампсадор.

X

Сид во всех за Фердинанда
Битвах был победоносен.
Наконец для Фердинанда
Час последний наступает:
На своей постели смертной
Он лежит лицом к востоку;
Он в руках, уже холодных,
Держит свечу гробовую;
В головах стоят прелаты,
Одесную сыновья.
И уже свои он земли
Разделил меж сыновьями,
Как вошла его меньшая
Дочь Урака в черном платье,
Проливающая слезы.
Так ему она сказала:
«Есть ли где закон, родитель,
Человеческий иль божий,
Позволяющий наследство,
Дочерей позабывая,
Сыновьям лишь оставлять?»
Фердинанд ей отвечает:
«Я даю тебе Заморю,

Крепость, твердую стенами,
С нею вместе и вассалов
Для защиты и услуги.
И да будет проклят мною,
Кто когда-нибудь замыслит
У тебя отнять Заморю».
Предстоявшие сказали
Все: «Аминь». Один Дон Санхо
Промолчал, нахмурия брови.
сид

в царствование короля Дон Санха Кастильского
I

Только что успел Дон Санхо
Вместе с братьями в могилу
Опустить с мольбой приличной
Фердинандову гробницу,
Как уже он на коне,
И гремит трубой военной,
И вассалов собирает,
И войной идет на братьев.
Первый, с кем он начал ссору,
Выл Галиции властитель,
Старший брат его Дон Гарсий;
Но, сраженный в первой битве,
С малочисленной остался
Он дружиною кастильцев.
Вдруг явился Дон Родриго.
«В добрый час, мой благородный
Сид! – сказал ему Дон Санхо, –
Вовремя ко мне поспел ты».
«Но ты сам, король Дон Санхо,
Здесь не вовремя (сурово
Отвечал ему Родриго);
Лучше было бы, с молитвой
Руки сжав, стоять смиренно
У родителева гроба.
Я исполню долг вассала;
Стыд же примешь ты один».
И Дон Гарсий, побежденный,
Скоро в плен достался Сиду.
«Что ты делаешь, достойный
Сид?» – сказал с упреком пленник.
«Если б я теперь вассалом
Был твоим, я то же б сделал,
Государь, и для тебя».
Заключен по воле брата
В башню крепкую Дон Гарсий.
За него король леонский
Восстает и посылает
Вызов к Сиду, к мужу чести,
Подымающему руку
На бесчестно-злое дело.
«Ополчись, мой благородный
Сид, – Дон Санхо восклицает. –
Ополчись, мой Сид могучий,
Перл империи священной,
Цвет Испании, зеркало
Чести рыцарской; лансоны
Идут против нас войною;
Веют львы на их знаменах;
Но у нас, в земле Кастильской,
Много замков укрепленных:
Будет, где их запереть».
«Государь, святое право
За Альфонса; лишь фортуной
Он неправ», – так отвечает
Королю Дон Санху Сид.
Дон Альфонс разбит и прогнан;

Он бежит к толедским маврам.
Как свирепый ястреб – алча
Новой пищи после первой,
Им отведанной добычи --
Когти острые вонзает
В беззащитную голубку:
Так Дон Санхо ненасытный,
На одну сестру напавши,
Беспомощную насильно
Запирает в монастырь.

II

Мирно властвует у рака
В крепком городе Загоре.
Крепким городом Заморой
Завладеть Дои Санхо мыслит.
Он к стенам его подходит.
Нет в Испании другого:
В твердом выбитый утесе,
Им покрытый, как броней
Смелый рыцарь, окруженный
Светло-влажными руками
Быстрошумного Дуера,
Он стоит – и замки, башни
(В целый день не перечеть их)
Как венец его венчают.
И сказал Дон Санхо Сиду:
«Добрый Сид, советник мудрый,
Дома нашего подпора,
От меня к сестре Ураке
Ты послом иди в Замору.
Предложи мену Ураке;
Пусть свою назначит цену;
Но скажи ей в осторожность:
Если ныне отречется
То принять, что предлагаю,
Завтра сам возьму я силой
То, о чем теперь прошу».
«Что за стены! – Дон Родриго
Мыслит, глядя на Замору. –
Чем на них смотрю я доле,
Тем грозней и неприступней
Мне являются они».
«Что за стены! – повторяет
Про себя король Дон Санхо. –
Это первые, которых
Не заставил содрогнуться
Приближающийся Сид».
«Что за стены!» – размышляет
Конь могучий Вабнека,
Замедляя ход и гриву
Опуская до земли.

III

Тихо в городе Загоре:
Он печальный носит траур
По великом Фердинанде.
Церкви города Заморы
В ткани черные одеты,
И на них печальный траур
По великом Фердинанде.
И Урака, затворившись
В замке города Заморы,
О сестрах и братьях плачет;
И печальный носит траур
По великом Фердинанде.
И она вздыхала тяжело
В ту минуту, как явился
Перед городом Заморой
Дон Родриго, вождь кастильский.

Вдруг все улицы Заморы
Зашумел и, взволнанный;
Крик до замка достигает,
И Урака, на ограду
Вышел, смотрит... там могучий
Сид стоит перед стеной.
Он свои поднимает очи,
Он Ураку зрит на башне,
Ту, которая надела
На него златые шпоры.
И ему шепнула совесть:
«Стой, Родриго, ты вступаешь
На бесславную дорогу;
Благородный Сид, назад!»
И она ему на память
Привела те дни, когда он
Государю Фердинанду
Обещался быть надежной
Дочерей его защитой,
Дни, когда они делили
Ясной младости веселье
При дворе великолепном
Государя Фердинанда,
Дни прекрасный Коимбры.
«Стой, Родриго, ты вступаешь
На бесславную дорогу;
Благородный Сид, назад!»
Бодрый Сид остановился,
Он впервые Бабиенку
Обратил и в размышленье,
Прошептал: «Назад!», поехал
В королевский стан обратно,
Чтоб принести отчет Дон Санху.
Но разгневанный Дон Санхо
Так отвечает Родригу:
«Безрассудны государи,
Осыпающие честью
Неумеренной вассалов –
Лишь мятежников надменных
Для себя они готовят.
Ты с Заморой непокорной
Заодно теперь, Родриго;
Ныне ум твой дерзновенный
Не в ладу с моим советом;
С глаз моих пойдешь, Родриго;
Из кастильских выйдешь пределов;
Все мои покинь владенья». –
«Но которые владенья,
Государь, велишь покинуть?
Завоеванные ль мною,
Сохраненные ли мною
Для тебя?» – «Те и другие».
Сид минуту был задумчив;
Но потом он улыбнулся,
Вкруг себя спокойный бросил
Взор и сел на Бабнеку.
Удалился Сид... молчанье
В стане царствует, как в гробе.
IV
Длится трудная осада.
Много было поединков;
Много рыцарей кастильских,
К утешенью дам Заморы,
Было сброшено с седла.
Не возьмут они Заморы.
Тут являются к Дон Санху
Графы, знатные вельможи.
«Государь, отдай нам Сиду»

(Говорят они); без Сида
Не бывать ни в чем удачи».
И король послал за Сидом;
Но с домашними своими
Наперед о том, что делать,
Посоветовался Сид.
Возвратиться был совет их,
Если сам король Дон Санхо
Признает себя виновным.
Сид покорствуется призыву;
Сам король к нему навстречу
Выезжает; с Вабиекн
Сходит Сид, его увидя,
И его целует руку.
С той поры на поединки
Вызывать гораздо реже
Стали рыцари Заморы
Смелых рыцарей кастильских:
Каждый был готов сразиться
Хоть с пятью один, хоть с чертом,
Лишь бы только не с Родригом.
Вдруг из города Заморы
Вышел витязь неизвестный.
К пышной ставке королевской
Подошедши, так сказал он:
«За совет мой: покориться,
Чуть меня не умертвили.
Государь, я знаю верный
Способ сдать тебе Замору».
Но с высокия ограды
В то же время старый рыцарь
Прокричал: «Король Дон Санхо,
Знай, и вы, кастильцы, знайте,
Что из города Заморы
Вышел к вам предатель хитрый:
Если сбудется злодейство,
Нас ни в чем не обвиняйте».
Но с предателем Дон Санхо
Уж пошел к стенам Заморы.
Там, пред входом потаенным
Нсприступныя ограды,
Видя, что король Дон Санхо
С ним один и безоружен,
Острый свой кинжал предатель
Весь вонзи.! в него и скрылся.
И король смертельно ранен.
Вкруг него толпятся слуги;
И никто из них не молвил
Слова правды, лишь единый
Добрый, старый, верный рыцарь
Так сказал ему: «Помысли
О душе своей и Боге;
Остальное все забудь».
И уже король Дон Санхо
Предал в руки Бога душу.
Много рыцарей кастильских
Вкруг него стоят и плачут;
Боле всех скорбит и плачет
Благородный Дон Родриго.
«О король мой, о Дон Санхо!
(Воскликает он), да будет
Проклят день тот ненавистный,
День, в который ты замыслил
Приступить к стенам Заморы.
Не боялся тот ни Бога,
Ни людей, кто беззаконно
Дал тебе совет нарушить
Честный рыцарства закон».

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

1 Наль и Дамаянти есть эпизод огромной Индейской поэмы Магабараты. Этот отрывок, сам по себе составляющий полное целое; два раза переведен на немецкий язык; один перевод, Боппов, ближе к оригиналу; другой, Рюккертов, имеет более поэтического достоинства. Я держался последнего. Не зная подлинника, я не мог иметь намерения познакомить с ним русских читателей; я просто хотел рассказать им по-русски ту повесть, которая пленила меня в рассказе Рюккерта, хотел сам насладиться трудом поэтическим, стараясь найти в языке моем выражения для той девственной, первообразной красоты, которою полна Индейская повесть о Нале и Дамаянти.

Вот что говорит А.-В. Шлегель об этом отрывке: «По моему мнению, эта поэма не уступает никакой из древних и новых в красоте поэтической, в увлекательности страстей, в возвышенной нежности чувств и мыслей. Прелесть ее доступна всякому читателю, молодому и старику, знатоку искусства и необразованному, руководствующемуся одним естественным чувством. Повесть о Нале и Дамаянти есть самая любимая из народных повестей в Индии, где верность и героическое самоотвержение дамаянти так же известны всем и каждому, как у нас постоянство Пенелопы».

96

НАЛЬ И ДАМАЯНТИ

Индейская повесть'

В те дни, когда мы верим нашим снам
И видим в их несбыточности быль,
Я видел сон: казалось, будто я
Цветущею долиной Кашемира
Иду один; со всех сторон вздымались
Громады гор, и в глубине долины,
Как в изумрудном, до краев лазурью
Наполненном сосуде, – небеса
Вечерние спокойно отражая, –
Сияло озеро; по склону гор
От запада сходила на долину
Дорога, шла к востоку и вдали
Терялась, сливаясь с горизонтом.
Выл вечер тих; все вокруг меня молчало;
Лишь изредка над головой моей,
Сияя, голубь пролетал, и пели
Его волнующие воздух крылья.
Вдруг вдалеке послышались мне клики;
И вижу я: от запада идет
Блестящий ход; змесью бесконечной
В долину вьется он; и вдруг я слышу:
Играют марш торжественный; и сладкой
Моя душа наполнилась грустью.
Пока задумчиво я слушал, мимо
Прошел весь ход, и я лишь мог приметить
Там, в высоте, над радостно шумящим
Народом, паланкин; как привиденье,
Он мне блеснул в глаза; и в паланкине
Увидел я царевну молодую,
Невесту севера; и на меня
Она глаза склонила мимоходом:
И скрылось все... когда же я очнулся,
Уж царствовала ночь и над долиной
Горели звезды; но в моей душе
Был светлый день; я чувствовал, что в ней
Свершилось как будто откровенье
Всего прекрасного, в одно живое
Лицо слиянного. – И вдруг мой сон
Переменился: я себя увидел
В царевом доме, и лицом к лицу
Предстало мне души моей виденье;
И мнилось мне, что годы пролетели
Мгновеньем надо мной, оставив мне
Воспоминание каких-то светлых
Времен, чего-то чудного, какой-то
Волшебной жизни. – И мой сон
Опять переменился: я увидел
Себя на берегу реки широкой;
Садилось солнце; тихо по водам

Суда, сияя, плыли, и за ними
Серебряный тянулся след; вблизи
В кустах светился домик; на пороге
Бго дверей хозяйка молодая
С младенцем спящим на руках стояла...
И то была моя жена с моею
Малюткой дочерью... и я проснулся;
И милый сон мой стал блаженной былью.
И ныне тихо, без волненья льется
Поток моей уединенной жизни.
Смотря в лицо подруги, данной Богом
7 - 3088

97

На освящен ьс сердца моего,
Смотря, как спит сном ангела на лоне
У матери младенец мой прекрасный,
Я чувствую глубоко тот покой,
Которого так жадно здесь мы ищем,
Не находя нигде; и слышу голос,
Земные все смиряющий тревоги:
Да не смущается твоя душа,
Он говорит мне, ееруїї в Нога, веруй
В меня. Мне было суждено своею
Рукой на двух родных, земной судьбине
Разрозненных могилах те слова
Спасителя святыя написать;
И вот теперь, на вечере моем,
Рука жены и дочери рука
Кщс на легкой жизненной странице
Их пишут для меня, дабы потом
На гробовой гостеприимный камень
Перенести в успокоенье скорби,
В воспоминание земного счастья,
В вознаграждение любви земныя
И жизни вечныя на упование.
И в тихий мой приют, от всех забот
Житейского живой оградой сада
Отгороженный, друг минувших лет,
Поэзия ко мне порой приходит
Рассказами досуг мой веселить.
И жив в моей душе тот светлый образ,
Который так ее очаровал
Во время оно... Часто на краю
Небес, когда уж солнце село, видим
Мы облака; из-за пурпурных ярко
Выглядывают золотые, светлым
Вершинам гор подобные; и видит
Воображенье там как будто область
Иного мира. Так теперь созданием
Мечты, какой-то областью воздушной
Лежит вдали кинувшее мое;
И мнится мне, что благодатный образ,
Мной встреченный на жизненном пути,
По-прежнему оттуда мне сияет.
Но он уж не один, их два; и прежний
В короне, а другой в венке живом
Из белых роз, и с прежним сходен он,
Как расцветающий с расцветшим цветом;
И на меня он светлый взор склоняет
С такою же приветною улыбкой,
Как тот, когда его во сне я встретил.
И имя им одно. И ныне я
Тем милым именем последний цвет,
Поэзией мне данный, знаменую
В воспоминание всего, что было
Сокровищем тех светлых жизни лет
И что теперь так сладостно чарует
Покой моей обвечерсвшей жизни.

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov
Дюссельдорф, 16/28 (февраля 1843.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Жил-был в Индии царь, по имени Наль. В и разе ны
Сильного сын, обладатель царства Нишадского, этот
Наль был славен делами, во младости мудр и прекрасен
Так, что в целом свете царя, подобного Налью,
Не было, нет и не будет; между другими царями
Он сиял, как сияет солнце между звездами.
Крепкий мышцею, светлый разумом, чтитель смиренный
Мудрых духовных мужей, глубоко проникнувший в тайный
Смысл писаний священных, жертв сожигатель усердный
В храмах богов, возделений своих обуздатель, нечистым
Помыслам чуждый, любовь и тайная дума
Дев, гроза и ужас врагов, друзей упование,
Опытный в трудной военной науке, искусный и смелый
Вождь, из лука дивный стрелок, наипаче же славный
Чудным искусством править конями – на них же он в сутки
Мог сто миль проскакать, – таков был Наль; но и слабость
Также имел он великую: в кости играть был безмерно
Страстен. – В это же время владел Видарбинским обширным
Царством Бима, царь благодушный; он долго бездетен
Был и тяжело скорбел от того, и обет пред богами
Он произнес великий, чтоб боги его наградили
Сладким родительским счастьем; и боги ему даровали
Трех сыновей и дочь. Сыновья называл ися: первый
Дамас, Дантас другой и Даманас третий; а имя
Дочери было дано Дамаянти. Мальчики были
Живы и смелы; звездой красоты расцвела Дамаянти:
Прелесть ее прошла по земле чудесной молвою.
В доме отца, окруженная роем подружек, как будто
Свежим венком, сияла меж них Дамаянти, как роза
В пышной зелени листьев сияет, и в этом собранье
Дев сверкала, как молния в туче небесной. Ни в здешнем
Свете, ни в мире бесплотных духов, ни в стране, где святые
Боги живут, никогда подобной красоты не видали;
Очи ее могли бы привлечь и бессмертных на землю
С неба. Но как ни была Дамаянти прекрасна, не мене
Был прекрасен и Наль, подобный пламенно-нежной
Думе любви, облекшейся в образ телесный. И каждый
Час о великом царе Нишадской земли Дамаянти
Слышала, каждый час о звезде красоты благородный
Царь Нишадский слышал; и цвет любви из живого
Семени слов меж ними, друг друга не знавшими, скоро
Вырос. Однажды Наль, безымянной болезнью сердца
Мучимый, в роще задумчив гулял; и вдруг он увидел
В воздухе белых гусей; распутив золотоперые крылья,
Стаей летели они, и громко кричали, и в рощу
Шумно спустились. Проворной рукой за крыло золотое
Наль схватил одного. Но ему сказал человеческим
Голосом Гусь: «Отпусти ты меня, государь, я за это
Службу тебе сослужу: о тебе Дамаянти прекрасной
Слово такое при случае молвлю, что только и будет
думать она о Нале одном». То услыша, поспешно
Наль отпустил золотого Гуся. Вся стая помчалась
Прямо в Видарбу и там опустилась с криком на царский
Луг, на котором в тот час Дамаянти гуляла. Увидев
Чудных птиц, начала Дамаянти с подружками бегать
Вслед за ними; а гуси, с места на место порхая,
Все рассыпались по лугу; с ними рассыпались так же
Скоро и все подружки царевнины: вот Дамаянти
С Гусем одним осталась одна; и Гусь, приосанясь,
Вдруг сказал человеческим голосом ей: «Дамаянти,
В царстве Нишадском царствует Наль; и нет и не будет
Между людьми красавца такого. Когда бы его ты женою
Стала, то счастье твое вполне бы совершилось; какой бы
Плод родился от союза с его красотой могучей
Нежной твоей красоты. Вас друг для друга послали

Боги на землю. Поверь тому, что тебе говорю я,
О тихонравная, сладкоприветная, чистая дева!
Много мы в странствиях наших лугов человеческих, много
Райских обителей неба видали; в стране великанов
Также нам быть довелось: но доньше еще, Дамаянти,
Встретить подобного Налю царя нам нигде не случилось:
Ты жемчужина дев, а Наль – мужей драгоценный
Камень. О, если бы вы сочетались! тогда бы узрели
Мы на земле неземное». Так Гусь говорил. Дамаянти,
Слушая, радостно рдела; потом в ответ прошептала,
Вся побледнев от любви: Скажи ты то же и Налю.
Быстро, быстро поднялся он, дважды рожденный, сначала
В виде яйца, потом из яйца, и в Нишадское царство
Прямо помчался и там рассказал о случившемся Налю.

II

После того, что сказал ей Гусь золотой, Дамаянти,
Словно как будто с собою расставшись, была беспрестанно
С Налем прекрасным. Объятая тайною Думой, влачась
Шаткой, неверной стопою, как будто в каком расслабленсь,
То подымая к небу грустные очи, то в землю
Их потупляя, то с полною тяжкими вздохами грудью –
Временем щеки как жар, временем бледные, очи
Полные слез, засохшие губы и все в беспорядке
Мысли, как волосы, – день и ночь Дамаянти вздыхала
Слабая, томная; не было ей ни сна на постели,
Ниже покоя на месте ином; и, тая в болезни,
Пищи она, ни питья принимать не хотела. Подружкам
Скоро стало заметно, что с их царевной прекрасной
Что-то случилось недоброе; скоро достигну. ! печальный
Слух и до Бнмы-царя, что дочь его Дамаянти
Свой покой потеряла. Как скоро об этом проведал
Царь, то он весьма опечалился. «Видно, настало
Время любви для тебя, моя Дамаянти», – сказал он.
Вот и задумал Впма дать пир, чтоб отвеюду на выбор
Съехались к ней женихи. Гонцов разослал он по разным
Царствам индейским: царей приглашать на праздник в Видарбу.
Только к царям и царевичам весть об этом достигла,
Все снарядил ися в путь; с востока и запада быстрый,
Шумный поток пути наводнил, наполняя всю землю
Смутным гулом слонов, коней, колесниц и до неба
Пыль густую подьемля. Сияя богатством уборов,
Множеством ратников, блеском оружия, пышностью броней,
Съехали гости в Видарбу; торжественно встретил их Вима.
В это время странствовать вышел глава и светило
Всех отшельников, праведный старец Нерада; избранный
Спутник его был Первата блаженный. Из пыльного мира
Темных гробов пронпкнул он в царство небесного света,
В оный предел, где сад веселий цветет, где великий
Властвует Индра. В светло-воздушные сени вступили
Оба странника; их приветствовал радостно Индра;
Им поклонясь и воздав им обоим приличную почесть,
Царь небесный тверди спросил гостей о здоровье
Их и целого света. «Владыка, – с поклоном Нерада
Индре ответствовал, – божеской милостью вашей здоровы
Мы, и весь свет наш здоров: благоденствуют люди и звери;
В каждой пылинке и в каждой былинке жизнь и веселье». Слыша такой ответ Нерады, могучий правитель
Мира спросил: «Но где же мои любимцы, кровавых
Споров решители, крови своей проливатели в битвах,
Смерти презритсли, храбрые мира защитники? Ими
Светлую область мою населять я люблю; но напрасно
Жду я на пир мой желанных гостей, не приходят
Гости мои уж давно. Скажи мне, святой, что случилось
С племенем храбрых?» На это ответствовал Индрс Нерада:
«Я объясню, всемогущий, тебе, отчего так давно ты
Здесь никого не видишь из храбрых вождей: Дамаянти,
Дочь царя видарбинского Впмы, которой на свете
Нет ничего подобного, хочет по сердцу супруга

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Выбрать, и все цари и царевичи едут в Видарбу;
Всякая ссора забыта, и вот почему так спокойна
Стала земля, почему и в твою светозарную область
Гости давно не приходят». Покуда их длилась беседа,
Прибыли к Индре его соучастники в миродержавстве –
Агнис, властитель огня, Варуна, воды повелитель,
Яма, бог-землсдержец. Услышав сказанье Нерады,
Боги воскликнули с светлым лицом: «На выборе этом
Будем и мы». И на быстрых конях, предводимые Индрой,
Боги пустились в Видарбу, куда все цари собирались.
Тою порою и Наль, любовью сгорая, лишь только
Сведаль о съезде великом в Видарбе, на быстрых
Крыльях желанья помчался; нужды в конях не имел он.
Боги, спустясь с высоты, на дороге увидели Наля:
Был красотою он светел, как день; и боги, пленясь
Той красотой, на него с изумленьем смотрели; четыре
Стихий властителя, в воздухе свой полет удержавши,
Вот что сказали: «Здравствуй, нншадец, войск истребитель,
Наль Иуньялока. Хочешь ли нам оказать ты услугу?
Нашим послом полномочным иди отсюда в Видарбу».

III

«Все исполню, – отвечивал Наль; и, руки сложивши
В страхе невольном, с видом покорным спросил он их: – Кто вы,
Солнечным блеском одетые? С вестью какой повелите
Мне в Видарбу идти?» Бму отвечивал Индра:
«Знай, что мы боги бессмертные, шедшие в мир для прекрасной
Дочери Бимы-царя Дамаянти, к которой отвеюду
Сходятся ныне земные цари; я Индра, властитель
Воздуха; это Агнис, огня повелитель могучий;
Это Варуна, двигатель вод, а это великий
Тверди земной основатель Яма. Знай же, что ныне
Наш ты посол, и вот что ты должен сказать Дамаянти:
«Ведай, царевна, что боги стихий – бог воздуха Индра,
Агнис огня, Варуна воды и Яма земли – к нам
С неба сошли, чтоб из них одного избрала ты в супруги!»
Руки сжав с умилением, Наль отвечивал Индре:
«Сам я за тем же в Видарбу иду; от других невозможно
Выйти мне послом к Дамаянти; молю, от такого посольства,
Воги, избавьте меня». На то отвечивал Индра:
«Разве не ты, благородный нишадец, сказал нам: исполню?
Можешь ли слово нарушить? Иди ж и не смей отрицаться».
Наль отвечивал с замешательством: «Как же дойду я к царевне?
Входы все заперты крепкою стражей». – «О том не заботься,
Воги сказали, – дойдешь свободно, иди без боязни».
Наль пошел, покорясь без ропота воле бессмертных.
Он во дворец свободно проникнул и там Дамаянти
Скоро увидел в кругу подружек; как с неба слетевший
Ангел, она прекрасна была, и прелесть любви окружала
Нежные члены ее, вожделенье любви пробуждая
В каждом сердце; и месяц и солнце не столь утешали
Светом своим, как ее пленительно-девственный образ.
Муку любви почувствовал Наль при виде волшебном
Стройного стана ее; но он пересилил стремленье
Силы мучительной. Все подружки царевны вскочили
С мест, изумленные входом нечаянным Наля; прекрасный
Образ его поразил их так, что им показалось
Небо отверстым. Не смея его спросить, меж собою
Тихо шептались они, повторяя: откуда пришел он?
Кто он? какой он породы? райской? земной? исполинской?
Так вопрошали друг друга они, ослепленные блеском
Наля, очей на него поднять не смея (столь боги
Прелесть его, уж и так неземную, блеском небесным
Вдруг возвеличили). В это мгновенье пред ним Дамаянти
С сердевластительным взором, с улыбкой, чарующей душу,
Молча стояла, молча глядела и таяла тайным
Пламенем. «Кто ты? – она напоследок спросила. –
Кто ты, все озаряющий, прелестью дышащий, душу
Радостной мукой объемлющий? Как ты проникнул в обитель

Царской дочери, всем затворенную, мимо царевой
Стражи, никем не замеченный? Кто ты? Какое ты носишь
Имя?» На этот вопрос видарбинской прекрасной царевны
Наль отвечал: «Знай, Дамаанти, я Наль; я в Видарбу
Прислан, царица, тебя известить, что великие боги
Индра, Агни, Варуна и Яма спустились на землю
С неба затем, чтоб из них одного избрала ты в супруги.
Их могуществом мог и сюда неприметно пройти я;
Зная теперь, зачем я здесь, видарбинская дева,
Сделай сама, что найдешь для себя и благим и приличным».

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

Весть такую услышав, сначала богам Дамаанти
Сердцем смиренным свою принесла благодарность; с улыбкой
Наль сказала потом: «Не боги, а ты мой избранный
Светлый жених; я твоя, и все, чем я обладаю,
Все, что люблю я, каждое явное, тайное чувство
Сердца, все мысли, желанья и жизнь, и все, мой прекрасный
Царь, владыка души, твое без остатка. Что белый
Гусь мне сказал, то сердце мое сокрушило; и были
Все цари и царевичи созданы мною на выбор
Только затем, чтоб привлечь и тебя; но ты уж заране
Избран; отдаться тебе поклялась я, и был ты
Здесь уж давно ожидаем; но только совсем для иного.
Сватайся ж сам за меня; тебе неприлично являться
Здесь послом от других; и знай, что если тобою
Буду отвергнута я, от которой приемлешь ты ныне
Почетъ такую, то все мне смертию будет: вода ли
Яд ли, огонь ли, веревка ли, все мне равно; нестерпимо
Женскому сердцу влюбившись безответно признаться». На это
Наль видарбинской царевне отвечал: «Как же ты можешь
Вечным богам предпочесть обреченного смерти? Как можешь
С теми, от коих жизнь истекает, кем держится зданье
Мира, ставить меня наряду, недостойного с прахом
Ног их сравниться? Идущий против воли бессмертных
Смерти навстречу идет. О пленительно стройная дева!
Будь мне спасеньем, избравши небесное вместо земного.
Легкость чистых, беспыльно-эфирных одежд, неземные
Перлы, венки и повязки богов предпочти и блаженствуй.
Что желанней тебе? Благовонный ли воздух? Огня ли
Жертвенный пыл? Живая ли влага воды? Иль твердыня
Вечной земли? Один, лазурно-воздушным пространством
Мир объемля, движеньем и светом его наполняет;
Искрою в каждой пылинке таясь, другой проникает
Всё, разрушая тела и духу даруя свободу;
Третий, кристальною цспию землю обвив и на зыбком
Пухе воды отдыхая, жемчужные нити вплетает
В кудри свои; четвертый дает живущему место,
Мертвому пристань и всё созданье на суд собирает –
Вот твои женихи, Дамаанти; богам ли бессмертным
Ты откажешь? Не делай того, послушайся друга». С
трепетом сердца и влагой печали затмивши сиянье
Светлых очей, отвечала ему Дамаанти: «Всесильны
Верные боги; я чту их всем сердцем и им поклоняюсь
С верой; но ты мой жених; ты избран любовью; этой
Правды скрывать не хочу я». Так говоря, Дамаанти
Очи стыдливо склонила и руки прижала к дрожащим
Девственно чистым грудям с умоляющим видом. Вздохнув
Наль отвечал: «Не забудь, Дамаанти, что я пред тобою
В сане посла, нарушу ль святую доверенность? Вуду ль
Ныне просить для себя того, что строго велит мне
Должность просить для других? Наступит мой час, и без страха
Стану за право свое. Ты сама об этом размысли,
Радость очей, видарбинская роза». Вздох утаивши,
Тихо в ответ Дамаанти шепнула: «О друг, мы согласны
В мыслях; ты путь прямой избери, чтоб упрека и тени
Пасть на тебя не могло. Приходи же, о ты, украшенье
Смертных людей, с богами ко мне на торжественный выбор

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Там, в присутствии сильных властителей мира, тебя я
Выберу, царь благородный, тогда и ты пред богами
Правым и чистым останешься». Этот ответ вдарбпнекой
Девы принявши, Налъ возвратился в то место, где были
Собраны боги. Посла своего издалека увидя,
Миродержавцы спросили его с живым любопытством:
«Что ты скажешь? Какой ответ нам принес от царевны?»
Налъ сказал: «Посланником вашим проник я в жилище
Царской дочери, мимо стражей, невидимый стражам,
Видимый только царевне одной; конечно, то было
Так устроено вашу властью; с царевной нашел я
Много подруг; они вскочили, меня испугавшись;
Но дамаянти, прекрасный светло-смеющийся месяц,
В то мгновенье, как вашу волю, бессмертные боги,
Я объявлял ей, меня самого в затменье рассудка
Выбрала. Вот что сказала в ответ мне царевна: «Пусть придут
Боги вместе с тобою ко мне на торжественный выбор;
Там, в присутствии сильных властителей мира, тебя я
Выберу, царь благородный; тогда и ты пред богами
Правым и чистым останешься». Ваша воля святая
Мною исполнена, вечные боги; теперь, умоляю,
Должность посла снимите с меня и свободу мне дайте».

II

Вот с наступлением дня пригласил царь Бима на выбор
Всех своих знаменитых гостей. Собрал ися в обширной
Царской палате цари и царевичи; взоры их жаркой
Жаждой любви пламенели; они прошли сквозь золотые
Своды высоких дверей, как львы сквозь расселину; в блеске
Свежих душистых венков, в серьгах драгоценных сидели
Там величавые гости на пышных, упругих подушках;
Тесно их сонмище было, как львиная грива густая;
Полная ж ими палата казалась разинутым зевом
Тигра, полным зубов. И было тут чем любоваться:
Крепкие бедра, как будто столбы, литые из меди,
Сильные мышцы и плечи, как будто могучие дубы,
С гибкими пальцами руки, как змеи с пятью головами,
Гордые шеи, светлым гранитным зубцам на вершинах
Горных подобные, в блеске прекрасных, весельем горящих
Лиц, и пышных волос, и высоких бровей, и огнистых
Глаз. И в собранье гостей вошла дамаянти, чтоб ум их
Взглядом одним помутить, чтоб глаза и сердца их опутать
Сетью любви. И все к ней очами прильнули, как птицы
К клейкой охотничьей жерди. Долго кругом дамаянти
Взор свой водила; но тот, кто один был и в сердце и в мыслях,
Вй не являлся. Вдруг видит царевна пять одинаких
Образов; были они перед нею; то к ней приближались,
То от нее отходили; и каждый ей представлялся
Налсм, как скоро глаза на него она обращала;
Мысли ее помутились. Она подумала: «Что мне
Делать? Как четырех богов отличу я от Наля?»
Взоры ее напрасно божественных знаков искали.
«Знаков, о коих дошли к нам издревле сказанья, не носит
Здесь на себе ни один из видимых мною», – царевна
Думала. Вот наконец, по долгом с собой размышленьем,
Так решила она: «К богам подойду я с молитвой;
Боги молитвы моей не отринут». И с верой смиренной,
Руки сложив и к грудям богомольно прижав их, царевна
Так сказала: «Боги бессмертные, боги святые,
Мною избранного, сердцем желанного мне покажите;
Вели пред вами я делом и мыслию правду хранила,
Вели молюсь вам с теплою верою, если вы сами
Мне, уж избранного мною самою, в супруги избрали,
Вели его я любить поклялася и если должны быть
Клятвы священны, то мне вы его покажите, благие
Боги, и знаки свои мне откройте, чтоб вас я почтила».
Столь сердечную жалобу слыша из уст дамаянти,
Видя ее чистоту, и любовь, и покорность их воле,
Видя правдивость ее, и кроткое сердце, и светлый

Ум, согласились немедля ее желанье исполнить
Воги и приняла знаки свои. Тогда Дамаянти
Их во мгновение узнала по зорко-спокойному оку,
Лицам беспотным, светло-нетленным венкам, недоступным
Пыли белым одеждам, бостонному телу и дивной
Легкости быстрых движений, с какою они перед нею
Вяли с места на место, земли не касаясь ногами.
Рядом с ними, полуотсненный, в венке уж завядшем,
Пылью и потом покрытый, стоял на земле с помраченным,
Грустно потупленным взором задумчивый Наль. Дамаянти
Вызвала тотчас его из середины бессмертных и выбор
Свой изъявила обычным обрядом, смиренно коснувшись
Края одежды его и на кудри его наложивши
Свежий душисто-блестящий веночек. Совершился великий
Выбор; со всех сторон раздался торжественно клики;
Все цари и царевичи, мужи святые и боги,
Выбор одобряя, воскликнули: Слава\ счастливому Налью.
Он же, полный блаженства любви, своей нареченной,
Робко краснеющей, очи склонившей, дрожащей невесте
Так сказал с трепетанием сердца, но голосом твердым:
«Вели могла при бессмертных богах ты смертного мужа
Так почитать, Дамаянти, то слушай: тебя я
Сам пред людьми и богами своею женою именую,
Весь на целую жизнь отдаю тебе, и доколе
Будет дух жизни в теле моем, дотоле, о дева,
Роза Видарбу, я буду твоим; мое обещанье
С верой прими, на меня положишься; отныне тебя я
Буду питать, защищать и чтить, и хранить, и останусь
Верен тебе всегда, во всем, и словом и делом,
Радость и горе, богатство, и бедность, и все неизменно
В жизни с тобой разделяю». Обет такой произнесши,
Светлый жених перед всеми своей лучезарной невесте
Дал целомудренно первый любви поцелуй; и друг другом
Долго в блаженстве немом любовались они; напоследок,
Вспомнив, что боги близко, и царь и царица пред ними
Пали с молитвой; и боги скрепили своей благодатью
Брак их; податели всякого блага, они даровали
Налью четыре великие силы: могучий властитель
Воздуха дал ему зоркость очей с способностью в каждом
Месте простор находить и везде освежаться прохладой;
Бог огня даровал обладанье огнем и возможность
Видеть без ужаса блеск мирозданья; правитель земный
Тверди дал твердую поступь, чтоб был для него безопасен
Всякий путь по земле, и тонкий вкус для разбора
Пищи; владыка воды наградил могуществом воду
Всюду творить и цветы рождать единым желаньем.
Так одаривши царя, и царице все четверо вместе
Дали одно обещанье: что брака их радостью будут
Сын, как отец, и дочь, как мать, прекрасные. Милость
Им изъявивши такую, боги сокрылись; за ними
Вслед и цари и царевичи, выбор невесты одобряя,
В путь обратный пустились. Царь Бима, увидя, что схлынул
Этот прилив гостей, устроил свадебный праздник.
Наль, сочетавшись с своею царицею, пробыл в Видарбе
Первые дни в веселье и в радости сладкой; потом он
В царство свое, блаженный, прославленный, с милою женою,
Честью жен, звездой красоты и любви, возвратился.
Там в благовонных рощах, в роскошных царских палатах
Он благоденствовал, тихо и сладостно каплю за каплей
Жизни из чаши одной выпивая с ней вместе, вкушая
Мир и свободу, в молитве, в забавах, в труде и покое,
Правду творя и на счастье народном свое утверждая.

III

Боги, покинув Видарбу и в небо свое возвращаясь,
Встретили адского бога Кали. Провожаем Девпарой,
Странствовал он по земле. «Куда направляешь ты путь свой?»
Индра спросил. «В Видарбу, – Кали отвечал. – Дамаянти
Будет моею женою; мне в мысли пришло, что я должен

Бю быть выбран». С улыбкой ответствовал Индра: «Уж выбор
Сделан; ты опоздал; при нас она поклялася
В верности Налю». Кали, услышав от Индры такую
Весть, воскликнул в кипении гнева: «Когда Дамаянти
Смертного мужа посмела богам предпочесть, то над нею
Страшно должна отмщена быть такая обида». На это
Боги света мрачным богам отвечали: «По воле
Нашей выбор свершился в Вндарбе; и млад и прекрасен
Наль: лишь одною б лишенною смысла он мог быть не избран
Он, непорочный, уставов святых постоянный блюститель,
Книг духовных внимательный чтец, своим правосудно
Правящий царством; он, у которого в доме усердно
Приняты с почестью, с сладко-душистыми жертвами боги;
Он, правдивый, твердый и кроткий, людьми и богами
Чтимый; он, строгий обетов хранитель, он, одаренный
Набожным сердцем, великой душою, смиреньем и силой;
Он, в котором терпенье, умеренность, благость в единый
Образ божественной прелести слиты... Кали, кто враждует
С праведным Налом, тот скройся в пропасти ада, на муку
Вечную». Так отвечав, удал ил ися боги на небо.
Видя богов удалившихся, с злобной усмешкой Двепаре
Молвил Кали: «Не прошу никогда я обиды; теперь же
В Наля вселюсь, чтоб его, ненавистного, ввергнуть в погибель;
Ты же, Двепара (ведь знаем давно мы, какой он горячий
В кости игрок), посслися в костях и будь мне помощник».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I

С замыслом злобным своим притаился в обители царской
Наля коварный Кали. Он все выжидал, чтоб удобный
Случай открылся ему совершить предпрямое; шесть лет
Ждал он напрасно; в седьмой год предстал наконец благосклонный
Случай: ко сну отходя, позабыл совершить очищенсь
Царь, и в тело нечистое дух нечистый вселился.
В сердце Наля проникнул Кали, и святое жилище
Мирной невинности сделалось мутно от злых помышлений.
Выл у Наля сводный брат Пушкара. Далеко
Жил он в своем городке, небогатым участком довольный;
Хитрый Кали, овладевши сердцем смиренного Наля,
Вот что сказал в сновиденье Пушкаре: «Возьми ты скорее
Кости, и к Налю иди, и игру о царстве нншадском
С ним заведи, и будет твоим нпшадскос царство;
Весь проиграется Наль». Пушкара, прельщенный нечистым
Духом, взял кости, в которых уже скрывался Двепара,
К Налю явился и вызвал его на игру; загорелся
Бешеной страстью Наль, запрыгали кости, и смертный
Бой начался; и царь, как безумный, ставил на кости
Все: драгоценные камни, золото, утварь, одежды,
Замки и земли, и все, одно за другим, ослепленный
Хитрым врагом, он проигрывал. Тщетно его Дамаянти
Бросить игру умоляла; ее он не слушал. Смугились
Все приближенные, все вельможи, весь двор, все граждане;
Вот Дамаянти слышит, что все они собрал ися
В царском дворце, чтоб царю объявить, как сильно тревожит
Их злоключенье такое; и в горьких слезах Дамаянти
Так сказала царю: «В твоей обители весь твой
Верный нншадский народ собрался, и ждет, и желает
Светлые очи увидеть твои; покажнея, ответствуй
Им на любовь их вниманием царским». И слезы бежали
Быстро из глаз Дамаянти, но царь не внимал ей, враждебной
Силою мрачного духа объятый. И двор и граждане,
Видя, что Наль их моленья отверг, разошлись, помышляя
С горем глубоким и тяжким стыдом: он боле не царь нам\
Кости же тою порой как живые летали; все жарче
Бой разгорался, и царь проигрывал с каждым ударом.

II

Видя, что муж от игры был совсем без ума, Дамаянти
Стала думать о том, каким бы средством от близкой,
Им обоим грозящей беды защититься; но трудным

Ей показалось спасенье; безумный Налъ поминутно
Область за областью брату проигрывал. Вот Дамаянти
С горем сказала кормилице старой своей Врихазене,
Чтимой всеми в доме царевом, советнице умной:
«Друг мой, кормилица, слушай; ко мне собери поскорее
Всех советников царских; мне должно с ними исчислить,
Сколько богатства проиграно, что еще нам осталось».
Вот собрал ися советники; их повела Дамаянти
К Налю, который играл беспробудно. К нему приступила
С ними царица и, плача, выслушать их умоляла.
Но очарованный Налъ был глух, и слеп, и бесчувствен;
Он не взглянул на нее, не сказал ей ни слова,
Все продолжал по-прежнему с братом играть и стоявших
В горе и страхе пред ним вельмож не приметил. Утратив
Всю надежду, они с содроганьем оставили царский
Дом. Царица же долго в лицо безумному Налю
С страхом смертельным смотрела; а между тем роковые,
Налю враждебные, брату его благосклонные кости
Стуком своим беспреостаннным и пуще ее ужасали.
«Слушай, кормилица (так наконец Дамаянти сказала
Верной своей Врихазене), беда наступила; скорее
Кликни Варшнею, правителя коней царевых». Когда же
К ней явился Варшнея, устами, сладчайшими меда,
Вот что ему Дамаянти сказала: «Варшнея, сопутник
Верный царя, послужи ему и теперь в наступившем
Бедствии: видишь, что каждый проигрыш с новой
Силой в нем страсть к игре разжигает, что кости как будто
Против него заодно с Пушкарой; мой царь обезумлен
Духом враждебным; забыл о народе, о ближних, не внемлет
Даже и мне; всему причиною кости; в них скрыта
Адская сила, а сам он невинен. Послушай, мой добрый,
Верный Варшнея, исполни мое повеленье: всечасно
Жду со страхом и трепетом я, что царь мой погибнет,
Все проиграв; но еще не проиграны царские кони
Быстролетучие; сядь в колесницу его и немедля,
Прежде чем наша гибель вполне совершилась, в Видарбу
К Бимс, отцу моему, детей отвези; поклоняя
Сродникам всем и знакомым моим; когда же отдашь ты
Все, и сироток моих и царских коней с колесницей,
Виде, тогда ты будешь волен иль остаться в Видарбе,
Или идти в иную какую землю, куда ты
Сам пожелаешь». Варшнея, верный правитель царевых
Коней, выслушав то, что ему Дамаянти сказала,
Созвал советников царских; когда же и те согласились
С умным желаньем царицы, то, взяв детей, он поехал
С ними в Видарбу. Там, снявши детей с колесницы,
Отдал их Бимс, потом родным и знакомым царицы
Всем от нее поклонился, потом, печалимый тяжкой
Участью Наля, пошел в свой путь и, в Айоду пришедши,
В службу вступил к царю Ритуперну правителем коней.

III

Выл уж далеко Варшнея, когда у несчастного Наля
Выиграл злой Пушкара все царство. С насмешкою колкой
Брату сказал он: «Ты весь проигрался; посмотрим,
Что ты теперь поставишь на кости; одна Дамаянти
Только и есть у тебя; твое же добро остальное
Все мое; отведаем счастья. Чьею женою
Быть должна Дамаянти, твоею или моею?»
Это услышав, Налъ содрогнулся, вздохнул и ни слова
Не был в силах промолвить; но, мрачно взглянувши на брата,
Снял с себя все уборы и, только одно сохранивши
Бедное платье, нищий, ограбленный, царь благородный
Вышел смиренно из царского дома, несметных сокровищ
Полного; следом за ним, без роптанья судьбе покоряся,
Также одно лишь платье сберегши, пошла Дамаянти.
Ночь они провели без ночлега; под смертную казнь
Их принимать запретил Пушкара гражданам Нишады;
Новый царь был страшен, и так ни единый из прежних

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Подданных не дал приюта царто бесприютному. Близко
Города, голод и жажду терпя, одним безотрадным
Горем богатый, три дня и три ночи сряду скитался
Наль; потом он дале пошел, печальный, голодный;
Следом за ним пошла Дамаянти; для скудных пищи
Ягоды рвали они и рыли коренья. Прошло уж
Несколько дней печального странствия; голод жестоко
Мучил однажды обоих. Вдруг две златокрылые птички
8 – 3088

Сели на травке близ самого Наля. «Нам будет сегодня
Пища», – сказал он, тихонько подкрался к птичкам и, снявши
С плеч последнее платье свое, им поспешно накрыл их.
Что же? С ним вместе птички взвились на воздух и, видя,
Как изумлен был Наль, совсем обнаженный, запели:
«Знаешь ли, кто мы, безумный? Мы кости, мы кости! нарочно
Мы сюда прилетали, чтоб взять у тебя остальное
Платье; нам было досадно, что ты, совсем проигравшись,
С платьем еще оставался. Прости, безрассудный; счастливый
Путь!» И птички исчезли. Наль сказал: «Дамаянти,
Те, от которых такую беду я терплю, кто лишили
Царства, покоя и счастья меня, от которых не смеет
Ныне меня принимать ни один из нншадцев, – под видом
Птиц златокрылых сюда прилетали, дабы остальное
Платье похитить мое. И теперь я, сил и рассудка
Горем лишенный, тебе самой, Дамаянти, на выбор
Все отдаю. Та дорога ведет по горам Рншаванским
Прямо в Авантскую землю; здесь по склонсню Виндийских
Гор, вдоль излучистой светло-шумящей Пайошни проникнешь
В те места, где отшельники в кельях святых обитают;
Здесь же дорога в Видарбу». Так Наль говорил; но рыданье
Грудь Дамаянти спирало, и слезы лились по прекрасным,
Бледным щекам. Она ему отвечала чуть слышным
Голосом: «Сердце мое замирает, и я от печали
Вся цепенею при мысли одной о том, что так сильно
В этот миг тебя, о возлюбленный друг мой, тревожит.
Царства лишенный, счастье утративший, голодом, жаждой,
Всякой нуждою томимый, царей красота, мой единый
Друг, как мог пожелать ты, как мог ты подумать, чтоб было
Мне возможно покинуть тебя, от тебя отказаться?
Нет, мой прекрасный, тебя, изнуренного голодом, жаждой,
Горем о счастье погибшем томимого, буду и в диком
Лесе и в знойной степи утешать я и словом и взглядом.
Знай, что нет для души и для тела вернее лекарства
Верной жены». – «О! правда твоя, Дамаянти, – с улыбкой
Наль отвечивал, – ист для несчастного лучше лекарства
Верной, любящей жены. Я с тобой не расстанусь; могло ли
В ум твой войти подозренье такое? Скорее с своею
Жизнью расстануся я, чем с тобою, сокровище жизни». –
«Друг, для чего же ты мне говоришь о дороге в Видарбу?
О, мне страшно! о свет мой прекрасный, останься со мною!
Будешь себя самого ненавидеть, меня потерявши.
Нет, мой друг, не указывай мне на эти дороги;
Вся душа во мне замирает от горя и страха.
Бели же. хочешь, чтоб к сродникам я возвратилась в Видарбу,
Вместе пойдем; видарбпнекнй царь, родитель мой, Бнма,
Радостно примет тебя и твоим утешителем будет;
В почести будешь со мною ты жить под отеческой кровлей». –
Наль отвечал: «Дамаянти, сомнения нет, что отец твой
Радостно примет меня и пристанище дает мне в Видарбе;
Но, бесприютный и нищий, туда не пойду я. Могучим,
Славным, богатым, подателем счастья тебе я оттуда
Вышел; могу ли туда возвратиться бессильным, бесславным,
Нищим, счастья жизни твоей разрушителем? Лучше
Вместе с тобою, о светлый мой ангел, пойду в одинокий
Путь по горам, по долинам, питаюсь воздухом, жажду
Свежей росой утоляя, чтоб только лишь солнце и месяц
Ныне нас страждущих видели, прежде нас видевав блаженных». –
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

I

Так утешал сокрушенную спутницу Наль; Дамаянти,
Нежно к нему прижимаясь, одела его половиной
Скудной одежды своей; и так под одним покрывалом,
Голод и жажду терпя, дорогою трудной достигли
Оба к низенькой хижине, лесом густым окруженной;
Там, утомленные, пылью покрытые, царь и царица
Друг подле друга легли на голой земле без подушки.
Наль заснул, и скоро глубоким сном Дамаянти
Также заснула. Но сон царя злополучного длился
Мало; тяжесть лежала на сердце его; пробудившись,
Стал он думать о царстве своем, о потерянном счастьее;
Странствие в диких лесах и степях его ужасало;
Ум его помутился. «Что за судьба! – про себя он
Так говорил, – не лучше ль мне смерть, чем изгнание и бедность?»

8:

и5

Эта ж несчастная, мне себя посвятившая... должно ль
Ей без вины разделять мое заслуженное горе?
Розно со мною она к родным возвратится; со мною ж
Вместе уделом ей будет страдание одно; так не лучше ль
Нам расстаться?» Так он все думал, думал, и скоро
В нем утвердилась мысль, что ему Дамаянти покинуть
Должно. «Где бы она ни была, – он сказал, – никакая
Вражья рука ей, небесно прекрасной, божественно чистой,
Зла приключить не дерзнет; опасность может грозить ей
Только там, где буду с ней я, на беду обреченный».
Так он, врагом обуянный, знакомился с мыслью разлуки.
«Как же мне быть? – наконец он сказал. – Я наг; уж не взыг
Мне половину платья ее? Но могу ли то сделать
Так, чтоб она не проснулась?» И он бродил в нерешимых
Мыслях около хижины; вдруг на земле он увидел
Ржавый кинжал без ножен; поспешно, с радостью дикой
Этот кинжал он схватил, и им половину отрезал
Платья у спящей жены, и той половиной покрылся.
После, как будто в испуге, зажавши глаза, побежал он
Прочь, но скоро назад возвратился и горько заплакал,
Глядя на спящую. «Та, на которую ветер холодный
Дунуть не смел, которую знойное солнце не смело
Жарким лучом потревожить, краса молодая, услада
Жизни моей, подобно безумной, в обрезанном платье
Здесь на жестком камне лежит. О ангел небесный,
Свет души, Дамаянти, что будет с тобою, когда ты
Воле меня не найдешь? О дочь прекрасная Вимы,
Как же ты будешь бродить, не имея защитника в диком
Лесе, где львы и тигры живут, где змеи гнездятся?
О вы, боги земные, боги воздушные, духи
Гор и пещер, охраняйте се прекрасную младость!
Самый же верный ей щит – се непорочность святая!»
Так сказав, опять удаляется Наль от беспечно
Спящей спутницы, снова приходит, снова уходит,
Плача, терзаясь, то сильным врагом, то любовью влекомый.
Но наконец Кали одолел: трепещущий, бледный,
Тяжко стеною, чуть движа ногами, пошел он и скоро
Скрылся, и в диком лесу одна Дамаянти осталась.

II

Только что Наль удалился, очи свои Дамаянти
С ясной улыбкой открыла; ищет его, озираясь
Робко по всем сторонам... когда же нигде не нашелся
Друг желанный, то страх предвещательный душу пронзил ей;
Вдруг она закричала отчаянно-жалобным криком:
«Наль!» – но ответа ей не было. «Царь мой, – она возопила, –
Мой повелитель, защитник, мой спутник, ужели
Мог ты покинуть меня в такой неприютной пустыне?
Я умру от страха в этом лесу; возвратится,
Наль, мой друг, мой желанный! Ужели меня обманул ты?
Мог ли ты слово нарушить свое и меня, беззаботно
Спящую, кинуть? О, где ты? куда ты, в какую

Сторону, милый, пошел? Подожди, возвратися; как мог ты
Бросить жену, полжизни твоей? Иль над нею, невинной,
Хочешь отмстить чужую вину? Но вспомни же, что ты
Ей обещал в присутствии вечных богов? О! теперь я постигла
В горе моем, что нам умереть в не указанный свыше
Час нельзя – иначе могла ли б прожить я единый
Миг, потерявши тебя? О нет, ты только пугаешь
Шуткой меня; перестань же, мой друг; от шуток подобных
Стынет кровь и мертвеет душа; я робка; воротися;
О! я знаю, ты близко, ты скоро покажешься; дай же
Светлые очи твои мне увидеть! О, где ты? В какую
Чашу лесную ты скрылся, чтоб душу мою растревожить?
Ах! но если ты вправду со мною расстался и если
Воле ко мне не придешь и мне не подашь в утешенье
Руйу, то я не себя оплакивать буду; я буду,
Милый, скорбеть о тебе; ты один; что будет с тобою,
Всеми на свете оставленным, грустным, усталым, голодным,
Жажущим? О мой милый, что будет, что будет с тобою
В те минуты, когда ты, меня уж не видя очами,
Будешь видеть душою, и будешь звать, и нельзя уж
Будет дозваться меня, и уж боле меня ты не встретишь?..»
Так творила в печали своей Дамаянти, то плача
Горько, то падая с тяжким рыданьем на землю, то с громким
Криком с земли подымаясь и лес наполняя стенаньем.
Вот после долгого плача, рыданья, крика и стога,
С чувством живого к нему сожаленья, она возопила:
«Кто бы ни был тот враг, чья зависть и злоба такое
Зло приключили царю моему, пускай испытает
Он, ненавистный, сугубое зло; пускай искуситель,
Чистую душу царя моего увлекший в такое
Дело, вес муки мои в свою нечистую душу
Примет». Так проклявши врага, по дикому лесу,
Полному злых людей и чудовищ, пошла Дамаянти
Медленным шагом куда глядели глаза и твердила
Грустною горлицей: «Милый, возлюбленный, где ты?», и слезы
Градом катились из глаз, и грудь разрывалась от вздохов.
Вдруг на нее с высокого дерева кинулась с страшным
Свистом змея, голодная, длинная, жадно добычу,
В ветвях древесных склубившись, стерегшая. Сжатая в крепких
Кольцах чудовища, только о милом своем Дамаянти
В час гибели думала. «Где ты? – она восклицала. –
Друг, поспеши на помощь ко мне, погибающей; горько,
Горько будет подумать тебе, когда возвратишься
Снова на царство, избегнув от бед, что меня ты покинул
Так беззащитно в лесу на погибель. Отныне кто будет
О мой царь, тебя, одинокого странника, в темном
Лесу, в знойной степи, утомленного горем, болезнью,
Голодом, жаждой томимого, в зной полуденный, в жестокий
Холод ночной утешать, ободрять и покоить? Меня уж
В свете не будет...» Но жалобный стон Дамаянти услышал
Шедший вблизи звероловец. Он кинулся к ней и, нацелив
Метким копьем, змею умертвил. Спасена Дамаянти.
Выпутав нежные члены ее из губительных колец,
Он с удивленьем спросил: «Откуда, красавица, кто ты?
Дева с глазами живой антилопы, какою судьбою
В эту пустыню зашла ты и вверглась в такую опасность?»
С грустно-приветной улыбкой повесть свою Дамаянти
Всю простодушно ему рассказала. Ее пред собою
Видя полуобнаженную, с девственно полною грудью,
С стройно-воздушным станом, с устами цветущими, в пышном
Шелковых черных волос покрывале, с ярким блистаньем
Черных глаз под бровями, прекрасною, тонкой дугою
Их осенившими, он во мгновение зверской любовью
Вспыхнул; и взором бесстыдным ее пожирал он, и руки
Около гибкого стана обвить он хотел, и рвался он
К чистым устам, чтоб их осквернить поцелуем. Но гневом
Очи се, как небесная молния, вспыхнули; грозно
Душу пронзающий взор на него она устремила.

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

«Кеди то воля бессмертных, чтоб мною владел без раздела
Данный мне ими супруг, то теперь же пади бездыханен,
Враг ненавистный, на землю!» – сказала она, и лишь только
Гневное слово язык произнес, как уже святотатец
Мертв перед нею лежал, убитый ее заклинаньем.

III

Чудом спасенная, снова пошла Дамаянти пустынным
Лесом вперед, и чем далее шла, тем мрачней становился
Лес; деревья сплетал ися ветвями; мошки, густою
Тучей клубяся, жужжали; рыкали львы, и ужасный
В хворосте шорох от тигров, буйволов, рысей, медведей
Слышался ей; нигде дороги не было; всюду
Падшие гнили деревья; меж трупами их пробивались
Дикие травы, в которых, шипя, ворочались змеи;
Вправе и влеве, в кустах и в вершинах дерев раздавались
Крики орлов плотоядных, и хлопали крыльями совы.
Лес наконец уперся в высокую гору, где жили
С давних лет великаны и карлы, которой вершина
В небо вдвигалась, а темное чрево хранилищем редких
Камней было. Там чудно скалы на скалы громоздились;
Выли живым серебром по бокам их ключи; водопады
Мчались, сверкали, кипели, ревели меж скал; неподвижно
Черная тень лежала в долинах, и ярко блистали
Голые камни вершин; в бездонно-глубоких пещерах
Грозно таились драконы и грифы. Такою дорогой
Шла Дамаянти, сама не зная куда, с неизменной
Верностью к другу, ей изменившему, с сердцем смиренным,
С чистым в душе целомудрием, с верой, не знающей страха;
Шла она, шла и пришла в пустынное место; и в грустных
Мыслях о друге далеком младые уста растворила
К жалобе нежной и так, помяная его, говорила:
«Где ты, царь благородный, нишадец прекрасный, могучий?
Где ты? Куда ты пошел, мой владыка, покинув в безлюдном
Месте меня без защиты? Скажи мне, как мог ты, усердный
Жертв при носитель богам, позабыть о нашем союзе?
Ведды читатель, как мог ты обет свои нарушить? Как можешь
Добрый молиться богам, повелевшим тебе быть защитой
Данной ими жены, как и мне они повелели
Следовать в самую смерть за владыкой моим? О! Зачем ты
Слово нарушил? Виною ли какую я то заслужила?
Или тебе не жена я? Скажи же, ответствуй: зачем ты
Так жестоко отрекся меня, обещав мне иное?
Или открой мне, где ты теперь веселишься, оставив
В горе меня безутешном? Ответствуй, куда ты, нншадский
Царь, ушел? По тебе твоя видарбинка тоскует;
Сын Виразены могучего, дочь благодушного Бнмы
Кличет тебя; о Наль мой, откликнись твоей Дамаянти;
Голос подай ей в этой пустыне; ей здесь угрожает
Леса властитель, кровавый, голодный тигр; неужели
Ты ответа не дашь мне, грустящей, плачущей, ждущей,
Врошенной, слабой, иссохшей от голода, пылью покрытой,
Ночью и днем бесприютной, одежды лишенной, бродящей
В страхе, как матки лишенная лань? Неужели ко мне ты,
Друг, не придешь? Я зову, но дозваться тебя не могу я;
Всюду с тобой лишь одним говорю, а ты безответен;
Ты, из людей благороднейший, блеском очей, величавой
Стройностью стана, лица красотой божественный, где ты?
Где ты? И где тот, кому б мне сказать: Не видал ли ты Наля?
Кто б мне отрадное слово промолвил в ответ: Твои прекрасный,
Твои желанный, о кам ты так плачешь, так сетуешь, близко*.
Вот бежит владыка лесов, острозубый, могучий
Тигр; я без страха к нему подойду и скажу: благородный
Тигр, владыка лесов, я царская дочь Дамаянти,
Светлого Наля жена, одинокая, сирая, в горе,
В страхе, в нужде, за ним безотрадно бродящая; где он?
Вели ты знаешь об этом, зверей повелитель, скажи мне;
Если же нет, то скорее меня растерзай, чтоб от муки
Душу мою исцелить. Но, мои молящие вопли

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Слыша, зверей повелитель к реке, впадающей в море,
Мимо, ответа не дав мне, из лесу уходит. Я вижу,
Там подымается, в небо упершись вершиной, обвитый
Пышным венцом из деревьев и кустов благовонных, цветами
Ярко пестреющий, солнечно-блещущий, слитый из твердых
Скал, насквозь проспанный металлами, рек и потоков
Древний отец, лесов неприступная башня, пустыни
Сторож, владыка гор, – подойду и скажу: о владыка
Гор первозданный, спокойно-блаженный, прохладно-росистый,
Тучподобный, земли подпиратель, тебе поклоняюсь;
Слезно тебя, о великий, молю, скажи: не видал ли
Наля? Я дочь благодушного Бнмы-царя, Дамаянти;
Сын в и разе ны, Наль Пуньялока, супруг мой, Нишады
Царь богомудрый, глубоко постигнувший Ведду святую,
Чистый и мыслью, и словом и делом, гонимых защитник,
Зла истребитель, сеятель благ, мне данный богами
Спутник, покинул меня, и, расставится с ним, я рассталась
С жизнью. Ныне к тебе прихожу, многоглавный властитель
Гор, с высоты все объемлющий оком, скажи: не видал ли
Наля? Ответствуй, могучий создания первенец; словом
Сладкой надежды утешь сироту, как отец утешает
Дочь сокрушенную: где мой возлюбленный? где мой желанный?
Где мой прекрасный, мой более жизни мне милый сопутник?
Где мой царь, мой владыка, мой вождь, мой ангел-хранитель?
Рвется сердце к нему; по нем душа унывает;
Очи ищут его, и голоса милого жаждет
Слух, и грудь сгорает желаньем прижаться ко груди
Жаркой его... О! когда же придется услышать мне снова
Милое слово из сладостных Налевых уст: Дамаянти
Так говорила в своем сокрушении с горою пустынной
Водная царская дочь, но гора не дала ей ответа.

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

К северу лесом пошла Дамаянти; три дня и три ночи
Шла она; вдруг перед нею явилась чудесно-густая
Роца из райских дубов; кругом живая ограда
Вся в цвету, и исполнена тихим небесным сияньем
Внутренность. Там обитали отшельники, мира отрехшись.
Строгие постники, чувств обуздатели, помыслов светлых
Полные, чистой душой на земле небожители, в этой
Роце жили они, с собою розно, с одними богами
В тесном союзе; им пищей роса и воздух, одеждой
Листья древесные были. Дивясь, смотрела на этот
В дикой пустыне сокрытый эдем Дамаянти; там было
Все благовонно; цветы и плоды сияли меж темных
Листьев; сверкали ручьи; на их берегах антилопы
С легкими сернами прыгали; ветви обвивши хвостами,
С криком качались на них обезьяны; по сучьям деревьев
Ползали, перьями ярко блестя, попуган. Свободно
Царская дочь вздохнула, святую увидя обитель;
Все чаруя небесно-смирною прелестью женской,
Темнокудрявая, сладостно-стройная, тихо, как будто
Вея по воздуху, к старцам святым подошла Дамаянти;
Ласково приняли старцы ее, и она им сказала:
«Мир вам, угодники; трудное дело спасенья успешно ль
Вы совершаете? Жарко ль пылает огонь покаенья?
Звери и птицы спокойны ль в обители вашей? Самим вам
Все ли во благо?» Они отвечали: «Все нам во благо;
Будь равномерно во благо все и тебе. Но скажи нам,
Кто ты, краса неземная? Чего ты желаешь? Нас светлый
Образ твой всех изумил; успокойся у нас и открой нам,
Кто ты? Богиня лесов, иль полей, иль потоков?» На то им,
Тихо вздохнув, Дамаянти сказала в ответ: «Не богиня
Я лесов, полей и потоков, но слабая, тяжким
Горем гнетомая, смертная женщина; вам, благодушным
Старцам, я все расскажу. Владыка Видарбы, могучий,
Славнодержавный Бима отец мой; властитель Нишады,
Грозный могуществом, в каждом бою победитель, великий,

Светлый душою, неба достойный земли уроженец,
Правды защитник, правды вещатель, божественно-царским
Блеском сияющий, градохранитель, градорушитель,
В светлых очах и солнца и месяца блеск совместивший,
Наль, мой супруг, игроком коварно-искусным был вызван
В кости играть; и ему все царство свое проиграл он.
Имя мое Дамаянти; одна по лесам и пустыням
Вслед за Налем скитаюсь, крушимая горем, и ныне,
Старцы смиренные, к вам прихожу, чтоб узнать, не встречался ль
Где-нибудь вам мой утраченный царь? Не видали ль в эдемской
Роще своей вы его, за которым я следуя, этот
Полный тиграми лес перешла? Скажите мне, старцы,
Встречу ль его? А ежели нет, то не лучше ль покинуть
Жизнь? О! на что мне она? одно нестерпимое время
Жизнь без него, уладителя жизни». На жалобы царской
Дочери, с нежным об ней сожалением, так отвечали
Старцы, читая пророчески в будущем: «Праведны боги!
Веруя им, не смущайся душою, прекрасная; светлы,
Тихи и чисты, как очи твои, невинности ясной
Полные, будут грядущие дни для тебя; то являет
Нам откровение свыше: ты снова увидишь супруга;
Снова он будет царем, от вины невольный чистый,
Царски венчанный, грозный врагам, утешение ближним,
Скорби твоей исцелитель, жизни твоей украшенье,
Прежний твой друг, твой сопутник, советник, защитник – и все то
Сбудется, если в тебе не ослабнет терпенье и верность...»
То сказавши, тихо исчезли пустынники; с ними
Вместе и утвари их, и жертвенный огонь, и молитвы
Место, и свежесть эдемски сияющей рощи исчезли...
В темном лесе одна Дамаянти осталась, и было
Все пустынно кругом. Дамаянти сказала: «Не сон ли
Мне привиделся? Где святые отшельники? Где их
Роща? Где их живые ключи, их птицы, их звери?
Где их цветы благовонные?» Так в изумленье подумав,
Снова печали своей предалась Дамаянти; но чудный
Призрак ее ободрил, и пошла с упованием дале.

II

По лесу долго скиталась в горе своем Дамаянти;
Вдруг попадается ей деревцо, одаренное чудной
Силою душу целить; у людей его называют
Дерево Гореуслау, у богов Азока. Царевна
К этому дереву, лес оживлявшему запахом сладким,
Цветом покрытому, с сенью густою, проникнутой звонким
Пением птиц голосистых, тотчас подошла и заводит
Речь с ним такую: «Блаженное дерево, чудный, прекрасный
Гореуслад, благовонный Гореуслад, услади ты
Горе мое; цветущий Азока, скажи, не видал ли
Ты моего супруга, царя нпшадского Наля?
Где он скитается? Помнит ли он обо мне? О! порадуй
Сердце мое доброю вестью о нем, цветonoсный Азока;
Дай мне уйти от тебя с утешением; сам же в приюте
Леса цветы, никем не обиженный, чистый, душистый,
Сладостный Гореуслад, усладитель всякого горя».
Так говоря, сорвала Дамаянти с чудного древа
Ветку; потом, с ним прощаясь, примолвила: «С этою веткой
Скорбь, и печаль, и нужду, и заботу беру я с собою;
Ты же, свободный от скорби, печали, нужды и заботы,
Здесь оставайся, и если царя моего ты увидишь,
Молви ему, что отсюда печальное вес унесла я,
Дай ему тень и покой, чтоб под кровлей твоей беспечальной,
Гореуслад, он мог, отдохнув, усладиться от горя».
С сими словами прекрасная царская дочь удалилась;
Снова пустынным лесом пошла, и снова пред нею
Стали являться деревья с широкою сенью, крутые
Горы, скалы разнovidные, темные дебри, потоки;
В ветвах деревьев гнездились, шумели, порхали и пели
Птицы лесные, и всюду ей в дикой глуши попадались
То кабан, то шакал, то буйвол, то рысь, то пантера.

Так Дамаянти скиталася долго. Вдруг на широкой,
Чистой поляне представился ей караван многолюдный;
Лес оглашался криком людей, скрипением повозок,
Ржанием конским, топотом тяжким слонов и верблюдов,
Вдоль широкой реки, густым тростником опушенной
(Где укрывался цапли и белые лебеди звучно
Голос свой подавали, где светлая влага кипела
Множеством рыб, черепах и змей), караван тот тянулся.
Кинулась к людям навстречу царица; ее появление
Всех поразило; полунагая, одним покрывалом
Шелковых длинных волос, но плечам и грудям в беспорядке
Вьющихся, чудно одетая, бледной подобная тени,
С горя иссохшая, вся в пыли, но все как небесный
Ангел прекрасная – так им явилась в лесу Дамаянти.
В страхе одни от нее убежали, другие безмолвно
Ей смотрели в лицо, иные смеялись, иные,
Воле имея рассудка, приблизились к ней с состраданием.
«Кто ты, образ небесный? – спросили они. – Для чего ты
В этом лесу? Земной ли ты человек или создание
Высшее, горный могучий дух, или дева потока,
Или иная бессмертная? Вудь нам встреча с тобою
Знаменем добрым. Тебе мы себя предаем, чтоб дорогу
Наш караван совершил безопасно». На это, вздохнувши,
Царская дочь отвечала: «Не с неба сошла я; земная,
Бедная, жалкая странница я; мой отец – видарбинский
Царь; мой супруг – обладатель Нпшады, Наль знаменитый;
С ним в разлуке, его я ищу и не ведаю, где он.
Бели что слышали вы о владыке моем, то скажите,
Где мне с ним встретиться, где я найду прекрасного Наля,
Наля, царя львиносердного, грозно-отважного в битвах?»
Вождь каравана, богатый купец, по имени Зуччи,
Ей отвечал: «Нигде на путях, по которым давно уж
Странствуем мы, нам донныне никто не встречался, кто б имя
Наля имел; оленей, медведей, буйволов, тигров
Много в этом лесу; но до сих пор еще человека,
Кроме тебя, мы здесь не видали». – «Куда ж вы идете?» –
Снова спросила его Дамаянти. «Идем в знаменитый
Город Шедди, – отвечивал Зуччи, – им ныне владеет
Царь Сувегу, и в царском дворце его обитает
Вместе с ним его благодушная мать, драгоценный
Перл добродетели женской». Услышав о том, Дамаянти
В город Шедди решила идти; пристать к каравану
Зуччи ее пригласил. С караваном пошла Дамаянти.

III

Долго с печалью одна бродив по лесам, Дамаянти
Спутников много имела теперь, но была и меж ними
Все, как и прежде, с печалью одна. По горам, по долинам
Шумным потоком валил караван. Вот однажды с закатом
Солнца они очутились у тихого озера; в темном
Лесс скрывалось оно; берега облекались зеленым
Бархатом свежей травы; как стекло, неподвижно-прозрачны
Были воды; и в чистом зеркале их водяные
Розы и лилии ярко сияли, и бисером пены
Легкие струйки, ласкаясь к ним, осыпали их листья.
Берег кругом был излучист, и воды в него то глубокой
Бухтой входили, то он в их широкое лоно зеленым
Мысом вдавался. Усталые путники, в этом приятном
Месте ночлег учредив и снявши с слонов и верблюдов
Лишнее бремя, спокойно легли на траве под открытым
Небом и скоро заснули. Вдруг в полночь (когда в караване
Вес как мертвые были от сна) с горы прибежала
С страшным храпением стая диких слонов, чтоб в потоке
Жажду свою утолить, пылая томительным жаром.
Но, почуявши близость слонов каравана, с свирепым
Бешенством, пенясь и фыркая, кинулись все на заснувших
Смирных врагов; никакою силою грозных чудовищ
Было нельзя удержать; как в долину, сорвавшись с высокой
Горной вершины, катятся скалы, так, ломая деревья,

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Вдруг слоны ворвались в караван и топтали лежащих Сонных людей. Со стоном и криком все подмял ися, Все смешались – слуга, господин, старик и младенец; Ночью, страхом и сном обуянные, сами не зная, что за беда п откуда, кто в лее, кто к воде побежали. Слыша храпенье и топот, видя во мраке мельканье Черных огромных теней, давимые тяжелой ногою, Острым клыком пронзенные, сжатые хоботом сильным, В диком беспамятстве, люди, верблюды и кони бросались Друг на друга и сами в смятенье друг друга губили, Сияясь спастися: те кучей на дерево лезли, цепляясь Низшие за ноги высших, и падали вместе, другие В яму свергались, или набегали на камень, иль в воду Слепо кидал ися: разом исчез караван многолюдный. Многих в минуту всеобщей беды корысть обуяла; Голос лукавый шепнул им: «Куда вы бежите? погибель Общая – общим и всякое стало богатство; берите Все, что достанется в руки; вот куча рассыпанных перлов, Вот драгоценные камни, вот золото, смело хватайте; Нищий нынче – завтра будет богач...» И погibli Вес, кто, предавшись корысти, замедлили бегством спастися. В это мгновенье, когда, как поток, разливалась повсюду Гибель, проснулась хранимая силой богов Дамаянти. Видя очами такой дотоле невиданный ужас, Видя и слыша, как мчалась смерть над се головою, Вся трепетала она и, готовясь погибнуть, грустила Только о милом, далеком, навек покидаемом друге. Но когда миновалась буря и снова все стало Тихо в лесу, собрались понемногу спасенные. «Чем мы Гнет несказанный такой на себя от богов обратили? – Так рассуждали они. – Позабыли ль почтить мы дарами Бога, сокровищ хранителя? Иль караваном был встречен Кто-нибудь, дерзкий хулитель бога торговли? Иль птицы, Нам враждебные, в эту ночь пролетели над нами ? Или было влиянье зловредных планет?..» Напоследок Вот что сказали они: «Вся беда нам от встречи С этой безумной, нагой, нечахлой и бледной бродягой. Кто она? Чародейка, жена иль дочь великана, Небом проклятая? Бели опять на глаза попадетсЯ Эта волшебница нам, то ее мы не добрым приветом, Камнями встретим. Она своим колдовством погубила Наш караван». Такие слова в темноте Дамаянти Слыша, с печалью, стыдом и страхом в чащу лесную Скрылась. «О горькая участь моя! – она говорила, Тяжко рыдая. – О счастье, меня обманувшее! снова Целым светом покинута я. Какою виною Я на себя навлекла гоненье такое? кому я Делом, иль словом, иль мыелню зло приключила? Знать, в прежней Жизни была я преступна; за то и в теперешней должно Мне до гроба страдать, за то и гоненье такое Мне от людей, за то и разлука с супругом, утрата Царства, от милых детей и от милых родных отлученье, Странствие по лесу, полному тигров и змей, бесприютность В холод и зной, нищета, сиротство, и ужас, и горе». Утро меж тем занялось; в небольшую толпу собрал ися Все, не погибшие в страшную прошлую ночь, и в дорогу Снова отправились, плача о горькой утрате богатства, Плача о мертвых друзьях. Вот снова покинута ими В диком лесу Дамаянти, и горе ее превышало Все их страдания вместе. «О! чем же, чем (говорила, Плача, она) такую беду на себя навлекла я? Злая участь моя и слонов приманила на гибель Этих несчастных, мне давших защиту; за то и должна я Долгим страданьем свой выплатить долг; я чувствую в тяжком Горе моем всю истину древнего слова: без воли Неба никто не умрет, и моей истерзанной груди Хобот слона не коснулся. Так! без судьбы совершиться С нами ничто не может на свете; я за собою

С самых младенческих лет никакого не ведаю злого
дела, не помню ни мысли худой, ни виновного слова –
в том ли мое преступление, что я для прекрасного Наля
Светлых отвергла богов, и не мстят ли уж гневные боги
мне за земную любовь безотрадной земною печалью?»

Так говоря, Дамаянти пошла по следам каравана
издали, в чаще таяея лесной, как в облаке месяц.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

I

Вот наконец Дамаянти дошла до города Шедди.

Грустно стояла она у ворот, не входя в них, стыдясь
ведной одежды своей, обрезанной наем, и смятых
долгих волос, в беспорядке ей грудь покрывавших.
Жители города Шедди, встречался с ней, удивлялись
Странному виду ее, а дети за нею бежали

С криком; их шумной толпою следимая, скоро к палатам
Царским пришла Дамаянти. Там, на площадке высокой

Кровли, мать царева стояла. Увидя идущую, старой
Мамке своей сказала она: «Поди пригласи к нам
Эту жалкую странницу, чистый, дымом затменный
Огонь красоты, народом теснимую. Верно, приюта
Ищет она. Я вижу в ней нечто высокое; дом наш
Светом наполнит она благодатным». Представилась старой

Матери царской младая царская дочь. И царица,
Ласковым взором встряся се, сказала приветно:

«В самом затменьс печали твой образ сияет, как в темной
Туче яркая молния. Кто ты? Куда и откуда

Путь твой? Лицо твое неземное, хотя и покрыто
Нищенским рубищем тело твое; одна, без защиты
Странствуешь ты по земле и людей не страшишься, как чистый
Ангел. Скажи ж мне, какое званье твое?» Дружелюбной
Речью такой ободренная, так Дамаянти сказала:

«Я не ангел, царица, я смертный простой человек; но породы
я не простой. Огорченная тяжком разлукой с супругом,
Вслед за ним, чтоб его отыскать, по земле я скитаюсь,
Женским себя рукодельем питаю; плоды и коренья
Пища моя, а пристанище там, где укажут мне боги.

Доблестный, мудрый, прекрасный, богатый, сердцем избранный,
Милый супруг мой расстался со мною; царица, несчастлив
Был он; в игре роковой свои все богатства утратив,
Нищим он дом свой покинул и в лес с одною одеждой
Скрылся; за ним я пошла, чтоб имел он в печали отраду.

Там, изнуряемый голодом, он, на несчастье рожденный,
Платье последнее с плеч потерял: кто богами назначен
В жертву беде, у того похищает и ветер и птица
Платье; и днем и ночью я шла за ним, беспокровным..

Раз случилось, что я, утомленная, в лесе заснула...

Ах! он скрылся, он бросил меня, он унес половину
Бедной одежды моей. С той поры и денно и ночью
Вслед за ним, весельем и светом души, я по темным
Диким лесам, по широким степям, по долинам

Странствую; мне половину одежды моей возвратить он
Должен иль взять у меня мою половинную, сердцу
Тяжкую жизнь; как одной половине одежды другая
Надобна, так и мне другую себе половину

Должно найти иль жить перестать». С состраданьем царица,
Выслушав жалкую повесть ее, отвечала: «Останься

С нами, блаженно-скорбящая; радовать будет мне сердце
Светлая близость твоя. Не медля нимало, повсюду
Мы разошлем гонцов за супругом твоим; но случиться

Может, что он ненароком зайдет и сюда, где его ты
Будешь ждать в безопасно-спокойном приюте». На то ей,
Горе свое обуздав, сказала в ответ Дамаянти:

«Здесь я охотно останусь, если ты мне обещаешь
Дашь, царица, условие исполнить такое: чтоб низкой
Должности я не имела, служа лишь тебе, чтоб объедков
В пищу мне не давали, чтоб доступ ко мне запрещен был
Всем мужчинам, чтоб каждый, кто мной овладеть пожелает,

Смертью наказан немедленно был, – такую дала я
Клятву богам, чтоб найти помогли мне супруга; видаться ж
Только с одними браминами буду. Когда ты, царица,
Примешь такое условие мое, то здесь с благодарным
Сердцем останусь». На то отвечала царица: «Исполню
Все, и свят для меня твой обет». Потом приказала
Вызвать из внутренних царских покоев царевну Сунанду,

9 – 3088

129

Дочь свою. Скоро царевна явилась, венком многоцветным
Рсвопрелсетных подруг окруженная. «Видишь, Сунанда
(Мать ей сказала), эту пришлицу в бедной одежде?
Ей ты летами ровесница; но испытания жизни
Дали ей раннюю зрелость. Люби ты ее как подругу;
Ласково с ней обходись и ее уважай, чтоб с тобою
Сердце ее отдохнуло, чтоб ты в сообществе с нею
Пользу нашла для души». Сунанда, с веселостью детской
За руку взяв Дамаянти, ее увела. И осталась
С том поры Дамаянти подругой царевны Сунанды.

II

Наль, столь жестоко покинув свою Дамаянти, прискорбен,
Сумрачен, шел по пустыне и, сам пустыня, с собою
В горе расстаться желал. Когда раскаленное солнце
Зноем пронзало его, он ему говорил: «Не за то ли,
Солнце, ты жжешь так жестоко меня, что я Дамаянти
Бросил?» Он горько плакал, когда на похищенный лоскут
Платья се глаза обращал. Изнуряемый жаждой,
Раз подо и I ел он к ручью; но, в водах увидя свой образ,
С ужасом кинулся прочь. «O! если б я мог разлучиться
С этим лицом, чтоб быть и себе и другим незнакомым!» –
Он воскликнул и в лес побежал; и вдруг там увидел
Пламя – не пламя в лесу, а в пламени лес, – и оттуда
Жалобный голос к нему вопиял: «Придешь ли, придешь ли
С мукой твоею к муке моей, о Наль благодатный?
Будь мой спаситель, и будешь мною спасен». Изумленный,
Наль спросил: «Откуда твой голос? Чего ты желаешь?
Где ты и кто ты?» – «Я здесь, в огне, благородный, могучий
Наль. Ты будешь ли столько бесстрашен, чтоб твердой ногою
В пламя вступить и дойти до меня?» – «Ничего не страшусь я,
Кроме себя самого, с той минуты, когда я неверен
Стал моей Дамаянти». С сими словами он прямо
В пламя пошел; оно подымалось, лилось из глубоких
Трещин земли, выстая в виде ветвистых деревьев,
Густо сплетенных огнистыми сучьями, черно-багровый
Дым венчал их вершины. В сем огненном лесе
Наль очутился один – со всех сторон устремлялись
Жаркие ветви навстречу ему, и всюду, где шел он,
Частой травой из земли пробивалось острое пламя.
Вдруг он увидел в самом пылу, на огромном горячем
Камне змею: склубяся, дымяся, разинутой пастью
Знойно дышала она под своей чешуей раскаленной.
Голову, светлой короной венчанную, тяжело поднявши.
Так простонало чудовище: «Я Ксркбта, змеиный
Царь; мне подвластны все змеи земные; смиренный пустынный
Старец Нерада проклял меня и обрек на такую
Муку за то, что его я хотел обмануть. Ты, рассказ мой
Слушая, стой здесь покойно; стой покойно под страшным
Пламенем, жарко объявшим тебя, чтоб оно затушило
Бурю души, чтоб душой овладевший Кали был наказан,
Чтоб наконец ты, очищенный, снова нашел, что утратил».

III

«Слушай же повесть мою, – продолжал, задыхаясь от жару,
Царь змеиный; и Наль, терпеливо снося нестерпимый
Пламень, внимательно слушал. – Нерада, смиренный пустынный,
Чудный сад насадил вокруг кельи своей; и в саду том
Были все земные деревья и травы, и было
Много там светлых ручьев и сеней прохладно-тенистых.
В этот сад пригласил он всех незловредных животных,

Всех ходящих, летающих, скачущих, плавать иль ползать
Созданных; всех же зловредных, терзающих зубом, когтями
Рвущих иль жалом пронзающих проклял и вход запретил им
В сад свой. Из змей, мне подвластных, в него проникать он дозволил
Только одним, не имеющим жала, безвредно по травке
Вьющимся, росу собирая с цветов, иль из ягод сосущим
Сок благовонный. Из этих красивых, незлобно-веселых
Змеек одна, любопытно-отважная, резвая змейка,
Раз без всякого умысла злого в саду по деревьям
Ползала, ярко блестя чешуею на солнце; вдруг видит
Домик воздушный, сплетенный из тонких былинки и моха;
Он на ветке висел и качался, как люлька; то было
Гнездышко маленькой птички; самой же крылатой хозяйки
Не было в нем; она улетела за пищей; яички,
Легким прикрытые пухом, лежали в гнезде. Перегнувши
Тонкую шейку свою через ветку, в гнездо опустила
Головку змейка – и видит яйцо там лазурного цвета;
9>

9>

Ц1
Каплей роем оно показалось, и змейке напиться
Вдруг захотелось: лизнула яйцо; яйцо расколосось.
В эту минуту птичка в гнездо прилетела; увидя,
Что там наделала змейка, бросилась с жалобным криком
Прямо к Нераде она. Нерада во гневе ужасен.
Тут же погибла бы змейка, когда б не успела проворно
Из саду скрыться. Она спаслася ко мне. Но блаженный
Старец потребовал строго, чтоб я преступницу выдал.
Я не посмел отказать; я спросил: «Чего ты желаешь?
Как повелишь се мне казнить? Я царь; самому мне
Должно виновных наказывать подданных». – «Видеть хочу я
Завтра ж се на заборе сада висящую, – строго
Мне отвечал Нерада, – потом, по прошествии трех дней,
Сам я ее перед всеми сожгу, чтоб вперед опасался
Кто бы то ни было сад мой тревожить зломышлеиным делом». –
Выл мне прискорбен такой приговор; как родную любил я
Эту милую змейку; поспешней других и вернее
Вести она принесила ко мне. Предо мной извиваясь
В страхе, с молитвой она ко мне подымала головку.
Я ей сказал: «Проворней вылезь из кожи». Не нужно
Было того повторять; в минуту в новой одежде
Змейка явилась моя, на земле предо мною оставив
Старую. Тотчас, двух сильных удавов призвав, я велел им
Кожу пустую с приличным обрядом повесить на тыне
Сада. Когда через три дня он снимет ее, то, конечно,
Станет думать, что солнце се иссушило, – так мыслил
Я, уповая, что мой мне удастся обман. И доволен
Выл Нерада моим послушаньем, увидя на тыне
Кожу висящую; ветер ее колыхал. «Как живая, –
Молвил Нерада, – она гибка и вертлява; но краски
Кожы потускли: бледная смерть ее обхватила». –
Тем бы и кончилось все, когда б, на беду, не пропела
Птичка. Она недовольна была законною казнью:
Собственным мщеньем себя ей хотелось потешить; к висящей
Коже она подлетела, чтоб оба глаза у мертвой
Выклевывать, – что же? Их нет; сквозь пустые скважины также
Видит она, что и внутренность кожи пуста. И к Нераде
Тотчас она полетела. «Тебя обманули; змеиный
Царь не змейку, а змейкину кожу повесил», – пропела
Птичка. Страшно Нерада разгневался; вдруг он явился
Здесь, где тогда я на этом камне лежал и на солнце
Грелся один – при мне ни ужа, ни змеи, ни дракона,
Стражей моих, тогда не случилось; я спал. На громовый
Голос Нерады проснувшись, хотел я вскочить, но, могучим
Взором его обессилен, не мог шевельнуться. «Предатель, –
Старец сказал мне, – меня обмануть тебе удалося:
Призрак за сущность я принял; змеиную кожу пустую
Вместо змеи я предал огню, и виновную спас ты.
Сам за нее наказание прими. Не сойдешь ты отныне

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

С этого камня; но будешь здесь не на солнечном свете
Греться – я пламя иное зажгу вокруг тебя; не сгорая,
Будешь гореть в нем, шипя и свистя от тоски и меняя
Кожу за кожей в напрасной надежде, что жар утолится.
Кончатся ж муки твои лишь тогда, как к тебе издалека
Некто придет, самому себе ненавистный и образ
Свой утратить желающий. Бели его из середины
Пламени ты позовешь и он бесстрашной стопою
В пламень войдет, чтоб избавить себя от мучений, сильнее
Муки твоей его раздирающих; сели достанет
Твердости в нем, чтоб среди нестерпимого жара спокойно
Выслушать повесть твою, – тогда ты спасен, прекратится
В ту же минуту твое наказание, и сам, по исходе
Года со днем, он все возвратит, о чем сокрушается сердцем.
Но чтоб в страданье своем ты мог к себе издалека
Звать своего искупителя, имя его я открою:
Он называется Налем». С сими словами Нерада
Скрылся, и муки мои начались. Окружала мой камень
Голая степь; вдруг услышал я шорох и треск; озираюсь –
Всюду из трещин земли, как острые иглы, выходит
Пламя, все гуще и гуще растет, все выше и выше
Вьется, все ярче и ярче пылает; прикованный к камню,
Чувствую я, как вес подо мною, как все надо мною,
Камень, на коем лежал я, и воздух, коим дышал я,
Мало-помалу в пронзительный жар обращалось; сначала
Было то пламя как тонкая, гибкая травка; слилось
Скоро оно в кустарник густой; напоследок воздвиглось
Лесом широким, в котором каждое дерево было
Все из огня; языками горящими листья шумели;
Ветви его веех еторон вил ися, как молнии; в вихорь
Огненный слившись, качались вершины; и дым громовою
Тучей над ними клубился. Теперь на себе испытал ты,
Наль бесстрашный, муку мою. Напрасно я жался,
Пламень вытягивал тело мое до тех пор, покуда
Кожа на нем не лопалась; снова потом на минуту
Я сжимался, чтоб снова вытерпеть то же мученье.
Целых семь лет протекло с той поры, как лежу я на этом
Камне в огне, а времени медленный ход замечал я,
Каждый час повторяя однажды: придешь ли придешь ли
С мукой твоею к муке моей, о Наль благодатный?
Вот наконец и пришел ты. Но знай, что здесь о тебе я
Частые слухи имел; мне подвластные змеи, которым
Вес на земле дороги известны, ко мне ежедневно
Змеек-гонцов присылали, и каждая, верно исполнив
Долг свой и весть передав мне, в огне предо мной умирала;
Видишь, как много здесь собрано кож их истлевших. От них-то
Мог я проведать о том, как ты полюбил Дамаянты;
Как цари и царевичи созваны были в Видарбу;
Как мой гонитель Нерада, прсытятся земными плодами,
Сад небесный богов посетил; как там он посеял
Сладостных слов семена, от которых мгновенно желанье
Выросло в сердце богов на землю сойти; как богами
Выл ты послан в Видарбу. Я знаю, о Наль благородный,
Также и то, что тебе самому досель неизвестно:
Как закрался Кали в твое непорочное сердце.
Сведав, что царство свое ты утратил, что вместе с супругой
Вредишь нагой по горам и степям, что се, наконец, ты
Сам покинул, я был утешен надеждой, что скоро
Сбудется то, что теперь и сбилось. Влагоеловляю,
Наль, и тебя и приход твой; уже мучительный пламень,
Жегший донныне меня, уступает сходящей от неба
Сладостной свежести. Наль, не страшись, приступи и, на палец
Взявши меня, из пламени выдь». Керкота у молкнул,
Свился проворно легким кольцом и повиснул на пальце
Наля; и с ним побегал из пламени царь, и при каждом
Шаге его оно слабело и гасло и скоро
Все исчезло, как будто его никогда не бывало.
Свежий почувствовав воздух, трепетом сладким спасенья

Весь проникнутый, быстро отвившись от Налева пальма,
Змеей бесконечной чешуйчатой лентою вдруг растянулся;
С радостным свистом пополз к тому он ручью, где, увидев
Образ свой, Наль самого себя испугался, глубоко
Всунул голову в воду и с жадностью долгую жажду
После толь долгого жара стал утолять – истощились
Воды ручья, а змеей по-прежнему сделался полон.
Силы свои возвратив, он, блестя чешуею на солнце,
Налю сказал: «Подойди; перед нашей разлукой ты должен
Зубы мои перечесть; в таком долголетнем от муки
Скрежете много зубов я мог потерять иль испортить».
Наль подошел; перед ним оскателились зубы; считать он
Начал: первой, другой, четвертый. «Ошибся, ошибся, –
С гневом царь змеей зашипел, – ты не назвал третьего зуба».
С этим словом кольнул он третьим, неназванным зубом
Наль в палец – и тут же почувствовал Наль, что с собою
Он как будто расстался; сперва свой собственный образ
В зеркально-светлом щите, на царевой шее висевшем,
Он увидел; потом тот образ мало-помалу
Начал бледнеть и скоро пропал; и мало-помалу
Место его заступил другой, некрасивый; и Налю
Стало ясно, что это был образ его же, и боле
Не был он страшен себе самому в таком превращеньи.
«Видишь, – Ксеркота сказал, – что желанье твое совершилось;
Ты превращен, ты расстался с собою, и отныне никем ты,
Даже своею женою не можешь быть узан. Простимся;
В путь свой с богами иди и не мысли, чтоб мог быть опасен
Яд мой тебе; не в твое он чистое сердце проникнул,
Нет! а в того, кто сердцем твоим обладает: отныне
Будет он жить там и мучиться. Ты ж, превращенный, с надеждой
Путь продолжай; ищи в чужих странах пропитанья;
Но не забудь о стихийных дарах, от богов полученных
В брачный день; они для тебя не потеряны; помни,
Наль, об этом; и также твое искусство конями
Править тебе сохранилось. В царство Айодское прямо
Путь свой теперь обрати; там увидишь царя Ритуперна;
Нет на земле никого, кто с ним бы сравнился в искусстве
Счета и так бы в кости играл. «Я Вагука, правитель
Коней», – скажи ты ему про себя; и если он спросит,
Много ли можешь в день проскакать? «Сто миль», – отвечай ты.
Он твоему научиться искусству захочет; за это
Сам научит тебя искусству считать; без него ты
В кости все царство свое проиграл. И как скоро искусство
Это получишь, страданья твои прекратятся, следа не оставив;
В ту же минуту, когда, и жену и детей отыскавши,
Прежний свой вид возвратить ты захочешь, лишь только об этом
Часе вспомни и в этот щиток поглядишь; кто владеет
Этим щитком, того на земле все змеи боятся».
Так говоря, Ксеркота одну из зеркально-светлых,
Шею его украшавших чешуек снял и, подавши
Налю, примолвил: «Носи ее на груди; в роковое
Время эта чешуйка тебе пригодится». Потом он
Скрылся; а Наль остался в лесу один, превращенный.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

I

Наль, разлучившись с змеем, пошел в Аноде кос царство
Службы искать у царя Ритуперна, который давно уж
Принял к себе и Варшню, прежде служившего Налю.
Мудрый царь Ритуперн, великий конский охотник,
Лучших искусников править конями сбирал отовсюду.
Наль, через десять дней прпшедши в Аноду, к царю Ритуперну
Тотчас явился. «Я конюх Вагука, – сказал он, – в искусстве
Править конями мне равного нет; сто миль проскакать их
В день я заставить могу. И во многом другом я искусен:
Пищу никто так вкусно, как я, не умеет готовить.
Всякое дело, для коего нужны и труд и уменье,
Взять на себя я готов и к тебе, царю Ритуперну,
В службу желаю вступить». Ритуперн отвечал благосклонно:

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

«В службу, Вагука, тебя я беру; ты будешь отныне
Главным конюшим моим; надзираю за моими конями,
К скачке проворной их приучая; за службу же будешь
Сто золотых получать. Товарищ твой будет Варшнея,
Конюх искуснейший в деле своем, с ним старый Джсвала,
Мой заслуженный конюший, и много других; ты без скуки
Будешь с ними досуг свои делить; и свободен ты делать
Что пожелаешь. Будь главным моим конюшим, Вагука».

Вот и служит конюшим Наль у царя Ритуперна,
Царь без царства, муж без жены, изгнанник, лишенный
Даже лица своего, и Варшнея, ему так усердно
Прежде служивший, теперь уж товарищ ему: под одною
Кровлей они; но чужды друг другу, и вместе и розно,
Каждый своею печалью довольный, Варшнея о жалкой
Гибели Наля-царя сокрушаясь, а Наль по супруге,
Брошенной им, ежечасно тоскуя. И было то каждый
Вечер, что Наль, убравши коней, один затворялся
В стойле и пел там все ту же и ту же печальную песню:

«Где, светлоокая, ты одинокая странствуешь ныне?
Зноем и холодом, жаждой и голодом в дикой пустыне
Ты, изнуренная, ты, обнаженная, вдовствуя бродишь.
Где утешение, в чем утоление скорби находишь?»
Так он пел. И однажды Джевала, подслушавши эту
Песню, спросил у него: «По ком ты, Вагука, тоскуешь?
Что же та, о которой такую грустную песню
Так заунывно поешь ты?» – «Пою про жену сумасброда,
Ею избранного, ею любимого, ум и богатство
Вдруг потерявшего, ей изменившего, клятву святую,
Данную ей пред богами, забывшего. С ней разлученный,
Он уж давно в тоске, в раскаянье, в страхе, не зная
Скорби своей утоленья ни днем, ни ночью, бездомным
Странником бродит. Но каждую ночь, об ней помышляя,
Эту песню поет он. Скитаясь, как нищий, с терпеньем
Пьет он свою преступленьем налитую, горькую чашу,
Чашу разлуки, и горе свое с одним лишь собою
Делит. Она же, которая с ним и в беде не рассталась,
Им в пустыне забытая... Где она? Что с ней? Лишь чудо
Жизнь могло сохранить ей, со всех сторон окруженной
Смертью в лесах, где гнездится и дикий зверь и разбойник.
Эту повесть он сам рассказал мне. С тех пор и пою я
Песню его, как сам он поет, и об нем сокрушаюсь».

II

Бима, царь Вндарбы, узнав о бедствии Наля,
Царство свое проигравшего в кости, немедленно созвал
Всех видарбинских брахманов и так им сказал: «Отыщите
Дочь мою Дамаянти и Наля-царя; кто узнает,
Где мои дети, и их ко мне приведет, тот получит
Тысячу самых отборных быков и деревню, как людный
Город богатую; тот же, кто, их не приведши, хоть с верной
Вестью об них ко мне возвратится, также получит
Десять сотен быков». Брахманы поспешно на север,
Полдень, восток и запад пошли отыскивать Наля;
Всюду, по всем областям, городам, деревням, по безлюдным
Диким лесам, по горам, по равнинам, по разным дорогам
Долго ходили они; но напрасно – ни слуха, ни вести
Нет ни о Нале-царе, ни о верной его Дамаянти.
Вот наконец один из брахманов, Судева, достигнул
Города Шедди, и там во дворце, на празднике царском,
Он Дамаянти увидел. Подле царевны Сунанды,
В платье печальной вдовы, на лице покрывало, близ светлой,
Радостной девы она там стояла – жена, по супруге
Мрачно скорбящая, тень близ света, алмаз без сиянья,
День без солнца, краса, двойным покровом от взоров
Скрытая – черным платьем и черным горем. Увидя
Этот прекрасный, невидимо блещущий свет, догадался
Тотчас Судева, кто перед ним. Про себя он подумал:
«Тот же образ я вижу, который столь сладостно светел
Был в то утро, когда все земные цари и владыки,

С ними и вечные боги, в тревоге надежды смиренно
Ждали, кому из них благодатную руку подаст Дамаянти.
Это она, полногрудая, темнокудрявая, райским
Блеском очей веселящая душу, любовь и утеха
Мира; она, молодая лился, лишенная корня,
Лотос, слоновой стопой сокрушенный, высокое в низком;
Это она, по супруге скорбящая, вместе с супругом
Всю потерявшая жизнь, как источник, ныне безводный,
Некогда быстро бежавший, как лунная ночь но затмись
Полном луны, поглощенной внезапно небесным драконом;
Это она, достойная жить в перламутровом царском
Доме, живущая ныне в чужом сиротою бездомной;
Славная царской породой в горьком бесславном изгнание;
Счастья достойная, жарко любящая, чуждая счастью,
Чуждая сладкой любви. Ее измучено сердце
Страстным стремленьем к супругу, избранному сердцем; на свете
Муж – украшение жены; потеряв сей небесно прекрасный
Перл, и блестящая тратит свой блеск. Но где ж он, могучий
Наль? Перенес ли разлуку с такою женою иль мертвый
Пал, утратив ее? И мне всю душу пронзает
Горе при виде ее красоты сокрушенной, при встрече
Огненно-темных ее, в слезах угасающих взоров.
Скоро ль, скоро ль, весь мир исходив путем испытанья,
К цели желанной достигнет она и с желанным супругом,
С милым души, с властителем жизни встретится в мире
Так, как звезда встречается с месяцем? Скоро ль
С трона низверженный Наль возвратит Дамаянти и трон свой?
О! какое блаженство тогда для обоих, друг другу
Равных прелестью, доблестью, знатностью рода и славой
Предков! Мне должно теперь подойти с утешительным словом
К ней, сокрушенной». Так говорил многомудрый Судева
Сам с собою; потом он к тому приблизился месту,
Где одиноко стояла среди многолюдства с печальной
Думой своей Дамаянти. «Здравствуй, роза Видарбы, –
Вид он сказал, – я Судева, брахман вндарбинский; царь Бима,
Твой родитель, жив, и здоров, и царствует мирно;
Здравствует с ним и твоя благодушная мать, управляя
Домом; здравствуют братья твои, здравствуют дети,
Мирно цветя под защитою деда и бабки. Но горе
Всех по тебе сокрушило. И ныне по целому свету
Ищут брамины тебя; отыскать же позволили боги
Мне». Дамаянти, узнавши его, залилася слезами;
Стала потом о родных, о друзьях, знакомых и ближних
Спрашивать. «Выросли ль дети?» – она напоследок спросила.
С этим словом рыданье стеснило ей грудь, и с прекрасных
Длинных ресниц покатились крупные капли слезы.
Видя, что плачет она в разговоре с брамином, Сунанда,
Сильно встревожась, сказала немедленно матери: «Наша
Гостья плачет; какой-то брамин говорит с ней, и, верно,
С ним знакома она, и его слова пробудили
Эту печаль». Тогда из покоев внутренних вышла
Мать-царица; увидя брамина, она повелела
К ней его привести; и его расспрашивать стала
Так: «Расскажи мне об ней что ведаешь. Кто и какого
Рода она? Чья дочь? Чья жена? И с родными какую
Странной судьбою рассталась? И здесь ты ее по какому
Тайному признаку мог распознать? Обо всем откровенно
Мне расскажи». И, сев на ему указанном месте,
Так рассказывать начал Судева, брамин многомудрый.

III

«Царствует ныне в Вндарбе царь Вима, до старости поздней
В славе доживший; а странница эта есть Дамаянти,
Дочь видарбннекого Вимы, жена нишадского Наля.
Наль же, сын Внразсны, бывший владыка Нншады, безумно
В кости все царство свое проиграл недостойному брату.
С той поры, покинув Нишаду с женою, пропал он
Без вести. Вима послал нас отыскивать дочь. И случайно
В вашем царском дворце в печальной, таинственной гостье

Вашей узнал я ее... И кто не узнал бы? На свете
Нет дамаянти другой, столь прекрасной душою и телом.
Есть притом и примета: на лбу под густыми
Кудрями светлая скрыта звезда, как за облаком месяц;
С нею она родилась; ее сам Брама заметил
Знаком святым благодати; но знак сей одним лишь браминам,
Видящим здесь красоту неземную, служителям Браммы,
Может быть видим; и я очами брамина, как злато
В темной руде, как в пепле горячем огонь сокровенный,
Тотчас узнал дамаянти, красы несказанной светило». —
Кончив рассказ свой, Судева умолк. Тут царица Сунанда,
Тихо подкравшись к подруге, с ее головы покрывало
Вдруг сорвала и кудри волос, осенявших прекрасный
Лоб видарбинской царицы, откинула: ярко, как месяц,
Тучу пронзивший, блеснула оттуда звезда благодати.
То увидя, Сунанда в слезах умиления припала
К сердцу ее; царица заплакала также; и все три,
Крепко обнявшись, слиянные сердцем, стояли безмолвно,
Слезы сливая с слезами. Вот напоследок сказала
Мать-царица: «Ты дочь моей сестры, дамаянти.
Наш знаменитый отец был владыка дафернский Судсман;
Вима выбрал сестру, меня избрал виравагу.
Я и тебя младенцем видала в то время, когда мы
Вместе с сестрой навестили в дафернс отца. И тогда уж
Эта звезда сняла на лбу у тебя. Догадалась
Тотчас я, кто ты, как скоро ты странницей грустной явилась
Здесь, и дочь твою сердце тебя нарекло. Оставайся ж
С нами, мой дом есть твой; и все подвластное сыну
Царство также твое. Живи в любви и согласье
С нами; будь дочерью мне, будь нежной сестрою Сунанде». —
«Долго я здесь незнакомкой в довольстве жила, — отвечала
Тетке своей дамаянти, — не знала нужды, под защитой
Верной была и в горе встречала веселье; но будет
Мне веселее в видарбе с родным отцом и с родною
Матерью. С миром меня отпусти; я давно уж с своими
Ближними розно; отсюда слышится мне, как сиротки
Дети мои, по матери плача, ее издалека
Кличут и ей говорят: без отца мы; на что ж нам
Ныть и без матери? Бели свое благотворное дело
Ты довершить надо мною желаешь, то дай мне скорее
Средство в видарбу к своим возвратиться». — «Исполнена будет
Воля твоя, красота звездоносная», — так отвечала
Мать-царица; потом, с позволения сына, владыки
Царства шеддийского, в путь снарядила милую гостью;
Пищу с питьем на дорогу сама царица Сунанда
Кй приготовила; дали коней с колесницею; дали
Также и стражей, дабы се на пути охраняли;
С плачем расстались потом. И вот наконец возвратилась
К ближним своим дамаянти. И много в видарбе веселья
Было при встрече ее. Когда ж дамаянти со всеми
Свиделась, с милою матерью, с добрым отцом и с родными
Братьями, сродников всех и знакомых увидела, к сердцу
В сладких слезах прижала детей, — то первой заботой
Было ее принести благодарность богам и браминов
Всех одарить. И вима исполнил свое обещанье:
Тысячу жирных быков с селом, богатым как город,
Дал он брамину Судеве. Награду такую сначала
Он обещал лишь тому, кто найдет дамаянти и наля;
Но, блаженный свиданием с дочерью, он уж не думал
Боле о нале. Зато не забыла о нем дамаянти.
Ночь одну проведя в жилище отца, на другой день
Матери так дамаянти сказала: «Если ты хочешь
Жизнь мне мою сохранить, возврати мне прекрасного наля». —
То услыша, царица заплакала горько и слова
Ей отвечать не могла от слез и рыданья. И вместе
С нею домашние все сокрушались, и громким стенаньем
Все жилище ее наполнялось. И вот что царица
Бимс, властителю многих народов, сказала: «Открыла

Сердце свое мне наша дочь Дамаянти; по милом
Нале тоскует она несказанно. А где он? Удастся ль
Так же найти и его, как найти удалось Дамаянти?»
Вима при этих словах опять вызывает браминов
Новую службу ему сослужить. «Святые брамины, --
Им говорит он, -- идите по всем путям и дорогам
Наля отыскивать; с ним разлученная, гаснет от горя
Дочь Дамаянти». Брамины, немедленно в путь изготоясь,
Все собрались к Дамаянти услышать ее повеленье;
Их приняла, улыбаясь сквозь слезы, она и сказала
Так: «Куда б ни пришли вы и где бы его ни искали --
В городе ль, в царском дворце ли, в деревне ли, в хижине ль бедной --
Всюду одно повторяйте, вытвердив то, что скажу вам:
«Где ты, игрок? Куда убежал ты в украденном платье,
В лес покинув жену? Она, почерневши от зноя,
В скудной одежде, тобою обрезанной, ждет, чтоб обратно
К ней ты пришел. По тебе лишь тоскует она и ни разу
Сна не вкусила с тех пор, как, себе на погибель, заснула
В том лесу, где тобой так безжалостно брошена. То ли
Ты обещал ей супружеской клятвой? Покров и защита
Муж для жены; а ты что сделал с своею женою,
Ты, величаемый мудрым, твердым, благим, благородным?»
Помните эти слова и их везде повторяйте.
Если же кто вам на них отзовется, то знайте, что это
Наль; и тогда немедля разведайте, кто он? Когда же
Словом каким он вам возразит, то скорее, скорее
Это слово мне передайте, брамины. Но будьте
С ним осторожны, чтоб он догадаться не мог, что за ним вы
Посланы мной, и чтоб снова не скрылся. Идите с богами
В путь свой, брамины, ищите Наля, везде повторяя
Грустную песню мою, воздыханья любви сокрушенной».
Данные им наставленья принявши, по разным дорогам
Вес разошлись брамины отыскивать Наля; и всюду,
В людных, больших городах, в богатых палатах, в убогих
Хижинах, в темных лесах, но горам, по полям, по долинам,
Где только был человеческий след, неусыпно искали
Наля они, везде повторяя слова Дамаянти,
Грустную песню се, воздыхайья любви сокрушенной.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

I

Вот по странствии долгом один из браминов, Парнада
Именем, с вестью такою пришел к Дамаянти: «Повсюду
Наля искав безуспешно, пришел наконец я в А иоду.
Там пред царем Ритуперном твои слова произнес я;
Царь ничего не сказал мне в ответ, и никто из придворных
Также мне не дал ответа. Когда ж я, простясь с Ритуперном,
Вышел из царских покоев, со мной повстречался служитель
Царский с руками короткими, малого роста, Вагука
Именем; дело его смотреть за царевой конюшней;
Видом он некрасив; зато великий искусник готовить
Пищу, так же чудесно правит конями: он может
В сутки сто миль проскакать их заставить. И вот что с глубоким
Вздохом, от слез задыхаясь, сказал мне этот Вагука:
«В бедности, в горести терпят безропотно с верой смиренной
Неба достойные, долгу супружества верные жены;
Сердце их кроткое нежным прощением мстит за обиду.
Если в безумии все свои радости, свет и усладу
Жизни, расставится с верной подругою, жалкий преступник
Сам уничтожить мог; сели, отчаянный, платья лишенный
Хитрыми птицами, голодом мучимый, он удалился
Тайно от спутницы, если он с той поры денно и ночью
Все утраченной плачет и сетует -- доброй женою
Будет оплакан он; что б ей ни встретилось доброе, злое,
Нежному, верному сердцу покажется горе не горем,
Радость не радостью; будет лишь памятно бедствие мужа,
Тяжкой виной своей в горе лишенного всякой отрады».
Эти услышав слова, я решился немедля пуститься
В путь обратный. Царевна, сама теперь ты рассудишь,

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

С доброю ль вестью к тебе я пришел». Дамаянти, Парнаду
Выслушав, тотчас к царице пошла и так ей сказала:
«Слушай, родная; о том, что я сделать хочу, мой родитель
Вима ведать не должен; хочу я брамина Судеву
В царство Аноду послать; награды своей половину
Он заслужил, вот случай ему заслужить и другую:
Вам возвратил он меня, пускай возвратит вам и Наля».
Мать согласилась на просьбу плачущей дочери; тайно
Всё учредили они, и царь не узнал ни о чем. Одаривши
Щедро Парнаду, царица сказала: «Когда возвратится
Счастливо царь мой желанный, получишь ты вдвое; ты первый
След нам к нему указал». И доволен остался Парнада
Тю наградой. Тогда Дамаянти, призвавши Судеву,
Так сказала: «Судева, иди к царю Ритуперну
В царство Айоду; явился ему, но так, чтоб подумал
Царь Ритуперн, что зашел ты в Айоду случайно, и вот что
Скажешь ему ты, как будто без всякого умысла: «Вима
Снова сзывает в Видарбу царей и царевичей; снова
Хочет супруга избрать Дамаянти: уж съехалось много
К ней женихов». И ежели знать пожелает он, скоро ль
Должен быть выбор, назначен ли день, отвечай ты: «Я вижу,
Царь, что тебе одному неведомо то, что известно
Целому свету; день назначенный – завтра; и если
Сам ты отведашь счастья намерен, то можешь в Видарбу
Нынче же к ночи поспеть; у тебя есть конюх, искусный
Править конями; он в сутки сто миль проскакать их заставит;
Только не медли: завтра чем свет Дамаянти объявит
Выбор; о Нале ж ни слуха, ни вести; и, верно, погиб он.
Если же хочешь ты знать, от кого я о сказанном слышал,
Знай, государь, что я слышал о том от самой Дамаянти».

II

Вот и приходит Судева к царю Ритуперну. То было
Рано поутру. И только что ложную повесть брамина
Выслушал царь, как, с места вскочивши, воскликнул: «Скорее
Кликнуть Вагуку сюда!» Когда же Вагука явился –
«Верный конюший, – сказал Ритуперн, – мне должно в Видарбу
Нынче ж поспеть; Дамаянти опять выбирает супруга;
Завтра утром она объявит свой выбор. Искусство
Ныне свое покажи мне, Вагука, на деле; посмотрим,
Можешь ли в сутки сто миль проскакать на конях, не кормивши?»
Царская речь наполнила ужасом Налеву душу.
«Что замышляет, – подумал он – сам про себя, – Дамаянти?
Или она от скорби лишилась ума? Иль какую
Хитрость задумала? Может ли быть, чтоб она на такое
Дело решилась, она, непорочная, верная, светлый
Ангел любви? Неужель, оскорбленная мной так жестоко,
Хочет отмстить мне она, смиренно-незлобный эдемский
Голубь? Но женское сердце изменчиво; я же пред нею
Слишком виновен; прекрасную младость ее погубил я;
В долгой разлуке со мной разлучилась она и с любовью.
Но позабывши меня, как могла позабыть Дамаянти
Наших детей? Мне должно разведать, что ложь и что правда
В этом слухе, и волю царя для себя я исполню».
Так он в мыслях решил и, покорно ко груди прижавши
Руки, царю отвечал: «Несомненно, исполнена будет
Царская воля твоя; мы нынче ж поспеем в Видарбу
К вечеру». Вот на конюшню Вагука пошел, чтоб надежных
Выбрать коней, и выбрал тощих, тяжелых, ноздрнстых,
Тонконогих, толстоголовых, с щетинистой шерстью,
С длинными шеями, с гривой встопорщенной, огненно-диких.
Выбор такой царя изумил. «Ты шутишь, Вагука, –
С гневом сказал он, – как будто в насмешку, из целой конюшни
Выбрал ты самых негодных коней. В такую дорогу
Можно ль на клячах подобных пускаться?» – «То добрые кони,
Царь-государь, – Вагука отвечал, – вот и приметы:
Две на лбу, одна на груди и три на копытах;
Духом домчимся на этих конях до Видарбы; но если
Выбрать других ты желаешь, то сам укажи их; готов я

Волю исполнить твою». – «Пускай по-твоему будет, –
Царь отвечал, – тебя не учить мне; закладывай, едем».
Выбранных им четырех коней заложил в колесницу
Наль и сел в нес с Ритуперном: и с ними, по просьбе
Наля, сел Варшнея. Собравши в могучую руку
Вожжи и ими тряхнув, как браздами излучистых молний,
Наль закричал: «Изготовьтесь вы, добрые кони; чтоб нынче ж
Выть нам в Видарбе!» И, дрогнув, пред ним на колени упали
Кони; легким движеньем руки опять он их поднял
На ноги, голос смягчил и, ласковым словом придав им
10 – 3088

Жару, крикнул: «Вперед!» Они понеслись как вихри.
Царь Ритуперн на бег их смотрел с немым изумленьем.
В то же время, расслушав, сколь был таинственно звучен
Гром колесницы, и видя, что вожжи со свистом и треском
Били коней по бокам и, как молнии, быстро сверкали,
Думу глубокую думал Варшнея: «Откуда Вагука
Мог получить такое искусство и кто он? Не сам ли
Коней державного бога богов повелитель Металис?
Или он Наль, сокрывший себя под личиной урода?
Налсва образа нет здесь, но есть здесь Налева сила.
Кто же мне правду откроет? Давно из древних преданий
Ведаем мы, что земные цари, по воле судьбины
Здесь, на земле, иногда превращенные, странствуют тайно.
Этот уродливый конюх не может быть налем великим;
Тот же, под кем, как гроза в небесах, гремит колесница,
Кто он иной, как не Наль, мой великий владыка?» Так думал
Молча Варшнея и в бедном вагуке угадывал Наля.

III

Кони, без крыльев крылатые, властью Наля как буря
Мчались вперед по горам, по долам, через реки, потоки.
Вдруг сорвалась с головы Ритуперна повязка. «Вагука,
Стой! – он сказал. – Пускай Варшнея подаст мне повязку». –
«Поздно! – ответствовал Наль-Вагука, – уж мы отскакали
Более мили; оставим повязку». Царь изумился;
Вдруг он увидел вдали Вибитаку, ветвисто-густою
Сенью покрытое дерево. «Слушай, Вагука, – сказал он, –
Здесь, на земле, никто не имеет всезнанья; в искусстве
Править конями ты первый; зато мне далось искусство
Счета, и знаю я тайну играть навверное в кости.
Видишь ли там, вдалеке, то ветвистое дерево? Много
Листьев на нем и много плодов; но много их также,
С ветвей упавших, лежит на земле. Так знай же: упало
Листьев четырехста три, и с ними свалилось сто десять
Спелых плодов; всех сучьев семьсот сорок девять; на сучьях
Листьев осталось пять миллионов и восемь; плодов же
Тысяча триста пятнадцать созревших, восемьсот сорок
Три созревающих, семьдесят восемь гнилых. Хоть поверку
Сделай, мой счет без малейшей ошибки». В эту минуту
Были они уж близ дерева. «Стойте, – воскликнул Вагука, –
Добрые кони; такому чудному счету нельзя мне
Прежде поверить, пока плодов, и сучьев, и листьев
Сам не сочту я на дереве этом. Варшнея подержит
Вожжи, покуда я буду считать». Ритуперн ужаснулся.
«Что ты задумал, Вагука? – сказал он. – Не время нам медлить».
Но Вагука (был умысел свой у него) непременно
Счет поверить хотел. «Подожди, – царю отвечал он, –
Или – если уж так ты поспешен, – прямо, все прямо
Этой дорогой ступай; Варшнея будет конями
Править». На то Ритуперн возразил, стараясь Вагуку
Лаской смягчить: «Не упрямясь, добрый Вагука; в искусстве
Править конями тебе подобного нет, и в Видарбу
Только с тобою одним поспеть нам к вечеру можно.
Я (сам видишь ты это) во власти твоей; не держи же
Доле меня; я сделаю все в твое угожденье,
Бели только в Видарбу доедем прежде, чем сядет
Солнце». Вагука вместо ответа, коней удержавши,
С козел сошел и начал спокойно считать по порядку

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Прежде плоды, за плодами сучья, за сучьями листья.
«Счет плодов без ошибки, – сказал он царю Ритуперну. –
Вот поглядим, не ошибся ль ты в счете сучьев и листьев?»
Царь кипел нетерпением. «Будь же доволен, Вагука,
Разве мало тебе одного доказательства?» – «Мало,
Царь-государь, – Вагука сказал, – но если ты хочешь
Разом все кончить, то сам объясни мне, как мог ты так много
Счесть в такое короткое время?» – «Знай же, – воскликнул
Царь (не от доброй души, а взбешенный упорством Вагуки), –
я одарен могуществом счета и тайным искусством
В кости играть наверное». – «Ежели так, то теперь же
То и другое мне передай; в замену искусство
Править конями получишь», – сказал Вагука. «Согласен, –
С гневом отвечивал царь, – и могущество счета и тайну
В кости играть я тебе отдаю; от тебя же, Вагука,
Дар твой приму, как скоро приедем в Видарбу». Лишь только
Вымолвил слово свое Ритуперн, как у Наля открылись
Очи, и он все ветви, плоды и листья вибитакп
Разом мог перечесать; и в то же мгновенье, когда он
Данную силу в себе ощутил, сокрытый дотеле

10*

*7

В сердце его искуситель Кали оттуда исторгся,
Дымом и мглой своей обхватил вибитаку. При первом
Чувстве свободы Наль обеспамятел; скоро, однако,
Он очнулся и, видя лицом к лицу пред собою
Злого врага своего, хотел проклясть нечестивца;
Но Кали возопил, поднявши руки смиренно:
«Наль, воздержися от клятвы; уже довольно наказан
Выл я проклятем, в минуту страданья твоею женою
Против меня изреченным (хотя и был ей неведом
Общий ваш враг). С тех пор я, замкнутый в тебе, как в темнице,
Столь же был горем богат, сколь ты был радостью беден.
Мучимый ядом царя Змеинога, денно и ночно
Сам я себя проклинал. Пощади же меня, благодушный
Наль; я отныне бессилен; отныне каждый, кто повесть
Бедственной жизни твоей прочитает, тебя прославляя,
Будет от козней моих огражден и власти подобных
Мне зловредных духов недоступен». Смятенный молящим
Словом врага побежденного, Наль воздержался от клятвы.
Сам же Кали в вибитаку вселился, и полное жизни
Дерево мигом засохло. При чуде таком изумился
Царь Ритуперн (того ж, что с Налем в эту минуту
Делалось, видеть и слышать не мог он). Бдва искуситель
Скрылся – от муки избавленный, радостно блещущий, новой
Жизнию пламенный, вдвое могучий, сел в колесницу
Наль, и кони помчались; а он, упредив их, душою
Был уж в Видарбе, там, где была Дамаанти, куда он
С сердцем свободным от зла, но все еще бедный, бездомный
Царь, возвращался под видом чужим, никому не знакомый.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

I

Солнце еще не угасло, когда до Видарбы достигну. !
Царь Ритуперн. Немедля о госте нежданном царь Вима
Был извещен, и, им приглашенный, в сиянье вечернем
Въехал в Видарбу владыка Айоды. Как гром отзывался
Стук колесницы его с осьми сторон небосклона.
Налов стук и Налов скок почуяли тотчас
Налсвы кони (которых, еще до изгнания царева,
К Бимс с детьми сама Дамаанти прислала);
Радостным ржаньем, как будто при Нале, они отвечали
Дружно на звук, им знакомый; и, вслушавшись в звук сей, подобный
Гулу глубокому грома, сама Дамаанти смутилась;
Что-то родное, бывалое, Налово в вещее сердце
Вдруг проникло – так и жена и кони узнали
Разом Наля по стуку его колесницы. И в стойлах
Царских слоны и на кровле дворцовой павлины, расширив
Радугой пышной хвосты, при этом неслыханном стуке

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Вдруг востепенулись; подняли хобот слоны; закричали,
Вытянув шею, в радостном страхе павлины, как будто
Чуя грозы, обещающей дождь, приближенье. И с райским
Трепетом, вся обращенная в слух, про себя Дамаанти
Так говорила: «Мне этот стук колесницы и этот
Топот, тревожащий небо и землю, насквозь проникают
Душу. Это Наль, мой владыка, Наль, мой желанный!
Вели его я нынче ж лицом к лицу не увижу,
Вели нынче же в сладких объятиях Наля не буду,
Вели это не он, столь чудно гремящий, не светлый
Наль, мой царь, мой спаситель; если меня обмануло
Сердце, то более жить мне не должно; и в жаркое лоно
Пламени брошусь, чтоб кончить тоску одинокия жизни.
О! теперь позабыто все прошлое: жизнь обновилась;
Страх одиночества, стыд нищеты, бесприютность, разлуки
Тяжкая боль – из сердца изглажено все; я не помню
Слова обидного, взгляда сурового; помню одно лишь
Счастье святое любви, лишь его, избранного сердцем,
Радость души, благородного, кроткого, сильного волей,
Тихого нравом, разумом мудрого, сердцем младенца,
Наля, мою надежду, спасение, жизнь. Непрестанно
Думать о нем и о прошлых днях неразлучности сладкой,
Думать о прелести взора его и улыбки, о сладком
Голосе, нежных речах, и, всею душой погружаясь
В думу любви, быть розно с ним, несказанно любимым, –
Вот страданье, которому имени нет». В сокрушенных
Мыслях таких Дамаанти сидела тогда на дворцовой
Верхней площадке с служанкой своей, молодую Кезиной.

119

Вот и видят они, что на двор широкий влетели
Кони, гремя и дымясь, с колесницей; и в той колеснице
Выли трое: царь Ритуперн, Вагука, Варшнея;
Где же Наль?.. С томительным страхом глядит Дамаанти;
Видит царя; Варшнею потом узнает; напоследок
Смотрит на их безобразного спутника – ей незнаком он.
Того порой Ритуперн сошел с колесницы; Варшнея
Также; Вагука начал разнуздывать коней: и в это ж
Время вышел и Вима гостю навстречу. Друг другу
Оба царя поклонились учтиво, хоть оба не знали,
Что друг другу сказать. Ритуперн, осмотрясь, не приметил
В царском дворце ничего, что б канун означало большого
Праздника; он подумал: «Я был легковверно обманут
Ложною вестью»; и Биме сказал он: «Здравья и долгих
Лет тебе я желаю». Вима таким же приветным
Словом ответствовал. «Что, – потом он спросил, -- привело к нам
В нашу столицу Видарбу такого великого гостя?»
Слыша этот вопрос и не видя нигде никакого
Знака, чтоб были другие цари и царевичи в царском
Доме, владыка Айоды ответствовал: «Видеть хотел я,
Царь благодущный, тебя и, с тобой познакомясь, проведать,
Все ли в твоём благоденствует царстве?» Мудрому Биме
Станным ответ такой показался, и было ему непонятно,
Как могло прийти на ум царю Ритуперну
Путь такой предпринять лишь затем, чтоб проведать, здоров ли
Царь Видарбы, ему незнакомый. «Тут есть, – он подумал, –
Верно, другая причина. Узнаем мы после». И, руку
Ласково гостю подавши, сказал он: «Милости просим,
Царь Ритуперн; мы рады весьма твоему посещенью.
Но ты устал; войди к нам в палаты и там успокойся;
Что ни прикажешь, вес будет исполнено». Вместе с Варшнеей
Царь Ритуперн вошел во дворец; а Вагука, отпрягши
Добрых коней, отвел их в конюшню; потом, возвратясь,
Сел на прежнее место свое в колеснице и скоро
В грустную думу весь погрузился. Бго Дамаанти
Сверху увидя, вздохнула глубоко. «Ужель обманулось
Сердце мое? – сказала она. – Но стук колесницы
Был мне знакомый, был подлинно Налсв... А Наля не вижу.
Или Варшнея искусство его перенял? Или открыли

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Боги его царю Ритуперну?» Так Дамаянти
Мучилась тяжким сомнением; вот наконец, обратясь
К верной Козине, служанке своей, она ей сказала:
II

«Слушай, Козина, поди и проведай, кто в колеснице
Так угрюмо сидит один, лицом некрасивый,
Руки короткие? С ним заведя разговор, постарайся
Выспросить, кто он? Меня подозренье тревожит: не сам ли
Наль таится под этим уродливым видом? Ты вот что
Сделай: с ним говоря, повтори, как будто случайно,
Те слова, которые всюду браминам велела
Я повторять; увидишь, не даст ли какого ответа
Он на них, и ежели даст, то все, что ни скажет,
Ты заметь и мне передай». Козина к Вагу ко
Тотчас пошла; Дамаянти ж, па прежнем месте оставшись,
Сверху смотрела на них. Козина, приблизясь к Вагу ко,
Так сказала ему: «Благородные гости, будь в добрый
Час вам проезд ваш в Видарбу; царская дочь Дамаянти
Мне приказала узнать, зачем вы здесь и откуда?»
«Мы из Айоды, царю Ритуперну подвластного царства, –
Так Вагука сказал. – Узнав от брамина, что будет
Снова супруга себе выбирать Дамаянти, айодский
Царь на своих быстроногих конях, которыми правлю
Я, сюда прискакал, чтоб явиться с другими на выбор». –
«Ты не один при царе; вас двое; кто твой товарищ?
Кто ты сам, и откуда, и как к царю Ритуперну
В службу вступил?» – «Мой товарищ Варшнея, бывший конюший
Наля; меня называют вагука; что я не красавец,
Это ты видишь; служу у царя на конюшне, но мог бы
Также служить и на кухне, ибо я столь же искусен
Вкусную пищу готовить, как править конями». – «Скажи ж мне, –
Снова спросила Козина его, – не дошла ль до Варшнеи
Весть какая о Нале? И сам ты об нем не слыхал ли?»
«Налевых бедных детей, – вагука сказал, – проводивши
К деду и царских коней оставив в Впдарбе, Варшнея
В службу вступил к царю Ритуперну. О участи Наля
Он не знает, и ист на земле никого, кто о ней бы
Что-нибудь знал; под видом чужим, в неведомом месте
Царь укрывается. Наль один на свете о Нале
Знает, да та лишь одна, кто с Налом одно; никому он,
Кроме ее, не открыл своих таинственных знаков». –
«Но (сказала Козина) брамин, посетивший Аноду,
Встретясь с тобою, тебе повторил слова Дамаянти:
«Где ты, игрок? Куда убежал ты в украденном платье,
В лесе покинув жену? Она, почерневши от зноя,
В скудной одежде, тобою обрезанной, ждет, чтоб обратно
К ней ты пришел, о тебе лишь тоскует она и ни разу
Сна не вкусила с тех пор, как, себе на погибель, заснула
В том лесу, где тобой так безжалостно брошена. То ли
Ты обещал ей супружеской клятвой? Покров и защита
Муж для жены; а ты что сделал с своею женою,
Ты, величаемый мудрым, твердым, благим, благородным?»
Помнишь ли, что на эти слова отвечал, ты брамину?»
Весь побледнев, неподвижно смотрел на Козину Вагука;
Долго, пронзенный незапно болью любви, не имел он
Силы вымолвить слово; рыдающим голосом, очи,
Полные слез, опустив, напоследок тихо сказал он:
«В бедности, в горести терпят безропотно с верой смиренной
Неба достойные, долгу супружества верные жены;
Сердце их кроткое нежным прощением мстит за обиду;
Вели в безумии все свои радости, свет и усладу
Жизни, расставится с верной подругою, жалкий преступник
Сам уничтожить мог; если, отчаянный, платья лишенный
Хитрыми птицами, голодом мучимый, он удалился
Тайно от спутницы, если он с той поры денно и ночью
Все по утраченной плачет и сетует -- доброй женою
Вудет оплакан он; что б ей ни встретилось доброе, злое,
Нежному, верному сердцу покажется горе не горем,

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Радость не радостью – будет лишь памятно бедствие мужа,
Тяжкой виной своей в горе лишенного всякой отрады».
С этим словом вея Налева скорбь пробудилась в Вагу ко;
Он застонал, и слезы из глаз пол ил ися. Кезпна
Тотчас ушла, спеша обо всем известить Дамаянти.

III

«Это Наля (Дамаянти сказала в слезах, с замираньем
Сердца Козину выслушав), это мой царь, мой владыка,
В виде чужом. Ты должна к нему возвратиться, Кезпна,
Снова. Вблизи притаись и внимательно следуй за каждым
Шагом и взглядом его, не откроется ль в том, что заметишь,
Признака тайной, особенной силы. Я думаю, скоро
Ужин начнет он готовить царю Ритуперну – смотри же,
Так устрой, чтоб он ни воды, ни огня для варенья
Пищи не мог получить, и заметь потом, что начнет он
Делать; и все другое что в нем покажется чудным,
Также мне опиши». Козина пошла и, исполнив

Волю царицы, явилась к ней с своим донесеньем:

«Нет! ни прежде видать не случалось, ни после увидеть
Мне не случится того, что теперь предо мною сбылось:
Этот Вагука не просто земной человек; он с богами
В явном союзе; ничто для него ни низко, ни тесно;
К низким дверям подойдет – головы не наклонит, а сами
Двери над ним приподымутся; тесное место просторным
Вдруг при его приближеньи становится. Всяких припасов
Вместе с посудой царь Вима велел приготовить, чтоб ужин
Он для царя Ритуперна сварил; но воды, как тобою
Выло приказано, не дали; он того не заметил,
Только взглянул – и водой все сосуды наполнились; также
Он и огня под дрова попросить не подумал, а только
Взял соломы – и мигом сама собою солома

Вспыхнула. Много другого заметила я: без обжоги
Голой рукой разгребал он огонь; вода закипала,
Только что к ней он касался. Но чудо последнее боле
Всех других изумило меня: засохшую розу
Он увидел; в пыли она без листьев лежала;
Он ее поднял, взглянул на нее, и явилась живая
Роза в руке у него на месте прежней, поблекшей.

После такого неслыханно чудного дела, царица,
Я побежала немедля к тебе». Но уже Дамаянти
Воле сомненья иметь не могла: то явные были
Знаки Наля, то были дары, полученные в самый день брака
Им от богов, и она, уж блаженствуя, видела сердцем
Наля желанного там, где еще для очей был Вагука.

«Сбегай опять ты к нему, – сказала Кезине царица, –
Запах от пищи, им приготовленной, чудно приятен;
Хочется знать мне, вкусна ли она? Попроси у Вагу к и
Мяса жаркого кусок». Побежала Козина к Вагу ко

Снова и скоро назад возвратилась с дымящимся мясом.
Налов знакомый ей вкус Дамаянти узнала, отведав
Мяса. «Он здесь! он здесь! – в восхищенье она повторяла
Мысленно. – Воле сомнения нет. Но долго ль он будет
Светлый свой образ таить от жаждущих взоров и мучить
Водное сердце мое нестерпимым желаньем свиданья?»

Так сокрушаясь, она наконец приказала Козине
Взять детей и вывести их из дворца, чтоб Вагуке
Их показать мимоходом. Лишь только Вагука увидел
Двух малюток, цветущих детей Дамаянти и Наля,
Столь давно потерявших отца, – в нем душа загорелась;
Кинулся к ним он навстречу, по имени назвал обоих,
К сердцу прижал, и заплакал, и долго, долго, слезами
Их обливая, от них оторваться не мог, но, опомнясь,
Вдруг отскочил и Козине сказал: «Я также имею
Двух детей малолетних, сына и дочь; совершенно
С этими сходны они, и давно я с ними в разлуке.
Вот отчего я и был так сильно встревожен их встречей;
Но, послушай, люди заметят, что часто ко мне ты
Ходишь, и будет тебе оттого без вины нареканье;

С миром отсюда поди и боле ко мне не являйся».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

I

Все, что было ей нужно, узнав, Дамаянти решилась
Сделать опыт последний и матери вот что сказала:
«Кликни Вагуку к себе; я тайну эту открою;
Наль отыскан; он здесь, я знаю, я верю». Царица, согласно
С просьбою дочери, кликнуть велела Вагуку, и сколько
Волей, столько неволей царь с трепетанием тайным
Стал наконец пред лицом своей Дамаянти. Безгласен
Сделался он, увидя ее, прелестную в скорби,
Чистого ангела радости в платье печальном вдовицы.
Сердцу его несказанный упрек, перед ним Дамаянти
Молча стояла, пронзительный взор на него устремивши.
«Дай ответ мне, Вагука, – она напоследок сказала, –
Знал ли ты верного мужа, который был бы способен
Тайно покинуть жену и ее, заснувшую с твердой
Верой в защиту его, в лесу беззащитную бросить,
Бросить одну, без одежды, без крова, без пищи, дотеле
Ниже любимую им и ничем, ни делом, ни словом,
Ниже каким помышленьем пред ним не виновную? Вот что
Сделал со мною, Вагука, супруг мой Наль Пуньялока.
Чем я его оскорбила? Чем могла побудить я
Сердце его на такое предательство? Он пред богами
Выбран был мной, пред богами я с ним сочеталась, и боги
Слышали клятву, им данную мне, в любви неизменной.
Как же, Вагука, он мог изменить своей Дамаянти,
Радостным сердцем и горе, и бедность, и стыд, и изгнание
С ним разделившей, той изменить, которой сказал он,
Руку ей дав пред святым алтарем: «Тебя я отныне
Буду чтить и любить, защищать и питать, и с тобою
Горе и радость, богатство и бедность и все неизменно
В жизни делить обещаюсь?» Вагука, скажи мне, как мог он
Так измениться, так все позабыть?» Сокрушенный и бледный,
Слушал в безмолвии Наль укоризны своей Дамаянти.
Очи ее, светозарные звезды, были покрыты
Облаком скорби, и быстрым ручьем сквозь густые ресницы
Падали слезы. Своею виной уничтоженный, тихим,
Трепетным голосом Наль отвечал: «Что Нишадекое царство
Было проиграно Налом, не он в том, несчастный, виновен:
Злобный Кали обезумил его, и им же, коварно
Вкравшимся в сердце к нему, очарованный Наль в исступленье
Спящую бросил тебя; когда же в лесу ты – не зная, .
Кто он, – врага своего прокляла, твои поразили
Клятвы Кали, спокойно владевшего Палевым сердцем; и с тех нор
Адски страдал он, как в пламени пламень горя, заключенный
В страждущем Нале, как в мрачной тюрьме. От нечистого духа
Наль избавлен, и будет от всякой он клятвы свободен,
Бели, увидяся с женою, найдет, что ему сохранила
Верность она и любовь. Теперь отвечай, Дамаянти,
Что он найдет? Сохранила ль любовь, сохранила ль ты верность?
По свету ходят гонцы от тебя и отвеоду сзывают
Новых к тебе женихов в замену погибшего Наля.
Вот что сюда привело и царя Ритуперна, и сам я,
Бедный конюший Вагука, его конями был должен
Править, чтоб мог он поспеть на счастливый выбор». Услышав
Жалобы Наля, смиренно руки сложила и с чистым
Взглядом небесного ангела, ангел земной, Дамаянти
Так отвечала: «Тебе ль, мой избранный, тебе ль, предпочтенный
Мною богам, меня оскорблять таким подозреньем?
Ведай: сама я послала брамина к царю Ритуперну
С ложною вестью о выборе новом в Впдарбс. Узнало
Сердце мое, что Вагука был ты, и невинный обман мой
Был удачен – ты мне возвращен. И с клятвою правды
Здесь, государь, прикасаясь к коленам твоим, пред тобою
Сердцем спокойным, как будто пред небом самим, говорю я:
Верность к тебе и любовь я во всей чистоте сохранила.
Ветер свободно играет, носясь по всему поднебесью;

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Ведает все он; пускай он моим обвинителем будет,
Бели я что не достойное верной жены сотворила;
Солнце в высоком блаженстве сияет, горит над водами,
Оком всевидящим ходит оно по всему поднебесью,
Пусть же, все видя, оно моим обвинителем будет,
Бели я что не достойное верной жены сотворила;
Месяц, светило покоя, во мраке ночном замечает
Тайное вес в небесах и тайное все в поднебесье,
Пусть же он, тайны все зная, моим обвинителем будет,
Бели я что не достойное верной жены сотворила.
Пусть и небесные силы, хранящие небо и землю,
Правду мою подтвердят иль смерть мне пошлют за неправду». .
Так вызывала и небо и землю в свидетели чистой
Жизни своей Дамянти; и вот ей откликнулся с неба
Ветер и так свой ответ из пространства лазурного свежим
Словом провеял: «Как небо мое, чиста Дамянти,
Долгу верна, в любви неизменна, слова се правда;
Верь ей и руку подай, как жене беспорочной; и будут
Снова меж вами союз, и покой, и любовь, и согласие». .
Ветер у молкнул, и райской прохладой отвеюду провеял
Воздух весны, и упали цветы дождем благовонным
С неба при звуке воздушных тимпанов. Таким несказанно
Чудным свидетельством Налъ, исцеленный от всех подозрений,
Вспомнил о том, что ему сказал царь-змея на прощанье,
В данным им зеркальный щит поглядел, и в минуту явился
Прежним Налем, и руки простер к своей Дамянти.
С криком пронзительным кинулась в них Дамянти, и этот
Миг единый стократ заплатил им за долгие муки.
Голову Налъ прижавши к своей целомудренной груди,
В сладком забвеньи всего, в упоенье любви Дамянти
Долго безгласна была; она то сквозь слез улыбалась;
То трепетала, пронзенная радостью; то от избытка
Счастья глубоко вздыхала. И боги любви опустили
Тайную брака завесу на них, сочетавшихся снова
Дорого купленным браком. Так наконец отдохнули
Вместе они, до блаженства достигнув дорогой печали.
Память минувшей разлуки, радость свиданья, живая
Повесть о том, что розно друг с другом они претерпели,
Мыслей и чувств поверен ьс, раздел и слиянье,
Все в одном заключилось чувстве: мы вместе; и память
Прошлых бед настоящею радостью, светом, от тени
Волес ярким, печальныя были веселым рассказом
Сделалось. Так, по долгой в изгнанье тоске, возвратился
Налъ к Дамянти, как солнце из зимнего, хладного знака
В знак весны возвращается; так Дамянти, прикинув
К сердцу Налъ, опять расцвела, как сияющий вешним
Цветом сад живеи расцветает, дождем орошенный.
Тут пропели два соловья им песню такую:
«Снова Дамянти с Налем неразлучна;
Сердце вновь покойно, горе позабыто,
Смолкнулн желанья, так ликует в небе
Ночь, когда ей светит друг, желанный месяц».

II

Рано, лишь только что день занялся на востоке, царица-
Мать разбудила царя неожиданно-радостной вестью.
«Налъ возвратился, – Виме сказала она. – Дамянти
С мужем опять, и снова с ними согласие». Вима
Поднял брови, нсзапною вестью такой изумленный.
Тут царица открыла ему, какой Дамянти
Хитростью Налъ-царя заманила в Видарбу, какую
Выдумкой царь Ритуперн был обманут. И ей, улыбаясь,
Вима ответствовал кротко: «Я вашу женскую хитрость
Вам прощаю за то, что она удалась». Тут явился
Налъ с Дамянти и с ними их дети. Приблизился к тестю
Налъ, Дамянти приблизилась к матери. Зятя, как сына,
Ласково принял царь благодушный Вима и нежным
Взглядом поздравил дочь с возвратишпимея счастьем.
Скоро потом пришли и братья и подали руку

Налю и братски с сестрой обнял ися; потом отовсюду
Стали сходиться сродники, ближние; вот напоследок
Вся Впдарба наполнилась шумом торжественным; дома
В пышные ткани оделись; на кровлях явились знамена;
Площади, улицы все закипели народом, и в храмах
Жертвы зажглися. И вот наконец до царя Ритуперна
Слух дошел, что Вагука, конюх его, обратился
В Наля, что мужа нашла Дамаянти, что нового делать
Выбора ей не нужно. И царь Ритуперн дружелюбно,
К Налю пришедши, сказал: «Поздравляю тебя, благородный
Царь нишадский, с благой переменою судьбы, с возвращеньем
Прежнего вида и боле всего с обретением милой,
Верной жены. И если я что неугодное сделал,
Наль знаменитый, тебе тогда, как не в образе царском
Жил ты слугой у меня, то в том виноват без вины я;
Тайны твоей я не знал и прошу у тебя извиненья».
«Царь Ритуперн, – отвечивал Наль, – оскорбленья и тени
я не видал от тебя; ко когда б и обижен тобою
Выл я, то Налю-царю обид, нанесенных Вагуке-
Конюху, брать на себя неприлично. Тебя же давно я,
Царь Ритуперн, и чту и люблю как царского брата.
Мне благосклонным ты был господином, когда под твоею
Кровлею жил я слугою Вагукой, теперь благосклонным
Другом будь мне, царю нишадскому Налю. Ты видишь
Сам, что Вагукс конюшим твоим уж не быть; без сомненья,
Также захочет в прежнюю службу вступить и Варшнея.
Но в убытке ты, царь Ритуперн, не останешься; дар мой
Править конями тебе отдаю я рукою и словом,
Так же как сам от тебя могущество счета с искусством
В кости играть получил, и ныне в Айоду ты столь же
Быстро приедешь один, сколь быстро приехал оттуда
Вместе с Вагукой в Видарбу. А я посмотрю, что удастся
Выиграть мне с искусством, тобою мне данным». Друг другу
Подали руку цари на любовь и союз; и в А йоду
Царь Ритуперн возвратился. Наль, горя нетерпеньем
Выиграть трон свой, также недолго остался в Видарбс.

III

Месяц проживши у тестя, с избранною дружиною храбрых
Наль пошел наконец на свое Нишадское царство;
Сам он сидел в колеснице блестящей; могучие кони
Вешено прыгали, твердой руке его покоряясь;
Следом за ним шестнадцать слонов боевых с крепостными
Башнями, полными ратников, шли; за слонами скакали
Конные, легкий отряд, пятьдесят копьеносцев; за ними
Пеших дружина, пятьсот отборных стрелков. Не сражаться
Вел их Наль, а украсить свое вступленье в Нишаду.
Так снарядившись, царь на прощанье сказал Дамаянти:
«Ты оставайся под кровлей отцовской, покуда не ввел я
Нового счастья в наш дом и его от врага не очистил,
Счастье прежнее в нем истребившего; с миром тогда ты
В нашу столицу с детьми возвратишься, как на небо светлый
День возвращается, темную ночь прогоняя; живи же
В радости здесь, ожидая блаженной минуты возврата
В дом семейный, на новое счастье, на новую славу».
Взором одним Дамаянти царю отвечала, но в этом
Взоре, полном небесной души, была уж победа.
Быстрою бурей Наль полетел, и скоро достиг он
В грозном величии царства, из коего некогда вышел
Бедным изгнанником. Брату Пушкаре, владевшему ныне
Бывшим престолом его, он сказал: «Я тебя вызываю
К новой игре; я поставлю на кости жену; ты поставишь
Все Нишадское царство – довольно ль с тебя? Но сначала
Сделать мне должно с тобой уговор: когда проиграешь
Ты – то все, чем владеешь, будет моим, и над самой
Жизнью твоею буду я властен; когда ж проиграю
Я – то все, чем владею, возьмешь ты, ежели можешь:
Знай наперед, что тогда мы с тобою мечом разочтемся.
Полно же медлить; тебе по законам игры мне на вызов

К новой игре отказать невозможно; и властен теперь ты
Выбрать из двух любую игру: в железо иль в кости.
Хочешь отведать меча – выходи; я рад поединку;
Царство, наследье отцов, должны сохранять мы, покуда
Наше оно, когда же его мы утратили – силой
Должны уметь нам его возвратить; так учили нас предки.
Час наступил: принимайся, Пушкара, за меч иль за кости;
Или тебе живому не быть, иль я Дамайанти
С жизнью тебе уступлю». На этот вызов Пушкара
Так отвечал, усмехнувшись: «Готов я еще раз с тобою
В кости счастья отведать; то будет игра роковая;
Горя с тобой в нищете Дамайанти довольно терпела;
Власть и богатство со мною разделит она и забудет
Прошлое скоро; а я и на троне нишадском всечасно
Думал об ней и ждал, что придешь ты; и вот напоследок
Ты пришел, и будет моей Дамайанти, и боле
Мне ничего на земле желать не останется». Этим
Дерзким ответом разгневанный, меч свой хулителю в сердце
Чуть не вонзил в запальчивости Наль, но, собою овладевши,
Он сказал, трепеща, и кипя, и сверкая: «Безумец,
Полно хвастать, играй: проиграешь – заплатишь!» И кости
Брошены – все решено: обратно Нишадское царство
С первым ударом выиграл Наль у Пушкары. Со смехом
Он, победитель, взглянул на него, побежденного. «Что ты
Скажешь теперь? Мое законное царство, которым
Думал владеть ты, по-прежнему стало моим и отныне
Будет в крепких руках; теперь меж царем и меж царством
Третий никто не дерзнет протесниться. Мою ж Дамайанти
Ты и во сне недостойн увидеть; ты раб мой отныне;
Так решила судьба. Но слушай: не властью твоею
Некогда был я низвержен с престола; Калн-искуситсль,
Враг мой, тебе помогал; ты об этом не знал, безрассудный;
Знай же теперь, что отмщать на тебе преступленья чужого
Я не хочу. Живи, и будь милосердие неба
Вечно с тобой, и вражды да не будет меж нами, Пушкара,
Брат мой; живи, благоденствуя многие, многие годы».
Весь уничтоженный благостью брата, пред ним на колена
Бросился, плача, Пушкара: «О Наль Пуньялока, да будет
Милость богов и всякое благо земное с тобою!
В скромном уделе моем я, твой подданный, буду спокойней
Жить, чем на троне твоём, где покой мой основан
Был на ударе неверных костей; и своими отныне
Буду я сто.и» же любу, сколь был ненавидим твоими.
Прежде, однако, очищу себя от вины омовеньем
В Гангесе грешного тела; в его благодатные волны
Брошу, прокляв их, враждебные кости, которыми злые
Властвуют духи. А ты, сюда возвратив Дамайанти
В блеске прекрасного солнца, скажи ей, чтоб гнева
В сердце ко мне не питала и, прежнее горе забывши,
Вдвое блаженна была очищенным в опыте счастьем».

РУСТЕМ И ЗОРАБ

Персидская повесть, заимствованная
из царственной книги Ирана (Шах-Намё)

Книга первая
РУСТЕМ НА ОХОТЕ

I

Из книги царственной Ирана
Я повесть выпишу для вас
О подвигах Рустема и Зораба.
Заря едва на небе занялася,
Когда Рустом, Ирана богатырь,
Проснулся. Встав с постели, он сказал:
«Мы на царя Афразиаба
Опять идем войною;
Мои сабульские дружины
Готовы; завтра поведу
Их в Истахар, где силы все Ирана
Шах Кейкавус для грозного набега

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Соединил. Но чем же я сегодня
Себя займу? Моя рука, мой меч,
Могучий конь мой Гром
Без дела; мне ж безделье нестерпимо».
И на охоту собрался
Рустом; себя стянул широким кушаком,
Колчан с стрелами калеными
Закинул за спину, взял лук огромный,
Кинжал засунул за кушак
И Грома, сильного коня,
Из стойла вывел. Конь, наскучив
Покоем, бешено от радости заржал;
Рустсм сел на коня и, не простившись дома
Ни с кем, ни с матерью, ни с братом,
Поехал в путь, оборотив
Глаза, как лев, почуявший добычу,
В ту сторону, где за горами
Лежал Туран.

И, за горы перескакав, увидел
Он множество гуляющих онагрей;
От радости его зарделись щеки;
И начал он
Стрелами, дротиком, арканом
С зверями дикими войну;
И, повалив их боле десяти,
Сложил из хвороста костер,
Зажег его, потом, когда
Он в жаркий уголь превратился,
Переломил большую ель
И насадил
Огромнейшего из онагрей
На этот вертел,
Который был в его руке
Как легкая лоза, и над огнем
Стал поворачивать его тихонько,
Чтоб мясо жирное со всех сторон
Равно обжарилось. Когда же был
Онагрь изжарен, на траву
У светлого потока сел Рустсм
И начал голод утолять,
Свою роскошную еду
Водой потока запивая.
Насытившись, он лег и скоро,
При говоре струистых вод,
Под ветвями густого
Шнрокотенного чинара
Глубоким сном заснул;
А конь его, могучий Гром,
Тем временем, гулял
По бархатному полю,
Травой медвяною питался.

II

Но вот, покуда спал
Глубоким сном Рустсм,
Л Гром по бархатному полю
Гулял, травой медвяною питаясь, –
Увидя, что такой могучий конь
На пажити заповедной Тураиа
Вез седока по воле бродит,
Толпой сбежались турки.
Замысла овладеть конем,
С арканами к нему они
Подкрались осторожно;
Но конь, аркан ночуя,
Как лев, озлился
И не заржал, а заревел;
И первому, кто руку на пего
Осмелился поднять с арканом,

Зубами голову от шеи оторвал,
А двух других одним ударом
Копыта мертвых повалил.
Но наконец его
Отвсюду обступили;
И метко был аркан ому на шею
Издалека накинута, и его
Опутали, и был он пересилен.
Но хищники, страшась, что в их руках
Он ис останется, немедленно вогнали
В го в табун туранских кобылиц,
И разом был припущен Гром
К двенадцати отборным кобылицам;
Но лишь одна из них
Плод от него желанный принесла.

и*

163

III

Рустсм, проснувшись, тотчас о своем
Коне подумал; смотрит, но коня
Нигде не видит. Никогда
Он от него не убегал
В такую даль. Он свистнул, но на свист
Могучий не примчался конь
И не заржал издалека.
Рустсм, как бешеный, вскочил;
Весь луг широкий, вдоль и поперек,
Весь темный лес, кругом и напролет,
Он обежал – напрасно; нет коня.
И в горе возопил Рустсм:
«Мой верный конь, мой славный Гром,
Что без тебя начну я делать?
Скакать, летать привыкши на тебе,
Пойду ль пешком, тащась под грузом лат,
Как черепаха? Что же скажут турки,
Не на седле, а под седлом меня увидя?
Не может быть, чтоб ты, мой Гром, меня
Покинул волею; тебя украли.
Конечно, хищники здесь целым войском
Напали на тебя; никто один
С тобой не совладел бы. Но не время охать,
Рустсм; иди пешком, когда умел проспать
Коня». И, конскую с досадой сбрую
С доспехами своими на плеча
Взваливши, он пошел, и скоро
Напал па свежий след, и этот след
В го привел перед закатом солнца
Ко граду Семенгаму,
Который вдруг явился вдалеке
Среди равнины пышной,
Сияющий в лучах зари вечерней.

IV

Рустсм подумал: «В этом Ссменгаме
Владычествует царь, попеременно друг
Иль враг Ирана иль Тураиа;
Конечно, он бы и вдали
Рустема на коне узнал;
Но где мой конь? Я пеший
Теперь иду к его столице. Так и быть;
Они коня мне волей иль неволей
Отыщут и меня почтут
Роскошным угощеньем».
Так рассуждал с собой он, подходя
К стенам высоким Семенгама;
А между тем из глаз не выпускал
Следов замеченных; но скоро
Они, к реке приблизившись, пропали
В густом прибрежном камыше.

Тем временем молва достигла до царя,
что в Семенгам великий богатырь
Рустем идет, что он в лесу царевом
Охотничал, и что, утратив
На их земле коня, идет он пеший.
Услыша то, царь повелел,
чтоб гость великий с почестью великой
Был принят. Все его вельможи,
И все вожди, и всякий, у кого
На голове был шлем, а сбоку меч,
Толпой из Семенгама вышли
Встречать Рустема.
И витязь, витязей светило,
Был ими окружен,
Как солнце пламенным венцом
Вечерних, им блестящих облаков;
С такою свитой в город он вступил
И к царским подошел палатам.

V

И царь сошел с крыльца принять Рустема.

Он поклонился и сказал:

«Откуда ты, могучий богатырь,
Без провожатых, пеший,
Пришел к нам? Забавлялся ль ловлей
В моих заповедных лесах?
Ночлега ли покойного теперь
Здесь ищешь? Рады мы такому гостю;
Весь Семенгам теперь к твоим услугам;
Весь мой народ и все мои богатства
Теперь твои; что повелишь,
То мы и сделаем». Рустему
Смиренная понравилась речь;
«Они, — подумал он, —
Передо мной робеют».

И он сказал: «Украден конь мой Гром

Тогда, как на твоём лугу
Я спал, охотой утомленный;
Но след его привел меня сюда;
Он здесь; когда его
Отыщете мне к ночи вы,
Я отплачу сторицей за услугу;
Когда ж мой конь пропал,
Веда и вам и Семен гаму!
Мой меч прорубит мне
К нему широкую дорогу».

Царь, испугавшись, отвечал:

«Не может быть, чтоб на коня
Рустемова кто здесь аркан
Разбойничий дерзнул накинуть.
Будь терпелив, могучий витязь,
Твой Гром найдется; конь Рустемов
Укрыться от молвы не может.
А ты пока будь нашим мирным гостем;
Войди в мой дом, и ночь за чашей
Благоуханного вина
В веселье с нами проведи.
Твой конь здесь будет прежде,
Чем свет зарп проникнет в пировую
Палату; а теперь пускай она
Одним вином осветится блестящим».

VI

Лев мужества, Рустем доволен был
Царя приветственной речью,
И гнев заснул в его груди.
Он во дворец вступил с лицом веселым,
И, посадив его на царском месте,
Хозяин-царь не сел с ним рядом;
Он, стоя, потчевал его.

Соединясь в блестящий полукруг,
Сановники, вожди, придворные вельможи
В почтительном молчанье за царем
Стояли, очи устремив
На светлое лицо Рустема;
Роскошно-лакомой едою
В серебряных богатых блюдах
Выл стол уставлен;
В сосудах золотых
Вино сверкало золотое,
И были хннские кувшины
Питьем благоуханным полны.
При звуках струн, при сладком пенье
Младые девы
С очами нежными газел
Напитки гостю подносили,
И он в вине душистом
Души веселье пил,
И было светлого лица его сиянье
Сияньем радости для всех, пред ним стоявших.
За кубком кубок он проворно осушал;
Когда ж едою и питьем
Он вдоволь насладился,
Вго в покой, благоухавший муском
И розовой водой опрысканный, ввели;
И на подушках пуховых,
Под тонкой шелковою тканью,
В глубокий сон там погрузился
Рустсм, врагов гроза и трепет.

VII

Но в тихий полуночный час,
При легком шорохе шагов,
Послышался речей приятный шорох;
По имени Рустема кто-то назвал;
Без шума отворилась дверь,
И факелов душистых
Сияньем спальня озарилась;
Рустсм открыл глаза:
Темина, дочь царя? владыки Семенгама,
Блистая золотом и жемчугами,
Стояла перед ним,
Прекрасная, как дева рая;
За ней, держа в руках
Светильники, стояли
Бе рабыни молодые;
Краса живая легкой Пери
С краснеющей стыдливостию девы
Сливались на ее лице,
Где лилий белизну
Животворил прекрасный пурпур розы.
Но было на се
Застенчиво потупленные очи
Опущено ресниц густое покрывало,
И за рубиновым замком
Бе цветущих, свежих уст
Скрывалась девственная тайна.
Рустсм вскочил, нежданным изумленный
Виденьем. «Кто ты? – он спросил. –
Зачем ко мне пришла ночной порою?»
«Я дочь царя, меня зовут Темина, –
Пришелница ночная отвечала. –
Легка я на бегу; ни лань, ни антилопа,
Ни быстрый ветер горный
Меня догнать не могут;
Но догнала меня тоска, мучитель сердца:
Она меня во тьме глубокой ночи
Перед тебя, мой витязь, привела.
Как чудное преданье старины,

Всегда, везде, от всех я слышу повесть
О храбрости твоей великой;
О том, как не страшишься ты
Пи льва, ни тигра, ни слона,
Ни крокодила, как всего
Ирана ты надежная твердыня,
Как весь Тура и дрожит перед тобою,
Как на Ту райскую ты землю
Ночной порою выезжаешь
На боевом своем коне
И, обскакав ее и вдоль и поперек,
Без страха спишь один, и как никто
Не смеет сон глубокий твой нарушить.
Такую повесть о тебе
Всечасно слыша, я давно
Томилася тоской тебя увидеть;
Теперь увидела, и быть твоей женой
Готова, если сам, мой храбрый витязь,
Того потребуешь. Доселе
Ни тайный месяца, ни яркий солнца луч
До моего не прикасались тела;
Здесь в целомудрии, в девичьей простоте
Я расцвела; и только в этот миг
Сказала первую любви глубокой тайну.
Возьми, возьми меня, Рустсм;
В приданое твердынный этот замок
Тебе я принесу; а утренним подарком
Моим твой конь, твой Гром могучий будс
Так светлоликая царица говорила,
И витязь слушал со вниманьем,
И не сводил с нее очей;
Он разумом ее высоким,
И голосом, как флейта сладким,
И красотой полувоздушной
Во глубине души пленялся.
Когда ж царица замолчала,
Он повелел, чтобы немедля
Один из многомудрых
Мобедов царских
Пошел к царю и от Рустема
Потребовал согласия на брак
Вго с царевною Теминой.
Выл изумлен владыка Семенгама
Таким нежданным предложеньем,
И голову от радости высокой
Высоким кедром поднял;
Он не замедлил согласиться;
И тут же браком сочетался
Рустсм с царевною Теминой;
Но брак их совершен был тайно:
Страшился царь, чтобы, воюя
С Ираном, в злобе на Рустема,
Афразиаб не сокрушил
Вго столицы Семенгама.

VIII

Ночь краткая блаженства миновалась:
Настало утро. Из объятий
Младой супруги вырвался Рустсм.
Он снял с руки повязку золотую,
И, дав се Теми не,
Сказал: «Теперь нам должно разлучиться
Меня в Сабулс ждут
Готовые в поход мои дружины;
А ты храни мой дар заветный;
И если в этот год тебе родится дочь,
Укрась ее моей повязкой;
И будет ведать целый мир,
Что ей отец Рустсм.

Но если небо даст нам сына,
Пусть носит он, как я носил,
Мою повязку на руке;
Когда ж он возмужает,
Пришли его ко мне в Сабулистай;
Но ведай наперед, что он
Не иначе явиться может
Мне на глаза, как уж прославясь
Великим делом богатырства;
Вго неелавного ни знать,
Ни видеть не хочу я –
Пускай в толпе исчезнет,
Покрытый тьмой забвенья,
И не примеченный отцом.
Не по его породе знаменитой,
Не по моей повязке золотой
Он будет мной за сына признан --
Нае породнит одна лишь только елава;
С ее свидетельством он должен
Мне от тебя при несть мой дар заветный;
Лишь ею он получит право
Сказать в глаза мне: я твой сын.
Но близко день; прости». – И он, к горячей груди
Прижав супругу молодую,
Ко с любовью лобызал
В ланиты, очи и уста,
И долго от нее не в силах
Выл оторваться. Обливаясь
Слезами, от него она
Пошла, и для нее, в час брака овдовевшей,
Влаженство краткое печалью долгой стало.
Тут царь пришел спросить у зятя:
Приятно ль он провел ту ночь?
И объявил, что Гром отыскан.
Обрадован той вестью был Рустсм;
Он подошел к коню, его погладил
И оседлал; потом из Семенгама
Поехал, светлый, бодрый духом,
Сперва в Систан, потом в Сабулистан;
И много о своем он думал приключенье,
Но дома никому о нем не говорил.
К п и г а вторая

ЗОРАБ

Т
Пора пришла – и у Тсмины
Родился сын, прекрасный
Как месяц. Радостно и горестно его
Прижала к сердцу мать и со слезами
Им любовалась: он был вылитый Рустсм.
Она его Зорабом назвала,
Его сама кормила грудью,
О нем и день и ночь пеклася.
И дивное создание был Зораб:
Он родился с улыбкой на устах;
Ни от чего и никогда не плакал; рос так чудно,
Что в первый месяц уж казался годовым;
Трех лет скакал отважно на коне;
Шести лет был могуч, как лев;
Когда ж ему двенадцать лет свершилось,
Никто не мог с ним сладить; ростом был
Он великан, и все блистало
В нем мужеством и красотою:
Глубоко-темные глаза,
Румянец пламенный на свежих
Щеках, широкие плеча, крутая грудь,
Железно-жилистые руки
И ноги крепкие, как кедры.
Вороться ль кто с ним покушался –

Вго он вмиг сгибал в дугу;
На львиную ль охоту выходил –
Со львом он ладил, как с лисицей;
Шатал ли дуб иль кедр –
В его руках они, как хлыстья,гнулись;
Гнался ли за конем – его,
Догнав, хватал за гриву,
И падал на колена конь:
Таков был в отроческих летах
Зораб, достойный сын Рустема.

II

Однажды к матери приходит отрок
И так ей дерзко говорит:
«На сверстников своих гляжу я свысока;
Никто из них передо мною
Поднять не смеет головы;
Но никому из них досель не мог я
Ответствовать, когда он знать хотел,
Кто мои отец. Скажи же: кто отец мой?
Когда не окажешь, на еебя
Я руку наложу,
Да и тебе добра не будет».
Темина с гордостью и страхом отвечала:
«Мой сын, твое рожденье
Доныне было тайной;
Теперь узнай: ты сын Рустема;
Ты дедов знаменитых внук;
И нет земных величий,
Которых бы отец твой не затмил
Сияньем дел своих великих.
Возьми теперь повязку эту;
Носи ее и береги,
Как свет своих очей: ее мне дал
Отец твой на прощанье.
Когда к нему дойдет молва,
Что ты достоин быть им признан,
Он позовет тебя в Иран
И по своей повязке там узнает.
Но ведай наперед, Зораб,
Что на глаза ему явиться
Не иначе ты можешь, как прославясь
Великим делом богатырства;
Тебя неславного ни знать,
Ни видеть твой отец не хочет;
Не по своей породе знаменитой,
Не по его повязке золотой
Ты будешь им за сына признан;
Вас породнит одна лишь только слава;
С ее свидетельством ты должен от меня
Принести отцу его залог заветный,
Лишь ею ты получишь право
Сказать в лицо Руестему: «Я твой сын».
Гордпся ж, друг, своей породой славной,
Но до поры храни о ней молчанье».

III

На то Зораб ей дал такой ответ:
«Кто скроет в небесах
Сияющее солнце?
Кто скроет на земле
Своей породы славу?
Зачем о ней так поздно сведал я?
До сих пор ежечасно
И встречный мне и поперечный,
И старики и молодые
Твердили о Рустеме.
Кто исполина одолел?
Кто замок разорил волшебный?
Кто войско разогнал один?

На каждый мне такой вопрос
Все тот же был ответ: Рустсм.
Во мне от изумленья
И ревности кипело сердце;
А он был мой отец, и я о том не ведал.
Но знай теперь: из Семенгама
И из туранских областей
Храбрейших вызвать я намерен:
И мы пойдем войною на Иран;
И битва будет там такая,
Что пылью месяц в высоте
Задержнется, как темной тучей;
С иранского престола
Сгоню я шаха Кейкавуса
И подарю Иран Рустему;
Потом пойду войною на Ту ран,
И будешь ты царицею Турана».
Так он сказал и гордо удалился.
И никому он своего
Рожденья не открыл:
Неведомая сила
Ему уста сжимала всякий раз,
Когда была готова
Слететь с них тайна роковая;
Как будто сам отец ему шептал:
«Лишь славой ты получишь право
Сказать в лицо мне: я твой сын».

IV

И скоро, к матери опять при шедши,
Сказал Зораб: «Я сам готов,
Но у меня коня нет боевого;
Мне нужен конь, со мною равный силой,
Такой, чтоб камни мог одним ударом
Копыта в крошки разбивать,
Чтоб был могуч, как слон, легок, как птица,
Чтобы в воде проворной рыбой плавал
И серной прыгал по горам,
Чтоб и коня и седока
Мог опрокидывать напором крепкой груди
И чтоб, сидя на нем,
Я не лицом к лицу,
А свысока смотрел в глаза врагу».
При этом слове радостная гордость
Зажглася в материнском сердце;
Она немедленно велела
Пригнать из табунов Тураиа
Коней отборнейших, чтоб мог Зораб
Найти желанного меж ними.
И было пригнано их много;
И всех их на поле широком
Перед стенами Семенгама
Свели в один бесчисленный табун;
Все были дикие, как вихри.
И начал их Зораб перебирать:
Он каждого, который меж другими
Казался легче и сильней,
К себе притягивал арканом
И на спину ему клал руку – и одним
Руки жслезныя давленьем
Выл каждый вмиг к земле притиснут;
И в целом табуне Зораб
Ни одного не выбрал по желанью.

V

Тут подошел к Зорабу старый витязь
И так сказал: «Я дам тебе коня,
Какого не бывало
До сей поры нигде.
Он родился от Грома,

Коня Рустемова; как буря силен;
Как молния, летуч;
Нет на него ни зноя, ни мороза;
Широкий дол, высокий холм
Он тенью облака перебегает;
Бескрылой птицею по воздуху летит;
В стыде павлин сжимает пышный хвост,
Когда густую он разбрасывает гриву;
Он прыткий лев – когда на круть бежит;
Он сильный кит – когда в воде плышет;
Ездок, пустив стрелу, своей стрелы скорее
На нем домчится до врага;
Его ж бегущего быстрее
Стрелю не догонит враг;
Он чудо-конь; но есть в нем и великий
Порок: он в руки не дается.
Кому ж его удастся укротить,
Тот выезжай на нем хоть на Рустема».
Такой находкою неожиданной
Обрадован Зораб был несказанно.
«Скорей, скорей, – он закричал, – ведите
Ко мне коня!» И конь был приведен.
Ему Зораб давнул рукою спину
И грянул в голову его
Своим тяжелым кулаком –
Могучий конь не пошатнулся,
Лишь, шею вытянув, сверкнул
Глазами, прынул на дыбы
И так заржал,
Что с ним окрестность вся заржала.
Зораб стал гладить и трепать
Его, как шелк, блистающую спину –
И конь недвижимо стоял,
Лишь оком огненным на витязя косился.
И на него вскочил Зораб,
И конь, легчайшему узды его движенью
Покорный, вихрем полетел;
Зораб же на его спине сидел так крепко,
Как на коне сидит железном
С ним вместе вылитый железный истукан.
Конь наконец под сильным седоком
Устал; его дымились ноздри,
С него катился пенный пот.
Тогда Зораб сказал ему, разгладив
Его разбросанную гриву:
«Мой добрый конь, теперь нам мир открыт:
Теперь не будет стыдно
И на глаза Рустему нам явиться».

VI

И стал Зораб к войне с Ираном снаряжаться.
Когда ж о том проведали в Туране,
Бесчисленно к нему сходитья стали
Охотники; для них его желанье было,
Как солнечный восход для темной ночи:
Давно Туран не враждовал с Ираном,
Давно для всех мученьем был покой,
И все кипели жаркой жаждой
Войны, победы и добычи;
Из пепла вдруг великий вспыхнул пламень.
Зораб приходит к деду своему
И говорит: «Есть люди у меня –
Но нет у них оружий;
Коня я доброго нашел –
Мои же люди все бесконны;
Идти в поход готовы мы –
Но вьючных нет у нас верблюдов,
Чтоб тяжкий груз нести за нами;
Хотим мы сытно есть и пить

В ДОСУЖНОС от боя время –
Но нет у нас запаса пищи;
Благоволи твои нам отпереть
Конюшни, хлебные анбары
И оружейную палату, где напрасно
Съедает ржа мечи и брони».

12 – 3088

177

И деду старому по сердцу
Была такая речь от внука;
Охолодевшая в нем кровь разгорячилась,
И он сказал с усмешкой про себя:
«Необычайный выбрал способ
Отца отыскивать мой внук!
К го он взять намерен с боя».
И всем снабдить Зораба царь спешит:
Анбары хлебные отворены;
Для ратников, верблюдов и коней
Запас пшена, ячменя и овса
Огромный собран; дед не поскупился также
Своей серебряной и золотой казною
Со внуком поделиться;
И оружейную палату отпер он,
И дал на волю брать оттуда
Мечи, кольчуги, шлемы,
Стрелами полные колчаны,
Тугие луки, топоры,
В серебряной оправе ятаганы,
Кривые сабли с золотой насечкой,
И палицы с железными шипами,
И копья длинные с булатным острием.
Сподвижникам раздав доспехи и казну,
Зораб сказал: «Вот все, что я теперь имею;
Чего ж недостает,
То мы дополним скоро
Добычей боевою;
Когда возьмем Иран,
Я всех вас с ног до головы
Иранским золотом и серебром осыплю».

VII

Тураиа царь Афразиаб
Услышал, что с гнезда слетел орленок смелый,
Что отроку-богатырю наскучил
Покой беспечный детских лет,
Что первый пух едва пробился
На подбородке у него –
Л уж ему в просторном мире тесно;
Что молоко обсохнуть не успело
На молодых его губах –
Л уж на них звучит, как в небе гром,
Тревожный крик, зовущий на войну;
Что он замыслил Кейкавусов
Трон опрокинуть и Иран
Своим толпам предать на разграбленье;
Что стоило ему ногой лишь в землю топнуть,
И из земли вдруг выскочило войско;
Что наконец молва есть, будто он
Рустемов сын, и будто от коня
Рустемова и конь его родился.
Афразиаб, Турана царь, бровей
От этих слухов не нахмурил;
Он долго сам с собою размышлял,
И, размышляя, улыбался;
И напоследок повелел,
Чтоб Баруман, его верховный вождь,
К нему явился. Баруману
Он так сказал: «Возьми двенадцать тысяч
Отборных ратников моих

И отведи их в Ссмснгам к Зорабу.
Но слушай (что ж услышишь,
То пусть в твоей душе, как мертвый труп
Во гробе, тайное лежит),
Отдав ему мое письмо,
Бго уверь, что с ним Афразиаб
На жизнь и смерть в союз вступает;
Раздуй в нем пламень боя,
Чтоб бешено, как лев голодный,
Он устремился на Иран:
Но берегись – отнюдь не допускай
Бго увидеться с Рустемом;
Чтобы никто и имени Рустема
При нем не смел произнести.
Не знаю я, отец ли
Ему Рустсм иль нет, но оба
Они мне злейшие враги;
И их сравить нам должно, как зверей.
Легко случиться может,
Что грозный, устарелый лев
Под сильной лапой молодого,
Растерзанный, издохнет –
Тогда Иран смирится перед нами
И Ксйкавус не усидит на троне;
Тогда найдем мы средство и Зорабу
Зажать глаза, чтоб перестал
Он с жадностью звериной
Смотреть на царские престолы.
Известно мне: ему Ирана мало;
И на Ту ран свои острит он когти.
И сели подлинно он сын Рустема,
То пусть волчонок молодой
Заеден будет старым волком;
Тогда и старый пропадет,
Как пропадает, иссыхая
И тяжким илом застилаясь,
Вода в степном, оставленном колодце».
Так говорил Афразиаб;
Потом он Варуману
Вручил письмо к Зорабу,
Предательской исполненное лестью.
Но то письмо не с легким сердцем,
А с тяжким горем принял Баруман:
Не славы, а бесславья ждал
Он от войны, в которой принужден
Был сына храброго на храброго отца
Обманом хитрым наводить,
Чтоб разом погубить обоих.

VIII

Когда узнал Зораб, что Баруман
К нему с письмом, с дарами, с войском
Афразиабом посланный, идет,
Немедленно вооружась,
К нему он выехал навстречу.
Как удивился витязь молодой,
Когда такое множество народа,
Оружием блестящего, увидел!
Как удивился Варумай.
Когда предстал глазам его такой
Красавец с ростом великана,
С весенней свежестью младенца,
С горячим юноши кипеньем,
С железной твердостью мужа!
Он на него внимательно смотрел:
Он изумлен был несказанно,
Он чувствовал невольный трепет,
В нем громко вопияла жалость
При виде красоты, столь бодрой и цветущей,

И про себя подумал старый витязь:

«О ты, прекрасная звезда,
Тебе сиять бы в чистом небе,
Не заходя, не померкая;
Достоин ты, мой светлый воин,
Чтоб был орлиный твой полет
Советом мудрости направлен,
А не предательством змеиным».

И, подошед к Зорабу, он вручил
Ему письмо Афразпаба.

Прочтя письмо, Зораб поспешно собрал
Свои туранские дружины

И, Варуману повелев
Для отдыха остаться
Дни на два в Семен геме,
Простился с матерью и с дедом
И поскакал, воскликнув громозвучно:

«Туран, за мной!» При этом клике

Всё разом всколебалось,

Знамена развернулись,

Задрезжали трубы,

Тимпаны загремели,

Заржали грозно кони,

Пошли вперед дружины;

И быстро полилась война

С убийством, грабежом, пожаром

На мирные поля Ирана.

Книга третья

ХЕДЖИР И ГУРДАФЕРИД

I

На самом рубеже Ирана

Стояла крепость Псами Замок;

Она Иран хранила от набегов

Соседнего врага,

И ею два повелевали

Вождя; один из тех вождей

Был старый Гездехём,

Ира вптел ь опытно-разум н ый,

Другой Хеджир, наездник молодой,

Рачитель дела боевого.

И с Гездсхемом находилась в замке

Его младая дочь,

По имени Гурдафсрид,

Что значит: витязь без порока;

И на такое имя

Она имела право:

Прекрасная, как девственная пери,

Она была сильна, как богатырь;

Хеджир напрасно

Ей рыцарством понравиться хотел –

Она ему ристаньем на коне,

И меткою стрельбой из лука,

И ловкостью владеть мечом

Была равна; а мужественным делом

Против врага пред нею отличиться

Не мог он – не было врага.

Но вдруг с высокой башни замка

Увидели на крае небосклона

Идущее в густой пыли, как в дыме

Великого пожара,

Туранское бесчисленное войско.

Затрепетал от радости Хеджир.

«Двойная будет мне победа, –

Подумал он, – одна – там, в поле над врагом,

Другая – здесь, над девою надменной».

И он, надев свои доспехи,

Несется быстро на коне,

Любо ни ю и мужеством стремимый,

На подходящие туранскис дружины;
И вслед за ним с ограды замка
Завистливым стремится оком
Звезда красы Гурдафсрмд.

II

И, быстро подскакав к туранеким
Дружинам, грозно закричал
Хеджир им: «Кто вы? Кто из вас
Храбрый? Пусть отведаст со мною
Меча, копья иль булавы;
Он будет нынче же с высокой
Ограды замка моего
Своей отрубленною головою
На всех вас ужас наводить».
На этот вызов ни один из турков
Не отвечал: никто из них не смел
На рубеже Ирана первый
В сраженье выступить. Увидя,
Что все его сподвижники робеют,
Зораб, разгневанный, схватил
Свой меч и поскакал
Один за всех на смертный поединок.
Как тигр из камышей прибрежных,
Так из густой толпы своих он прынул
И закричал Хеджиру: «Выходи;
Твои слова хвастливые не страшны;
Не на лисиц ты выехал, на львов;
Знать хочешь: кто мы и зачем
Пришли в Иран? Узнай же: я Зораб,
Сын царской дочери Тсмпны
И многославного Рустема;
Пришел в Иран знакомиться с отцом;
По славе дел Рустом узнает сына.
Теперь скажи мне, кто ты сам?
Но ведать наперед ты должен,
Что в замок свой уж ты не возвратишься:
Тебя оплачет скоро мать,
Или жена, или невеста».

III

«Не хвастай, подождем конца, –
Хеджир отвечал Зорабу. –
Мое ты спрашиваешь имя? Я
Хеджир; повелеваю Белым Заком,
И мне товарищ мудрый Гездехем.
А ты смотри, там в высоте
Два черных ворона кружатся;
Они почуяли добычу,
И будет им добыча;
Тобой насытив жадный голод,
На север полетит один,
На полдень полетит другой,
На север к твоему отцу,
На полдень к матери твоей,
И им они за угощенье
Свое прокаркают спасибо;
Не догадается отец*
А мать начнет рыдать и плакать;
А обо мне моя невеста
Не будет ни рыдать, ни плакать;
На нас теперь с ограды замка
Она глядит; моя победа
Ей славой п утехой будет».
Так говоря, на Белый Замок
Хеджир Зорабу указал:
Звездю утренней прекрасной
Сияла там Гурдаферид;
Хеджир, обманутый любовью,
Подумал, что ему она

Издавела приветно улыбалась,
И он на миг забыл о поединке.
Зораб, красавицу, какой никто подобной
Не видывал, увидя, обомлел,
И вея душа в нем закипела;
И он подумал: «Если в Вел ом Замке
Сокровище такое бережется,
То взять его во что бы то ни стало;
А ты, жених, простишь с своей невестой,
Ее теперь ты с жизнью мне уступишь».

IV

Опомнясь, друг на друга очи
Соперники оборотили,
Схватились бешено за копья
И, расказакавшись, с быстротою
Двух страшных молний полетели
Один против другого. Острый
Конец копья Хеджир направил
На грудь Зораба, чтоб ее
Насквозь им проколоть;
Но острие переломилось,
Ударясь в твердую кольчугу;
Зораб не пошатнулся.
Тогда, свое копьё
Тупым концом оборотив,
Его он, как рычаг,
Между конем и всадником просунул,
Им сильно двинул – и Хеджир,
Вдруг сорванный с седла, был взброшен
Тта воздух; грянулся на землю,
Как камень, и паденьем был
Так сильно оглушен,
Что на земле, как мертвый,
Лежал недвижимо, утратив
Из памяти и бой, и замок, и Зораба,
И самое Гурдаферид.
Зораб скочил с коня и обнажил
Свою кривую саблю,
Чтоб голову отсечь врагу;
Но тот, опомнясь, приподнялся,
И, на руку опершись слабо,
К сопернику другую протянул
И так сказал:
«Будь жалостлив, не убивай;
Уж я убит довольно
Стыдом, которым ты меня
Сразил перед стенами замка.
Как будет над моим паденьем
Надменная торжествовать!
Вот смерть моя; тебе не нужно
Своею саблей отсекаль
Мне голову – ты жизнь мою пресек:
Гурдаферид уж боле не моя;
Отныне ты мой повелитель».

V

Умолкнув, ждал он жизни или смерти.
Но билось кроткое в груди Зораба сердце:
Молящего о милости врага
Он был не в силах умертвить;
И он подумал: «Этот пленник
Мне пленников других добыть поможет;
Он в замок мне отворит вход;
Укажет в поле мне Рустема».
И он, связав Хеджира,
Бго с собой повел в ту райский стан,
Куда в тот самый час вводил
Свои дружины Баруман,
Поспешно вышедший из Семенгама,

чтоб, волю шаха исполняя,
Не выпускать из глаз Зораба.
И первой встречей Баруману
Был схваченный Хеджир; при виде
Огромности и крепости врага,
Обрадован и изумлен
Был несказанно старый воин;
Но он глаза потупил в землю,
Почувствовав и стыд и угрызенье
При мысли, что назначен был
Прекрасной доблести такой
Предательством готовить гибель.
Л между тем, при громких кликах
Всего собравшегося войска,
Которое, увидя, как могуч
Выл витязь побежденный,
С рукоплесканием встречало
Победоносца молодого,
Зораб заду мч и во-без мол в н ы й
На боевом своем коне,
Не слыша плесков, ехал шагом:
Он думал об отце Рустеме,
Он думал о чудесной деве,
Он думал сладостно о многом, многом,
Чего ему не назначало небо.

VI

Турецкий стан был полон ликованья,
А в Волом Замке вопли раздавались;
Одна Гурдаферид безмолвно
Стояла на стене высокой;
Она с прискорбием смотрела
На место, где иранский витязь
Выл осрамлен копьем Турана.
«О стыд! – воскликнула она. –
Хеджир, ты мнил быть твердым мужем –
И первый встречный сбил тебя с седла;
Конечно, своего копья
Не отточил ты, своему
Коню подпруг не подтянул.
Могла довольно бы теперь
Я над тобою посмеяться;
Но вытерпеть я не могу,
Чтоб враг смеялся над тобою.
Не допущу хвалиться турку,
Что был им с одного удара
Наш первый витязь опрокинут.
За женщин он сочтет мужей Ирана –
Пускай же в женщине теперь узнает мужа.
Я видела отсюда,
Как улетал он с места боевого,
Победой светел, красотою
Светлее утренней звезды;
На замок он пленительным лицом
Оборотился; на меня
Орлиными глазами посмотрел...
Хочу я знать, таков ли он вблизи,
Каким вдали мне показался».
И со стены Гурдаферид
Сошла поспешным шагом
И выбрала в отцовой оружейной
Доспехи: локоны густые
Покрыла крепким шлемом,
Индийское забрало на лицо
Надвинула, свой стройный стан
Перетянула кушаком,
И, с головы до ног
Вооруженная, вскочила
На легкого коня,

И, не простясь с отцом,
Из замка в поле поскакала.

VII

С копьем в руке наездница младая,
Перед туранский стаи примчавшись,
Воскликнула: «Пришельцы, кто вы?
Кто вождь ваш? Я хочу отмстить
За обеславленного друга;
Я в бой зову того, кто в плен увел Хеджира;
А если он робеет, пусть выходят
Другие за него. Туран, не думай,
Что, одолев случайно одного,
Уж всех он одолел в Иране.
Сюда, обидчик нашей чести!
Свою кровью обагрнить
Ты должен бледный стыд Хеджира;
Я жду тебя». – Услышан был
В ту райском стане вызов гордый,
И кинулись охотники толпою
К коням, но их Зораб предупреди.1;
Он, выскакав вперед, воскликнул:
«Не трогайся никто; я начал, я и кончу».
И быстро он вперед помчался
При кликах громозвучных стана.
На выстрел из лука приблизясь
К противнику, Зораб остановился
И взор на крепость устремил:
Он уповал, что деву замка
Опять увидит на оgrade;
Но он ошибся, на оgrade
Ее уж не было – она
Стояла перед ним,
И он того не ведал.
Гурдаферид, его вблизи увидя,
Подумала: «Мой враг опасен:
Он сильного Хеджира одолел».
И на своем коне летучем
Она кружить проворно начала;
Соперника маня и раздражая,
Она пред ним, как ласточка, летала,
Была и там и тут, и всюду и нигде;
А той порою с тетивы
Ее тугого лука
Стрела слетала за стрелою,
И ими был весь твердый панцирь
Зорабов исцарапан,
И много их в щите его торчало.
С усмешкой он их стряхивал на землю;
Но, мнилось, был неистощим
Колчан наездницы; как частый дождик,
Ее лил ися стрелы;
И наконец Зораб, терпенье потеряв,
Воскликнул: «Скоро ль детскую игрушку
Оставишь ты? Пора приняться нам
За мужеское дело.
Я вижу, что своим досугом
Умели вы воспользоваться, персы;
Остро свои вы стрелы наточили –
Но об туранский крепкий панцирь
Ломается их острие.
Оставь же, друг, напрасную заботу –
Из своего улья довольно
Ты пчелок выслал на меня,
Но меду здесь они не соберут;
Убить своей стрелой ты можешь
Лесную пташку, много цаплю;
Но грифа сильного тебе не застрелить;
Итак, уймись, и если ты

Не женщина, то подъезжай
И бейся мужески со мною».

VIII

При этом вызове через плечо
Закинула свой лук Гурдаферид
И поскакала на Зораба
С направленным на грудь его копьем;
Не девичий удар почувствовал бы витязь,
Когда б с конем не отшатнулся –
Копье пронзило воздух.
Тогда, свое копье оборотив,
Зораб его тупой конец
(К которому привинчен
Выл крепкий крюк железный)
За пояс всадницы проворно запустил,
И вмиг, как легкий пух,
Она слетела бы с седла,
Когда бы выхватить свой меч
И им перерубить копье
Одним ударом не успела;
И снова на седло упала
Она так плотно, что с него
Взвилась густая пыль: тут поняла
Гурдаферид, что не по силе ей
Соперник, стиснула коленами коня
И поскакала к замку.
Зораб за ней; уж был он близко;
Уж слышала Гурдаферид
Вблизи коня железный топот,
Уж обдавало ей плеча
Вго горячее дыханье;
Тут вдруг она оборотилась
И сбросила с прекрасной головы
Железный шлем в надежде победить вернее
Не силой мужеской меча,
А девственным волшебством красоты.
И на лицо ее волнами
Густые полилися кудри;
Зораб остолбеней, узнав в ней деву замка;
И он воскликнул: «Трудно ж будет нам
Одoleвать мужей Ирана,
Когда иранские так мужественны девы.
Зачем, красавица, ты выехала в поле?
Со мною ль биться, за Хеджира ль
Мне отомстить хотела?
И что тебя, любовь иль жажда славы
Из замка выйти побудило?
Прекрасною звездой небес
Издаleка ты мне явилась –
Теперь тебя увидел я вблизи,
И знаю, что краса
Небесных звезд ничто перед твоею.
Но я тебя не выпущу из рук;
Ни одному ловцу еще такая
Добыча в сети не давалась;
Ты от меня не убежишь».
При этом слове бросил он
Аркан, и вмиг была Гурдаферид
Опутана могучей петлей.
Увидя, что к спасенью
Ей средства нет, красавица прибегла
К коварству женскому; чтоб самого
Пленителя пленить, она
Приподняла свои густые кудри
И месяц светлого лица
От черной их освободила тучи.
Оборотясь с улыбкой на Зораба,
Она сказала голосом волшебным:

«Ты, витязь смелый, столь же сильный
Между людьми, как лев между зверями,
Не жажда славы
И не любовь к Хеджиру (что Хеджир
Перед тобой!) меня из замка
К тебе навстречу привели.
Издали тебя увидя
Столь мужески прекрасным,
Хотела я узнать, таков ли
Ты и вблизи – меня не обманули
Мои глаза; но в мысли не входило
Мне никогда, чтоб мог в Тура не
Такой, как ты, родиться витязь.
Иди же смело на Иран,
Ты там пленишь
Не дев одних, но и мужей могучих;
А если сам, как я, того желаешь,
Чтоб был между тобой и мною
Союз любви, то наперед
Мне возврати мою свободу».

IX

Так сладостным напитком льстивой речи
Коварная хотела упоить
Зораба. Он, почти уж охмеленный,
Спросил: «Но что же будет,
Красавица, порукой за тебя,
Когда свою получишь ты свободу?»
«Мое святое слово
И имя чистое мое:
Меня зовут Гурдаферид;
А мой родитель Гездсхем
Повелевает Белым Замком;
Я обещаюсь, если сам
Того желаешь ты и если
Согласен будет Гездсхем
(А он согласен будет, верно),
Тебе отдать и замок и себя.
Ступай же на гору за мною;
Ключ от ворот я вы несть не замедлю;
Но прежде требую свободы».
И с этим словом на Зораба
Она так нежно, сладко поглядела,
Что в этом взгляде мигом на него
С нее перелетела петля.
Доверчиво он снял с нее аркан;
Она ударила коня
И поскакала к замку;
За нею поскакал Зораб.
Тем временем, встревоженный, печальный,
Стоял в воротах Гездсхем;
Он в поле с ужасом смотрел
И ждал, какой возьмет конец
Безумно-бешеное дело
Бесстрашной дочери его.
Он, раздраженный, осыпал
Ее упреками, но в сердце
Ее отважностью гордился.
Вдруг шум послышался – он смотрит
И видит: скачет к воротам
Гурдаферид, и вслед за нею,
Отстав немного, скачет витязь,
Хеджира в поле одолевший.
Вмиг полворот он отворил;
Она в них молнией вскользнула;
Растворы схлопнулись – один
Зораб остался перед замком
В сиянье вечера багряном.

X

И ждал Зораб, что дева замка
Свое святое сдержит слово –
Напрасно! Вдруг она явилась на ограде
И, наклонясь к нему, сказала так:
«Чего ты ждешь, мой храбрый победитель?
Уж поздно; возвратись в туранский стан;
Сегодня твой набег на Белый Замок
13 – 3088

193

Не удался – будь терпелив,
Удастся завтра. Доброй ночи;
Прости». Зораб, прискорбно посмотрев
На деву, так ей отвечал:
«О ты, красавица Мрана,
Как жаль мне, что своим коварством
Свою ты прелесть превзошла;
Я не о том тужу, что Белый Замок
И с ним прекрасную невесту,
В обман поддавшись, выпустил из рук;
Тужу о том, что был тобой-обманут.
Л замок твой не выше неба;
Но будь и выше неба он –
Войду в него; на это
Ключ от ворот не нужен – завтра
И замок и тебя возьму я с бою».
«Не горячись, мой светлый, храбрый витязь, –
Гурдаферид сказала усмехаясь, –
Тебе ключа я выдать не могла:
Бго отец из рук не выпускает;
Когда же о твоём за тайну сватовстве
Ему я объявила,
Он отвечал: «Невесты нет в Иране
Для турка». Друг, исполни мой совет,
Не медли здесь и возвратись в Туран;
Прекраснейшей из всех невест прекрасных
Достоин ты... но возвратись;
Царь Кейкавус, услышав о твоём
Набеге, вышлет на тебя
Своих вождей – ты их не одолеешь;
А если вышлет он Рустема,
Тогда... тогда, мой витязь, честь Тураиа,
Твоя гибель неизбежна.
О, возвратися, возвратися
В твоей молодой, несокрушенной силе!
Ты здесь стоишь на рубеже судьбы;
Как будет жаль, когда твой цвет она
Безжалостно сорвет своею бурей!
Я буду горько, горько плакать;
Я ничего подобного тебе
И более по сердцу моему
На свете не видала,
И ничего, подобного тебе
На свете не увижу».
Гурдаферид, умолкнув, поглядела
Печальным оком на Зораба;
Потом сошла с ограды; а Зораб,
вставится один перед оградой,
Задумчиво глазами
За нею следовал; когда ж она
Из глаз его пропала,
Коня оборотил и в стан
Поехал медленно, с нахмуренным лицом,
Надвинув брови
На гневно-огненные очи.
XI
Близ замка находились пашни,
Сады и огороды, хлебом,
Плодами, зеленью и овощами

Богатые: они питали замок.
На них Зораб свой гнев оборотил;
Подъехав к стану, он воскликнул:
«Сюда, мои туранцы: разорите
Здесь все, огню предайте нивы;
Сожгите вес деревья;
С землей сравняйте огороды;
Весь истребите виноград;
Чтоб прахом все и дымом разлетелось;
Чтоб все затрепетали в замке!
С его ограды любит
дочь Гездехемова смотреть – пускай же
Она порадуется, видя,
Как мы в се работаем саду;
Разройте гряды все, где розы
Бе цветут, и все засыпьте
Ключи, которые питают
Бе лугов густую зелень.

13*

«95

Когда ж наступит день,
И замок мы вверх дном поставим».
Так повелел он, и упало,
Как с неба град,
На всю окрестность
Его неистовое войско –
И стала вмиг пустынею окрестность.
Когда же вес исчезло, он
Поехал в стан обратно;
За ним туда все войско возвратилось.

XII

Тем временем, как в стане вражем
Гроза сбиралась, Гездсхем,
Беду почуя, написал
Письмо такое Кейкавусу:
«Бесчисленной толпою
Нахлынули на нас
Соседственныс турки.
Их войско нам не страшно;
Но страшен молодой
Их войска предводитель.
Он ростом великан;
Когда на боевом он
Коне, вооруженный
железной булавою,
Сидит в железной силе,
Он вес земные силы
Считает за ничто.
Противника ему
Не сыщется в Иране;
Один по силе будет
Ему Рустсм; зовут
Его Зорабом; он
Родился в Семенгамс.
Хеджир, его увидя,
Из замка с ним сразиться
Пустился на коне;
Но в замок конь обратно
Хеджир не принес.
Когда бы не успел я
Моих ворот проворно
Захлопнуть перед ним,
Как вихорь бы влетел он
Один в мой крепкий замок.
Уж нашу всю окрестность
Огонь опустошил;
Хеджир в плену, и замку
Не устоять; и ныне,

Как скоро ночь наступит,
Со всей моей дружиной
Спасаясь бегством я.
Тебя же, царь, молю:
Сбери скорее войско,
Чтоб царство защитить
Могучею плотиною
От злого наводнения.
Всего ж необходимей,
Чтоб в войске был Рустем:
Лишь сильному Рустему
Возможно пересилить
Такого великана».

XIII

Письмо с нарочным Гездсхем
Отправил в ту же ночь к царю;
Потом созвал свою дружину;
Свою казну, свои богатства собрал
И тайным подземельным ходом,
Который вел далеко в поле,
Из замка вышел.
Гурдаферид пошла за ним;
Но шла она, казалось, поневоле;
Была задумчива, как будто ей
Какой-то голос тайно
Шептал: не уходи;
Как будто с кем, ей милым,
Навек она прощалась.
И все ушли... и замок опустел.
В тумане занялося утро;
Зораб повел свои дружины к замку:
И на гору они взбежали с криком;
И кинулся, как бешеный, Зораб
К тяжелым воротам.
Он ждал отпора, но отпора
Не дождался – все было в замке,
Как в гробе, тихо; на стенах
Никто не шевелился. В нетерпенье
Зораб схватил огромный камень
И им ударил в ворота –
Они свободно растворились:
Ушедшие нарочно их
Оставили незапертыми.
Как молния, Зораб их пролетел –
Их своды громко повторили
Его коня гремучий топот;
И все умолкло.
Сквозь сумрак утренний Зораб
Очами ищет
Людей – но вес пред ним
И пусто, и безмолвно;
В его груди предчувствием тяжелым
Стеснилось сердце;
И стены он немые вопрошал:
«Куда ушла моя невеста? Буря ль
Ее отсюда унесла?
Сама ль на крыльях улетела?
Иль призраком пропала, не оставив
Следа? О, где же ты?
На миг один была
Ты мне виденьем чудным...
И нет тебя;
И где найти тебя, не знаю».
И начал он прилежно замок
Обыскивать: как испуганный,
Он бегал по стенам,
На башни лазил, проникал
В глубокие подвалы

и беспрестанно возвращался
На место, где она ему
Явилась накануне,
В надежде, что опять
Там с нею встретится; и с высоты
На беспредельную окрестность он смотрел
И звал свою невесту
Со всех концов пустого небосклона;
И посылал за нею ветер горный,
И птиц воздушных,
И облака лазоревого неба.
А между тем окрест него
Все падало, все разрушалось;
Как коршуны расклеивают труп,
Так ратники Зораба
Крушили замок;
Не находя нигде
Ожиданных сокровищ,
Они за то наказывали стены.
Что делалось, Зораб не замечал:
Вго душа была далёко.

XIV

И к витязю, невольнику любви,
С упреком строгим обратился
Суровый пестун Баруман:
«Для ярких глаз и для густых кудрей
Ты целый свет и долг свой забываешь.
Не таковы бывают те, которым
При них и долго после них
В награду дел великих
Отечество и вес народы
Дань славы и любви приносят.
Самих себя они не отдают
Мгновению ничтожному на жертву;
Не отдают безумно и беспечно
Во власть любви они ума и сердца.
И им случается поймать
Свою сетью легкую газелу,
Но с нею в есть самих себя
Не путают ребячески они;
Орел, влюбленный в солнце,
Как соловей, по розе не вздыхает.
Теперь твоя добыча трон Ирана;
Возьми его – тогда венец любви
Наградю получишь от победы.
Не обнажив меча, такую крепость
Ты захватил – но цель твоя еще далеко;
На нас свои все силы вышлет
Царь Ксикавус, тогда...
Но выслушай, Зораб, совет,
Внушенный опытностью трезвой:
Дождися здесь врагов; с твердынной
Вершины этой всем Ираном
Ты будешь властвовать; с нее
Губящие набеги можешь
Повсюду посылать и здесь
Могучее их войско встретишь,
Могучий сам, – не разоряй же
Безумно замка; нет, его, напротив, в честь
Красавицы, в нем жившей, укрепи;
Но в честь ее и духом укрепи.
Когда тебе звездами
Назначено Иран завоевать –
С ним и она твоею будет.
Пускай перед тобой Ирана первый витязь
Слетит с коня – тогда ты смело можешь
Потребовать, чтоб выкупом свободы
Бго была Гурдаферид».

От этих слов Зораб очнулся;
Они, как солнца луч, пронзили
Туман его души;
И он воскликнул: «Так!
Передо мной Ирана первый витязь
Слетит с коня, и за его свободу
Заплатит мне Гурдаферид».
Тут на грабителей он крикнул;
И во мгновенье грозным криком
Выл усмирен неистовый грабеж;
И стал, как гроб, спокоен Белый Замок.

Книга четвертая
РУСТЕМ И КЕЙКАВУС

Ссора, примирение, поход

I

Когда письмо от Гездехема
Гонец поспешный Кейкавусу
В его столице Истахаре
Вручил, и сделалось известно
Царю, какая собиралась
Гроза на области Ирана, –
Он ужаснулся и немедля
Созвал верховный свой совет.
И собрал ися к Кейкавусу
Его вельможи: Ферабор
(Сын царский и наследник трона),
Гудерс, Кешвад, Шехедсм, Туе, Рохам,
Гургин, Милат, Фсргас, Бехрем и Геф.
И, Гездехемово письмо прочтя им, царь
Сказал: «Зораб мне этот страшен;
Он овладел без боя Белым Замок,
Твердейшею защитой наших граней;
Там двух вождей надежных мы имели –
Но старый убежал,
А молодой врагу отдался в руки:
Гудерс, не можешь похвалиться ты
Своим Хедж и ром; у тебя
Так много сыновей – зачем же
Из них мы выбрали такого.
Который был не в силах одолеть
Тура не кого молокососа?
Но, правда, пишет Гездсхем,
Что этого молокососа
Один Рустем лишь одолеет;
Скажите ж, верные вельможи,
Что делать нам? Послать ли за Рустемом?»
И в голос все воскликнули: «Послать!»
И было решено, чтоб царь
Письмо к Рустему написал,
И чтоб с письмом без замедленья
Был Геф, Рустемов зять, отправлен.

II

И Кейкавус письмо такое
К Рустему написал:
«Ирана щит, Сабула обладатель,
Великий царский пехлеван,
На нас гроза с Турана поднялася;
Врагами схвачен Белый Замок;
Их вождь, по имени Зораб,
Летами юноша, а силой
Пожар, землетрясение, гром,
От семенгамских происходит,
В народе говорят, царей.
И пишет вождь наш Гездсхем,
Что этого богатыря
Не одолеть нам, что один
Лишь ты с ним силою сравнишься.
Я свой совет верховный собрал,

И все советники мои
Со мной согласны, что тебя
Нам должно вызвать из Сабула,
Что лишь твоя рука от царства
Такую гибель отразит.
Итак, зову тебя, Рустсм,
Венец, убранство, щит царя,
Спасительная пристань царства,
Твердыня трона, войска слава,
Ирана жизнь, Турана смерть;
Спеши, спеш; когда получишь
Мое письмо, сидишь ли – встань,
Стоишь ли – не садись;
Идешь ли в замок – не входи;
Но в тот же миг вели подать
Доспехи, бросься на коня,
И пусть с тобою конь твой славный,
Твой Гром, летит небесным громом,
И ты, Ирана гром защитный,
Будь громом бедствия Турану».

III

Царь Кейкавус, окончив
И запечатав пестрым воском
Свое письмо, послал с ним Гефа;
И Геф, как из лука стрела,
Помчался; день и ночь скакал он;
Забыв о пище и ночлеге,
Не думая о том, куда вела
Дорога, под гору иль в гору,
И было ль ведро иль ненастье;
И бодрый конь его не уставал,
Как будто чуял он,
Куда, к кому и с чем
Спешит седок неутомимый.
Гонца увидя вдалеке,
Рустсм послал к нему навстречу
Зевара, брата своего,
И был обрадован, когда
Зевар к нему явился с Гефом.
«Зачем ты, зять мой дорогой, –
Спросил Рустсм, – пожаловал в Сабул?
Что мне привез? Письмо от Ксйкавуса?
Подай». И, прочитав письмо,
Рустсм задумался; он долго,
Сидел в молчанье грустном,
Потупив голову и неподвижно
Глаза уперши в землю.
И так с собой он говорил:
«Я думаю о днях прошедших;
Вес, бывшее давно, воспоминаю;
Как настоящее, опять
Оно передо мною ныне
Свершается... Невероятно,
Чтоб этот чудный воин был
Мой сын; и если подлинно имею
Я в Се мен га ме сына, он
Кще теперь дитя, еще его
Игрушки забавляют.
Конечно, быть орлом орленку суждено;
Но мой орленок испытать
Еще не мог своих орлиных крыльев,
Еще теперь сидит он на гнезде,
И ждет своей поры;
Когда ж его пора наступит,
Взлетит он высоко,
Второго в нем Рустема
Увидит свет. Так, если вправду
Родился сын Тсмине от Рустема,

То скоро громкая о нем
По всей земле молва раздастся,
И он придет по праву славы
Сказать мне: «Я твой сын». И не врагом
Он встретится со мною в поле,
Л жданным гостем постучится в двери
Отцовского жилища; и ему
Отворятся они гостеприимно;
И будет праздновать отец,
Созвавши сродников, друзей и ближних,
Свое свиданье с милым сыном;
И в нем моя помолодеет старость».

IV

Так рассуждал с собою грозный воин,
И мысли черные теснили
Его взволнованную душу;
Но что ее волненья было
Причиной – он того не ведал.
Вдруг он очнулся, и гонцу,
Который, вовсе им забытый,
В молчанье ждал его ответа,
Сказал: «Спешить нам нужды нет;
Ты нынче гость мой; прежде
С тобой мы здесь, как должно, попируем;
Потом и в путь. Еще большой беды я
В случившемся для них не вижу;
Что страшно им, то мне смешно;
И оттого, что старый сумасброд,
Испуганный турецким смельчаком,
Без боя сдал наш замок порубежный,
Им чудится, что враг
Уже стоит перед столицей,
И должен я, встревоженный их бредом,
Скакать к ним, голову сломя.
Пусть подождет премудрый Ксикавус;
Мне нынче нет охоты воевать:
Нсжданный гость пожаловал ко мне;
Хочу его я на просторе
Повеселить, и сам повеселиться
С ним заодно. Забудем, милый зять,
За пенной чашею на время
Военные тревоги; расскажи
Поболе мне теперь
О дочери и внучатах моих
И жизни дерево зеленое со мной
Полей вином животворящим.
А ты, Зевар, пойди и учреди
Скорее пир богатый;
Земное все уходит легкой тенью –
Хочу с тобой и с нашим Гсфом
Упитья сладостным вином
До полного забвенья
О скоротечности земного счастья».

V

Так старый воин говорил;
На языке его был пир веселый;
А на душе лежал тяжелый камень
Предчувствия, похожего на робость.
Зевар пошел готовить пир;
Л Геф пошел за тестем
В его великолепный замок;
И заикнуться не посмел он
О строгом повеленье шаха:
Он знал, как было плохо
Ломать копье с упрямым стариком,
И думал: «Сам, как знаешь, после
Ты разочтешься с Ксикавусом;
С тобою пировать я рад;

Твоим вином мой запыленный
Язык я промочу, а завтра
Коням мы прыти придадим,
И быстрота нам возвратит
Часы, потерянные ленью».
Весь день роскошный длился пир
В богато-убранных палатах;
Как розы, пламенно сияя
На темной зелени кустов,
Благоуханно угощают
Звонко-поющих соловьев,
Так и хозяина и гостя
Младые девы сладкопеньем
И сладкой пищей угощали;
Враги, война и Ксикавус
Забыты были в шуме пира;
Одни лишь пламенные щеки,
Одни лишь свежие уста
Являлись их очам, и не потоки
Ликующей в сражение крови,
А пурпур благовонный
Вина сверкал пред ними в драгоценных,
Лилейною рукой младых
Невольниц подносимых чашах.
В веселье шумном день и вечер,
Вином запитые, исчезли;
Заискрилась звездами ночи
Глубокая пучина неба,
Заискрились кипучей пеной
Вина последнего фиалы;
И наконец могучий хмель
На мягком ложе ел ад кой силе
Сна миротворного их предал.
VI

И рано на другое утро
Явился Гсф, готовый в путь.
Но в путь еще Рустсм не собирался.
«На что спешить, – сказал он, – добрый гость;
И этот день с тобою мы,
Откинув всякую заботу,
В веселье проведем.
Кто знает, близко ль, далеко ли
Веда и где се мы встретим?
Пока под кровлей мы домашней –
Не станем помышлять
О буре, воющей кругом.
Быть может, что уж в этом доме боле
Мы никогда так веселы не будем;
Сдается мне, что здесь в последний раз
Моих родных и милых ближних
Я угощаю. Подойдите ж,
Мой брат Зевар и зять мой Гсф, ко мне;
Ты, Гсф, садися с правой,
А ты, Зевар, садися с левой
Моей руки; и помогите пить мне
Душусладное вино.
Мне в эту ночь все снилось
О сыне, снилось, будто сын
Нашелся у меня; и это мне
Напомнило, что о Зорабе я
Тебя еще не расспросил подробно;
Садняя ж, Гсф, и расскажи
За чашею вина
Мне сказку о Зорабе».
Он сел; по правую с ним руку
Сел Геф, по левую Зевар;
Вино запенилось в кубках,
И пир с музыкой, пеньем, пляской,

Как накануне, закипел.
Под шум его задумчиво Рустом
Рассказы слушал о Зорабе,
И думы черные свои
Вином огнистым запивал.
Так день прошел, и вечер миновался,
И наступила ночь, и хмель могучий
Опять их предал тихой власти
Миротворительного сна.

VII

Наутро так же рано,
Готовый в путь, пришел
К Рустему Гсф; но, видя, что Рустсм
По-прежнему не торопился в путь,
Ему сказал он: «Выслушай без гнева
Меня, отец; не раздражай царя;
Ты ведаешь, как бешено он вспыльчив;
Ты ведаешь, в каком он страхе
С тех пор, как враг ворвался в наши грани:
Не ест, не пьет, не спит, не видит и не слышит
Наш Ксйкавус; ему везде
Мерещится Зораб. Поедем,
Рустсм; позволь мне Грома оседлать;
Твоим упорным замедленьем
Жестоко будет шах прогневан».
«Не бойся, Гсф, – отвечивал Рустсм, –
Никто мне в свете не указчик;
И твердо знает Ксйкавус,
Что царствует в Иране он
По милости Рустема;
Он знает, что моя рука
Всегда его вытаскивать умела
Из ям, в которые своей виною
Он безрассудно попадал.
Но я согласен; нам пора
Отправиться в дорогу;
Вели мне Грома оседлать,
И едем». Так сказав, Рустсм
Вином наполнил кубок,
Окинул мрачными глазами
Палату пировую
И всех своих домашних,
Вино все разом выпил
И, кубок вдребезги разбив,
Велел трубить поход.
На громкий зов Рустемовой трубы
Вмиг собрались Рустемовы дружины.
Окинув их железный строй глазами,
Рустсм подумал: «С ними
На целый свет могу войною выйти».
И, за себя Зсвару поручив
Начальство над сабульской ратью,
Он сел на Грома
И поскакал вперед
Сам-друг с отважным Гсфом.
И трубы загремели,
Знамена развернулись,
Заржали грозно кони,
Пошли вперед дружины.

VIII

Когда молва достигла в Истахар
О приближении Рустема,
Все первые вельможи: Фсрабор,
Гудерс, Кешвад, Шехсдем, Туе, Рохам,
Гераз, Гургин, Милат, Ферхаб, Вех рем –
На день пути к нему навстречу вышли.
Сын шахов Ферабор и вождь верховный Туе
Сошли с коней, его увидя;

Сошел с коня, увидя их, Рустсм;
И сделали приветствие друг другу.
Блестящей их толпою окруженный,
Рустсм в столицу въехал,
И с торжеством его ввели они
В палату, где великий царь
Их ждал, сидя на троне.
Но было сумрачно и гневно
14 - 3088
Его лицо; не отвечав ни слова
На поздравительные клики
Своих вельмож, он грозно закричал,
Оборотясь на Гефа и Рустема:
«Кто ты, Рустсм,
Чтоб с дерзостью такую
Топтать ногами
Святые царские слова?
Когда б в моей руке был меч,
К моим ногам бы во мгновенье
Твоя упала голова.
Ты, вождь мой Туе, закуй их в цепи,
И чтоб теперь же тесть и зять
На виселице оба
Перед народом заплясали».
Так в исступленье гнева
Кричал на троне Ксйкавус;
И все кругом его вельможи
В оцепенении стояли.
Когда ж увидел шах,
Что повеленье медлил
Его исполнить Туе,
Он крикнул с трона, как орел
Кричит с высокого утеса:
«Предатель сам, кто руку наложить
На дерзкого предателя не смеет!
Бери их, Туе, я повторяю;
И с ними с глаз моих долой;
Чтоб мигом не было их духу!
И чтоб никто не смел мне прекословить!»

IX
Так он вопил; и было горько Ту су
Его исполнить повеленье;
Он за руку Рустема взял,
Чтоб из очей озлобленного шаха
Его увести и дать свободу
Утихнуть бешенству царя, –
При этом виде вес вельможи
Затрепетали. Но Рустом,
Не замечая ничего,
Смотрел горящими глазами,
Как лев, увидевший змею,
На шаха; он, казалось, вдруг
Стал целой головою выше,
Стал вдвое шире грудью и плечами;
И он сказал: «А ты кто, чтоб меня
Так дерзостно позорить?
Ты шах, но шах но милости моей.
Грози же петлюю не мне,
А своему Зорабу. Разве я
Твой подданный? Я царства пехлеван;
Я князь Сабулметана вольный;
Иль ты не знаешь, что, когда
Я топаю ногою – подо мной
Дрожит земля; когда мой скачет конь –
От топота его шумит все небо
И, быстроте его чудяся,
Поток бежать перестает?
Иль ты забыл, что я Рустсм,

Что мой престол – седло, что шлем – моя корона?

И кто же ты, чтоб петлей мне грозить?

И кто твой Туе, чтоб руку на Рустема

Поднять в повиновенье

Безумной ярости твоей?»

При этом слове он так сильно

Ударил Туса по руке,

Что тот упал на землю, оглушенный.

Через лежачего Рустем

Перешагнул, толпу раздвинул

И вышел с Гефом из палаты.

И все вельможи, Кейкавуса

Оставив одного на троне,

Пошли поспешно за Руетсмом.

Они его нашли перед крыльцом

Сидящего на Громе. Он с седла

Им закричал: «Простите все: прости,

Иран. В Сабул я возвращаюсь;

14'

211

В Сабуле я такой же царь,

Как здесь, в Иране, Ксыкавус.

Теперь, как знаете с Тураном сами

Ведите свой расчет; Сабул

Я отстою. А если здесь с царем Ирана

Случится то же, что с Хеджиром,

И если царский Истахар,

Как Белый Замок, будет схвачен

Врагами, в том не обвиняйте

Рустема. Горе, горе царству,

Когда царем владеет нетерпенье

И необузданная ярость!»

Сказав, он крикнул – Гром помчался;

Рустем исчез как привиденье.

Недалеко отъехав по дороге

В Сабул, остановился он

В гостинице, чтоб на покое там

Дождаться брата

С дружинами Сабулистана.

Х

Из глаз Рустема потеряв,

Вельможи – без него, как стадо

Без пастуха оставшись – обратились

К Гудерсу и ему сказали:

«Теперь лишь ты один, Гудерс,

Помочь в беде великой можешь;

Твои советы любит шах;

Пойди к нему и в волны

Бго погибельного гнева

Пролей твоих советов

Мир и тельное масло.

А ты скачи за тестем, Гсф,

И догони его, пока Сабула

Он не достиг». И Гсф пустился в путь.

Гудерс пошел к царю.

Бго увидел он, уединенно

Сидящего на троне;

Он был угрюм, но тих; он был

Подобен туче громовой,

Готовой, отблестав и отгремев,

Дождем свежитсльным пролиться.

И так ему дерзнул сказать Гудерс:

«Могучий повелитель,

Царь – голова, а царство – тело;

Но в голове для тела должен быть

Советником рассудок; у кого же

Советник свой молчит,

Тот слушайся чужого,

И не стыдись исправить зло,
Поспешно сделанное в гневе;
Из уст неосторожно бросил
Ты оскорбительное слово –
Пошли за ним мирительное вслед;
Обиду ты нанес строптивой речью
Тому, кого щадить велит рассудок, –
И ею был не он один обижен:
Ты пристыдил нас всех его стыдом;
Рустема в петлю! А Рустсм
Тебя на трон отцовский посадил,
И он же трона
Твердейшая опора;
Что ж будет нам, когда Рустема в петлю?
И что же с царством будет без Рустема?
Теперь изломан меч Ирана,
Иссохла мужества рука,
Плотины нет на вражье наводнение.
Все наши витязи известны Гсздехсму –
А что нам пишет Гездсхем? –
Что ни один из нас против Зораба
Не устоит, что на него
Одна гроза – Рустсм. Но где же
Теперь Рустсм? За промедленья
Двух дней тобой он изгнан навсегда.
Меня к тебе твои вельможи
И с ними сын твой Фсрабор
Прислали умолять, чтоб ты
Благоволил с Рустемом примириться.
Никто, ни Ферабор, твой сын, –
Сколь он ни силен, ни отважен, –
Ни бодрый твой военачальник Туе,
Ни я с осьмидесятью сыновьями
Тебя не защитим. Один Рустсм
Твоя надежная защита».
Сказавши так, Гудерс у молкнул.

XI

И к сердцу принял Ксйкавус
От сердца сказанное слово;
Он отвечал: «Пословица святую
Нам правду говорит, что стариков
Совета полные уста –
Вернейшие хранители царей.
Я сам теперь раскаиваюсь горько,
Что оскорбительное слово
В кипенье гнева произнес.
Ступайте ж все к Рустему и зовите
Вго обратно в Истахар
На мир и доброе согласие
С своим царем». – «Хвала царю!» – воскликнул
Гудерс. И возвратиться
Он поспешил к вельможам, ожидавшим
Вго с великим нетерпеньем.
Царево сердце ненадежно
(Так рассуждали меж собою
Они в неведение, смирится ль шах иль нет);
Одно и то же слово может
В нем гнев и милость возбудить.
Подобно маслу наше слово;
Царево ж сердце то огонь,
То море бурное – огню
Дает двойную силу масло,
А море бурное оно покоит.
Так царские вельможи говорили;
Но мрачные печалью лица их
Вдруг стали радостью светлы,
Когда принес им весть благовую
Гудерс. «Теперь Иран спасен! –

Они воскликнули. – Поедем
Скорей все вместе за Рустемом;
К го догнать нам должно прежде,
Чем он достигнет до Сабула».

XII

И все они отправил ися в путь;
И ехали весь день, всю ночь;
И той гостиницы достигли,
Где выбрал свой ночлег Рустсм,
Где Гсф его нагнал и где
Он на покое ждал Зевара
С дружинами Сабулистана,
Решась упорно, вопреки
Всем убежденьям Гефа,
Не возвращаться в Истахар.
Но вместо брата он увидел
Перед собой вельмож Ирана.
Они к нему смиренно подошли;
Почтительно он встал, чтоб их принять.
И, выступя вперед, сказал ему Гудерс:
«Рустсм, мы присланы от шаха
Тебя просить, Ирана пехлеван,
Чтоб ты с ним примирился.

О том же просим мы
И именем всего Ирана, просим
За наших юношей, в бою
Себя еще не испытавших;
За наших опытных мужей,
С тобой ходивших на врага
За славою, победой и добычей;
За наших хилых стариков;
За наших жен, детей и внучат;
За весь народ, за весь Иран;
Ты их твердыня, их надежда;
Не отдавай же царства в жертву
Свирепому Турану за одно
Тебя обидевшее слово.
Ты ведаешь, как опрометчив,
Как безрассудно гневен шах:
На слово он ругательное скор,
Но так же скор и на признанье
Своей вины; с раскаянием он
Свою тебе протягивает руку;
Не отвергай ее, Рустсм.
Тебя ужалившее слово
Не ядом напоенный меч,
А легкий звук – забудь, Рустсм,
О легкой, несмертельной ране
И возвратися в Истахар,
Где ждет тебя нетерпеливо
С удвоенным благоволеньем шах».

XIII

Рустсм отвечив угрюмо:
«Скажите шаху Кейкавусу,
Что мне ни виселиц его,
Ни царских милостей не нужно.
В Сабул я еду; там я царь,
Такой же царь, как он в Иране.
Мне надоело воевать:
Довольно я играл
Свою жизнью и чужою
На службе шаха – он меня
И наградил по милости своей.
Спасибо. Мы с ним кончили расчет.
К тому же в этот раз мне было
Невесело с Сабул ом расставаться;
Мой Гром на самом рубеже
Ирана спотыкнулся; я впервые

Почувствовал, что шлем и панцирь
Мне тяжелы, – когда ж обратно
Поехал я, мой конь запрыгал
И радостно заржал. Простите ж, добрый
Вам путь, но я вам не попутчик». –
«Рустсм, – сказал Гудерс, – не может быть,
чтоб это был последний твой ответ.
Тебя твой царь обидел, правда;
Но руку он на примирсньс сам,
Признав себя виновным, подает –
Чего ж еще желаешь боле?
И что подумает Иран,
Такой ответ услышав?
Не скажут ли: Рустсм,
Состарившийся лев, бежит
От львенка молодого;
Рустсм Зораба испугался;
Орел наш крылья опустил;
Не смеет он лететь на высоту:
Там носится другой орел,
Вго моложе и отважней;
Вот отчего ему так было
Невесело с Сабулом расставаться;
Вот отчего и Гром на рубеже
Ирана спотыкнулся, и впервые
Рустему шлем и панцирь стали
Так тяжелы. Потерпишь ли, Рустсм,
чтоб про тебя молва такая
Вдруг по всему Ирану разнеслася
и чтоб она постыдным о тебе
Преданьем перешла к потомкам?»
Рустсм, сверкнув глазами тигра,
Воскликнул: «Геф, подай мне Грома».
И, слова не сказав Гудерсу,
Он на кипучего коня
Вскочил и поскакал путем обратным;
И все за ним вослед
Толпою шумною помчались.

XIV

С Рустемом примирившись,
На пир веселый Ксйкавус
Созвал своих вельмож. И длился
Их пир до самой поздней ночи.
А той порой, когда в царевых
Палатах праздновали гости,
Веселая Молва
По городу гуляла,
Во все входила дома,
Неспящим улыбалась,
Заснувших пробуждала,
Разглаживала всем
Приятной вестью лица.
Вдруг ей попался кто-то
Навстречу, столь же грустный
И мрачный, сколь она
Выла в своем полете
Светла и весела.
И, громко засмеявшись,
Летунья у него
Спросила: «Кто ты, плакса?»
«Меня, – он отвечал ей, –
Зовут Печальным Слухом;
Я по всему разнес Ирану,
что шах поссорился с Рустемом
и что Рустсм оставил Истахар;
и всех мои тревожат вести».
«Зажми же рот, – сказала
Веселая Молва, –

С Рустемом примирился
Твой гневный Ксикавус;
Они теперь пируют
И ссору запивают
Вином благоуханным».
Печальный Слух с сомнением покачал
Своей косматой головою;
За это рассердилась
Веселая Молва,
И началась драка.
Печальный Слух был неуклюж,
Веселая Молва
Выла легка, проворна;
И мигом был Печальный Слух,
Прибитый, из города выгнан;
И снова начала она
По улицам летать,
И где ни пролетала,
Воздушную летунью
Старик и молодой,
Здоровый и недужный,
И бедный и богатый –
Лае кал и, миловали;
Кому ж на сон грядущий
Услышать удавалось
Ее живое слово,
Тот сладко засыпал,
Обвеянный толпою
Веселых сновидений.

XV

Когда на следующий день
Явилось солнце, и, раздернув
Востока занавес пурпурный,
Среди лазоревого неба
Свое воздвигло золотое
Вееосзняющее знамя,
Когда на пажитях земли
Под песню жаворонков звонких
Стада пространно зашумели, –
Труба военная столицу огласила,
И весь народ на площадь Истахара
Шумящею толпою побегал:
Там, разделяясь на дружины,
Шло войско мимо Ксикавуса;
И перед каждою дружиной
Выл вождь се; а позади
Всей рати, отделясь от прочих,
Великий царства пехлеван,
На грозном Громе ехал
Рустем один. Не вел дружины он;
Но в нем одном была душа
Всего бесчисленного войска.
Вго сабульскою дружиной
Военачальствовал Зевар;
А главным воеводой рати
Выл Туе, испытанный боями.
Когда же царь всё войско осмотрел –
Знамена заиграли,
Тимпаны загремели,
Задрезжали трубы,
Заржали грозно кони,
Пошли вперед дружины.
И, разлиясь широким наводнением,
Шло войско к рубежам Ирана;
Под ним земля стонала и тряслась;
От топа конского дрожали горы;
От кликов тучи расшибались;
Стотысячно лик солнца отражался

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

На панцирях, на конских сбруях;
Как на пригорках в бурю
Волнуются вершины сосен,
Так волновались перья и султаны
На шишаках и на тюрбанах;
И там земля, как пестрый луг, сияла,
Где войско шло; но где оно прошло,
Там все являлось голой степью,
Там были все ключи иссушены
И в пыль растоптаны все нивы.
И скоро войско на границе
Ирана стан свой утвердило
В виду горы, на высоте которой,
Окрестности владыка, Вслый Замок
Стоял, как туча громовая,
И в глубине той тучи громовой
Таилась молния Зораб.

Книга пятая
ПИР В БЕЛОМ ЗАМКЕ

I
Зораб обрадован был вестью
О приближенье к замку персов;
Ему наскучило давно
Сидеть без дела за стенами
И ждать прибытия гостей...
Вот наконец пожаловали гости.
И было все готово к их приему:
И замок, снова укрепленный,
И рать, и мужество Зораба.
И вместе с Баруманом
Зораб, взошед на башню,
Окинул, как орел,
Очами всю окрестность –
Очам его открылось
Идущее вдали,
Дружина за дружиной,
Бесчисленное войско.
Как смелый радуется ястреб,
Увидя стадо голубей,
В котором он любого
Из множества в добычу выбрать может,
Так храброго Зораба
Обрадовала сила
Идущего против него врага.
Но Баруман от страха побледнел;
И, страх его заметя,
Зораб сказал с улыбкой:
«Не бойся, наведи
На щеки прежний их румянец.
Смотри, какой огромный ряд дружин!
Как он оружием сверкает!
Как много их сюда пришло,
Чтоб здесь мне дать победы славу!
И слава та навек моею будет!
Но если б я и гибель встретил
В борьбе с такой великой силой –
Все будет мне хвалою от людей,
Что я дерзнул надеяться победы.
Против утеса одного
Их морс целое стеклося;
При имени моем затрепетал
В своей столице Ксыкавус;
Все витязи Ирана,
Которых множество и силу
Повсюду славят в громких песнях,
Сонм ися здесь против Зораба.
Скажи, о Баруман,
Не видишь ли в толпе

Там витязя такого,
С которым было б славно
И радостно сразиться,
Который лишь на сильных
И славных подымает
Прославленный свой меч,
Которому в бою не уступить
Великой честью озарило б
Мои молодые годы?
Скажи, о Баруман,
Не видишь ли в толпе
Там витязя такого?»
Так спрашивал Зораб;
Но он не смел
По имени того назвать,
От чьей руки так скоро
Ему судьба назначила погибнуть.

II

И Баруман отвечивал Зорабу:
«Там много витязей, с которыми сразиться
Тебе великой было б славой;
Но знать хочу, о ком ты мыслишь сам?
О! благородно пламенеет,
Как факел, ночи озаритсль,
Твоей души отважность молодая!
Но берегись, чтоб не упал
Твой факел в воду, – в хладной влаге
Он заклокочет, зашипит
И, задымяся, вдруг погаснет;
Не ведай страха, но врага
Не презирай: непостоянно счастье:
За ним твой конь ютит, как на крылах,
Но миг один – во рву и конь и всадник.
Был мир, война спала –
Бс теперь ты разбудил;
Но знаешь ли, какую схватит
Она добычу жадными когтями?
Не удивляйся ж, примечая,
Что я дрожу, – не за себя дрожу я,
Дрожу за всех, чей будет вынут жребий,
И за тебя – судьбина прихотлива,
Она всегда бросается на лучших.
Иди же в бой, Зораб,
Не опрометчивым ребенком,
А твердо-осторожным мужем.
Благодари Афразиаба,
Что сильною тебя снабдил он ратью;
Стой с нею здесь, прикрытый крепким замком,
Унершись в него ее крылом, –
И враг тебя не одолеет; если ж
Захочешь славы – пусть тобой
На поединок вызван будет
Тот витязь, кем стоит Иран,
И кто, сраженный, увлечет
В свое падение всю силу
И все величие Ирана».
Так говорил Зорабу,
Мешая мед совета
С отравой измены,
Коварный Баруман;
Но не посмел и он назвать
По имени Рустема: он бледнел
При этом имени – измена,
Как тайная змея,
Бго сосала сердце.
Без подозренья, без тревоги,
Полубовавшись на блестящий,
Равнину всю покрывший стан,

Зораб пошел с подзорной башни
И пир велел роскошный приготовить,
Чтоб весело, при звуке флейт и арф,
При звоне кубков, при шипенье
Злато-пурпурного вина,
Отпраздновать с друзьями
Врагов желанное явленье.

III

Тем временем в широкий стан
Иранское сдвигалось войско;
Сперва казалось, что коням,
Слонам, верблюдам будет тесно
Все беспредельное пространство;
Но наконец – когда разросся
Огромный лес шатров и протянулись
Рядами улицы, и на широких
Меж ними площадях
Живая разлилась торговля –
В спокойное пришел устройство
Кипевший бурно беспорядок.
Когда ж на западное небо
Склонилось солнце и зашло
За край земли – утихло все,
И каждый ратник под своим
Заснул шатром, и в высоте
Один раскинулся над всеми
Шатер небес, звездами ночи
Усыпанный необозримо.
И в этот час, пришедши к шаху,
Ему сказал Рустсм:
«Я не могу без дела оставаться;
Хочу идти к Зорабу в гости;
Хочу увидеть, кто навел
На вас такой незапный ужас;
Хочу взглянуть в лицо богатыря,
Перед которым весь Иран
Так задрожал; хочу своими
I лазами видеть, стоило ль труда
Седлать мне Грома, надевать
Свой старый шлем, и будет ли какая
Мне честь его убить моей рукою.
Ту ран я часто посещал;
Я знаю их язык и их обычай:
Турецкое надевши платье,
Прокрасться я намерен в Белый Замок
И все там осмотреть. Я у тебя,
Державный шах, пришел просить
На то соизволенья». Ксыкавус
С улыбкой отвечал: «Рустсм,
Ты и в турецком платье будешь
Красой и славою Ирана.
Рука всей рати в день сраженья,
Ты хочешь быть и зорким оком
Ее во тьме ночной. Иди,
И будь тебе проводником Всевышний».

IV

Одевшись турком, осторожно
Отправился в свой путь Рустсм.
Хотя в шатре он вес свои доспехи,
Свой панцирь, шлем и даже меч покинул –
Но безоружен не остался:
Его рука была, как булава
Железная, крепка. Во мраке ночи
Он к Белому подходит Замку –
Там были слышны крики пиროванья;
И близ ворот незатворенных
На страже не стоял никто. Как лев голодный,
В тот час, когда, забыв

За граду затворить, беспечно пастухи
Шумят на празднике ночном,
Врывается в средину стада
И из него сильнейшего быка
Уносит, – рев услыша, пастухи
Бегут за хищником; но он
С добычею, погони не страшая,
Медлительно идет в свой страшный лог,
А пастухи назад приходят в горе,
И вовсе их ночной расстроен праздник, –
15 – 3088

225

Так в замок грозный лев Рустсм
Прокрался пир расстроить турков.
Там двор широкий весь был озарен
Огнями; он шумел
От говора пирующих, от звона
Вином кипящих чаш,
От пенья, от бряцанья струн,
От бешено-веселой пляски:
Врагов явленье праздновал Зораб,
И все с ним праздновало войско.
И, притаяся в темном
Углу, на все смотрел
И видел все из темноты
Никем не видимый Рустсм.

V

На пиршестве беспечно
При факелах зажженных
Зораб сидел с гостями;
На нем не шлем железный,
А праздничный из свежих
Цветов сиял венок,
И он, сам яркий блеск,
Выл ярким окружен
Блистаньем, был прекрасен,
Как цвет благоуханный
Надежды, и в его
Груди кипела младость;
И голову младую
Он бодро подымал
И, обегая оком
Воспламененным праздник,
С весельем горделивым
Считал с ним пировавших
Сподвижников. И, видя
Бго перед собою
Прекрасного так чудно,
Они позабывали
Вино, и клики их
До неба возносили
Его хвалу и славу.
А той порой из неба
С благоволсньем звезды
Смотрели на него,
И на небе о нем,
Земной звезде прекрасной,
Назначенной так скоро
В своей красе угаснуть,
Печалил ися звезды.
Тогда одна из них
Своим сестрам небесным,
Печальная, сказала:
«Как жаль, что этот цвет
Так скоро, скоро должен
Увянуть! На земле
Прекрасного являлось
Нам много... но очей мы

Отвесь не успевали,
Как уж с земли оно
Скрывалось, – но доселе
Еще нам не случилось
Там видеть ничего
Прекрасней и мгновенней
Той прелести, какая
Так сладко в этот миг
Собой нас утешает
И так своею быстрой
Кончиною печалит.
О, как он мил! Как весел!
Пошлем в сиянье наших
Очей, им веселимых,
Видение туда,
Где мать о нем тоскует,
Куда уже к ней он
Не возвратится вечно;
Пускай его она
Хоть раз еще увидит
Живым, цветущим, полным
15*

22?

Отваги и надежды...
Его, быть может, завтра
Придет охватить судьбина».

VI

Так говорили звезды неба
О милой праздника звезде.
И вот они паров и блеска –
В пространстве воздуха разлитых
Меж небом и землею – взяли
И свили сон...
И этот сон подобен
Был разноцветному ковру,
Блестящему шелками,
Какой жених издалика
Невесте милой посылает;
На нем она в земле своей
Все видит, что в земле далекой
Бе возлюбленного очи
Встречают: горы снеговые,
И многоводные потоки,
И чудных птиц на неизвестных
Деревьях. И когда
На тот ковер невеста
Глядит – ей мнится, что сама
Она с ним странствует, что близ нее
Он, возвратясь, отдыхает.
Такую ткань видений
Из блеска и паров
Соткали звезды в высоте;
И дали воздуху они
Бе нести и с нею тихо
Лететь в Туран,
Чтоб спящей матери лицо
Она неслышимо покрыла;
И воздух полетел;
И матери привиделся прекрасный,
Как утро светлый сон;
И в этом сне увидела она
Сидящего на пиршестве ночном
За полным кубком сына;
Его горели щеки,
Его уста цвели,
Его сверкали очи,
Он полон был отваги;
И таяло от радости в ней сердце;

Казалось ей, что он
В немногие разлуки дни
Из отрока созрел
Могущественным мужем;
И вокруг него, казалось, много
Знакомых ей и незнакомых
Сидело витязей. Но в стороне,
Она увидела, стоял Рустсм
Один; и, притаясь, из темноты
Смотрел на праздник он сурово;
Ей стало чудно и прискорбно,
Что к сыну выйти не хотел
Отец на свет; но горе скоро
Провеяло, как легкий воздух;
Ей стало весело, что к сыну
Отец так близко и что он,
Свою узнав повязку,
Из мрака выйдет и ему
С любовью протянет руку.

VII

Тем временем, как матери душа
Была таким прекрасным сновиденьем
Лелеема, Зораб
С гостями праздновал беспечно;
И пили все кипучее вино.
И два из них сидели рядом,
Один по правую, другой
По левую с ним руку:
Был слева Баруман,
К нему не из любви, не для хранения
Приставленный Афразиабом;
А справа Синд; его
Послала вслед за сыном мать,
Чтоб, с глаз Зораба не спуская,
Он был ему в чужой земле
Хранителем и верным другом.
Он был из рода ссменгамских
Царей, был крепок силой, ростом
Высок; был чуток слухом
И так очами зорок,
Что ночью видеть мог как днем;
И это побудило мать
Ему надзор за сыном вверить,
Дабы, когда им встретится Рустсм,
Он мог немедля
Его Зорабу указать
(Остались в памяти у Синда
Черты Рустема с той поры,
Когда царем он в Семен гаме
Был так роскошно угощен
И браком сочетался
С царевною Теминой).
И Синд на празднике Зораба
Сидел, вино из кубка пил
И молча думал: «Завтра
Ему я укажу Рустема».

VIII

Но рысьими глазами Синд
Увидел вдруг, что кто-то в темноте
Стоял и прятался. Он встал
И к месту темному пошел
Поспешным шагом, чтоб своими
Его глазами осмотреть.
Он там увидел великана,
Огромного, как слон;
Не помнилось ему, чтоб кто подобный
Его глазам когда встречался;
Таким он видел одного Рустема:

Но этот был в турецком платье,
Хотя и замечал
В нем Синд как будто что чужое.
«Кто ты? – воскликнул Синд. – Зачем
Здесь спрятался и выступить на свет
Не хочешь? Покажи свое лицо
И дай ответ». Но не дал
Ему Рустсм ответа.
Тогда могучею рукою
Его за платье Синд схватил,
Чтоб вытянуть на свет из темноты;
Но булаву руки тяжелой
Рустсм взмахнул
И грянул Синда кулаком
По голове – и Синд упал,
Не крикнув, мертвый. Той порой
Зораб, приметив, что ушедший
Не возвращался долго Синд,
Послал проведать, где он;
И посланный, его увидя
Бездыханно лежащего, обратно
Как исступленный, прибежал,
Крича: «Убили Синда! Синд
Убит!» Затрепетав, Зораб
Вскочил; вскочили с ним вес гости
И с факелами побежали
Толпою к месту роковому.
Там на земле недвижим Синд лежал;
Он был убит – но кем?
Никто того не ведал.

IX

«О горе! – возопил Зораб. –
В за граду волк ворвался
И лучшего зарезал в стаде
Овна; а пастухи
С собаками дремали.
Скорее все в погоню за убийцей!..»
Но некого уж было догонять.
Исчез ночной убийца. Возвратясь,
Зораб печально сел за стол;
Кругом его печально сели гости;
И он сказал: «Не радует меня
Теперь мое на этом пире место;
Направо от меня моим
Ближайшим другом занятое
Вдруг стало пусто. Выл мне дан
Он милой матерью моею:
И мог один в Иране указать мне
Рустема; он один из нас
Вго видал. Кто мне теперь
Вго укажет?» – То услыша, покраснел
Сидевший слева – покраснел
Предатель Баруман,
Не из любви, не для хрансняя
Приставленный к нему Афразиабом;
Как Синд, Зорабу
Он мог бы указать Рустема;
Но было то ему запрещено,
И рабски он служил измене.
Зораб, подняв высоко
Вином наполненную чашу,
Воскликнул: «Пью последний кубок пира!
Он не вином, а клятвою кровавой
Наполнен, клятвою отмстить
Убийце Синда. Кто б он ни был, я
Бго найду, и будет от меня
Ему убийство за убийство.
Когда ж моей я клятвы не исполню,

Пускай в отраву обратится
И в жилах кровь мою сожжет
Вино в последней этой чаше,
Мной осушаемой до дна».
С такую клятвой мщенья
(Против кого? о том не ведал он)
Зораб вино из кубка выпил
И вдребезги расшиб, ударив оземь, кубок.
Потом вес гости встали с мест,
Чтоб Синда в землю опустить;
И светлым пир стал мрачным погребеньем.

Х
Тем временем Рустсм достигнув стана
В том месте, где стоял на страже Геф.
При виде турка Геф его окликнул,
И вся его дружина стала в строй;
Рустсм, узнав по клику зятя,
Ему знакомый подал голос;
И Геф, его впусив в за граду стана,
Спросил с великим изумленьем:
«Где был ты, старый богатырь?
Зачем один в такую пору бродишь?
С духами ль темными ночную
Беседу ты завел? в союз ли с ними
Вступил, чтоб чародейством
Себе придать перед сраженьем силы?
Мы знаем, с демонами тьмы
Давно ты водишься; и, верно,
От них ты занял черное искусство
Выть невредимым, что теперь
Так беззаботно, безоружный,
Один, переодетый турком, ходишь
Ночной порой между шатров Ирана».
Рустсм сказал: «Не в этом дело;
Я был в гостях, я навестил Зораба;
Издалека его увидел я
И буду рад, когда вблизи увижу.
Но мне, лазутчику, другой лазутчик
Нсжданный помешал; насильно
Меня хотел он вытащить на свет;
Я в темноте ударом кулака
Бго убил – себе иначе
Помочь не мог я, – но о нем
Непостижимо грустно мне, и я готов
Почти заплакать. Геф, найди скорее
Персидский для меня убор;
Замаранное кровью это платье
Несносно мне; да и собаки здесь
Со всех сторон сбегутся с лаем
На турка, вокруг шатров персидских
Ходящего ночным дозором».
Вздохнув глубоко, снял с себя
Рустсм турецкую одежду.
Какой-то жалобный в нем голос
Против ночного дела вопиял;
Неволью он жалел о Синде;
Как будто чувствовал, что в нем убил
Свое спасенье от чего-то,
Нсизбежимого теперь.
И не пошел он к шаху с донесеньем;
К себе в шатер он возвратился,
И лег, и тяжело спал всю ночь.

Книга шестая
ЗОРАБ И ХЕДЖИР

И
Когда взошла заря на небо,
Зораб взошел на башню замка;
С ее площадки мог он весь

Иранский стан, как на ладони видеть.
И он велел позвать Хеджира.
Он думал: «Синда нет; Хеджир
Рустема, верно, знает; мне
Его укажет он». Хеджир
Окованный был приведен. Оковы
С него своей рукою сняв, Зораб
Сказал: «Хеджир, железа плена
Я золотом свободы замену,
Когда ты мне по правде дашь ответ
На все, о чем тебя расспрашивать я стану;
Будь откровенен; с чистым,
А не с подмешанным вином
Подай теперь свою мне чашу».
«Я не солгу, – отвечивал Хеджир, –
Готов я на твои вопросы
Вес объявить, что самому
Известно мне». – «Богатые шатры
Я в стане вижу, – продолжал Зораб. –
Какому витязю, скажи мне, каждый
Из тех шатров принадлежит?
Когда о том по истине мне скажешь,
Тебя осыплю золотом и честью;
Когда же нет, не усидит
Твоя на шее голова». –
«Чего же медлишь? – возразил
Хеджир. – Расспрашивай, я буду
По правде отвечать; лжецом
Я не бывал, а смерти не страшуся».

II

И начал спрашивать Зораб:
«Там, в середине самой стана,
Я вижу золотой шатер;
И от него идут во все концы
Дороги; и по тем дорогам
Одни к шатру медлительно подходят,
Как будто с робким ожиданьем;
Другие весело отходят от шатра,
Как бы с исполненной надеждой.
И весь он от подошвы
До маковки сияет,
Как солнце, золотом; у входа
Лежат, как две ручные
Собаки, лев и тигр; а на вершине
Сидит орел; и держит он
В когтях распущенное знамя
С изображеньем солнца.
Такой шатер не витязю простому
Принадлежит; скажи мне, чей он?» – Гордо
Поднявши голову, сказал Хеджир:
«В нем шах Ирана обитает.
Перед его престолом день и ночь
Дружина верная стоит
Телохранителей. И никакой
Не страшен враг великому царю». –
«Налево, – продолжал Зораб, –
Разбит серебряный шатер;
Он к золотому обращен
Своим открытым входом;
У входа барс и леопард;
А наверху я вижу грифа:
Широко веющее знамя
С изображением луны
В когтях серебряных он держит». –
«Там обитает, – отвечал
Хеджир, – сын шаха Фсрабор, ближайший
К престолу и к цареву сердцу».
На то Зораб сказал: «Им честь и слава!

Когда одна душа в отце и в сыне,
Они всю землю завоюют».

III

И продолжал расспрашивать Зораб:
«Направо там от золотого
Шатра стоит, я вижу, черный;
Он окружен бесчисленною стражей;
И беспрестанно скачут
К нему и от него гонцы.
У входа слон, покрытый пышным
Ковром, и на его спине
Огромные тимпаны войска;
А на верху шатра сияет
Дракон; в его разинутую пасть
Водружено распущенное знамя;
Оно усыпано звездами
И расстилается, как небо,
Широко вея, над шатрами.
Кому такая почестъ?
Кто разделяет власть с державным шахом?»
«Его военачальник Туе, –
Ответствовал Хеджир, – он сродник шаха,
И право он имеет родовое
В сраженье место заступать царя;
На зов его сошлось это войско,
Грозящее погибелью тебе.
А над шатром воздвигнутое знамя
Есть наша царская хоругвь.
Его воздвиг великий Феридун,
Убив Согака, на плечах
Носившего живых, приросших к ним драконов;
К святой хоругви этой
Прикована победа:

Она в союзника отважность проливает,
Влечет враг, ее увидя».
Зораб при этом слове улыбнулся
И продолжал: «А этот пурпуровый
Шатер кому принадлежит?
И кто седой, могучий воин,
Перед его сидящий входом?
Толпою ратников он окружен;
Одни из них уж в летах зрелых,
Другие молоды, и все
К нему лицом обращены
И перед ним стоят благоговейно,
Как сыновья перед отцом?» Из сердца
Хеджирова, как острый
Кинжал, в нем глубоко сидевший,
Исторгся вздох, когда он отвечал
Зорабу: «Это старец
Гудерс; он мудр и кроток речью,
Мечом пронзителен и крепок,
Он сильный царь в своей семье
И может царство защитить
Один, собрав своих домашних;
С семидесятью девятью
Он сыновьями в войско шаха
Пришел против тебя... а я
Осьмидесятый; и меня
В строю их ист». – «Зачем дался ты в плен? –
Сказал Зораб. – Открой мне правду
И нынче ж будешь вместе с ними».

IV

«Но чей, скажи, зеленый тот шатер,
Который, как дремучим лесом
Покрытая гора, меж невысоких
Холмов стоящая, над всеми
Шатрами поднялся? И так же тверд он,

Как та гора: на ней растущий лес
Дрожит, шатаем бурей,
Она ж не двинется, и шаткий лес
За корни, в грудь ее вонзившиеся, держит.
Конечно, тот шатер великий
Сильнейшему в иранском войске
Принадлежит? Перед шатром
Сидит, я вижу, воин; близ него
Стоит, я вижу, конь,
Тот воин великан;
Тот конь чудовище; и воин
Сидит не на высоком месте,
А всех, кругом стоящих,
Он перевысил головой;
Все на него почтительно глядят;
А он глядит с любовью на коня,
Товарища испытанного в битвах;
Копытом конь нетерпеливым
Разбрасывает землю, а когда
К нему протягивает руку
Вго могучий господин –
Он чутко уши подымает
И фыркает; когда же
Вго волнистую он треплет гриву –
Конь бесится, кругом
Стоящие приходят в ужас,
А господину весело и любо.
К его бедру привешен меч,
Прислонена к его колену
Дубина; их никто другой не сможет
Поднять; когда дубиной он
Над головою конской машет
Иль из ножен до половины
Выхватывает меч –
Конь прыгает, слыша свист дубины,
И громко ржет, увидя блеск меча.
Мне никогда такой седок,
Мне никогда подобный конь
Не попадался – конь, который
Одним таким лишь седоком
Обуздан может быть; седок,
Которого такому лишь коню
Поднять и вынстсть можно. Верно,
О седоке и о коне
И стар и мал в Иране знает.
Скажи, Хеджир, их имена». —
Он замолчал, как будто убежденный,
Что эти имена: Рустсм и Гром;
Но он услышать их
Хотел из уст Хеджира.
У
Хеджир задумался; ему пришло на память,
Что, с ним вступая в бой, Зораб
Своим отцом назвал Рустема;
И про себя Хеджир подумал:
«Когда тебе Рустсм отец,
Не мною с ним ты будешь познакомлен;
Вго узнав, с ним в бой ты не пойдешь;
Тебя узнав, не булаву
Железную он на врага подымет,
А нежную прижмет рукою
К отеческому сердцу сына.
Нет! От Рустемовой руки
Тебя спасти я не намерен».
Так рассуждал с самим собой Хеджир.
«Что ж ты умолк? – спросил его Зораб. –
О чем бормочешь сам с собою?
Со мною говори». – «Я думаю, – сказал

Хеджир, – и не могу придумать,
кто этот чудный витязь.
Кто мне знаки неизвестны;
Конечно, он к отсутствию мое
в столицу шаха прибыл:
К нам слух дошел, что сильный богатырь
из Индии далекой
Царем на помощь вызван, –
Выть может, это он.
И подлинно, в нем что-то есть чужое». –
«Ио как зовут его?» – спросил Зораб.
«Не знаю», – отвечал Хеджир.
«Не может быть! ты должен знать;
Скажи, я требую». – «Не знаю», –
Твердил Хеджир упорно.
И в тяжком был Зораб недоуменье;
Рустемовы все признаки он видел,
Ему и сердце говорило,
что был в глазах его Рустем, –
Но имени желанного не мог он
ни просьбой, ни угрозой вырвать
из непреклонного Хеджира.
И снова стал спрашивать его
Зораб: «Кому принадлежит
Тот светло-розовый шатер?»
«Его назвать могу я, – отвечал
Хеджир, – могучему Гуразу».
«А этот желтый чей?» – «Гургпнов».
«А этот голубой?» – «В нем Геф живет,
Рустемов зять». При этом на Хеджира
Зораб разгневанные очи
Оборотил: «Теперь мне явно,
что ты бесстыдный лжец; мне всех
назвал ты, об одном Рустемс
ни слова. А Рустемс – душа Ирана,
и без него сражений не бывает.
Между шатров там нет ни одного,
принадлежащего Рустему; где же
Рустемс? Его с намереньем скрываешь
ты от меня. Но чудный воин тот
перед шатром зеленым – он, конечно,
Рустемс. Скажи, Хеджир; скажи, что это он!
Все признаки Рустемовы я вижу;
недостает мне только убежденья;
но я из всех, кого там видел,
желал бы, чтоб Рустемом был
один лишь этот. О! скажи,
скажи, Хеджир, что это он! и ты
немедля в стан к отцу и братьям будешь
отпущен с честью и дарами». –
*9г» «Зачем, – спросил Хеджир, –
ты так, Зораб, нетерпеливо
узнать Рустема хочешь? мой совет:
не выходи против него. Тебе
перед Рустемовой ужасной силой
не устоять; когда Рустемс
на Громе в поле выезжает,
и лев и крокодил приходят в трепет;
он взглядом посылает смерть;
вго дыханье – буря; он, как прутья,
а9*° ломает крепкие деревья;
и кто б его противник ни был,
хотя б он тверже был кремнистой
горы, его Рустемс растопчет,
как слон траву сухую, в пыль.
но, к счастью своему, грозы
ты избежал: Рустема в войске нет;
с царем поссорясь, он

В Сабулистай свой возвратился
И там, о битвах позабыв,
*w« в роскошном розовом саду
Пирует весело с гостями
И ждет спокойно за вином,
Чем кончится набег на нас Турана». —
Так говорил Хеджир Зорабу:
Вго хотел он обмануть,
Придумавши вражду царя с Рустемом;
Но вместо лжи сказал случайно правду.
VI

«Ты надо мной ругаешься, — воскликнул
С негодованием Зораб. —
16 - 3088

Молчи, презреннейший из всех
Гудерсовых осьмидесяти сыновей!
Поверю ли, чтоб пехлеван Ирана,
Чтобы Рустсм, властитель боя,
От боя убежав, лениво
Под кровлю домашней пировал?
Тогда б и женщины и дети
Вго достойно осмеяли.
Поссориться он мог, конечно, с шахом,
Когда, забывшись, шах его,
Завоевавшего ему отцовский
Престол, чем оскорбил; но Ксйкавус
Еще не потерял рассудка;
И если подлинно он в ссоре был с Рустемом,
То уж они, наверно, примирились:
Кто заменит Рустема Кейкавусу?
Что значит туча громовая
Вез молнии н грома? Вез Рустема
Что ваше войско, что и весь
Иран ваш значит? Говори ж
Немедля, кто Рустсм? Иль вмиг твоя
Перелетит через ограду замка
К шатрам иранским голова». —
Хеджир от злости побледнел.
«Ты из меня, — подумал про себя он, —
Насилием не вырвешь слова,
Которого сказать я не хочу.
Не страшны мне твои угрозы;
Меня убьешь ты — от того
Не потемнеет день и в кровь
Вода не превратится;
Гудерсу только из своих
Осьмидесяти сыновей
Придется вычесть одного;
Зато с семидесятью девятью
Он выйдет мстителем кровавым
Против Хсджирова убийцы». —
И он сказал: «Зачем, Зораб,
Ты так беснуешься напрасно?
Меня убить грозишься ты —
Убей, ты властен; имя ж,
Которое так жадно хочешь слышать,
Останется во мне, как запертое
В могиле; я не вымолвлю его,
Хотя б и знал стократно, кто и где
Рустсм. Убей меня — пусть кровью заплачу
За стыд, что был ничтожнейшим из всех
Гудерсовых осьмидесяти сыновей». —
Так он сказал. Зораб в кипенье гнева
Схватил свой меч, чтоб грудь пронзить Хсджиру;
Но он одумался, и только по щеке
Вго с такой ударил силой,
Что он без чувств упал на землю.
«Когда никто, — воскликнул он, —

Не хочет мне Рустема указать,
Мой меч к нему прочистит мне дорогу».

VII

Зораб сбежал, пылая гневом, с башни,
Вооружился, на коня,
Крылатого дракона, прынул
И поскакал, как буря, к стану.
Он страшен был – кругом его
Клубился, выбитый конем
Из недр земли, кипучий вихорь пыли;
И в этой черной туче,
Как молния, броня его сверкала,
И громом в ней тяжелым раздавалось
Коня топчущего ржанье.
И прямо на шатры Ирана
Летела туча громовая;
И вес, покинувшие стан,
Чтоб подышать свободно в поле,
В испуге бросились назад,
Спеша укрыться за окопом.
Так на лугу, за граду табуна
Покинув, скачут жеребята;
Но вдруг, бегущего увидя льва,
Пугаются его косматой гривы
И шумно ломаются в за граду;
Так, ужасом объятые, к шатрам
Вес кинулись, увидевши Зораба.
Но, мелкого врага не замечая,
Он вихрем мчался к валу стана,
Чтоб, на него взлетев с конем,
Храбрейшего из витязей Ирана
На смертный вызвать поединок;
И с высоты окопа закричал
Зораб таким гремящим кликом,
Что от него и мертвый бы в могиле
Перевернулся: «Шах великолепный,
Ты чудной пышностью блистаешь
За крепкою оградой стана;
Но покажись, каков ты в чистом поле.
Зачем с своим могучим войском
Ты спрятался там от меня,
Как за плетнем от волка
С овцами прячется пастух?
С моим копьем против тебя
Я выезжаю; в Вслом Замке
Выл умерщвлен разбойнически Синд;
Я за вином кровавую дал клятву
Разбойнику за друга отомстить
И в ясный день убить убийцу,
Столь храброго лишь темной ночью.
Когда его ты знаешь, повели,
Чтоб шел со мной сразиться;
Когда ж тебе неведом он, то вышли
Иного – лучшего в смертельном деле боя.
Но сели из твоей заграды
Никто против меня не выйдет, сам я
В твой стан проникну и к шатру,
Где ты таишься недоступно,
Себе мечом прочищу доступ.
Не устрашат меня твои два стража,
Твой лев и тигр; до солнца твоего
Мое копье крылатое допрянет;
И выронит орел твой из когтей
Ирана царственное знамя;
Я на тебя шатер твой повалю,
И ты от сна беспечного проснешься».

VIII

При этом клике шах в испуге

Вскочил. «Бегите за Рустемом! –
Он закричал. – Как этот зверь проведет,
Что в золотом шатре я пребываю?
Скорей, скорей позвать Рустема!»
Рустем сидел перед шатром зеленым,
Когда гонец пред ним явился
И, задыхаясь, возопил:
«Зораб ворвался в стан; на царский
Шатер напасть грозит он;
Спешите, Рустем; на помощь царь зовет».
Рустем, не покидая места,
Сказал: «Служить накладно Кейкавусу;
Покоя нет ни днем, ни ночью;
Я прошлую провел в работе ночь,
Теперь хочу день целый отдыхать».
Но вот второй гонец примчался
За первым, третий за вторым, четвертый
За третьим; быстро,
Как за стрелой из лука стрела,
Они летели друг за другом,
И каждый повторял: «Рустем!
Зораб ворваться хочет в стан;
Беги скорей к царю на помощь».
Увидя общую тревогу,
Рустем сказал: «Да разве небо
Упало? Все дрожат перед одним!
От одного такой пожар всемирный!»
Но вдруг пред ним явились
Вельможи, посланные шахом,
Верховный воевода Туе
И сам царев наследник Фсрабор;
И все его доспехи принесли
Они с собой. В молчании угрюмом
Он дал им волю; Туе надел
Тяжелый панцирь на него,
Гургин поножья; шлем
Выл подан Ферабором;
Гураз при нем колчан и лук;
С копьем, мечом и булавой пришли
Три сына старого Гудереа;
И, наконец, с могучим Громом,
Совсем оседланным, явился зять
Рустемов Гсф. Увидя,
Как бешено, почуя бой, кипел
И прядал Гром, его товарищ верный,
Рустем воспламенился;
На Грома он вскочил
И, грозно крикнув, поскакал...
И все очами вслед за ним
В глубоком страхе устремились.
Книга седьмая
РУСТЕМ И ЗОРАБ
Первый бой

I

Он поскакал туда, где богатырь,
С ним однокровный, ждал, где сын его родной
Стоял, против отца вооруженный.
Завидевши один другого, оба
Заржали громко пламенные кони,
Рустемов Гром и конь Зорабов,
Сын Грома, – тот, отца принесший
На убенье сына; этот,
Принесший сына, чтоб погиб
Рукой отца: но как родные
Они приветственным друг друга ржаньем
Окликнули... о горе! неразумным
Зверям был вняттен голос крови,
А в глубину души отца и сына

Он не проник – так бедный человек
В безумии страстей своих и зверя
Слепорожденного слепой бывает, –
Для витязей то родственное ржанье
Призывом было в бой свирепый,
И в них зажглось удвоенное пламя.
Остановясь один против другого,
Отец и сын издалека друг друга
Смертельным оком, молча, озирали.
А той порой две рати с двух сторон,
Свидетелями поединка,
В порядке вышли боевом;
Ведомые могучим Туюем,
Полки блестящие Ирана
Построились перед шатрами;
А Баруман туранских дружины
По склону вытянул горы,
Одним крылом их к замку прислонивши.
И тихим рати строем
Одна против другой стояли,
Как две на двух концах противных неба
Стоят грозой чернеющие тучи;
Желанье боя только в двух
Избранных витязях горело;
А вокруг их все молчало, рокового
События со страхом ожидая.

II

И начали богатыри съезжаться,
И сблизились, и видели друг друга
Уже в лицо. Зораб,
К отцу влекомый тайной силой,
С весельем руки потирая,
Воскликнул: «Здравствуй, старый богатырь,
Какому я подобного и сонный
Не видывал! моя завидна участь:
Я летами еще полуребенок,
А мне с таким обдержанным в бою,
Железным воином досталось
Впервые силу испытать.
Велик твой рост, плечами ты широк;
Но много взяли сил твоих
И годы и сраженья;
С моею молодостью крепкой,
Седой боец, твоя не сладит старость».
На щеки розовые сына
Взглянув, Рустем сказал: «Не горячись,
Прекрасный огненный младенец;
Земля тверда, хотя и холодна;
А воздух тепел, но уступчив.
Я на своем веку немало
Полей сраженья перешел,
И многим войскам, гордым силой,
Помог в сырую землю лечь;
Их много спит, в се глубоком лоне
Моей рукою погребенных;
Ты скоро сам то испытаешь,
Когда тебя с другими положу я,
Убитого, во глубь земли холодной.
Когда же, паче ожиданья,
Моей руки ты избежишь,
То уж тебе никто – ни человек,
Ни крокодил, ни лев не будут страшны.
Но слушай, милое дитя,
Мне жаль тебя, мне жаль такую
Младую душу из такого
Прекрасного исторгнуть тела;
Ты с турком, пальма красоты,
Не сходен; я подобного тебе

Не знаю и в самом Иране;
Мне жаль тебя». Такую речь
Приветно-нежную услышав,
Зораб почувствовал, что в нем
Вся внутренность затрепетала.
И он сказал: «О бодрый старец мой,
я об одном спрошу тебя смиренно:
Ответствуй мне но правде: кто ты?
У наших праотцов благой
Обычай был себя перед сраженьем
Именовать... какой-то голос
Мне тайно говорит, что ты
Рустсм, зеленого шатра
Владетель». Так сказал Зораб...
И так над ними близко,
Неузнанное, пролетело
Мгновение, которым гибель
Могла б в спасенье обратиться
И злоба в нежную любовь...
Но темный дух нашел тут на Рустема;
Он отвечал: «Я не Рустсм;
И знать тебе нет нужды о Рустеме.
Я подданный, а он державный князь;
Тебе ж не с ним считаться, а со мною;
я у тебя в долгу: вчера я, ведай,
Во время пира в Белом Замке
Ночное совершил убийство».

III

При этом слове гневом вспыхнул,
как туча молнией, Зораб,
и разом оба поскакали,
Зораб направо от Рустема,
Рустсм направо от Зораба;
и, отскакав во весь опор
на выстрел из лука, оборотили
коней; и быстро полетели
друг против друга две грозы.
И начался меж сыном и отцом
упорный бой. Сперва на всем скаку
они пустили копья –
со свистом пронизали
они щиты, подставленные им,
и, пролетев сквозь них, воткнулись в землю.
Тут обнаженными мечами
они разить друг друга принялись –
мечи, скрестясь на ударе,
переломились разом оба:
они, мечей обломки бросив,
железные схватили булавы.
Чего копье не тронуло, то меч
рассек; чего не тронул меч,
то раздробила булава –
так бились витязи, упорством
и силою один другого стоя;
и оба тягостно стонали;
на шлемах блеска не осталось,
все перья с гребней облетели,
и ни одно кольцо на их кольчугах
не уцелело; все избиты
их были члены; пот ручьями
бежал с их жарких лиц;
под ними кони их дымились.
Так на небе две тучи громовые,
сшибаясь, блистают и гремят
и молнии на молнии бросают;
они друг друга истребить
не могут, но под их войною
земля приходит в трепет,

Их град тяжелый губит жатву,
И вся под ними сторона
Становится пустынна, как великим
Сражением растоптанная нива;
Когда ж их силы истощатся,
Они расходятся и грозно
Издали друг на друга сверкают
И глухо, ропотно гремят.
Так витязи, истратив силы,
На время бой упорный прекратили.
IV

Отец и сын избиты были оба.
Сошел с коней, они им дали волю
Вздыхнуть; а сами разошлись
И издали дивил ися друг другу.
Так говорил с самим собой Зораб:
«Не может быть, чтоб этот зверь,
Столь яростно меня терзавший,
Был мой отец; хотя и вижу в нем
Всё признаки, описанные мне,
Но о такой неимоверной злости
Мне мать не говорила; в ней
Любовь к нему родиться не могла бы,
Когда б се очам явился он
С таким лицом чудовищного тигра.
Но он и сам назвал себя
Убийцей Синда... нет! он не Рустом;
Я клятвы долг святой исполню
И отомщу убийством за убийство».
В то время и Рустсм с собою
Так рассуждал: «Не от простой
Он матери; она, конечно,
Не человеческой, а великанской
Породы: в возрасте его
Подобной силы не имел я.
Рустсм, Рустсм, остерегись;
Сбери всю крепость, старый богатырь
Два войска смотрят на тебя;
Беда и стыд, когда с тобою
Турчонок безбородый сладит
И, возвратясь в Семснгам,
Расскажет сыну твоему
О поношении отца его, Рустема».
Так, отдыхая, размышляли
Отец и сын. Тем временем их кони,
Усталые от жаркой схватки,
Но пощаженные в бою,
Проветрились, остыли, освежились
И при готовил ися снова
Своих могучих седоков
Нести на смертный поединок.

V
Бще усталые, чтоб силы обновить,
Они за луки и за стрелы
Схватились. Две первые стрелы
На воздухе слетелись остриями
И, обессиленные, пали
На землю; вслед за ними частым
Дождем другие зашумели;
Так вихрем сыплются сухие
С деревьев листья при осеннем
Свистящем ветре; так
Кругом ульев, когда согреть их
Лучом весенним солнце,
Сверкают и жужжат, роясь, пчелы.
И непрестанно в их руках
Сгибал ися и разгибались луки,
Визжали резко тетивы;

И с них стрела слетала за стрелою;
И вслед за каждой из очей
Взор смертоносный вырывался.
Но то была лишь шутка боевая:
От панцирей отпрыгивали стрелы,
Их острие ломалось об шлемы,
В щиты вонзаясь, на них
Они густой щетиною торчали;
Так солнца острые лучи,
Гранит могучий осыпая,
Ему пронзить не могут твердой груди
И лишь ее поверхность разжигают.
Истратив стрелы, наконец
Противники свои пустые
Колчаны бросили и на коней
Вскочили оба, чтоб начать
Войну губительную снова.

VI

Слетевшись на конях, они
Вцепились крепкими руками
Друг другу в кушаки. Рустсм
Сидел на Громе как железный;
Что он ни схватывал рукою,
Сжималось в ней, как мягкий воск;
Но он, схватив Зораба за кушак,
Был изумлен его сонротивленьем:
Как не колеблется утес.
Обвитый кольцами удава,
Так был Зораб неколебим,
Обхваченный Рустсмовой рукою.
Но и Зораб напрасно мышцы
Напряг, чтоб пошатнуть Рустема:
Как не колеблется земля,
Обвитая струей воздушной,
Так был Рустсм неколебим,
Обхваченный Зорабовой рукою.
И вдруг, кушак отцов покинув,
Как бешеный, Зораб впился руками
В его серебряные кудри,
Рассыпанные по плечам,
В сраженье выпав из-под шлема:
Он мнил, что вдруг сорвет его с седла;
Но он на нем, как вылитый из меди,
Не покачнувшись, усидел;
Один лишь клок серебряных седин
В своих руках Зораб увидел:
Он задрожал при этом виде.
«Ты, богатырь неодолимый
Под сединами старика! –
Воскликнул он. – Зачем, зачем
С моею молодостью сильной
Свою выводешь старость в бой?
О! сердце у меня в груди поворотилось,
Когда в моей руке остались
Твои седые волосы!
Мне показалось, что обидел
Богопрестунною рукою
Я голову отца святую!
О! для чего же мы друг друга
Должны так яростно губить?
Ужель других здесь не найдется
Противников, чтоб успокоить
В нас жажду огненную боя?»
Так воин молодой сказал;
А старый мрачно и безмолвно
Отворотил грозящее лицо.

VII

И вдруг, как волк, врывающийся в стадо

Овец, он кинулся с мечом
На рать туранекую. Зораб
При этом виде повернул
Коня и яростный, как тигр,
Из тростника в табун коней
Одним влетающий прыжком,
Явился меж дружин Ирана;
И начал меч его сверкать,
Как молния, направо и налево;
И люди вокруг меча валились,
кто безголовый, кто пронзенный
Насквозь, кто пополам
Пересеченный. Той порой
Рустсм, уже достигший строя
Дружин туранских, вдруг остановился
И, обратив глаза на рать Ирана,
Увидел, что в ее рядах
Расстроенных происходил о;
Подумал он о бешенстве Зораба,
Подумал он о страхе Ксыкавуса
И быстро, не взглянув на турков,
К своим на помощь поскакал.
Он там в толпе густой увидел,
Как рассыпал рубины крови
На яркий поля изумруд
Своим мечом Зораб. И он воскликнул:
«Остановись! зачем на слабых
Так бешено ты нападаешь?
Чем провинились они перед тобою,
что вдруг на них ты кинулся, нежданный,
как зверь голодный на добычу?»
Зораб, его увидя, изумился.
«А ты, мой старый богатырь, –
воскликнул он, – за что на бедных турков
Так яростно ударил? Чем они
тебя обидели? Но вижу,
что снова ты в сраженье вызвать
меня желаешь – я готов».
На то Рустсм отвечивал: «Уж день
Сменила ночь; она покою
Принадлежит, а не сраженью.
Послушаемся ночи; завтра,
Лишь на востоке солнце, витязь неба,
Свой меч подымет золотой и землю
им облесит, мы бой возобновим;
Будь здесь, а я здесь буду:
мы, пешие, борьбою
и боем рукопашным дело
начатое окончим; оба войска
сражения свидетелями будут;
увидим мы, которое из двух
богатыря оплачет своего».

VIII

Они расстались; сумрачен был вечер,
и темное тревожилось небо:
оно как будто в погребальный
покров заране облакалось.
но весело Зораб вводил
свои дружины в Белый Замок.
он на пути спросил у Барумана:
«что этот лев, который так измял
мои бока тяжелой лапой,
наделал здесь своим набегом? много ль
погибло от него народа?»
«ты повелел, чтоб войско было тихо
(так Баруман отвечивал); и войско
стояло строем неподвижным,
готовое к сраженью; вдруг

Мы видим, кто-то чудный, грозный,
Неведомый, как будто из земли
Родившийся, незапно
Ударил в самую средину
Испуганной таким явленьем рати;
Все приготовились к отпору;
Но он, как будто уstraшенный,
Коня поворотил, назад
Помчался вихрем и пропал,
Как привиденье». Громко засмеявшись,
Сказал Зораб: «Итак, он только
Вас навестил по милости своей;
Напрасно ж он коня тревожил.
А я тем временем мой меч
Полакомил иранской кровью;
Нас темнота ночная развела;
Но завтра на рассвете
Опять начнется бой наш; завтра
Увидим мы, который устоит
Из нас двоих, который ляжет мертвый.
И обе рати станут в строй,
Чтоб быть свидетелями битвы.
Придется ль вам меня похоронить
Иль встретить с ликованием – это
Нам скажет завтрашнее утро;
А нынче нам приличней, все забыв
Тревоги, влить вином душистым силу
В усталые от боя члены
И освежить язык, сожженный зноем.
Скорей, премудрый Баруман,
Вели нам пир обильный приготовить».

IX

Тем временем, достигнув стана,
Рустем в шатре царя
С ним и с его вождями
За освежительным вином
О жарком бое вспоминал.
Была там речь лишь только о Зорабе.
«Зачем ему, – спросил Рустема царь, –
Ты волю дал напасть на наше войско?
Когда бы к нам на помощь
Ты вовремя не подоспел,
Беда великая могла бы нас постигнуть.
Но что же сам, скажи, о нем ты мыслишь?»
И, зависти не ведая, Рустем
Сказал: «Такого богатырства,
Такого льва в таком младенце
Еще я в жизни не встречал;
Он бог воины, не человек,
И не уступит мне ни в силе, ни в искусстве;
А свежей младостью своей
Мою он старость превосходит.
Мне предстоит с ним завтра тяжкий бой.
Я испытал сперва мое копье,
Потом мой меч, потом и булаву –
Все отразил он; напоследок, вспомнив,
Что в старину я многих силачей
Одной рукою схватывал с седла,
Ему в кушак я руку запустил
И силой всей его рванул, но он
Не пошатнулся. Нас теперь
Ночная тьма с ним разлучила –
Не знаю, мной остался ль он доволен?
А я доволен через меру им.
Когда же завтра мы сойдемся,
Я постояю за честь Ирана
И за свою, до сих пор без пятна
Мне сохранившуюся славу.

Как ныне, завтра оба войска
Свидетелями боя станут в строй;
И в этот час уж будет завтра всем
Известно, кто из нас двоих
Лежит убитый, кто живой остался;
Теперь же здесь, покуда мы еще
Все налицо, озолотим
Беспечным пированьем
Канун спокойный рокового,
Быть может, бедственного дня.
Державный шах, благоволи
Нас угостить твоим вином душистым».

17 - 3088

Х

Так говорил Рустем; и речь его
Задумчивость мгновенную па сердце
С ним пировавших навела.
Но снова с блеском зашипело
Вино; за славу и победу
Рустема сдвинулись чаши,
И наконец по долгом нированье
Все но шатрам на сон и на покой
Полухмельные разошлись.
В зеленый свой шатер вошедши,
Рустем Зевару так сказал:
«Зевар, мой брат, ты видел ныне,
Каков был этот бой; что будет завтра,
О том из нас не ведает никто.
Я завтра рано выйду в бой,
А ты, мой брат, меня предав
Во власть всевышнему, останься здесь
И стражем будь моей сабульской рати.
Когда из рук судьбы мне выпадет победа
Не стану я па месте крови медлить,
И ты меня в шатре увидишь скоро.
Но если мне иное суждено
От неба, не скорби, не покушайся
Отмщать врагу, но рать мою немедля
Веди в Сабул; дорогой же и дома
Всем говори: ему был рок погибнуть
От юноши. А матери скажи:
«Не сокрушай себя; достигла ты
До старости глубокой; на твоих
Глазах состарился и он;
И ты его пережила;
Живи же долго, по о нем
Не сетуй; он великих дел
Довольно совершил; немало им
Истреблено чудовищ, великанов;
Немало крепких замков он
Разрушил и сравнял с землею;
Немало войск пред ним погибло –
Теперь настал черед н для него.
К железным смерти воротам
Конь жизни рано или поздно
Со всадником своим – кто б ни был он,
Могучий, слабый, храбрый, робкий, –
Примчится; каждому из нас
В те ворота в свой час придется стукнуть,
И каждому отворятся они;
На увольнение здесь от смерти
Он записи от неба не имел;
На вечное подданство ей
Мы все укреплены судьбою».
Так матери ты нашей скажешь. А теперь
Налей вина последнюю мне чашу
На сон грядущий, брат Зевар,
И спи спокойно; остальное

Звездам на волю отдадим».
Рустем умолкнул, поданное выпил
Вино, разделся, лег
И в сон глубокий погрузился.

Книга восьмая
РУСТЕМ И ЗОРАБ

Второї бои

I

Когда павлин денницы распустил
Широко хвост свой разноцветный,
И голову под черное крыло
Угрюмый ворон ночи спрятал,
Рустем проснулся, опоясал
Губительный свой меч
И, боем дышащий, вскочил
На огнедышащего Грома;
И бурю на избранное место он
Помчался. Как звезда, пророк
Великих бедствий, пламенным хвостом

17*

259

На небесах блистает ночью темной,
Так бедоносно нмем косматый
Бл нетал на голове Рустема;
Прибыв на место, с изумленьем
Он озирался, но Зораба
Там не было: Зораб, в то время
Как гибельный его отец
Ждал в поле, утренним вином,
При звуке лютнь, беспечно утешался.
И так сказал он Варуману:

«Со мною этот старый лев
И крепостию мышц, и ростом,
И храбрости то равен;
Когда смотрю на грудь его, на руки
И на плеча, мне кажется, что вижу
Я в зеркале себя; невольно
Приходит в мысли мне, что сам
Таким я буду, если звезды
Мне столько ж лет отчислят в жизни.
Взглянув ему в геройское лицо,
Я чувствую какую-то тревогу,
Мне стыдно, я краснею, в грудь мою
Втесняется глубоко
Неодолимая тоска.

О Баруман, уж не Рустем ли он? Скажи
Мне правду; Баруман, спаси
Меня; не дай мне быть отцеубийцей
На ужас всей земле. Что, возвратясь,
Скажу я матери? Скажу ли,
Что руки я свои умыл
В крови отца? Все знаки, ею
Мне данные, согласны с тем, что видят
Мои глаза, недостает
Лишь одного мне убежденья. Бели он
Рустем, то я еще ему в глаза
Сказать не смею: я твой сын!
То им самим запрещено;
Лишь слава даст на то мне право.
Когда же не Рустем он... О! какая
Ві.иа б мне честь явиться пред отцом,
Богатыря такого одолевши!
Кто разрешит мое недоуменье?
Когда вчера так зверски
Со мной он бился, мысль, что он
Отец мой, показалась мне
Мечтой несбыточной; но в эту ночь
Я видел сон... я видел, что лежу

В его объятиях, так нежно,
Так весело, с такой любовью детской...
Нет! Не могу и не хочу с ним биться».

II

Покорствуя тому, что повелел
Афразиаб, коварный Баруман
Ответствовал: «Ты видел сон,
Проснулся – вот и все. Ужель, поверя
Мечте, начатого так славно
Не довершить? Ты слово дал
И должен выручить его, иль вечным
Стыдом себя покроешь. В поле
Тебя он ждет и, верно, торжествуя,
Уж думает: «Передо мной робеет
Мой недозрелый богатырь».
Так и Иран с ним вместе скажет;
То повторится и в Туранс.
Тогда с каким покажешься лицом
Ты на глаза Рустему? Не забудь.
Что на тебе лежит святая клятва
Отмстить за Синда; сам же он сказал
Тебе, что Синд убит его рукою.
А для чего свое таит он имя,
Не знаю; мой совет: не любопытствуй
И ты о том узнать; убей и уничтожь
Бго, пока он сам тебя убить
И уничтожить не успел, –
Тогда избежнешь посрамленья,
Заслужишь честь и клятвы не нарушишь».
Так искуситель говорил;
Вго слова звучали глухо;
Он поглядеть в лицо не смел Зорабу
И бледен был как полотно;
Но все сомненья он разрушил
В душе Зораба. Мщньем закипев,
Поспешно витязь молодой
Вооружился, на коня
Лихого прянул
И полетел на битву роковую.

III

Когда сошлись соперники на месте,
Назначенном для поединка,
Две рати с двух сторон
Свидетелями боя
В порядке вышли боевом:
Ведомые могучим Тусом,
Блестящие полки Ирана
Построились перед шатрами;
А Баруман туранекпе дружины
По склону вытянул горы,
Одним крылом их к замку прислонивши.
К сопернику приблизившись, Зораб
Бго спросил, приветно улыбнувшись:
«Покойно ль спал ты эту ночь
И весело ль проснулся? Рано, рано
Ты поднялся, мой старец многосильный:
Прекрасен этот день – таков ли будет
Прекрасен вечер, мы не знаем.
Но посмотри, как утро молодое
Вершины гор озолотило;
Цветы вес утренним вином
Напоены, и утренняя свежесть
На паству манит пастухов;
Невидимо под ветвями дерев
И видимо в лазури неба
Поют проснувшиеся птицы;
Ручьи, сияя, льются;
На солнце блещут берега;

Трава росой сверкает...
Приличен ли такой всемирный праздник
Кровавому убийству? День такой
Не лучше ль милой жизни
Всц нам уступить? Послушай, друг,
Сойди с дракона своего
На этот свежий дерн; заключим
В виду обеих наших ратей
Здесь перемирие, забудем
На этот день и мщение и злобу:
Пусть будет поле крови
Для нас палатой п про вою.
Я знак подам – и перед нами
Вино заблещет в кубках,
И пир устроится роскошный,
И звонко заиграют струны,
И дружно мы отпразднуем с тобою
День возрождения прекрасной,
Весоживляющей весны;
Железный шлем ты снимешь с головы,
А я венком живых цветов украшу
Твои мне милые седины;
И, сидя за вином, мы будем
Беседовать радушно о войне,
О бранных подвигах, и всем, что знаю,
Я поделюсь с тобой от сердца;
А ты свою откроешь мне породу
И славное свое мне скажешь имя –
О! не упорствуй, друг; скажи,
Скажи его – мы не должны
Так чужды быть друг другу; нас
С тобой вчера побратовала битва».

IV

Так с откровенностью младенца
Рустему говорил Зораб –
Ему во грудь из вод, из глубины
Небес, из зелени полей
Проникнул тайный голос
Природы; на щеках его
Горело жаркое желанье;
Так раскрывается младая
Распуколька от теплого весны
Дыхания; но если на нее
Дохнет морозом бурный север,
Она сжимается и увядает;
Так от морозных слов Рустема
Увяла вдруг в душе Зораба
Едва зацветшая надежда.
«Дитя мое, – сказал Рустем, – не для того
Сюда пришли мы, чтоб, роскошно
На луговом ковре покоясь,
Беседовать; на смертный бой
Пришли мы. Бели ты
Еще годами отрок,
То я уж не дитя. Ты видишь,
Что для борьбы кушак стянул я туго;
И здесь давно я жду, чтоб боевую
С тобой начать работу, чтоб нарвать
С тобой тех роз, какие только в нашем
Саду родятся. Свежесть утра
Для ратного благоприятна дела;
Она моим состарившимся членам
Живую крепость придает.
Итак, пока не наступил
Палящий зной, начнем
Свой мужественный спор. Я не слышал,
Чтоб для одних рассказов о боях
Соперники на месте боя,

Вооруженные, сходились;
Я быюся делом, не словами.
По имени ж себя не прежде назову,
Как положив тебя в крови на землю:
Тогда узнаешь, чья рука тебя убила».

V
Зораб, воспламененный гневом,
Воскликнул: «Будь по-твоему, упрямый
Старик! своей судьбы никто
Не избежит; и мы увидим скоро,
Кто здесь кого при несть ей в жертву должен».

На землю спрянул он с коня,
И громко зазвучало
Его оружие. Рустем
Сошел поспешно с Грома; тяжкий
Звук от меча его раздался,
И из ножен до половины
Он выпрыгнул. В молчанье оба
К бежавшему вблизи потоку
Они пошли с конями. У воды
Росло там дерево; к нему
Они коней ретивых привязали;
И там Рустемов Гром
Оставлен был с конем Зораба.
Приветливо они друг друга
Обфыркали и, знакомясь,
Между собой немую завели
Беседу; как друзья давнишние, они
Подножную траву щипали вместе,
И головы протягивали дружно
К ручью за свежую водою,
И шеями друг друга обнимали,
Как будто угадав,
Какое близкое родство меж ними было.
А между тем отец и сын
На место боя грозно шли,
Друг другу смерть в душе готовя.

VI
Они плотней стянули кушаки
И рукава до самых плеч
Могучих засучили;
Ужасно их наморщи лися лица
И загорел ися глаза,
И, разом бросясь друг на друга,
Как разозлившиеся тигры,
Они руками обхватились:
Два тела вдруг слились в одно,
Вокруг которого четыре
Железные руки, как змеи,
В него вдавились, переплетались.
Как будто сплавленные крепко,
Они друг друга, грудь на грудь,
Теснили, перли, гнули, жали –
Напрасно; камень и железо
Могли бы руки их расплюснуть,
Но пошатнуть не мог ни сына
Отец, ни сын отца; дыханье
Спиралось в их груди; глаза их, кровью
Налитые, как уголья горели;
Их ноги были врыты в землю –
Но ни один не мог другого
Ни потрясти, ни наклонить,
Ни приподнять, ни сдвинуть с места;
Напрасны были их порывы,
Напрасны были их напоры,
Напрасно было их боренье,
Их трепетанье, их кипенье –
Неодолим, неколебим

Остался каждый. Наконец,
Отбросив тщетную борьбу,
Они решились испытать,
Кому кого удастся
Поднять с земли и опрокинуть.
И, разорвавшись, разом отскочили
Отец и сын и, разом снова
Сбсжавшись, как крючья, руки
За кушаки засунули друг другу.
И вдруг Рустем потрянул Зораба
Так сильно, что с земли
Взорвал его на воздух; как свинец,
Всей тяжестью Зораб на грудь отца
Обрушился и повалил
Вго на землю под себя.
Не зная сам, как мог он очутиться
На нем, его к земле он придавил
Коленом, выхватил кинжал
И был готов пронзить им грудь
Под ним лежавшего Рустема.

VII

Рустем, увидя над собою
Железо, возопил: «Остановись,
Что хочешь делать? Если ты
Породой знаменит, не осрамляй
Ни самого себя, ни предков
Постыдным делом: меж суровых
Родяся турков, ты не знаешь
Обычаев Ирана – знай же,
Что здесь никто, кому в борьбе
Соперника удастся одолеть,
Его не умерщвляет, но ему
Даст с собою испытать
В другой раз силу; если ж и тогда
Он победит, то властен он
И умертвить врага и дать ему пощаду
Таков святой иранский наш обычай;
И стыд тому, кем будет он нарушен!»
Так говорил Рустем, прибегнув
(Чтоб от себя погибель отвратить)
К обману. «Я, – отвечивал Зораб,
Не слыхивал, чтоб где такой обычай
Водился; но скажи мне, соблюдал ли
Его Рустем?» На это возразил
Рустем: «Какое дело нам
До твоего Рустема? Если ж
Ты хочешь знать, то и Рустем
Обычаю Ирана был покорен».
При этом слове опустил
Зораб кинжал и руку подал
Лежачему, чтоб он с земли поднялся.
Легко поверил он: простому сердцу
Коварство было незнакомо:
Незлобный, как младенец, был он
Великодушен, как герой;
А темная рука судьбы
Вго к погибели стремилась неизбежно.
Обманом спасшийся Рустем
Негодовал, что для спасенья
Был принужден обман употребить:
Поднявшись с земли, он отряхнулся
И против воли покраснел,
Взглянув на сына; а Зораб
Ему сказал с усмешкой: «Отдохни,
Мой старый богатырь; я скоро
Опять здесь буду, и тогда,
Как следует, начатое мы кончим».
Сев на коня, он поскакал

В ту сторону, где по горе
Туранское стояло строем войско;
Вдруг перед ним вскочила антилопа, –
И весело за нею он погнался,
Забыв о близком часе роковом.

Книга девятая

РУСТЕМ И ЗОРАБ

Третий бой

И
Рустем, избавясь от беды,
Один остался; несколько мгновений
Он был объят глубокой думой; вдруг –
Как будто что напомнил ось ему –
Пошел поспешным шагом
К потоку, где его могучий Гром
Под деревом привязанный стоял.
Была недалеко оттуда
Утесистая дебрь. И много лет
Прошло с тех пор, как в этой дебри
Имел Рустем свиданье с горным духом.
В то время был он одарен
Такою непомерной силой,
39Г"

39Г"

39*»

Что но врагам одним, и самому
Ему она была во вред:
Его земля не выносила;
Когда он шел по каменному кряжу,
Как на песке, глубокие следы
От ног его на камнях оставались.
Так некогда с тяжелою добычей,
Отнятою у турков, он
Во мраке ночи пробирался
С трудом великим тою дебрью:
При каждом шаге увязали
Вго по щиколотку ноги в землю;
Они ее, как плуг железный, рыли.
Вдруг близ него во тьме раздался
Осиплый хохот. «Кто хохочет?» – гневно
Спросил Рустем. Глухой ответ был: «Я!»
«А ты кто?» – «Горный дух». – «Чему смеешься?»
«Смеюсь тому, что ты, силач,
Своей не можешь сладить силой;
Она чрезмерна для тебя.
Отдай на сохраненье мне
Все излишек; сели –
Когда от лет твои расслабнут члены –
Она тебе понадобится снова,
Приди сюда и кликни – я откликнусь,
И от меня ее сполна опять
Получишь ты беспрекословно».
И духу горному Рустем
На сбереженье отдал
Излишек силы. И теперь,
Когда от лет его расслабли члены,
Пришел он в дебрь, у духа взять
Обратно вверенный залог;
Он чувствовал, что силой половиной
Ему не одолеть Зораба.
И в ярости с собой он говорил:
«Он жить не должен; им в виду
Ирана был я опозорен;
Он смел коленом стать на грудь
Упавшего к ногам его Рустема;
И им к постыдному обману
Рустем, дотоле беспорочный,
Был приневолен, чтоб спасти
Свою обруганную жизнь.

Не потерплю, не потерплю,
Чтоб на одной земле со мною
Хоть миг один мог продышать
Создатель моего позора».

II

Так думал он, вступая в глубину
Утесистой, пустынной дебри.
Там на престоле скал мохнатых
Сидел могучий дух. И он увидел,
Что кто-то мрачный, озираясь
По сторонам, ущельем шел;
И понял дух, что путник
Искал свиданья с ним; густою мглой
Была его покрыта голова,
Как шлемом; он дохнул, и мгла
Слетела с головы; и дух
Стал видим, хмурый и туманный;
И он спросил: «К кому пришел ты?»
«К тебе, – ответствовал Рустем. –
Я узнаю тебя; ты все таков же,
Каким давно на этом месте
Со мною встретился впервые;
Не устарел, не поседел; а ты
Меня узнал ли?» Темный дух
Ответствовал: «С трудом; ты стал
И стар и сед. Скажи ж, зачем тебя
Твои хилеющие ноги
В мою пустыню принесли?»
Рустем сказал: «Отдай обратно
Мною мне силу. Я доныне
Доволен был одним се участком;
Теперь она нужна мне вся.
Отдай мне, дух, ее излишек,
Оставленный тебе на сохраненье».
Дух отвечал: «Рустем, навеки
Теряет силу человек,
Когда она его сама с годами
Медлительно, неудержимо
И невозвратно покидает;
Но ты свою мне силу
Во цвете лет по доброй воле
На сбереженье отдал сам –
И мной тебе она сбережена;
В груди гранита моего
Целее, чем в твоей груди,
Неизменная, она
Лежит. Но для чего, Рустем,
На плечи дряхлые свои
Такой великий груз ты хочешь
Так поздно возложить? Остерегись,
Седой боец; ты на себя
Кладешь беду. Твое желанье
Исполнить я не отрекуся,
И если ты решился твердо
Взять от меня залог свой роковой,
Возьми, но знай: возьмешь не на благое,
А на губительное дело.
Еще не поздно; мой совет
Спасителен; прими его, Рустем:
Оставь свою в покое силу;
Ты славных дел немало совершил –
Доволен будь; страшуся я,
Что на себя своим последним делом
Ты бедствие великое накличешь
И сам свою силой
Свою погубишь силу».

III

Тем временем Зораб, с охоты

На место боя возвратясь,
В недоумении стоял и озирался –
Рустема не было. И он не знал,
Дождаться .111 его ил» удалиться.
А с неба день уж начинал
Сходить, и тени становились
Длиннее. Но... Зорабов час ударил:
Зораб остался; он подумал:
«Соперник мой меня
Здесь долго утром ждал –
Я вечером его дожидаться должен.
А вечер вышел не таков,
Каким его нам утро обещало,
И солнце село, в небесах
Зарю кровавую оставляя.
Но где же он?..» И в этот миг
На зареве заката отразился,
Как темный метеор, огромный стан Рустема;
Зораб невольно содрогнулся.
Как будто чародейной силой
Преображенный, чудно
Вл иетающи й, помолодел ый,
Представился очам его Рустем.
Он на него глядел в недоуменье
И, не посмев спросить, где он так долго
Промедлил, шепотом сказал: «Должны ли
Мы продолжать? До наступленья ночи
Успеем ли?..» – «Успеем», – перебил
Вго слова Рустем сурово.
И вышли – яростный отец
На сына с силою двойною
И на отца оторопелый сын
С полуразрушенною силой.
Восходит день, когда нисходит ночь,
Восходит ночь, когда нисходит день, –
Так и теперь настал черед Рустему.
Вечерней мглюю затянувшись,
День удалившийся простер
Полутуманное мерцанье
Над местом бедствия и крови;
Два воинства стояли там
Безмолвными свидетелями боя.
Но как он был? И что свершилось?
Того ничье не зрело око...
Они сошлись – и вмиг всему конец;
Рустем рванул – Зораб упал к его ногам;
Рустем дакнул – и в грудь Зораба
Глубоко врезался кинжал.

IV

Зораб, смертельно пораженный,
Сказал: «О ты, неверный оболъститель!
Такая ль от тебя награда
За то, что был ты мною пощажен?
Ты небылицей о Рустемс,
Ты именем Рустема жизнь мою,
Как вор ночной, украл. Но будь
Ты птицей в воздухе иль рыбою в воде,
Не избежишь, хотя и в гробе
Лежать я буду, мщенья от Рустема,
Когда раздастся всюду слух
(А он раздастся скоро),
Что здесь предательски зарезан
Тобою сын Рустема и Темины».
От этих слов затрепетал
Рустем, как будто вдруг ударом грома
Пронзенный, с головы до ног.
«Что говоришь ты, сын беды? –
Воскликнул он. – Скорее отвечай:

кто твой отец?» – «Я сын Рустема и Темины,
С блеснувшей гордостью на бледном
Лице сказал Зораб. –
Отец мой страж Ирана многославный;
А мать моя краса и слава Семенгама.
И ею был сюда я послан
Отыскивать отца, столь много лет
С ней разлученного. Чтоб мог
Меня Рустем признать за сына,
Я должен был ему повязку, на прощанье
Им данную Теми не, показать;
И чтоб сберечь ее верней,
18 – 3088

Не на руке, а на груди
Всегда носи. Я ту повязку;
Открой мне грудь – увидишь сам». –
Так говорил он; от страданья
Душа рвалась из Рустема.
Дрожа как лист, одежду он раскрыл...
И там (увидел он) сидел,
Как жаба черная на белых розах,
В груди кинжал, до рукояти
В нее вонзенный, как в ножны.
Вот Рустем из раны вынул;
И быстро побежала с жизнью
Струя горячей крови;
И ярким пурпуром ее
Рустемова повязка облилася.
Он побледнел, ее увидя,
И глухо прошептал,
Как будто задушенный:
«Зораб, ты сын мой... я Рустем!»

У
И долго, ужасом окамененный,
Смотрел он мутными глазами
На сына. Вдруг он дико застонал...
Так стонет тигр: в кусты залегши,
Яркий жаждой крови, ждет он,
Чтоб мимо бык из стада пробежал
Вот когтям в добычу.
И вдруг его единственный тигренок,
Им в лого брошенный, шумя
В кустах, бежит: и на него,
Слепой от голода, отец в остервененьи
Вросается, его когтями
На части рвет и вдруг,
Узнавши, кто так жалко
Трепещется под лапами его,
Пускает стон, какого никогда
Не издавал дотоле, стон
Разорванного сердцем тигра, –
Таков был страшный стон Рустема;
Так застонав, со всех он ног,
Как будто вдруг убитый напав,
На сына грянулся. Всю память потеряв,
Впервые сердцем сокрушенный,
Недвижимым, окостенелым
Лежал он мертвецом. Вот холодной
Рукою стиснутый, смертельно бледный,
Смертельно раненный, лежал с ним рядом сы
Еще его лилася кровь,
Еще приподымало грудь ему
Дыхание; он чувствовал, он видел;
Он радовался, умирая,
Что близко был отец,
Его отец, его убийца,
Которого так жадно он желал,
Так силился найти и наконец так страшно

Нашел... И он теперь (как накануне
Ему привиделось во сне)
В его объятиях лежал с любовью детской.

VI

Тем временем, не видя ничего,
В вечернем мраке оба войска
Стояли молча. Вдруг от места боевого
Дошел до них протяжный стон;
И все опять утихло;
И каждый угадал,
Что там беда великая свершилась.
Но долго заглянуть туда
Не смел никто; когда же наконец
Нашлись отважные и подойти
Дерзнули к месту роковому,
Они сперва там встретили коней,
Под деревом стоявших праздно.
Увидя, что престол Рустемов – Гром
Выл пуст, они пришли в великий ужас
И опрометью в стан
Все бросились, крича: «Рустем
Убит! на Громе нет Рустема!»
Тогда нашел на войско трепет;
Как море в бурю, тяжело, глубоко
Оно заволновалось; страшный
Мятеж в нем загремел;
И шумною волною
Оно все хлынуло вперед.
Но прежде чем оно прийти успело к месту,
Достиг туда его далекий шум;
И им Рустем близ сына
От сна смертельного к смертельному страданию
Был пробужден; и тяжело
Он застонал – но тихим словом сын
Бго смирил. Последнее дыханье,
Последний свет души своей он собрал,
И на его бледнеющих устах
Чуть слышную музыкой зазвучала
Прискорбно-сладостная речь;
И тихо речь лилась,
Как теплая, слабеющая кровь,
Все медленней бежавшая из груди.

VII

«Отец, пока еще во мне
Есть жизнь, пока еще оттуда
Никто не подошел – к моим словам
Склони твой слух. О! лучшее из них,
Мое сладчайшее, мной в первый раз
Произносимое на свете слово:
Отец! произношу
В последний жизни час; им горечь смерти
Услаждена; за гордое желанье
По славе подвигов достойным
Рустемовым назваться сыном
И за надежду некогда с ним вместе
Над всею властвовать землею,
Которой сам теперь я стал подвластен,
Недорого я заплатил. О чем же,
Рустем, крушишься? О! не плачь!
Не ты, не ты меня убил;
В утробе матери на то
Я был звездами предназначен;
На то и Синд напрасно ею
Выл послан, чтоб отца мне указать;
На то и ты был должен Синда ночью
Убить, чтоб уж никто не мог
Нас вовремя друг с другом познакомить.
Когда молва о гибели моей

До милой матери достигнет,
Заплачет жалобно о сыне
Вез жалоб на отца она.
Ты ей пошли мои доспехи
И возврати повязку роковую,
Напрасно данную тобою ей,
А ею мне; позволь, чтоб Вару май
Назад отвел мои дружины с миром,
Они сюда пришли за мною
И без меня в сражение не пойдут;
Не мсти Хеджиру за упорство,
С каким он, вопреки
Моим всем просьбам и угрозам,
Тебя назвать отрекся... Ах! о том
Я умолял напрасно и тебя;
Пускай вполне останутся Гудсрсу
Вго все восемьдесят сыновей,
Тогда как твой единственный лежать
Здесь будет мертвый; пусть владеет
Хеджир и Белым Замком;
Пускай и дева красоты,
Представшая очам моим как сон,
Гурдаферид себя отдаст Хеджиру,
Но слово данное исполнит:
Оплакать мой безвременный конец.
Мое же тело повели
Отиесть в Сабул и положить
Туда, где вес положены
Мои прославленные предки;
А здесь пускай раскинут надо мною
Рустемов царственный шатер.
Так навсегда с землею я прощаюсь...
Пришел как молния; ушел как ветер...
А ты, Рустем, в последний раз теперь
На отходящее дитя свое взгляни
И прежде, чем оно утратит силу слышать,
Промолви вслух: Зораб, ты сын Рустема».

VIII

Так, умирая, говорил
Прекрасный юноша. Рустем молчал;
Напрасно силился уста
Он растворить, они загвождены
Железной судорогой были.
И молча он смотрел, как тихо гасла
Вдруг догоревшая лампада.
Так на последнюю струю
Зари вечерней смотрит путник;
Когда ж и след се на небесах
Исчезнет, одинок, в пустыне темноты
Он остается, и ему
Уж никакое на пути
Не руководствует сиянье –
Так для Рустема жизни свет
С душой Зораба гас навеки.
Тем временем и гром и шум
Дружин бегущих приближался;
Рустем в расстройстве скорби
Неистово от сына поднялся
И к войску выступил навстречу,
Окровавленный, весь в пыли,
С могильной бледностью лица,
Обезображенного горем.
Вго никто в Иране столь ужасным
Не видывал... но громозвучным криком
По войску радость пробежала,
Когда пред ним Рустем, живой, явился.
Такой подъемлет крик дружина,
Увидя над собой внезапно

Свою хоругвь, спасенную из рук
Ее схватившего врага:
Она изорвана в лохмотьс,
Но спасена. Так все заликовало
Рустема встретившее войско.
И, став пред ним, растерзанный печалью,
Томимый гордостью, волнуемый стыдом,
Рустем сказал: «Сюда, вожди Ирана,
Сюда, вельможи Кейкавуса!
Смотрите все, какую службу
Рустем Ирану отслужил;
Вот он лежит, вам грозный богатырь;
Моей рукой разрушен страх Ирана.
Я много боев совершил,
Я бился днем, я бился ночью,
Но никогда еще я не принес
Такой, как ныне, жертвы славе:
Смотри, Иран! Рустем своей рукою
Здесь за тебя убил родного сына».
Так говорил Рустем, и голос
Его не трепетал: и были сухи
Его глаза; и был он страшно тих.
Тогда они увидели в крови
Простертого героя молодого;
Еще за час цветущий, как весна,
Прекрасный, как живая роза,
И полный силы, как орел, –
Теперь он перед их очами
Лежал безгласный, недвижимый,
Покрытый бледностию смерти.
Рустем взглянул ему в лицо...
«Еще он жив! – воскликнул он. –
Скорей гонца отправьте к шаху
Молить, чтоб мне прислал немедля
Три капли чудного бальзама,
Все исцеляющего раны,
Который он всегда с собой имеет...
Три капли, чтоб снасти Зораба,
Чтоб милый сын мне жив остался».

IX

На крыльях к шаху прилетел
Гонец и так оказал: «Рустем
Убил Зораба, но Зораб
Рустемов сын; о нем отец
Рыдает горько, и его печалью
Все пораженные рыдают; ими
К тебе я прислан, шах державный,
Молить, чтоб ты благоволил немедля
Три капли дать бальзама,
Который при себе
Всегда имеешь;
Три капли, чтоб спасти Зораба,
Чтоб жив Рустему сын остался».
Но шах отвечивал на это,
Не торопясь: «Благодаренье Богу!
Рустем спасен, а враг лежит убитый;
Ему покойно; я тревожить
Его не стану: всем моим бальзамом
Пожертвовать готов я для Рустема;
Но капли дать не соглашусь для турка.
Ирану и одной уж силы
Рустемовой довольно через меру;
Когда же с ним такой могучий
Соединится сын, их обоих
Не выдержать Ирану.
Но если так Рустем желает,
Чтоб я в беде ему помог,
Пускай свою отложит гордость,

И сам сюда придет,
И просит милости у шаха на коленях».
Гонец, увидя, сколь упорен
Был царь, не стал терять без пользы слов
И поспешил с его ответом
К Рустему. При таком жестоком
Отказе вся пришла в волненье
Душа Рустемова; борьба
Меж скорбью и гордостью в ней
Такая началась, что пар
От головы богатыря поднялся;
Он судорожно трепетал;
Не мог пойти, не мог остаться;
Но наконец перед судьбою
Смирненно голову склонил
И в землю пасть за сына перед шахом
Пошел... но десяти шагов переступить
Он не успел, как уж его
Настигла весть: все кончилось; Зорабу
Теперь ничто не нужно, кроме гроба.
Книга десятая
РУСТЕМ

I
Рустем пришел обратно; той порой
Они уж мертвого покрыли.
Выла кругом тройная ночь:
На небесах, в душе отца
И в скинии пустой,
Где так недавно
Душа Зорабова сияла.
Подняв в молчании покров,
При слабом звезд сиянье
Отец увидел
Умершего лицо:
Оно от темноты,
Как бледный призрак, отделялось
Своею смертной белизной;
И холод ужаса в него проник;
Покров на мертвого опять он наложил
И шепотом, как будто разбудить
Заснувшего остерегаясь,
Сказал: «Я часто смерти
Глядел в глаза, и никогда
Мне не было пред нею страшно,
И никогда она не представлялась
Мне столь прекрасного, как здесь,
На этом образе прекрасном...
Но я теперь дрожу. О горе! горе
Тебе, Рустем! Всею славою своею
Не выкупишь ты этой милой жизни
У смерти, ею завладевшей.
Что подвиги твои теперь?
Все прежние последний опозорил.
О милый сын мой, сын моей души!
Такую ль встречу твой отец
Тебе был должен приготовить!..?
Тебя с младенчества прельщал
Погибельный, неверный призрак;
Рустемовы дела
В твою гремели душу;
Они к отцу тебя стремили;
Твоею гордостью, надеждой,
И радостью, и жизнью было
Упасть на грудь отца... ты на нее упал,
Но об нес расшибся; ты насильно
В мои объятия ворвался –
И был в них задушен.
Тебе я, как врагу, дивился,

Завидовал... слепой безумец!
Обманом я разжалобил твою
Всех итростно-доверч и ву ю ду 11iy,
Чтоб у тебя украсть из рук
Остаток дряхлой жизни,
Мне самому теперь презренной,
И чтоб потом разбойнически младость
Твою убить в союзе с темной силой.
И наконец я за тебя, мой сын,
Пошел на стыд и униженье,
Пошел упасть к ногам надменным шаха,
Но тем от рук железных смерти
Тебя не спас я... О! пусть будет этот стыд
Мпрнтельной уплатою за все,
Что сотворил тебе в обиду
Отец твой... так решили звезды;
Я возмечтал до неба вознестиюя –
И было мне, в урок смиренья, небом
Ниспослано сыноубийство».

II
Так сетовал Рустем во тьме ночной,
И вес вожди и все вельможи,
С ним вместе сетуя, сидели
Кругом его, забывши о вечерней
Трапезе. Их Рустем
Не замечал; он мертвыми очами
На сына мертвого глядел
И, роковую стиснув
В руках повязку, так
Ей говорил: «Ты, золотая,
Холодная, коварная змея!
Ты сокровенностью своею,
Как жалом смерти ядовитым,
И сыну грудь пронзила
И грудь отцу разорвала.
О! если бы для нашего спасенья
Ты вовремя сама разорвалась
И выпала передо мною
Из-под одежды роковой!
Зачем, зачем так осторожно
Тебя таил он на груди?
Зачем и ты сама ему
Так крепко обнимала грудь?
Увы! зачем и я с такою
Неумолимостью отвергнул
Его горячие молитвы?
Зачем я так безжалостно покинул
Мою жену и вести никакой
Ни о себе ей не давал,
Ни от нее иметь не мыслил?
О! для чего она сама
С такой упорностью таила
Рожденье сына от меня?
А ты, мой конь, мой верный Гром!
Ты первая всему причина:
Зачем меня ты спящего оставил,
И в руки туркам отдался,
И тем дорогу указал мне
К погибельному Семен гаму?
Когда б туда я не входил –
Я никому не даровал бы,
Ни у кого б не отнял жизни.
Ах ! конь мой, конь мой, в черный день
Меня понес ты на охоту –
В добычу нам досталася Веда.
Теперь твоя окончилася служба;
Отныне ты меня не понесешь
Ни на веселую охоту полевою,

Ни на кровавую охоту боевую».

III

Так сетовал во тьме ночной Рустем.

Настало утро. Сам тогда

Явился шах. Рустему

Хотел сказать он слово утешенья,

Чтоб свой отказ жестокий оправдать;

Но было холодней мороза

Вго бесчувственное слово.

«Зачем, – он говорил, – ты здесь,

Ирана пехлеван великий,

Лежишь в пыли и сокрушенью

Такому душу предаешь?

Мы никакою нашей силой –

Хотя б могли с подошвы гору сдвинуть

Или шатер небесный повалить

На землю – не воротим

Ни одного ушедшего с земли.

За нашей жизнью – дичью легконогой –

Гоняется охотник смерть;

Проворна жизнь, но смерть проворней;

Она ее догонит наконец:

Последний час всегда врасплох нас ловит.

Я сам издалека дивился

Его великой силе,

Его плечам широким,

Его могучим членам

И исполинской красоте;

И думал я: не уроженец

Турана этот богатырь;

В нем кровь царей. Но мог ли кто из нас

Подумать и во сне,

Чтоб был он сын Рустема,

Судьбой назначенный погибнуть

В Иране от руки отца?

Теперь ему не нужен боле

Мой жизненный бальзам; но дорогими

Я ароматами покрою

Его безжизненное тело;

Великолепным погребеньем

Его почту и в нем тебя, великий

Ирана пехлеван; и будет в Истахаре

Надгробный памятник ему

Из золота и мрамора воздвигнут.

Теперь мне дай лицо его увидеть».

IV

Так говоря, он подошел,

Чтоб мертвому лицу открыть, но тяжелой

Рукой прижал к лицу покров Рустем;

И, головы не подымая, шаху

Сказал он: «Видеть Ксыкавус

Рустемова не будет сына. Удались,

Державный царь; окончен пир, гостям

Здесь места боле нет; а сына сам я

Похороню. Туранскос же войско

Пускай назад пойдет свободно:

Его душа исчезла. Так же

И ты, могучий Ксыкавус,

Не медли здесь; иди в свой Истахар

И расскажи, когда там будешь,

Какую легкую победу

Здесь одержал и как разбито было

Здесь войско целое, когда убил я сына.

Идите все; меня здесь одного

С моим оставьте сокрушеньем».

Он замолчал, и от покрова

Руки не отнял, головы не поднял,

И не взглянул на шаха: на земле

Близ сына он лежал, не отводя
От мертвого очей. Оборотясь
К вельможам и вождям, сказал
Им Ксйкавус: «Бго желанье
Исполнить мы должны; прискорбно видеть,
Как сетует Ирана пехлеван, –
Но мы ему помочь не в силах; он желает
Остаться здесь один; пойдем». И шах
Пошел; и все пошли за ним,
Храня молчание; и в поле
Рустем один остался с мертвым сыном.
И вскоре все пришло в движенье войско;
Шатры попадали, и стан исчез –
Как будто мир какой великий
Разрушился. И вес заколебалось;
Знамена развернулись,
Заржали звучно кони,
Задребезжали трубы,
Тимпаны загремели,
В обратный путь пошли дружины.

V
С земли поднявшись от сына,
Рустем увидел вдалеке
Лишь только пыль, подъемлемую войском
На крас небосклона; поле,
Где был разбит иранский стан,
Уж было пусто, одиноко
Среди его стоял зеленый
Шатер; а в стороне шатры Сабула,
Где полководствовал Зевар.
Рустем, к себе призвавши брата,
Ему сказал: «Теперь всему конец.
Иди, Зевар, и от меня
Турану мир е Ираном объяви.
Хеджиру возврати свободу
И власть ему вручи над Белым Замок,
Примолвив: «От Зораба
В награду за твою правдивость».
Потом ты скажешь Баруману:
«Зораб тебя за добрые советы
И за любовь'к царю Афразиabu
Отсюда с миром отпускает».
И сам его до рубежей Турана
С отборною сабульской дружиной
Потом ты проводи; когда ж проводишь,
В соседний город Се мен гам
Поди и дочери царя
Темине эту золотую
Отдай повязку; но смотри,
Чтоб кровь с нее не стерлась:
То матери единственный остаток
От сына. Также ей отдай
И все Зорабовы доспехи –
Пускай они печаль се насытят;
А ты, увидя, как она
Без утоленья будет плакать,
И рваться в судорожном горе,
И сына тщетно призывать, –
Скажи в отраду ей, каким
Меня ты здесь оставил...
Ты день пробудешь в Семснгаме;
Потом сюда о ней живую весть
Мне принесешь. Иди ж немедля;
Я день н ночь тебя здесь буду ждать.
Когда же возвратишься,
Свое сокровище тебе я вверю,
И ты его в Сабул истан
Отсюда с честью понесешь,

Рустемовым сопутствуемый войском».

VI

Немедленно Зевар пустился в путь.
Тогда сказал оставшимся Рустем:
«Принести сюда зеленый мой шатер!
От места, на котором мною
Был сын убит, я не пойду.
Но он живой хотел, чтобы над ним
Стоял шатер отца – пускай над ним и мертвым
Стоит он». И шатер воздвигся
Над юношей, спокойно погруженным
В неспробудимый смерти сон.
Бго отец на пурпурный ковер,
Меж ароматов благовонных,
Своими положил руками,
Накрыл парчой, потом всего
Цветами свежими осыпал4–
Так, окруженный прелестями жизни,
Он там лежал, объятый хладной смертью.
Потом Рустемом похоронный
Был учрежден обряд:
Соединив перед шатром
Всю рать Сабул истана,
Он повелел, чтоб каждый день она –
И поутру, когда всходило солнце,
И ввечеру, когда садилось солнце, –
Торжественно, в порядке боевом,
Знамена распустив,
При звуке труб, с тимпанным громом,
В сияющих доспехах проходила
Перед шатром; и были гривы
Коней обстрижены; тимпаны
И трубы траурною тканью
Обвиты, луков тетивы
Ослаблены, и копья остриями
Вниз опрокинуты. Рустем
Не ехал впереди; над сыном
Сидел он, скорбию согбенный,
И с мертвым, как с живым,
Беседу безответно вел.
Он утром говорил:
«Зораб, мой сын,
Звучит труба... ты спишь».
Л вечером он говорил:
«Зораб, мой сын,
Уж землю солнце покидает;
И ты покинешь скоро землю».
Так девять суток он провел
Вез сна, без пищи,
Неутешимой преданный печали.

VII

В одни из этих суток – был уж близко
Рассвет зари – как неподвижный
Железный истукан, сидел
Рустем во глубине шатра
Над сыном, сонный и несонный; полы
Шатра широко были
Раздернуты; холодным полусветом
Вдва начавшегося утра
Чуть озаренное пустое небо
Меж ними было видно... вдруг
На этой бледной пустоте
Явился белый образ; от нее
Он отделился и бесшумно,
Как будто веющий, проник
В шатер... то был прекрасный образ девы.
Увидя мертвого, она
У ног его простерлася на землю

И не вставала долго,
И слышалось в молчанье ночи
Вс рыдание, как лепет тихий
Ручья. С земли поднявшись,
Она приблизилась к телу
И, сняв с лица покров,
Смотрела долго
На бледное лицо,
Которым (безответно
На все земное) обладала смерть:
19 - 3088 289

Зажаты были очи, немы
Уста, и холодно, как мрамор,
Чело. Она его в чело, уста и очи
Поцеловала, на голову свежий
Венок из роз и лавров положила,
Потом, лицо опять одев
Покровом, тихо удалилась
И в воздухе ночном,
Как будто с ним слиянная, пропала.
И стало пусто

Опять в шатре, лишь на востоке
Багряней сделалось небо,
И одиноко там горела
Денницы тихая звезда.
Рустем не знал, что виделось ему;
В бессонном забытии сидел он
И думал смутно: это сон.
Когда ж при восхождении солнца
Он снял с умершего покров,
Чтоб утренний привет свой
Ему сказать, – на голове его
Увидел он венок из роз и лавров.
VIII

В десятый день из Семенгама
Зевар с дружиной возвратился.
Вступив в шатер, увидел он,
Что там сидел над мертвым сыном
Рустем, прикинув головою
К его холодному челу, –
И волосы его седые
Лежали в диком беспорядке
На бледных мертвого щеках.
При входе брата приподнял
Он голову. Зевар
На тело молча положил
Окровавленную повязку.
При этом виде содрогнувшись,
Рустем спросил: «Зачем, мой брат Зеі
Принес назад мою повязку?»
Зевар отвечив: «Там никому
Она уж боле не нужна». Поняв
Значенье этих слов, в молчанье
Прижал опять лицо свое Рустем
К челу Зораба. И никто
Не смел его ужасного покоя
Нарушить. На другое утро,
Когда, с зарей поднявшись,
Все войско стало в строй, Рустем,
Всю ночь без сна проведши
Над сыном, так сказал Зевару:
«Зевар, мой брат, теперь шатер зеленый
Над головой моею опрокиньте
И от меня возьмите прочь Зораба;
Но прежде привести сюда
Вго коня». Когда же конь
Был приведен, – как будто от недуга
Шатаясь, сокрушенный, бледный,

Он вышел из шатра...
И он заплакал взрыд,
Когда коня без седока
Перед собой увидел. Полы
Шатра отдернув,
На господина мертвого коню
Он указал. В шатер взглянувши быстро,
Могучий конь оторопел,
Бго поникла голова,
И до земли упала грива.
Обеими руками
Обнявши голову его, Рустем
Бе поцеловал, потом
Коню, сложив с него узду,
Сказал: «Отныне никому
Ты не служи, Зорабов конь;
Ты волен». Понял конь разумный
Бго слова: он жалобно и грозно
Заржал, ужасно прынул
Вбок от шатра, и вихрем побежал,
И скрылся – и его с тех пор
Никто нигде не встретил.
Рустем, оборотясь к брату,
Ему сказал: «Тебе, мой брат Зевар,
И войску моему я сына
Передаю; в Сабул истаи
Несите сына моего;
Там на кладбище царском,
Где я охотно лег бы, если б мог
Тем пробудить его от смерти,
Пусть будет с предками своими
Он в землю положен.
А нашей матери, так часто
Желавшей внуков от Рустема,
Скажи, Зевар, что я прислал ей внука,
Что в красоте души и тела,
В отважности и в силе богатырской
Ему подобного земля
С создання не видала;
Что был бы он во всем по сердцу ей,
Когда б в нем только одного
Порока не было – кинжала,
Ему во грудь вонзенного отцом.
Идите. Я останусь здесь –
Зачем останусь? Что со мною будет?
О том узнать никто не любопытствуй.
Поклон прощальный от меня
Отдайте царству и народу.
Тебе, Зевар, я поручаю
Мое исполнить завещанье; сам же
В Сабул я не пойду: я не могу увидеть
Ни матери, ни сродников, ни ближних; здесь,
В пустыне, самого себя
Хочу размыкать я и змея –
Грызущее мне душу горе –
Убить. То будет мой последний,
Мой самый трудный подвиг: змей
Свирип, он дышит пламенем и ядом.
Идите ж; добрый путь вам, будьте
Все счастливы и не крушитесь,
Что, вслед за мной сюда прпшедши,
Назад пойдете без меня,
Так должно быть. Простите;
Когда же о Рустеме
Там станут говорить и спросят:
Куда пошел Рустем?
Ответствуйте: не знаем».

ИЗ ЧЕРНОВЫХ И НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ТЕКСТОВ

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

(ИЗ «ПОТЕРЯННОГО РАЯ» МИЛЬТОНА)

Грехопадение, плод запрещенный
От древа, коим смерть была на землю
Приведена и с тратою Эдема
Все бедствия людей, доколь великий
Спаситель не пришел отдать их небу.
Воспой, святая муза, ты издр<евлс>
На высотах Синая и Горева
Вдохнувшая все песни пастырю,
Который первым избранникам рая
1° Поведал, как в начале создал небо
И землю Бог. И если холм сионский
Тебе угоден или енолоамский
Пророчеств ключ, приди, прошу,
И оживи мне голос вдохновенья...
Не человеческим полетом я
С высот Аний хочу парить. Но петь
О недоступном знанью человека.
Ты ведаешь все тайны неба, все пути.
То освети, что низко, подними и поддержи..

(ИЗ «БОЖЕСТВЕННОЙ КОМЕДИИ» ДАНТЕ)

Полупути достигнув жизни сей
В лесу густом увидел я себя –
И путь прямой был мною там утерян.
Могу ли... Как мне то сказать словами...
Весь опустел ужасный этот лес,
Густой, непроходимый, дикий,
И мысль о нем рождала страх и трепет.
Как смерть сама ужасен этот лес...
Но чтоб сказать о [вечном] нам спасеньи
Сперва скажу, что видел там еще.
Не знаю, как я в этот лес пришел...
Жестокий сон меня одолевал,
Что я с пути прямого скоро сбился.

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. С. Янушкевич

ПУТЬ ЖУКОВСКОГО К «ЭПИЧЕСКИМ СТИХОТВОРЕНИЯМ»

Раздел «Эпические стихотворения» впервые появился в «Общем оглавлении» последнего прижизненного собрания сочинений В. А. Жуковского (С 5). Датированное 1849 г. (подробнее см.: Матяш. С. 150–151), оно, несмотря на то, что в основу С 5 был положен хронологический принцип расположения материала, зафиксировало особое внимание позднего Жуковского к эпосу, его родовому определению. «Эпические стихотворения», «Драматические стихотворения» и «Лирические стихотворения» – эти три рубрики «Общего оглавления» обозначили особое место эпоса в творчестве поэта. Впервые эпос получил в жанровой системе первого русского романтика права гражданства. И те самые произведения, которые в предшествующих собраниях сочинений рас-творялись в разделе «Смесь», были в конце 1840-х гг. обозначены имен-но как «Эпические стихотворения». В состав этого раздела Жуковский включил девять произведений, созданных в течение 35 лет, что зафиксировано их датировкой (кстати, не всегда совпадающей с реальной или отсутствующей вообще): «Абба-дона» (1814), «Цейкс и Гальциона» (1822), «Разрушение Трои», «Сид» (1832), «Отрывки из Илиады», «Ундина» (1835), «Наль и Дамаанти» (1840), «Рустем и Зораб» (1846), «Одиссея» (1844–1849). Некоторые из них («Аббадона», «Ундина») Жуковский еще раньше предназначал для помещения в раздел «стихотворных повестей», другие, прежде всего гомеровские поэмы, приобрели для него в конце жизни вполне само-стоятельное значение. Очевидно, что находившийся в рукописях поэта законченный текст переложения «Слова о полку Игореве» мог занять свое место среди «Эпических стихотворений» и даже стать своеобразной точкой отсчета. Обращение поэта к «Божественной комедии» Данте, к эпическим поэмам «Потерянный рай» Мильтона и «Конрад Валленрод» Мицкевича, к «Сиду» Гердера, оставшимися в его творческой лаборато-рии, непосредственно связано с поисками эпического стиля и отражает этапы на пути Жуковского к эпосу как особому типу мирозерцания. Исследователи творчества Жуковского единодушны в определе-нии его творческой

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov эволюции: от лирики через баллады и лиро-эпос к эпосу. Поэтическое наследие первого русского романтика, содержащее многочисленные переводы образцов мирового эпоса (от Гомера до Мицкевича), обработку фольклорных сказаний, подтверждает это мнение.

Проблема содержания и форм национального эпоса волновала Жуковского еще в период его творческого становления. В атмосфере дружеского литературного общества, с его требованием «сочинений в важнейших родах» и национального их содержания, Жуковский создает повесть «Вадим Новгородский», восходящую не только к оссианической традиции, но и к поэтике русской эпической поэмы. В перечне задуманных переводов и переложений, относящемся к 1804 г., Жуковский прежде всего выделяет образцы эпической поэзии, включая сюда отрывки из «Мессиады» Клопштока и «Потерянного рая» Мильтона, «Освобожденного Иерусалима» Тассо, из Гомера, Вергилия, Лукана, Овидия (Резанов. Вып. 2. С. 252).

В архиве поэта сохранился обширный и лишь недавно опубликованный «Конспект по истории литературы и критики», относящийся к 1805–1810 гг. Центральное место в нем занимает раздел «Эпическая поэзия», где дается обзор важнейших трудов, посвященных теории эпической поэмы, в том числе «Опыта об эпической поэме» Вольтера, «фрагмента об эпической поэме» Антуана Тома, глав об эпической поэзии из «Лицея» Лагарпа, сочинений Баттё и Блера. Изучая их оценки образцов эпоса от гомеровских поэм до «Генриады» Вольтера, Жуковский рассматривает такие существенные эстетические категории, как «герой», «чуждое», «действие», «сюжет» и др. Молодой поэт через систему многочисленных «замечаний во время чтения» высказывает свое отношение к важнейшим положениям классицистической теории эпопеи.

Прежде всего, он последовательно ратует за поэтическую свободу в следовании тем или иным правилам эпопеи. Полемизируя с одним из наиболее ортодоксальных теоретиков классицизма Шарлем Баттё, он заявляет: «Быть так строгим не значит ли поработать гений и принуждать поэтов с подобострастием невольника идти по той дороге, которая начертана им предшественниками их? Нет! Пускай всякой избирает свою особенную дорогу! Не будем обременять его целями!» (Эстетика и критика. С. 86). И далее, подчеркивая, что цель поэзии «трогать, восхищать, очаровывать душу», автор «Конспекта» говорит о том, что истинный гений не подчиняется правилам теоретиков, не считается с их законами. Мотив своей, особенной дороги в искусстве неразрывно связан с отношением Жуковского к теории эпической поэзии. В центре его размышлений – принципы изображения героя в эпопее. Решительно отделяя эпическую поэму от «истории в стихах» и «философического трактата», Жуковский подчеркивает необходимость выражать и доказывать моральную истину в ней поэтически (это слово он везде выделяет в тексте курсивом). Видя цель эпической поэзии в том, что она расширяет наши понятия о «совершенстве человека», он уделяет особое внимание психологической сложности героя. Характерно, что на протяжении всего «Конспекта» эпическая поэма рассматривается Жуковским в соотношении с трагедией. «Трагедия и эпическая поэма суть театр страстей» (Эстетика и критика. С. 68–69) – так он определяет их общность. Возражая против злоупотребления аллегорическими фигурами, наделенными абстрактными «совершенствами», Жуковский заявляет: «Простота нравов не только не унижает героя, но еще возвышает. Ахилл, сам приготавливающий свой обед, лучше Ахилла, окруженного служителями и невольниками» (Там же. С. 50). Доказывая необходимость видеть в герое эпической поэмы прежде всего человека со всеми его страстями и слабостями, Жуковский, так же как и в программных стихотворениях этого периода «Герой» и «Человек» (показательно соотношение их заглавий) и в переводах флориановских переделок «Дон Кишота» и «Вильгельма Телля», подвергает сомнению теорию героического в эпосе. Герой, по Жуковскому, обыкновенный человек, в борении страстей открывающий высоту своих моральных устремлений. Чужак Дон Кихот в этом смысле оказывается героичнее многих исторических деятелей.

Обращаясь к эстетике чудесного в эпопее, Жуковский выдвигает два положения: 1) «поэт должен избегать излишества, не терять из виду людей, которые должны быть главными его лицами...» (Там же. С. 69); 2) «чудесное не может помрачить натурального» (Там же. С. 87). Одним словом, чудесное для Жуковского как равноправное состояние бытия, как часть человеческой жизни естественно соотносится с другими чувствами, обретает психологическую плотность. Так, в одном из примечаний к «Конспекту» Жуковский упрекает Хераскова, автора «Россиады», за то, что чудесное у него «нелепость», так как носит «внешний характер» и не связано с содержанием поэмы и характерами героев (Там же. С. 69).

Таким образом, в эпоху споров о судьбе русской эпопеи, в период появления многочисленных героид Жуковский вырабатывает собственную теорию эпической поэмы, дополняя ее планами описательной поэмы «Весна», оссианической поэмы «Родрик и Изора», исторической поэмы «Владимир», набросками идиллий (см.:

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukovskiy. Рязань. Вып. 2. С. 498–503; материалы 4-го тома наст. изд.). Идет лабораторный процесс освоения эпического. Готовясь к созданию поэмы «Владимир», которую Жуковский определяет то как историческую поэму, то как «рыцарскую повесть», то как «romantisches Heldengedicht», он предполагает осмыслить образцы мировой эпической поэзии. Поэмы Гомера и Вергилия, Ариосто и Тассо, Мильтона, Клопштока и Данте, «Песнь о Нибелунгах» и «Слово о полку Игореве» проходят через его творческое сознание.

Следующий этап творческого развития Жуковского связан с освоением жанра баллады и опытами создания «русской баллады». Размышления о теории эпоса и выявление эпического содержания баллады идут параллельно и неразрывны в творческом сознании поэта. Эстетика «театра страстей», обыкновенного и героического, психологической фантастики вели к поиску обстоятельств, способствующих раскрытию страсти, психологии в действии. В примечаниях к «Конспекту» Жуковский замечал: «... для полного изображения страсти в эпической поэме нужно придумать способнейшие для того обстоятельства, ибо одни только обстоятельства развивают или приводят в действие страсти и служат, так сказать, их основанием» (Эстетика и критика. С. 92). В балладах Жуковский и создавал те экстремальные обстоятельства, где обнажились страсти, где в драматических ситуациях проявлялись характеры. Жуковский нашел свою форму воплощения эпического в поэзии. Баллады 1808–1814 гг. как поэтическая система по праву могут быть названы романтическим эпосом Жуковского.

Как еще пронизательно заметил Гоголь, в Жуковском со временем «стал замечаться перелом поэтического направленья» (Гоголь. Т. 8. С. 378), от баллад он прямо шел к эпосу. В атмосфере полемики вокруг баллад Жуковского, обвинений в надуманности и отсутствии природы в них он создал цикл идиллий (переложений из Гебеля), где, по его собственным словам, выражалась «поэзия во всем совершенстве простоты и непорочности» (ПЖТ. С. 164). В письме к А. И. Тургеневу от 21 октября 1816 г. он писал об этих своих опытах: «Совершенно новый и нам еще неизвестный род» (Там же). В многочисленных предисловиях-примечаниях к ним поэт подчеркивает простоту изображения и почти символическую обобщенность мысли: «... тленная былинка неприметно становится эмблемою человеческой жизни» (Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. Ч. 10. М., 1818. С. 63 второй пагинации).

Детальные эпические описания, использование гекзаметра расширяли возможности повествования, что не могло не отразиться на дальнейшей судьбе лиро-эпических жанров. Две баллады, составляющие «Двенадцать спящих дев», превращаются в «старинную повесть в двух балладах». Одновременно в течение 1817–1823 гг. Жуковский создает переложение «Слова о полку Игореве», романсов о Сиде Гердера, переводит «Шильонского узника» Байрона, «Замок Смальгольм» из В. Скотта, «Пери и ангел»

Т. Мура, отрывки из «Энеиды» Вергилия, «Метаморфоз» Овидия. Наконец в 1828 г. возникает оригинальное переложение «Отрывков из Илиады» Гомера, так называемая «малая Илиада», во многом построенная на законам балладного творчества. Отбор наиболее драматических эпизодов, их внутренняя авторская связь и в то же время цельность каждой части позволяют говорить об особом пути развития лиро-эпоса Жуковского в эпоху формирования русской романтической поэмы.

1831 год – особый период в творческом развитии Жуковского, да и русской литературы вообще. Одновременное появление «Повестей Белкина» Пушкина, «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Гоголя, «Баллад и повестей» Жуковского – факт столь хорошо известный, столь и недостаточный осмысленный историками литературы. А между тем соотношение этих трех книг, трех поэтических миров имеет принципиальное значение для понимания путей развития русского эпоса, национального его содержания и форм его выражения. Через циклизацию малых форм и жанров, своеобразно выраженную у каждого художника, шло становление новых прозаических и поэтических систем. Повествовательное начало в поэзии Жуковского как следствие общих процессов прозаизации русской литературы привело к разнообразию жанровых возможностей поэтического эпоса.

1830-е гг. стали переломным моментом в творческом сознании Жуковского. Наверное, как и для всей русской культуры, Рубиконом для него стала трагическая гибель Пушкина. Летописец последних дней его жизни, очевидец предсмертных его часов и даже минут, участник разбора и описания его рукописей, а затем и издатель его посмертных сочинений, Жуковский воочию ощутил масштаб поисков своего друга и ученика, почувствовал направление его поэтической эволюции. Путь Пушкина к прозе, к новым формам лирики, к новой поэтической онтологии и антропологии, к новым повествовательным стратегиям – все это не могло не вызвать размышлений Жуковского о перспективах собственного художественного развития.

След пушкинских «Египетских ночей» можно обнаружить в «Камознсе». А. И. Тургенев получает «Ундию» с автографом Жуковского: «Другу Тургеневу от

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukovskogo (1799–1837)» (Гинзбург М. Редкий экземпляр «Ундины» // Книжные новости. 1936. № 19. С. 24), где даты не только напоминовение о жизни и смерти Пушкина, но и воспоминание о генетической связи «старинной повести» с пушкинскими поисками.

Эстетика «повествовательной поэзии», белого стиха и сказового гекзаметра, путь к эпосу становятся сознательной и целенаправленной установкой первого русского романтика. Наверное, как и Пушкин, Жуковский мог бы сказать: «Лета к презренной прозе клонят...», если бы до конца жизни он не оставался верен поэзии. Но зато, как и Пушкин, он почувствовал общие тенденции литературного процесса по сближению поэзии и прозы. Его эксперименты по переложению прозаических повестей Ф. Ламотт-фуке, П. Мериме, Л. Тика и других европейских романтиков на язык поэзии (любопытно свидетельство П. А. Плетнева о том, что Жуковский «хочет из "Ивангое" сделать поэму в стихах» – Переписка. Т. 1. С. 129) – тому подтверждение. Но он, продолжая и развивая идеи Пушкина, мучительно ищет национальные формы эпоса. Характерно, что последние месяцы жизни Пушкина проходят под знаком серьезных раздумий о «Божественной комедии» Данте, «Потерянном рае» Мильтона, «Слове о полку Игореве». Неопубликованный перевод Жуковского «Слова...», первоначально при публикации в 1882 г. даже приписанный Пушкину, оказывается в его руках и становится объектом рефлексии и полемики. Жуковский, посвященный в эти критико-творческие штудии поэта, не мог пройти мимо пушкинских размышлений. Ему оказывается созвучно пушкинское обозначение прижизненных сборников – просто «Стихотворения», как выражение универсального масштаба поэтического творчества вообще. Эту творческую универсалию он уточняет через родовые определения: «лирические», «драматические», «эпические». Проблема эпических форм в поэзии оказывается в центре его экспериментов и замыслов конца 1830-х – 1840-х гг. К этому времени уже был накоплен материал как эстетической рефлексии об эпосе, так и практических опытов по его переложению. «Слово о полку Игореве» (1817), лабораторный текст «Сиды» Гердера (1820) и опубликованные «Романсы о Сиде» (1831), переведенные, прочитанные на заседаниях Российской академии наук и напечатанные отрывки из «Метаморфоз» Овидия (1819) и «Энеиды» Вергилия (1822), «Отрывки из Илиады» Гомера (1828) последовательно на протяжении десяти лет формировали и в творческом сознании Жуковского, и в русском литературном процессе мировоззренческие и повествовательные принципы эпоса как формы времени и мировидения. Отбор материала, его проблематика: мотивы героики, самопожертвования и великой любви, эксперименты в области стиха и «повествовательной поэзии» – расширяли представление о типологии эпоса, его национальном своеобразии.

В 1840-е гг., живя постоянно в Германии, Жуковский не просто физически ощущал связь с родиной, но и будучи в своих творческих поисках гражданином мира, переводя поэзию всех народов, он думал о формировании идеологии национального эпоса, пытался внедрить в русское культурное сознание ее нравственный смысл. Идея духовного рыцарства, воспринятая еще в юности через философию позднего московско-

33

го масонства, прежде всего И. В. Лопухина, реализованная в переводе флориановой переделки «Дон Кихота» и в собственной поэзии, не покидала «Колумба русского романтизма» и в последние годы его жизни. В списке сюжетов для грандиозной книги «Повестей для юношества» (подробнее см.: Янушкевич. С. 272–273) он стремится к их персонализации. Все эпические сюжеты воспринимаются и воссоздаются как история героической личности, не столько как эпическая картина мира, сколько как эпос личной судьбы.

В этом списке, относящемся к середине 1840-х гг., кроме написанных стихотворных повестей и сказок («Капитан Бопп», «Маттео Фальконе», «Неожиданное свидание», «Кот в сапогах», «Царь Берендей», «Спящая царевна», «О Иване царевиче» и др.), встречаются и нереализованные замыслы, в том числе «Повесть о Зигфриде Змееборце», «О Иове», «Альфы», «Экберт», «Михаил Тверской», «Рейнские сказания», продолжение «Войны мышей и лягушек» (РНБ. Оп. 1. № 53, обложка. л. 1–2).

Материалы личной библиотеки поэта проясняют характер поисков Жуковского-эпика. Его прежде всего интересует «поэзия народная». В этом смысле закономерным было его обращение в начале 1840-х гг. к одному из значительнейших памятников немецкой эпической поэзии – «Песни о Нибелунгах». В библиотеке Жуковского сохранилось четыре различных издания этого произведения с многочисленными маргиналиями владельца (подробнее см.: БЖ. Ч. 2. С. 493–519). Первоначальный интерес к этому произведению относится еще к периоду работы над исторической поэмой «Владимир». Пометы в изданиях А. Цойне («Das Nibelungenlied. Ins Neudeutsche übertragen von A. Zeune. Berlin, 1814») и И. Бюшинга («Das Lied der Nibelungen. Metrisch übersetzt von J. G. Busching. Altenburg u. Leipzig, 1815»)

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukovский свидетельствуют об этом. Новое обращение к «Песни о Нибелунгах» зафиксировано в «Дневни-ках» запись от 21 мая (4 июня) 1840 г.: «Чтение Нибелунгов» (ПССИП. Т. 14. С. 209). В статье «Иосиф Радовиц», появившейся почти через 10 лет после этой дневниковой записи, Жуковский возвращается к раз-мышлениям о «Нибелунгах». Рассказывая биографию своего немецко-го друга, он вспоминает, как Радовиц объяснял «народную немецкую Илиаду, песни Нибелунгов», и далее говорит об «изъяснении безымен-ного Гомера Германии» (ПСС. Т. 11. С. 62). В этом воспоминании инте-ресен краткий, но емкий эстетический комментарий поэта к «Песни о Нибелунгах», ее сравнение с «Илиадой», образцом эпической поэзии. В многочисленных списках, задуманных для переложения про-изведений 1840-х гг., все чаще появляется «Nibelungen» (см.: РНБ. Оп. 1. № 40. л. 1; № 37, верхняя обложка). Читая «Нибелунгов» в начале 1840-х гг. в переводе Генриха Беты и с предисловием фон дер

Хагена (*Das Nibelungenlied als Volksbuch. In neuer Verdeutschung von H. Beta. Mit einem Vorwort von F. H. von der Hagen. Hefte 1-2. Berlin, 1840-1841*)), Жуковский тщательно изучает первые четыре авентю-ры. Пометы в них охватывают более половины текста (из 281 строфы отмечено 150). Поэт отчеркивает целые страницы, отдельные фраг-менты. Возникает своеобразный цитатный конспект всей этой части. Жуковский подробно фиксирует всё, что связано с героическими де-лами и поступками Зигфрида. Так, на с. И, отчеркнув отрывок, по-вестующий о решении Зигфрида идти к бургундам и его бескомпро-миссности, он записывает: «Я правилу и почести следую. Подвиги». Эта запись становится тем магнитом, к которому притягивается весь отчеркнутый и подчеркнутый материал. Воссоздается портрет эпиче-ского героя «народной книги», реестр его деяний. Продолжением этой работы по воссозданию героического пор-трета Зигфрида являются многочисленные пометы в «Чудеснейшей истории о роговом Зигфриде», входящей в цикл «Рейнских сказаний» (*«Rheinlands Sagen, Geschichten und Legenden. Herausgegeben von Alfred Reumont. Köln u. Aachen, 1837»*). Жуковский уделяет этой предыстории главного героя «Песни о Нибелунгах» пристальное внимание, рассма-тривая ее как часть его героической жизни. На страницах книги Жу-ковский даже пробует делать ее стихотворное переложение. Первое же предложение: «Auf der Berg zu Xanten am Rhein herrschte Siegmund, ein König im Niederlande...», получает следующее оформление:

На Рейне (город) (древний) (горный) (Богатый) Старинным град стоит; Столица Нидерландов Земли он...

На этом переложение обрывается, но и черновая работа, и стрем-ление найти стихотворный размер позволяют говорить о попытке соз-дать свою версию этого сказания. Характерно, что на верхней обложке этот замысел конкретизируется. Жуковский составляет достаточно под-робный план всего сказания, акцентируя каждым его пунктом этапы деяний эпического героя. Возникает своеобразный реестр подвигов Зигфрида (у Жуковского написание имени вариативно: то Зигфрид, то Сигфрид). Вот как это выглядит:

Знгслннда. В лесу. (Нрзб.) Успехи мужа н занятия Сигфрида. Воспитание Сигфрида. Он идет отыскивать меч. Ми мер. Меч (нрзб.)

20 - 3088

3°5

Сражение с змеем.

(Нрзб.)

Суд Божий.

Возвращение в Ксантен. Снгфрнд идет отыскивать невесту. Карлик Альберих.

Сражение с Альбсрнхом. Дракон и клад Нибелунгов. Зигфрид угождает Гюнтеру. Игры.

Сватовство. Путешествие к Нибелунгам. Бру и тильда.

Свадьба и возвращение. Ссора.

Этот план динамичен по своей сути, так как он вмещает в себя путь эпического героя от ухода из дома до последнего часа. Заключительный раздел плана «Ссора» подготавливает трагический финал. Момент дви-жения подчеркивается двукратным повторением глагола «идет» и отгла-гольными существительными: «возвращение», «путешествие», еще «воз-вращение». Вместе с тем динамика плана проявляется и в расчленении этого пути на этапы-поступки. Момент действия оказывается внутренне связанным с моментом движения. Два сражения, игры, ссора – всё это позволяет раскрыть героическую природу эпического характера. Два пункта плана: «Сражение с змеем» и «Суд Божий» – отсылают к одно-именным повестям Жуковского, переведенным из Шиллера, этот под-текст подчеркивает важность «поведенческого текста» героя. Архивные материалы позволяют говорить о серьезности намерений Жуковского в отношении повести о юности Зигфрида. В списках начала 1845 г. постоянно рядом с заглавиями уже осуществленных повестей и сказок стоит «Повесть о Зигфриде Змееборце». Поэт вначале даже вписал ее в число уже осуществленных произведений («Капитан Бопп», «Маттео Фальконе» и др.), но затем вычеркнул и назначил

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukovskiy
исполнение замысла на июнь 1845 г. (РНБ. Оп. 1. № 53, верхняя обложка). Показательно, что эта повесть должна была входить в состав «Повестей для юношества». Во всех тщательно разрабатываемых проектах данного предприятия повесть фигурирует неизменно то под названием «Повесть о Зигфриде Змееборце», то «Повесть о Зигфриде и Нибелунгах». По всей вероятности, поэт так и не осуществил этот замысел, но сам факт внимания к истории героя «Песни о Нибелунгах» свидетельствует о том, что настоящий эпический сюжет имел для него воспитательный смысл.

Соотношение записей в «Рейнских сказаниях» с пометами в «Песни о Нибелунгах» дает возможность расширить наше представление об эпи-

— А. С. Янушкевич —

ческих замыслах поэта 1840-х гг. Сам процесс осмысления немецкого героического эпоса важен для понимания эстетики эпической поэмы у Жуковского. Включая наблюдения над «Нибелунгами» в творческий процесс, Жуковский обогащал свою поэтическую палитру.

Показательно в этом отношении новое обращение Жуковского к сюжету «Войны мышей и лягушек». Если в 1831 г. Жуковский использовал мотивы и образы немецкой народной книги «Фрошмейзелер» в целях литературной борьбы (об этом подробнее см. комментарий в 4-м томе наст. изд.), то в начале 1840-х гг. чтение и осмысление этого произведения имели другой характер. В библиотеке поэта сохранился следующий вариант переработки древнегерманского животного эпоса: «Der Froschmauser. Komisch-didactisches Gedicht von Georg Rollenhagen. Neu herausgegeben von Roderich Benedix. West u. Leipzig, 1841».

Издатель целого ряда книг немецких народных сказаний, популярный комедиограф Юлий Родерих Бенедикс (1811–1873) подошел к народной книге Ролленгагена с большой осторожностью. Не случайно в оглавлении он указывает, что это всего лишь новое издание «комическо-дидактического стихотворения Георга Ролленгагена», а в объемном предисловии на десяти страницах обосновывает принципы своего отношения к тексту «народной книги», определяя главным своим девизом слова: «so wenig möglich zu ändern» («как можно меньше изменять»).

Оставив без внимания первую книгу переложения Бенедикса, Жуковский сосредоточил весь свой интерес на второй книге. Содержание этой части «Фрошмейзелера» связано непосредственно с проблемами государственной власти. Достаточно посмотреть на оглавление: Глава I. О перемене правления у лягушек; глава II. Совет Кривотолка о выборе короля; глава III. О том, что и благочестивые монархи могут быть совращены; глава IV. О том, что для королей является большей опасностью, и т. д. Несомненно, что чтение и многочисленные пометы в этой части произведения имели уже непосредственную связь с общественной позицией поэта. Его раздумья об образе правления, получившие свое отражение в статьях 1840-х гг., накладывались на впечатления от чтения сатирического эпоса Ролленгагена. Сохранившийся в архиве поэта план второй части в этом отношении достаточно красноречив:

«Рассказ Квакуна. Народное правление. Аристократия. Монархия» (РНБ. Оп. 1. № 34. л. 1).

Пометы в тексте переложения Бенедикса (подробнее см.: БЖ. ч. 2. с. 528–531) со всей определенностью свидетельствуют о том, что в 1840-е гг. Жуковский интересуется уже не столько шутивно-комическая, сколько сатирическая сторона эпоса Ролленгагена. Так же как в 1820-е гг. при чтении «Приключений Телемака» Фенелона (см.: БЖ.

ГО*

ч. 1. с. 495–504), «Фрошмейзелер» он рассматривает как «учебник по-литической педагогики». В период размышлений о книге «Повестей для юношества» (в списках произведений, которые должны быть включены сюда, «Фрошмейзелер» находится рядом с «Орлеанской девой» Шиллера и переводами из Фенелона и Тома) и осмысления образцов «воспитательного эпоса» новое обращение к этому произведению представляется закономерным. За аллегорической формой немецкого комического эпоса поэт сумел разглядеть то, что было близко его собственным раздумьям. Отмечая в книге Бенедикса истории, связанные с проблемами правления, законности, налогов, он возвращался к тому, что волновало его и при чтении произведений общественной мысли. Поэтика эпоса обогащалась новым мирозерцанием.

Итак, в начале 1840-х гг. Жуковский весь во власти замыслов в области эпической поэзии. Он ищет в произведениях мирового эпоса материал для своей гуманистической и воспитательной проповеди, пытается глубже проникнуть в поэтику народных сказаний и в тайны воссоздания эпического события и героического характера. Жуковский – читатель образцов мировой эпической поэзии и Жуковский – экспериментатор в области эпической формы, переводчик неразделимы. В чтении, замыслах конца 1830-х – начала 1840-х гг. оформлялась сама идея эпоса как мировоззренческой концепции. В поисках истоков человечности, общественной утопии, «широкого обобщающего взгляда на мир и человеческую судьбу» (Ц. Вольпе)

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Жуковский обратился к изучению образцов мирового эпоса. В этом смысле его читательские студии и лабораторные опыты – органичное звено в творческом процессе 1840-х гг.

Важнейшим этапом на пути реализации эпоса, ее поэтического воплощения стали переложения образцов восточного эпоса. «Наль и Дамаянты» (1837–1841) – отрывок из древнеиндийского эпоса «Махабхарата», «Рустем и Зораб» (1846–1847) – эпизод из эпической поэмы персидского поэта Фирдоуси «Шахнаме» в переложениях немецкого поэта Фридриха Рюккерта (1788–1866) волновали его воображение. Сам факт посредничества немецкого поэта свидетельствует о том, что для Жуковского восточный эпос не был самоцелью. Он обратил свой взор на те его эпизоды, которые отвечали его представлениям об эпосе и его жизненным воззрениям. В этом отношении он следовал русской и западноевропейской традиции использования филоориентализма для гуманистической проповеди.

Выбрав наиболее драматические эпизоды восточного эпоса, Жуковский пытается с максимальной полнотой выявить их этический пафос. Мотив пути, странствия приобретает в повествовании особый смысл. Полет коней, «без крыльев крылатых» – поэтическое выражение это-

го мотива. Но не менее значима в переложении Жуковского «дорога печали» («Наль и Дамаянты»; гл. X, песнь 1). Путь к себе оказывается дольше и труднее, чем сказочный полет богатырских коней. И Наль, и Дамаянты, и Рустем, и Зораб преодолевают этот путь «мучительно долго», чтобы «долгим страданьем свой выплатить долг». Само слово «странствие», столь частое в лексиконе переложений Жуковского, обретает поистине мировоззренческое значение. «Наша жизнь есть странствие по свету» – так в «Двух повестях» поэт определяет смысл человеческого существования, подчеркивая, что вопросы «куда, зачем и кто по ней идти велит» составляют основу жизненной позиции эпического героя.

Странствия героев «индейской» и «персидской» повестей Жуковского наполнены чудесными превращениями, роковыми неувязками, огромными потерями. Эти двигатели сюжета используются Жуковским не только как средства драматизации, но и как прием раскрытия в эпохе «внутреннего человека», выявления природы человека. Герои восточных переложений все «царского сана», но для русского поэта главное передать их человеческое содержание, открыть их человеческие муки. Страдания героев, те драматические ситуации, в которые они поставлены, – важнейшее средство выявления их человечности. Тема возрождения, очищения, воскресения через страдание как содержательная основа эпоса впервые убедительно заявлена именно в этих переложениях. Возрождение героя у Жуковского связано с его приобщением к подлинным человеческим ценностям. Рустем-воин, чуждый живым человеческим чувствам, мечтающий только о славе, на всем протяжении поэмы показан в сфере военной жизни. Охота, ссоры и примирения с Кейкавусом, пиры, походы, бои, убийства – вот перечень его деяний. Предчувствия беды не могут нарушить этот заведенный порядок, и только сыноубийство способно перевернуть душу героя. Последняя глава, подчеркнуто названная «Рустем», оставляет героя наедине с самим собой. «Скорбию согбенный», «неутешимой преданный печали», с «загвожденными железной судорогой устами», он «первые сердцем сокрушенный». «Нравственный эгоизм» – так во время чтения «Рустема и Зораба» в рюккертовском переложении Жуковский определил поведение героя. В конце гл. 116, комментируя эпизод передачи Рустемом повязки Зораба его матери, он записывает: «moralischer Egoismus». Только великими страданиями герой искупает свою вину. Его последний, самый трудный подвиг не воинский, а человеческий: «... в пустыне, самого себя // Хочу размыкать я и змея – Грызущее мне душу горе – Убить...». В одиночестве всмотреться в себя, открыть свою душу – вот к чему стремится герой Жуковского. Уход богатыря в неиз-

3°9

вестном направлении, разочарование в прожитой жизни – путь к себе, к обретению подлинных человеческих ценностей.

В переложениях восточного эпоса Жуковский сумел экзотику и безыскусственность древней поэзии насытить нравственным содержанием, тем самым приблизив их к мировосприятию современного читателя. Настойчивое выделение этического содержания вело к определенному разрушению самой природы героического эпоса. Идеализированные образы царя Наля и богатыря Рустема, заявленные в начале повествования, претерпевают в ходе его значительные изменения. Воинские подвиги и богатырская сила не заслоняют этического содержания по-ступков эпических героев. По справедливому замечанию С. А. Матяш, «герои Фирдоуси и Рюккерта масштабны, они – герои, боги (...), у Жуковского они люди, наделенные сомнениями, предчувствиями, большими и маленькими страстями» (Вопросы истории, языка и литературы. Караганда, 1976. Вып. 3. С. 39).

Тема сыноубийства, трагического неувязания отца и сына у Жуковского проецируется на современность. Черты эпохи разрушения человеческих связей,

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukovskiy
раздробления чувств, меркантилизма осознаются как знамение времени. Лесть и подкуп, тирания и бессердечие сильных мира сего, эгоизм в переложении Жуковского воплощены в живых характерах иранского хана Кейкавуса, туранского царя Афразиба, его верховного вождя Барумана, Хеджира. Общая атмосфера расчета, безнравственности способствует трагическому развитию событий. Процесс очеловечивания героического эпоса – главное направление поисков русского поэта. Воссоздавая эпизоды из восточного эпоса, Жуковский стремится к передаче события. Событийный поток, воссозданный во всей длительности своего протекания, – основа поэтики переложений. Он – своеобразный аналог «дороги жизни». В нанизывании вопросов, определений приоткрывается драматизм действия. Многочисленные заклинания Дамаянты, близкие к поэтике фольклорного плача, не разрушая движения события, придают ему особую интонацию: «... где мой возлюбленный? где мой желанный? // Где мой прекрасный, мой более жизни мне милый спутник? // Где мой царь, мой владыка, мой вождь, мой ангел-хранитель?» Эти прорывы живого человеческого голоса естественны в переложениях восточного эпоса. Проблему «внутреннего человека» Жуковский активно вводит в эпическое действие. Психологическое обнажение страстей, драматизм социальных и этических отношений преобразуют сам рисунок эпического повествования. Особенно отчетливо это проявляется в «Рустеме и Зорабе». Здесь исторические события, столь важные в системе «царственной книги» Фирдоуси, уходят на задний план, открывая драматические сцены поединка отца и сына. Индивид со своей волей и устремлениями выходит на первый план действия. Личностное начало, «сшибка» характеров и страстей торжествуют в этом романтическом варианте героического эпоса. Все события подчинены выявлению пружин поведения, описанию состояния двух героев. Жуковский не стремится к модернизации событий, к сюжетному заострению, о чем сожалел, например, Вячеславский. «Жаль, – писал он Жуковскому, – что в продолжении рассказа читатель предварительно извещен, что должен погибнуть Зораб. Можно было сохранить эту тайну до конца. Она была бы разительнее» (Гил-лельсон. С. 57). Жуковский не случайно уже в самом начале говорит о гибели Зораба. В этом – пронзительное ожидание чуда. И вместе с тем утверждение приоритета психологического анализа страстей над сюжетным развитием. Своеобразная интенсификация событий, выражающаяся в напряженном выявлении природы человека и свойственная «эпосу нового времени» – роману, определяет природу эпического действия в переложении Жуковского.

Характерным свойством эпического действия в «Рустеме и Зорабе» становится драматизм. Общая композиция переложения обнажает диалогизацию повествования. Жуковский это подчеркивает заглавиями книг, отсутствующими у Рюккерта: «Хеджир и Гурдаферид», «Рустем и Кейкавус», «Зораб и Хеджир», «Рустем и Зораб. Первый бой», «Рустем и Зораб. Второй бой», «Рустем и Зораб. Третий бой». Эти заглавия – материализация общей идеи непримиримых столкновений, непонимания между людьми. Ссоры, безответные чувства, ложные амбиции, вражда лежат в основе этих диалогов. Жуковский делает их внутренне напряженными за счет виртуозного использования вольных, большей частью коротких ямбов без рифм, что подчеркивает прозаическую, разговорную интонацию. Живой поток импульсивной речи, резкие переходы от одного ритма к другому способствуют драматизации действия. Драматизация эпических событий вела к заострению нравственной основы сюжета, его приближению к современному состоянию мира, когда, по словам Жуковского, «нет ничего поэтического», а «поэты затащили ее [поэзию] в грязь партий, в болото безверия и в лужу безнравственной чувственности» (С 7. Т. 6. С. 373). В мире восточных сказаний Жуковский пытался акцентировать прежде всего моменты нравственного выбора, гуманистической проповеди, очеловечить героиню и приблизить экзотику к переживаниям современного человека.

Работа над переводом гомеровской «Одиссеи» стала закономерным итогом этих исканий и творческих экспериментов.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТАМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

В состав данного тома включены так называемые «эпические стихотворения», которые сам Жуковский выделял в «Общем оглавлении» своего последнего прижизненного собрания сочинений (С 5), но в силу избранного хронологического принципа так и не собрал их вместе. В посмертных собраниях сочинений эти тексты также не обрели свою целостность и оказались в разных томах, соседствуя то с лирическими, то с драматическими его произведениями.

Между тем в творческом наследии поэта «эпические стихотворения» – особый и самостоятельный раздел его сочинений. Обращаясь к эпосу народов мира: а это и наследие античной культуры (Вергилий, Овидий, Гомер), и памятник Древней Руси («Слово о полку Игореве»), и испанские романсы о Сиде, и восточный (индийский и персидский) эпос, и «Божественная комедия» Данте, и «Потерянный рай» Мильтона, и «Конрад Валленрод» Мицкевича, Жуковский решал не только просветительскую

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukovskiy задача, знакомя русского читателя с образцами мировой литературы. Он осваивал различные модели эпической поэзии, экспериментировал в области формы (фрагмент, отрывок, цикл романсов, поэма, сюжетная книга и т. д.) и стиха (гекзаметр, белый пятистопный ямб, прозиметрические структуры). Наконец, он, пытаясь уже в конце жизни соединить многие из этих текстов в единую «Книгу повестей для юношества», по всей вероятности, привлекая к этой работе Гоголя (см. его замысел «Учебной книги словесности для юношества»), актуализирует проблему воспитательного, дидактического начала в искусстве, видя именно в эпосе народов мира материал для гуманистической проповеди. Собранные в единый том и расположенные в хронологическом порядке, эти произведения позволяют наглядно увидеть направление поисков Жуковского на протяжении 30 лет – от «Слова о полку Игореве» (1817) до «Рустема и Зораба» (1846–1847 гг.).

Среди произведений, представленных в данном томе, есть тексты как опубликованные (и неоднократно) при жизни Жуковского или же посмертно («Слово о полку Игореве»), так и оставшиеся в его творческой лаборатории (например, перевод гердеровского «Сида», наброски переводов из Данте и Мильтона). Фрагмент перевода из «Конрада Валленрода» Мицкевича до недавнего времени не был атрибутирован. В основной корпус нами были включены тексты законченные, в том числе и неопубликованные при жизни поэта; в раздел «Из черновых и неопубликованных текстов» – наброски переводов, не получившие завершения и не перебеленные.

При комментировании произведений особое внимание было уделено материалам личной библиотеки поэта, так как все «эпические стихотворения» являются переложениями и имеют печатный источник, текст-оригинал. Пометы, а нередко маргиналии в этих книгах, иногда приобретающие характер автографа, – как в случае с гердеровским «Садом», «Божественной комедией» и «Потерянным раем» – дают интересный материал для творческой истории произведения.

Слово о полку Игореве

(«Не прилично ли будет нам, братья...») (С. 9)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 27. Л. 2–14) – черновой, с многочисленными поправками в несколько слов. Параллельно приводится древнерусский текст, разделенный Жуковским на стихи.

Копии:

1) ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 1093 – авторизованная, на белой бумаге верже, с водяным знаком АО 1817 и АО 1818. Основной текст написан рукою неустановленного лица. Этой же рукою проставлены (но не везде) номера стихов. Жуковский заполняет оставленные пропуски, исправляет описки и ошибки, дает новые варианты. Кроме того, имеются замечания А. С. Пушкина (подробнее см.: Рукою Пушкина. М.; Л., 1935. С. 127–149).

2) ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 93 – писарская (текст списан дважды). При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1882. кн. 2. Апрель–июнь. С. 1–16 второй пагинации – с заглавием: «Слово о полку Игореве, в переводе Александра Сергеевича Пушкина. С предисловием Е. В. Барсова». Отд. оттиск (М., 1883).

Впервые (с обоснованием авторства В. А. Жуковского): Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1884 год. СПб., 1887. Приложение. С. 182–199 – с заглавием: «Переложение "Слова о полку Игореве"». Публикация И. А. Бычкова. Печатается по тексту авторизованной копии.

Датируется: январь–сентябрь 1817 г.

История работы Жуковского над переложением «Слова о полку Игореве» полна загадок. Прежде всего, удивляет отсутствие каких-либо прямых упоминаний об этом в письмах и дневниковых записях поэта. Даже в переписке с Александром Ивановичем Тургеневым, с которым он делится всеми своими замыслами, «Слово...» не упомянуто ни разу. Эти обстоятельства творческой истории произведения не позволяли точно датировать работу над ним. Традиционно начиная с И. А. Бычкова, датировавшего перевод лишь на основании сорта бумаги чернового автографа (Бумаги Жуковского. С. 80), исследователи и комментаторы называют 1817–1819 гг. Но, как справедливо замечала Р. В. Иезуитова, «датировка эта предположительная, а главное – слишком широкая, явно не достаточно документированная» (Иезуитова. С. 127–128). На основании изучения рукописных материалов дневникового и творческого характера исследователь предлагает свою датировку – январь 1817 г. Как известно, первое свидетельство знакомства Жуковского с текстом «Слова...» – экземпляр его первого издания, сделанного гр. А. И. Мусиным-Пушкиным («Ироическая песнь о походе на Половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным Русским языком в исходе XII столетия, с переложения на употребляемое наречие. М., 1800»), со следующей дарственной

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov надписью: «Песнь древнего барда новому трубадуру дарит Андрей Тургенев в знак дружбы на память любви. 1800, 24 ноября». Пометы, в том числе записи в этой книге, находящейся в библиотеке поэта, позволяют говорить, что и позднее, вероятно, во время работы над переложением, он обращался к ней (подробнее см.: Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве»: Материалы и исследования. М.; Л., 1960. С. 25–27; Иезуитова. С. 130).

Работа над исторической поэмой «Владимир» (1810–1815 гг.) активизировала интерес Жуковского к «Слову...». В письме к Александру Тургеневу от 12 сентября 1810 г. в связи с чтением «Нестора» Шлецера он защищает «Слово...» от сомнений в его подлинности: «... особенно странно то, что он [Шлёцер] сомневается в существовании песни Игоревым воинам, тогда как она давно напечатана и имеет, кажется мне, наружность неотрицаемой истины (autenticite)», и, приводя список летописей и исторических книг, имеющих у него, замечает: «есть у меня (...) и песнь Игорю» (ПЖТ. С. 59–60).

Среди рукописных «Материалов для Владимира» Жуковский трижды упоминает этот памятник русской словесной культуры в характерных формулировках: «Чтение песни Игоря», «Перевод Игоря», «Приготовление к Игорю» (РНБ. Оп. 1. № 77. л. 24). Контекст записей, как убедительно показала Р. В. Иезуитова, позволяет приурочить их к январю 1817 г. (Иезуитова. С. 127–128).

Но, думается, само переложение вряд ли было сделано сразу же. Скорее всего, это лишь указание на начало работы, «приготовление» к ней. Обстоятельства жизни Жуковского в Дерпте, где он находился в январе–апреле 1817 г. в связи со свадьбой Маши Протасовой и И. Ф. Мойера, не благоприятствовали творчеству. «Поэзия молчит. Для нее еще нет у меня души. Превняя вся истрепалась, а новой я еще не нашёл...»; «Если я во все время нашей разлуки не написал ничего, то не изъясняй этого прежним, — с этим прежним я сладил. Мое теперешнее положение есть усталость человека, который долго боролся с сильным противником, но, борювшись, имел некоторую деятельность; борьба кончилась, но вместе с нею и деятельность» (ПЖТ. С. 176–177. Курсив Жуковского) — эти фрагменты из писем к А. И. Тургеневу от марта–апреля 1817 г. вряд ли свидетельствуют об окончании перевода «Слова...».

Отсутствие документальных источников (писем, дневниковых записей) за май–сентябрь 1817 г., до отъезда в Москву в начале октября, позволяет предположить, что именно в это время, несколько успокоившись, в атмосфере арзамасских заседаний, Жуковский завершил свою работу над переложением «Слова...». Во-первых, этому способствовал замысел арзамасского журнала. Начиная с первой половины октября 1817 г. в его программе появляется запись: «Светлана» — Игоревая песнь» (Бумаги Жуковского. С. 159–160). Во-вторых, перевод Жуковского оказывается в это время в руках Н. М. Карамзина, который использует его в своем прозаическом переложении содержания «Слова...» для «Истории государства Российского» (т. 3, гл. VII). Многочисленные курсивы в этом тексте — прямые отсылки к переводу Жуковского, хотя в примечаниях это специально не оговорено. Таким образом, работу Жуковского по переложению «Слова...» можно предположительно датировать январем–сентябрем 1817 г. — от дерптских «приготовлений» до планов арзамасского журнала и знакомства с уже готовым текстом Н. М. Карамзина. Выход в свет первых девяти томов «Истории государства Российского» в начале 1818 г. (как явствует из письма Жуковского от середины февраля 1818 г., он уже получил «последние тома Истории нашего Ливия» // ПЖТ. С. 188) дает косвенное свидетельство о знакомстве Карамзина с этим произведением Жуковского.

Процесс создания переложения и принципы работы Жуковского над текстом «Слова...» достаточно подробно изложены Р. В. Иезуитовой. «Проблема романтического историзма» — точное определение пафоса этого труда Жуковского, предположенное исследователем. Если бы перевод был опубликован сразу же после его окончания и стал известен современникам, то он, безусловно, стал бы событием русской словесной культуры и во многом компенсировал неудачу с исторической поэмой «Владимир». Показательно, что Карамзин, обратившись в своей «Истории...» к тексту Жуковского, особенно опирается на «силу выражения» и «красоты языка» этого «произведения древности». «Соловей старого времени», «вещие персты», «живые струны», «рокотали славу», «гилемом испить Дону», «вступив в златое стремя», «клект», «кровавого вина не достало», «Волгу раскропить веслами», «шестикрыльцы», «Осмомысл», «подпираешь горы», «железными полками», «выронил жемчужную душу свою из мощного тела чрез златое ожерелье», «пригвоздить старого Владимира к горам Киевским», «лелеять корабли на зыбях его», «на берегах серебряных», «одеваешь меня теплыми мглами», «охраняешь гоголями па воде, чайками на струях, черпетками на ветрах» — все эти выделенные курсивом реминисценции из переложения Жуковского отражали как особое внимание переводчика «Слова...» к пониманию его особенного метафорического строя» (Иезуитова. С. 130), так и

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

высокую оценку этого произведения Жуковского Н. М. Карамзиным. Любопытно, что в одном из проектов арзамасского журнала (от середины декабря 1817 – начала января 1818 г.) «Песнь Игоря (Светлана)» включена в раздел не «стихов», а «прозы» (РНБ. Оп. 1. № 80. Л. 1). Если учитывать то обстоятельство, что несколько строк в «Отрывках, найденных в Арзамасе» (название рукописи) писано рукой Жуковского, то можно предположить в этом указании его авторскую волю. Отнесение «Слова...» к «прозе» актуализирует проблему ритмико-интонационного строя переложения Жуковского, стремившегося в черновом автографе к разделению текста оригинала на периоды и строки и поиску русского (стихотворного) эквивалента. Проблема соотношения стихов и прозы, эстетика «повествовательной поэзии», столь важная для Жуковского в 1830-е гг. и определившая его путь к эпосу, возникла, по всей вероятности, уже при переложении «Слова...».

Вопрос о причинах непубликации этого текста при жизни Жуковского остается открытым. Вряд ли, учитывая отношение к переводу Карамзина и включение его в проспекты арзамасского журнала, есть основания говорить об его эстетической неполноценности или критике со стороны друзей. Можно согласиться с мнением о том, что «Жуковский во многом опережает свое время и, видимо, именно поэтому не решается "выдать на публику" одно из самых заветных своих творений – древнюю поэму с непривычным и необычным для его современников звучанием поэтического слова» (Иезуитова. С. 132), но и публикуемые в это время баллады и идиллии он воспринимал как «новый род поэзии», а его гекзаметрические эксперименты тоже были необычны для современников.

Оценивая в своем «Обзоре русской литературы за 1823 год» «Песнь о полку Игоревом», «новый перевод в прозе и стихах г. Грамматина», Жуковский одобряет его исторические и филологические примечания, но замечает: «... в переводе стихотворном он часто удаляется от оригинала и тем самым его портит. В переводах такого рода нужно одно: буквальная верность, ибо мы хотим только понимать с точностью оригинал; все, что его изменяет, не может иметь никакой для нас цены именно потому, что оно уже новое» (Эстетика и критика. С. 316). Может быть, этим критериям, сформулированным через шесть лет, не отвечал и собственный перевод «Слова...»? Но ответить на этот вопрос положительно не представляется воз-

можным, так как та тщательность, с которой Жуковский работал над языком своего переложения, огромная подготовительная работа по изучению летописных и исторических источников свидетельствовали о стремлении к предельной точности в воссоздании оригинала.

Дальнейшая судьба перевода Жуковского поистине детективна. Его копия оказалась в бумагах А. С. Пушкина, который хотел сделать «критическое издание сей песни, в роде Шлецерова Нестора» (из письма А. И. Тургенева Н. И. Тургеневу от 13 декабря 1836 г. // Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. М., 1928. С. 278), а во время разбора бумаг поэта после его смерти была вшита в составленную жандармами тетрадь с другими бумагами Пушкина, связанными с примечаниями к «Слову...» (подробнее см.: Рукою Пушкина. М.; Л., 1935. С. 148–149; Цявловский М. А. Пушкин и «Слово о полку Игореве»//Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 207–239).

При разборе бумаг Пушкина Жуковский не только оставил среди них свой перевод с его заметками, не сделав никакой пометы о своем авторстве, но, готовя посмертное издание собрания сочинений Пушкина и заказывая писарю копии различных ненапечатанных его произведений, дал списать и эту сложную в текстологическом отношении рукопись.

В 1882 г. эту копию со своим предисловием опубликовал Е. В. Барсов под заглавием: «Слово о полку Игореве, в переводе Александра Сергеевича Пушкина». Этот перевод дважды попал в собрания сочинений Пушкина (суворинское изд. 1887 г., т. 1).

Только в 1884 г. И. А. Бычков, разбирая бумаги Жуковского, обнаружил черновой автограф перевода и опубликовал его в приложении к «Отчету Имп. Публичной библиотеки за 1884 год» (СПб., 1887), тем самым сняв вопрос об авторстве Пушкина.

Начиная с С 9 (СПб., 1894. Т. 4. Приложение. С. 461–478) перевод Жуковского вошел в корпус его произведений и занял свое место во всех последующих собраниях сочинений поэта. В С 9 издатель П. А. Ефремов приводит текст «Слова...» по автографу, т. е. по публикации И. А. Быčkova, с постижными примечаниями внизу страницы, где указаны разночтения с авторизованной копией («список Пушкина»).

Позднее дефинитивным текстом была признана именно эта копия, которая и легла в основу публикаций текста «Слова...» в собраниях сочинений Жуковского.

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov История рецепции переложения Жуковского связана прежде всего с именами Карамзина и Пушкина. Если автор «Истории государства Российского» включил в свой текст прозаического переложения-экстракта «Слова...» реминисценции из перелога Жуковского, то Пушкин текст Жуковского «внимательно прочитал до конца и все свои возражения отметил подчеркиваниями, значками "NB", а часто и более ясной критикой» (Рукою Пушкина. С. 149; см. также: Цявловский М. А. Указ. соч. С. 225–229).

Текст «Слова...» Жуковского постоянно входит во все антологии поэтических переложений этого литературного памятника Древней Руси и является объектом исследовательской рефлексии.

По мнению авторитетных ученых, «Перевод "Слова о полку Игореве" Жуков-ского до сих пор заслуженно считается одним из лучших по точности и художе-ственности» (Дмитриевл. А., Виноградова В. Л. «Слово о полку Игореве» – величай-ший памятник мировой культуры // Слово о полку Игореве. (Библиотека поэта. Большая серия). Л., 1952. С. 38).

А. Янушкевич

В постижных примечаниях правка Жуковского в авторизованной копии специально не оговаривается (просто: «исправлено», «было»). Ссылки на автограф везде указаны. Заглавие. (...) полку... – Это слово в древнерусском языке имело несколько зна-чений. Здесь оно употребляется как «поход», в дальнейшем тексте появляется его другое значение: «войско».

Ст. 1. Не прилично ли будет нам, братия... – Исправлено Жуковским из «братие». Древнерусское «нелепо» обычно переводится как риторический вопрос: «не следует ли?» Впрочем, еще А. С. Пушкин предложил другое прочтение, утверди-тельное – «неприлично было бы...» (подробнее см.: Цявловский. С. 225–229). Такое толкование в наши дни поддержано Н. А. Мещерским и А. А. Бурыкиным (Мещерский Н. А., Бурыкии А. А. Комментарии к тексту «Слова о полку Игореве» // Там же. С. 441).

Ст. 3. Печальную повесть о битвах Игоря... – Против этого стиха в автографе име-ется помета: «Спр. у Кар.» (т. е., вероятно, спросить или справиться у Карамзина).

Ст. 4. Игоря Святославича! – Игорь Святославич (1151–1202), князь новгород-северский, позднее черниговский, принадлежал к роду Ольговичей, потомков Оле-га Святославича Черниговского.

Ст. 6. По былинам... – Т. е. по действительным событиям.

Ст. 8. Вещий Боян... – Княжеско-дружинный поэт, живший в конце XI – нача-ле XII в. Вероятно, был родовым певцом князей Ольговичей. Приводимые в тексте фрагменты его творений позволяют предположить, что он писал в манере, близкой к поэзии скандинавских скальдов. Свои песенные импровизации он сопровождал игрой на гуслих.

Ст. 10. Растекался мыслит по древу... – Эта ставшая знаменитой метафора поэти-ческого вдохновения содержит, видимо, намек на образ Мирового древа, нередкий в поэзии скальдов. В вершине этого древа обитает орел, у подножия – волк, а в роли «связного» между «верхним» и «нижним» мирами выступает белка. Интересно, что независимо от этого наблюдения, некоторые комментаторы древнерусского текста предлагали слово «мыслию» заменить на «мысию» или «мышию», что в гово-рах означает белку или других древесных грызунов, например, сонь.

Ст. 15. ...того и песнь прежде пелась... – Исправлено Жуковским из «то». В авто-графе: «...тот первую песнь пел...».

Ст. 16. Старому ли Ярославу... – Ярослав Владимирович Мудрый (978–1054), великий князь киевский, убежденный противник княжеских междоусобиц.

Ст. 16–17. ...храброму ли Мстиславу, // Сразившему (...) полками касожскими... – Мстислав Владимирович, князь тмутороканекпй, в 1022 г. победил в поединке Ре-дедю, вождя касогов (одно из северокавказских племен, предки современных чер-кесов).

Ст. 18. Красному ли Роману Святославичу. – Роман Святославич, внук Ярослава Мудрого, князь тмутараканский, был убит половцами в 1079 г. «Красный» в древ-нерусском языке значило «красивый».

Ст. 21. Я сами они славу князьям рокотали. – В черновом тексте автографа вместо «рокотали» – «звучали». Кроме того, к этому стиху было сделано следующее приме-чание, позднее зачеркнутое карандашом: «Сие место изображает великое дарование Боя-па, о коем мы не имеем никакого понятия: он был богат вымыслами; не следовал одним про-стым былям, по украшал их воображением. Он показывает любовь наших предков к песням и дает думать, что мы имели своих бардов, прославл.(явших) героев, и что сии песни, петье перед войсками или в собраниях, пелись по жеребью, и здесь означается, в чем состояло это жеребье. Боян же не входил в жеребий: струны его сами знали и пели. Какая похвала!»

Ст. 22. Начнем ж:е, братия, повесть сию... – В копии слово «братия» исправлено

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukovskiy из «братие». Далее это исправление последовательно выдерживается.

Ст. 23. От старого Владимира... – Большинство исследователей полагают, что речь идет о Владимире I, крестившем Русь.

Ст. 28. На землю Половецкую за землю Русскую... – Вместо «за землю» первоначально в копии было «на землю». Также вычеркнута запятая перед этим словом.

Ст. 29–42. Тогда Игорь (...) выпить шелоном из Дона... – Современные исследователи считают, что в рукописи «Слова» здесь были перепутаны страницы. Указанный фрагмент логически должен следовать за ст. 74.

Ст. 30. Увидел он воинов своих, тьмой от пего прикрытых... – Вместо «прикрытых» было «покрытых». Речь идет о солнечном затмении, которое произошло 1 мая 1185 г.

Ст. 37. Л знаменье заступило ему желание... – В автографе: «А знамение закрыло от него ему желание...»

Безрассудная смелость Игоря тем более поразительна, что в этом случае он не просто пренебрегает грозным для средневекового человека знаменем, но как бы отрекается и от судьбы рода: летописцы XII в. отмечали, что смерть князей из рода Ольговичей обычно сопровождалась солнечными затмениями (Робинсон А. Н. Солнечная символика в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Памятники литературы и искусства XI–XVII веков. М., 1978. С. 7–58).

Ст. 39–40. ...преломить копьё // На конце поля половецкого... – Старинная воинская метафора, означавшая «вступить в битву».

Ст. 42. Или выпить шелоном из Дона... – В автографе: «Или испить шелоном Дона...»

Другая метафора, нередкая для воинских повес той Древней Руси, которая означала «завоевать местность, где протекает названная река».

Ст. 47. Свивая все славы сего времени... – В древнерусском тексте – «свивая славы оба полы сего времени», что, вероятно, представляет собой метафорическое обозначение поэтической манеры автора «Слова», соединяющего собственный стиль со стилем поэзии Бояна (в основной текст вкрапляются цитаты из его произведений или стилизации в его духе).

Ст. 48. Рыца тропю Трояповой... – Троян, по наиболее вероятному предположению, славянское языческое божество. Д. С. Лихачев толкует это выражение как метафору, означающую, что Боян «носится мыслями по божественным путям» (Лихачев. С. 29).

Ст. 49. ...Игорю, онога Олега внуку... – Исправлено из «того Олега...»

Этот стих – следствие неправильного понимания древнерусского текста «Слова» его первыми издателями, внесшими в эту фразу произвольные дополнения. Под «внуком» в данном случае, видимо, подразумевается Боян. См. ст. 52.

Ст. 52. Тебе бгль петь, вещей Боян, внук Велесов! – В черновом автографе этот стих поставлен выше двух предыдущих.

Велес – славянский языческий бог, покровитель скотоводства, а также бог богатырства. О том, что Велес был, вероятно, и покровителем поэзии, известно лишь из «Слова».

Ст. 53–56. Ржут кони (...) в Путивле... – фрагмент в манере Бояна, описывающий начало похода Игоря.

Ст. 53. Ржут кони за Сулюю... – Подразумеваются половецкие кони, так как Сула была пограничной рекой, отделяющей русские владения от Половецкой степи.

Ст. 55. ...в Новеграде... – Имеется в виду Новгород-Северский, столица Северского княжества.

Ст. 56. ...в Путивле... – Город к югу от Новгорода-Северского, в котором княжил сын Игоря Владимир.

Ст. 57. ...брата Всеволода. – Всеволод Святославич, князь трубчевский и курский (1155–1196), родной брат Игоря, выделялся среди Ольговичей отвагой и воинской доблестью.

Ст. 58. ...буй-тур всеволод... – Туры, дикие быки, вымершие в XVII веке, в литературе Древней Руси служили символом отваги и силы. «Буй-тур» – «распирепевший бык», ср. также «ярый тур». Многократное повторение этого эпитета рядом с именем Всеволода, возможно, указывает на прижизненное прозвище этого могучего и смелого в бою князя.

Ст. 61. Седлай же, брат, борзых коней своих... – В автографе вместо «седлай же» было «седлай».

Ст. 64. Метки в стрельбе мои куряне... – В автографе было: «А куряне мои бодрые кмети...»

Вслед за первыми издателями «Слова» В. А. Жуковский неверно переводит древнерусскую фразу «А мои ти куряни сведоми кмети», где «кметь» означает «воин». Ошибка была впервые исправлена Н. М. Карамзиным во втором издании «Истории государства Российского» (1818). См.: Дмитриев А. А. Н. М. Карамзин и «Слово о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 47–48. В черновом автографе В. А. Жуковского слово «кмети» оставлено без перевода.

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Ст. 65–74. Под трубами повиты ~ а князю славы». – Эти строки содержат раз-вернутую метафору, характеризующую курян как опытных и всегда готовых к бою воинов. Курские земли непосредственно граничили с Половецкой степью, поэтому их жители были привычны к столкновениям с кочевниками.

Ст. 66. Под шеломами взлелеяны... – Вместо «шеломами» в автографе было «под шлемами».

Ст. 71. Тулы отворены... – Тулы – колчаны.

Ст. 72. Сабли отпущены... – Неточный перевод; в древнерусском тексте и первом издании «изострены».

Ст. 73. Сами скачут, как серые волки в поле... – Вариант: «как серые волки в лесе...».

Ст. 75. Тогда вступил князь Игорь в золотое стремя... – Еще одна воинская мета-фора, означающая начало похода.

Ст. 77. Солнце дорогу ему тьмою заступило... – Вместо «заступило» были варианты: «закрыло» и «сокрыло».

Ст. 78. Ночь, грозою шума на него, птиц пробудила... – Исправлено «шум» на «шу-мя». В автографе отсутствовало «на него».

Ст. 79. Рев в стадах звериных... – Следствие принятого в первом издании «Слова» неверного прочтения и истолкования древнерусской фразы «свисть зверин вьста» (поднял свист зверей). Имеются в виду свист потревоженных сусликов и сурков.

Ст. 80. Див кличет па верху древа... – Ив автографе, и в копии после «див» было «филин», заключенное в скобки А. С. Пушкиным (Рукою Пушкина. С. 130). Этот загадочно-зловещий персонаж не получил пока общепринятого объяснения. Одни исследователи видят в нем языческое божество (славянское или поло-вецкое), другие – дозорного половецкого воина, третьи – птицу (например, фили-на, как первые издатели «Слова»).

Ст. 81–84. Велит прислушать земле незнаемой ~ истукан тмутараканский! – Перечисляются все земли, заселенные половцами и другими кочевниками. Под «тмутараканским болваном» древнерусского текста большинство исследователей понимают языческую статую, сохранившуюся со времен античности, или половец-кую «каменную бабу» в Тмутаракани или ее окрестностях. Тмутаракань – город на Таманском полуострове, в X–XI вв. принадлежал русским князьям. Позднее из-за набегов половцев Тмутараканское княжество утратило связь с Русью и перешло к Византийской империи.

Ст. 85. ...неготовыми дорогами... – Нападение войска Игоря застало половцев врасплох, они не успели, как обычно в таких случаях, проторить пути для своих обозов.

Ст. 86. ...распущенны лебеди. – Буквальное воспроизведение древнерусского слова, ныне принятое истолкование – «вспугнутые» или «преследуемые лебеди». Лебедь был тотемной птицей половцев (их самоназвание «кумане» и значило «ле-бединый народ», «потомки лебеда»).

Ст. 91. ...червленые щиты... – Щиты русских воинов в XII в. были овальной или миндалевидной формы и окрашены розово-красной краской – черленью.

Ст. 92–93. О Русская земля! уж ты за горами //далеко! – Первые издатели «Сло-ва» восприняли древнерусское выражение «за шеломянем» как имя собственное, название пограничного села. На деле же нередкое в рукописях слово «шеломя» означает «холм, возвышенность».

Ст. 95. Свет-заря запала... – Буквальное воспроизведение древнерусской фра-зы, которую Д. С. Лихачев переводит как «заря свет уронила» (свет зари погас). (Лихачев. С. 30).

Ст. 98. Галичий говор затих. – В скобках: «убыл».

Ошибка В. А. Жуковского: древнерусское «убудися» означает «пробудился».

Ст. 99. ...щитами перегородили... – Вместо «прегородили» в автографе было «огородили», а в копии первоначально: «городили». Жуковский вписывает при-ставку.

Ст. 103. ...и паволоки, и драгие оксамиты... – Драгоценные шелковые и бархати-, стые с тисненным узором ткани.

Ст. 104. Ортмами, елапчицами... – Виды верхней одежды вроде плащей или покрывал. Жуковским в копии вписано вслед за этим: «и кожухами».

Ст. 104...разнымиузорочьями половецкими... –Драгоценными узорчатыми тка-нями.

Ст. 106–107. Л стяг червлень ~ с древком серебряным... – Перечисляются за-хваченные как трофеи боевые знаки противника.

Ст. 109. ...Олегово храброе гнездо... – Все князья, принимавшие участие в походе Игоря, принадлежали к роду Ольговичей.

Ст. 114–115. Гзак ~ кончак... – половецкие ханы.

Ст. 118. ...четыре солнца... – Подразумеваются четыре участвовавшие в походе Игоря русских князья: кроме него самого и его брата Всеволода, их племянник рыльский князь Святослав Олегович, а также сын Игоря Владимир.

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Ст. 125. На реке на Капле... – До сих пор не установлено, о какой реке идет речь, хотя существует много гипотез. Весьма возможно, что это поэтично-метафорическое название, означающее реку горя и плача («каятн» по-древнерусски значило «жа-леть, оплакивать»).

Ст. 127. И ветры, Стрибоговы внуки... – Стрибог – славянское языческое божество, судя по «Слову», бог ветров.

Ст. 130–133. Земля гремит ~ стягхгглаголют! – Содрогание земли от стука копыт, помутившиеся реки, поднятая пыль и трепетанье флагов указывают на приближение половецкой конницы.

Ст. 132. Прахи... – В данном случае: пыль.

Ст. 134. Половцы идут от Дона, и от моря, и от всех сторон. – В автографе: «Половцы идут от моря и от Дона и от всех сторон».

Ст. 135. Русские полки отступили. – В этом случае В. А. Жуковский следует за первыми издателями «Слова», которые неверно разбили фрагмент на фразы и с ошибкой прочли слово «оступиша». Современное прочтение фразы: «Половцы идут от Дона, и от моря, и со всех сторон русские полки обступили».

Ст. 137. Л храбрые русские... – В автографе вместо «русские» было «русячи».

Ст. 141. ...мечом харалужным... – Это слово известно только в данном древне-русском тексте (так называемый гапак). Его предположительное значение: «сделанный из стали особой выделки, булатный». Вероятно, слово тюркского происхождения.

Ст. 144. ...шлемы аварские... – Авары – северокавказская народность, известная в летописях под именем «обры». Северокавказские народности нередко выступали союзниками половцев.

Ст. 149. О свычае и обычае милой супруги своей Глебовны красия. – В черновом варианте было: «О красной Глебовне, милым своим желанием, свычае и обычае». Ср. в переводе 1800 г.: «все милые прихоти, обычаи и приветливость прекрасной своей супруги Глебовны». Сохранив вышедшее уже из употребления слово «свычаи» (т. е. привычки), Жуковский позднее, уже в 1830-е гг., «произведет от него неожиданный неологизм – свычка», характеризуя отношения со своим учеником – великим князем Александром Николаевичем» (Иезуитова. С. 131).

...Глебовны... – женщины из княжеских родов в Древней Руси обычно назывались по имени отца. Ср. далее: Ярославна.

Ст. 150–153. Были веки Трояиовы ~ Олега Святославича. – «Веки Трояновы», по толкованию Д. С. Лихачева, обозначение времен язычества (Лихачев. С. 32). Фраза содержит противопоставление трех периодов истории Русского государства: языческой древности, времени сильной централизованной Руси, олицетворением которой является Ярослав Мудрый, и наконец, времени княжеских междоусобиц.

Ст. 152. Были битвы Олега... – Вместо «битвы» и в автографе, и в копии было первоначально «походы».

Ст. 153. Олега Святославича. – Олег Святославич – черниговский князь (ум. 1115), родоначальник «Олегова храброго гнезда», активный участник и нередко зачинщик княжеских междоусобиц, о чем говорится в следующих строках.

Ст. 158. А кизязь Владимир всякое утро уши затыкал в Чернигове. – Эта фраза во-все не свидетельствует о малодушии черниговского князя, под которым подразумевается Владимир Всеволодович Мономах, противник княжеских раздоров. Речь идет, вероятно, о каких-то фортификационных приготовлениях к возможному нападению. «Уши» в этом случае означают отверстия или запоры крепостных стен.

Ст. 159. Бориса же Вячеславича слава па суд привела... – Речь идет об одном из эпизодов княжеских междоусобиц войн – битве на Нежатиной Ниве (1078), закончившейся поражением войска Олега Святославича. В числе погибших был и один из его сторонников князь Борис Вячеславич. «Суд» в данном случае подразумевает Божий Суд, поскольку в средневековье победа или поражение в битве считались знаком того, на чьей стороне Бог.

Ст. 160. И па конскую зеленую попону... – В древнерусском тексте «паполома», то есть «погребальное покрывало» (образное обозначение травы, на которой лежал убитый князь).

Ст. 162. С той же Каялы... – Свидетельство в пользу гипотезы о метафорическом значении названия «Каяла». См. прим. к ст. 125.

Ст. 162. ...Святополк после сечи взял отца своего... – Еще одной жертвой княжеской междоусобицы на Нежатиной Ниве был неназванный в тексте отец Святополка киевский князь Изяслав Ярославич.

Ст. 163. Между угорскою конницею... – В древнерусском тексте «между угорскими иноходцами». Угорские (то есть венгерские) иноходцы (лошади, бегущие особым плавным аллюром) нередко применялись для перевозки раненых или убитых; но-силки, укрепленные между двумя такими лошадьми, меньше раскачивались.

Ст. 164. ...Олеге Гориславиче... – Это прозвище, данное автором «Слова» Олегу Черниговскому, помимо иронии и осуждения его гибельных для Русской земли

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukovskiy
действий, содержит и некоторый оттенок сочувствия к беспокойному, но
неудачливому князю.

Ст. 164. ...вырастало междоусобием... – В автографе: «вырастало междоусобие...»

Ст. 165. ...жизнь Дажьбожих внуков... – Дажьбог – славянский языческий бог солнца. Принято считать, что «Дажьбожими внуками» автор «Слова» называет русский народ.

Ст. 168. Но часто граяли враны... – В автографе: «Но часто враны кричали...»

Ст. 171. Хотим полететь па добычу. – В автографе: «Хотим лететь на обед...» В копии исправлено «хотим» из «тещяся».

Ст. 172. То было в тех сечах, в тех битвах... – В автографе и первоначально в копии: «То было в тех ратях и тех походах...»

Ст. 188–189. Игорь полки заворачивает: // Жаль ему милого брата. Всеволода. – Один из эпизодов битвы с половцами, когда Игорь тщетно пытался остановить бегство союзников-ковуев, а на обратном пути был захвачен в плен, видя при этом, как бьется в неравной схватке его брат (так этот эпизод рассказан в летописи).

Ст. 194. Тут разлучилися братья па бреге быстрой Каялы... – Взятые в плен русские князья достались разным половецким ханам.

Ст. 196. Тут пир докончили бесстрашные русские... – В автографе: «Тут пир докончили храбрые воины русские...»

Ст. 195–198. Тут кровавого вина недостало ~ за Русскую землю! – Традиционное для эпоса многих народов метафорическое изображение битвы как свадебного пира в данном случае усилено исторической реалией. Еще до похода дочь хана Кончака была просватана за сына Игоря Владимира. Подобные браки были не редкостью в это время, когда военные столкновения с половцами сменялись периодами перемирия.
21 – 3088

321

Ст. 204–207. и встала обида ~ у Дона плескался. – Образ крылатой Девы-Обиды исследователи сопоставляют с мифологическими девами-воительницами скандинавского (валькирии) и сербского (вилы) эпоса. Они наделялись лебединым оперением и олицетворяли битвы и ужасы войны.

Ст. 205. Девой вступя па Трояпову землю... – В автографе вместо «вступя» было «сгупя».

По толкованию Д. С. Лихачева, имеется в виду Русская земля (Лихачев. С. 33).

Ст. 206. Крыльями всплеснула лебедиными... – В автографе: «Встрепенула крыльями лебедиными...»

Ст. 208. ...благоденствием обильные... – Ив автографе, и в копии вместо «благоденствием» было «благоденствия».

Ст. 209. Миновались брани князей па неверных. – фразу оригинала «усобица князем на поганья погыбе» современные исследователи переводят как «князья перестали воевать с язычниками-половцами».

Ст. 211. // стали князья говорить про малое, как про великое... – В автографе и первоначально в копии: «И стали князья спорить о малом как о великом...»

Ст. 213. Л неверные со всех сторон ~ на Русскую землю!.. – Автограф: «Со всех сторон приходили с победами на русскую землю!» В копии первоначально было: «... врывались в земле русския».

Ст. 216. Вслед за ним крикнули Кариа и Жля и по Русской земле поскакали... – Как и первые издатели «Слова», В. А. Жуковский, вероятно, принял этих загадочных персонажей за неких половецких ханов, которые однако в летописях не упоминаются. Современные исследователи склоняются к мнению, что Карна и Жля – олицетворения плача и горя (от «карити» – «оплакивать покойника»; «жля» или «желя» – «печаль, скорбь»).

Ст. 217. Мча разорение в пламенном роге! – Пушкин вместо «разорение» подписал сверху: «победу» (см.: Рукою Пушкина. С. 135).

Неясная фраза древнерусского текста «смагу людемь мычючи въ пламяне розе» содержит, видимо, намек на какой-то погребальный обряд.

Ст. 221. Ни дуюмо сдумать... – Жуковский в копии исправляет ошибки переписчика: вместо «душою» – «думою», вместо «вздумать» – «сдумать», хотя последнее исправление вряд ли можно отнести к «ошибкам».

Ст. 223. А злата-серебра много утрачено! – В черновом автографе: «А злата-сребра много потратит!»

Неточный перевод фразы «...а злата и сребра не мало того потрепати». Современный перевод: «А золота и серебра и вовсе не потрогать» (Лихачев. С. 33).

Ст. 227. Обильна печаль потекла... – Жуковский зачеркивает в копии, вероятно, ошибочно появившееся еще раз слово «тоска» и заменяет его на «печаль».

Ст. 229. Л неверные сами с победами набегали... – Ив автографе, и первоначально в копии вместо «набегали» было «врывались».

Ст. 230. Дань собирая по белке с двора. – Известное из летописей условное

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov
обо-значение наложенной на побежденных дани, вероятно, не имеющее конкретного
значения (предложенные некоторыми толкователями чтения «по беличьей шкур-ке» или
по «серебряной монете – беле» слишком незначительны для общего тра-гичного тона
повествования).

Ст. 232. Игорьь и Всеволод, раздор пробудили... – В автографе «...пробудили
ко-варство...»

Ст. 233–234. Едва усыпил ~ князь киевский... – В 1184 г. киевский князь
Свято-слав Всеволодович (1125–1194) в союзе с другими князьями совершил удачный
поход на половцев, следствием которого было заключенное перемирие, нарушен-ное
безрассудством молодых Ольговичей.

Ст. 233. ...мощный отец их... – Святослав Всеволодович также принадлежал к
Ольговичам и приходился Игорю и Всеволоду старшим двоюродным братом; «от-цом» же
назван как их феодальный сюзерен и старший в роде.

Ст. 236. ...он врагов своими сильными битвами... – В автографе и копии вместо
«битвами» было «ратями».

Ст. 242–246. А Коб яка неверного ~ В-gridнице Святославовой. – В результате
по-хода 1184 г. был побежден и пленен Кобяк, хан лукоморских половцев.

Ст. 244. Вырвал, как вихорь! – В автографе: «Вихрем исторгнул».

Ст. 246. В-gridнице... – Это помещение в княжеской резиденции, где обыч-но
происходили пиры, торжественные приемы и совещания, в военное время оно могло
служить местом заключения знатных пленников.

Ст. 247–248. Немцы и венеда, // Греки и моравы... – Перечисляются далекие
западноевропейские народы, чтобы подчеркнуть значимость и величие киевского
князя. Венеда – венецианцы.

Ст. 250. Кают Игоря-князя... – В автографе и копии рядом с глаголом «кают» в
скобках написано: «корят».
Кают – бранят, проклинают.

Ст. 253. Там Игорьь-князь из золотого седла пересел на седло отрока... – В
автографе и первоначально в копии: «...изшел в седло Кощеево...»
В древнерусском тексте «въ седло кощеево». Первые издатели «Слова» видели в
«кошее» имя собственное, позднее возоблада-ло его толкование как «раба» (это
значение, видимо, и у В. А. Жуковского). Ср. в современных брянских говорах
«ко-щей» – слуга. Удачным представляется объяснение этого слова тюркизмом
«коши», что означает «кочевник» (Сулеймеиов О. Аз и Я. Книга благонамеренного
читателя. Алма-Ата, 1975. С. 154–155).

Ст. 254. Уняли в градах забрали... – На забралах (верхней части городских стен)
горожане встречали возвращающихся из похода воинов.

Ст. 256. И Святославу смутный сон привиделся. – «Смутный» исправлено из:
«мутный».
«Смутный сон» киевского князя, содержащий в древнерусском тексте несколько
«темных мест», помимо общего зловещего тона пронизан погребальной символи-кой
(черный погребальный саван, крупный жемчуг, в народной поэзии означающий слезы,
разобранная кровля княжеского терема и т. д.). Это обстоятельство, а также
отсутствие имени Святослава в заключающей «Слово» здравце князьям легли в
основу гипотезы Н. С. Демковой. Исследовательница датирует время на-писания
этого памятника интервалом между декабрем 1194 г. – временем смерти Святослава и
1196 г., когда умер здравствующий в конце «Слова» «буй-тур» Все-волод {Демкова
Н. С. К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве» // Вестник ЛГУ.
1973. № 14. История, язык, литература. Вып. 3. С. 72–77}.

Ст. 258. ...на кровати тесовой... – В древнерусском тексте «тисове», то есть
«сде-ланной из тиса, кедра или другого дерева ценной породы».

Ст. 259. ...синее вино, с горечью сметанное... – Ритуальное омовение покойника
производилось, видимо, каким-то бальзамирующим раствором.

Ст. 260. ...пустыми колчанами... – В автографе и первоначально в копии: «...
пу-стыми раковинами...»

Ст. 261. Жемчуг великой в нечистых раковинах... – О жемчуге см. примечание к ст.
254. Первые издатели «Слова» объяснили древнерусское «тълковины» как
«ра-ковины», современное прочтение – «иноземцы-язычники».

Ст. 263. Л кровля без князя была на тереме моем златоверхом. – Умершего, по
предположению Д. С. Лихачева, выносили через разобранную крышу. Древнерус-ское
слово «кнес» в данном случае означает верхний брус крыши (Лихачев. С. 34).

Ст. 264–266. ...гряли враны зловещие ~ к синему морю?» – Одно из самых не-ясных
мест древнерусского текста, не получившее пока общепринятого истолкова-ния.
Впрочем, со времени первого издания «Слова» некоторые уточнения в него все же
внесены: например, «дебрь Кисанова» ныне толкуется как «лес в окрестностях
Киева, у речки Кияни», а первоначальное чтение «не сошлю» (у В. А. Жуковского
соответственно «не послать ли мне») заменено на «несоша мя» – «понесли меня».

Ст. 264. И с вечера целую ночь гряли враны зловещие... – В автографе и копии

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov вместо «гряяли» – «кричали». Эпитет «зловещие» имел следующие варианты: «рез-вые», «плотоядные», «кровожадные».

Ст. 265. Слетевшись на выгон в дебри Кисаиновой... – В автографе: «Слетевшись на склон у Пленьска в дебри Кисановой...»

Ст. 273. ...вжелезныхопутиах». – В кандалах. Опутины – путы, надеваемые на лапы ловчим птицам, чтобы они не улетели.

Ст. 275–277. Два солнца померкли ~ Олег и Святослав... – Символическое изображение гибели Игорева войска, где «два солнца» – Игорь и Всеволод. В последующих строках вызывает недоумение упоминание Олега (в походе участвовал другой сын Игоря – Владимир, Олегу же было в это время всего 10 лет). Часть исследователей видят в этом ошибку древнерусских переписчиков. Н. С. Демкова предполагает, что «Олег и Святослав» – младшие сыновья Игоря, которые, не смотря на их юный возраст, были все же взяты в поход отцом (упоминание о двух безымянных сыновьях, взятых Игорем с собой, есть в одной из летописей). Тогда «два багряных столпа» – это молодые князья, Владимир и Святослав Рыльский, уже владеющие собственными уделами {Демкова Н. С. Из комментариев к тексту «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1990. Т. 43. С. 114–123}.

Ст. 280. Гнездом леопардов... – В древнерусском тексте «иардуже гнездо». Имеются в виду гепарды, быстроногие звери из семейства кошачьих, которые легко приручаются. На Востоке они применялись в качестве ловчих зверей; упоминания о «пардусах» встречаются в древнерусских текстах. Гепарды обычно охотятся семьями – «гнездами».

Ст. 281. Я в море ее погрузили... – Произвольная конъектура первых издателей «Слова», переставивших строчки. В древнерусском тексте фраза завершает метафорическое описание гибели русского войска. См. прим. к ст. 273–275.

Ст. 282. И в хана вселилось буйство великое. – Еще одно произвольное прочтение первых издателей. В древнерусском оригинале «хинови» – слово, предположительно обозначающее какие-то восточные народы. Фраза неясна.

Ст. 283–285. Нашла хула па хвалу ~ па землю! – В древнерусском тексте, вероятно, фрагмент в манере Бояна. Концентрированная метафоричность фрагмента, а также смысловый параллелизм и опора на аллитерации и игру созвучий напоминают поэзию скальдов.

Ст. 284. Неволя грянула па волю... – В автографе вместо «грянула» – «ударила». Пушкин предложил свой вариант: «Нужда сменила изобилие» (Рукою Пушкина. С. 137).

Ст. 285. Вергиулся Див па землю! – О Диве см. прим. к ст. 80. Из множества предложенных объяснений наиболее приемлемым для данного фрагмента представляется мифолого-метафорическое – Див здесь злобное божество, олицетворение Степи, напавшей на Русскую землю (Лихачев. С. 36). Стоит отметить и оригинальную гипотезу С. В. Шервинского, видящего в Диве удода. Эта пестрая птица сидит обычно на вершинах деревьев, но потревоженная или испуганная, с криком резко бросается на землю. Интересно, что в средневековой литературной традиции Востока удода обычно выступает в функции вестника (Шервинский С. В. «Див» в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI–XVII веков. М., 1978. С. 134–140). Впрочем, оба толкования не безупречны.

Ст. 286. ...готские красные девы... – Вероятно, имеются в виду крымские или таманские готы, жившие в XII в. на черноморском и азовском побережьях.

Ст. 289–290. Поют они время Бусово, //Величают мечь Шарукаиову. – В автографе: «Шураканову».

Часть исследователей видят во «времени Бусовом» упоминание о гибели англосаксонского (предки славян) вождя Буса (Бооза), разгромленного готами в IV в. Согласно другому предположению, Бус – какой-то половецкий хан прошлых времен. Шару-кан – дед хана Кончака, неоднократно терпевший поражения от русских князей.

Ст. 292. ...слово златое, со слезами смешанное... – В автографе отсутствует: «...со слезами смешанное...»

Ст. 293. «О сыновья мои, Игорь и Всеволод! – См. прим. к ст. 232.

Ст. 301. ...миоговойного брата Ярослава... – Т. е. владеющего многочисленным войском. В автографе и копии: «миловидного».

Ст. 302–304. С его черниговскими племенами ~ и олберами! – Перечисляются союзники черниговского князя Ярослава – осевшие в его землях кочевые племена. В автографе рядом со словом «племенами» написано «поселенцами».

Ст. 309–310. Славу передаю ~ сами поделим!» – «Передняя слава» – слава нынешних времен, а «задняя» – слава дней минувших.

Ст. 312. Сокол ученый... – Неточно; в древнерусском тексте «соколь въ мытехъ», то есть «старый, много раз перелинявший, опытный».

Ст. 316. Времена обратились па низкое! – Современный перевод: «Время изменило все к худшему».

Ст. 317. Вот и у Ромея кричат под саблями половецкими... – Имеется в виду го-род Римов, вслед за поражением Игоря подвергшийся нападению половцев. В из-дании 1800 г. читаем: «Се Урим кричат под саблями Половецкими», где неверно прочитанные слова: «у Рим», то есть «у (города) Римова» были поняты как собствен-ное имя «Урим», с объяснением: «Один из воевод или союзников князя Игоря, в сем сражении участвовавший». Жуковский понял это место иначе и вместо «Урим» написал сначала (в черновом автографе): «Роман», а затем в копии внес поправку: «Вот у Роменя кричат...»

Ст. 318. А князь Владимир под ранами. – Переяславский князь Владимир Глебо-вич был тяжело ранен при обороне своего города от половцев.

Ст. 319. Горе и беда сыну Глебову! – По мнению современных исследователей, здесь обрывается «золотое слово» Святослава. Последующее обращение к русским князьям (неуместное в устах киевского князя с позиций феодальной иерархии) принадлежит уже самому автору «Слова».

Ст. 320. Где ж ты, великий князь Всеволод? – Автор обращается к одному из са-мых могущественных феодалов Древней Руси – владими́ро-суздальскому князю Всеволоду Юрьевичу, позднее прозванному Большое Гнездо (1154–1212).

Ст. 321... .отцовский златой престол... – киевскими князьями были дед Всеволо-да Владимир Мономах и (в конце жизни) отец – Юрий Долгорукий.

Ст. 322. Силен ты веслами Волгу разбрызгать... – Помимо метафорического обо-значения многочисленности войск князя Всеволода фраза содержит намек на его победоносный поход против волжских болгар в 1183 г.

Ст. 324–325. ...была бы дева по ногате, //А отрок по резане. – В автографе вместо «отрок» было «кощей».

Ногата и резана – очень мелкие древнерусские монеты. Общий смысл фразы: «Если бы Всеволод выступил против половцев, было бы так много пленных, что они продавались бы за бесценок».

Ст. 324. ...дева... – В древнерусском тексте «чага», то есть «рабыня».

Ст. 325. ...отрок... – В древнерусском тексте «кощей». См. прим. к ст. 253.

Ст. 327. ...шереширами... – Еще один гапак «Слова». Предположительное зна-чение – «метательные копья», с которыми сравниваются вассальные рязанские князья Всеволода – «удалые сыны Глебовы». В автографе и первоначально в ко-пии было: «самострелами».

Ст. 328. ...бесстрашные Рюрик с Давыдом... – Сыновья Ростислава Мстиславн-ча, правнуки Владимира Мономаха. Рюрик с 1180 г. владел киевским княжеством, кроме самого Киева, а Давыд был смоленским князем.

Ст. 335. ...галицкий князь Осьмомысл Ярослав... – Ярослав Владимирович, князь галицкий (1130–1187), отец жены Игоря Ярославны. Прозвище «Осьмомысл», из-вестное только из «Слова», удовлетворительного объяснения не получило. Вероят-но, оно намекает на мудрость или чрезвычайную занятость этого князя, одного из самых могущественных в это время.

Ст. 337. ...Угрские горы... – Карпаты.

Ст. 338. Заступил ты путь королю... – Подразумевается венгерский король, с которым Ярослав Галицкий неоднократно имел военные столкновения.

Ст. 339. Затворил Дунаю ворота... – Галицкое княжество располагалось в ниж-нем течении Дуная.

Ст. 340. Бремена через облака мечешь... – «Бремена» – «тяжести». Общий смысл древнерусской фразы неясен. Комментаторы предполагают здесь намек на дальние походы галицких войск, которыми Ярослав руководил, не покидая своего двorca.

Ст. 343. Ворота отворяешь к Киеву... – В автографе: «Ворота отворяешь ты Киеву...»

Ст. 344. Стреляешь в султанов (...) через дальние земли. – В автографе: «...через дальняя страны».

Комментаторы видят в этой фразе намек на желание Ярослава Галицкого уча-ствовать в третьем крестовом походе против султана Салах-ад-Дина (Саладина). Впрочем, поход состоялся уже после смерти Ярослава.

Ст. 345. ...в Кончат, неверного кощея... – См. прим. к ст. 253.

Ст. 347. А ты, Мстислав, и ты, смелый Роман! – Мстислав Ярославич, князь луцкий, и его двоюродный брат Роман Мстиславич, князь владими́ро-волинский и позднее галицкий (1150–1205). Последний был прославлен личной отвагой и полководческими талантами не только на Руси, но и в Западной Европе.

Ст. 348. Храбрая мысль носит вас на подвиги... – В автографе: «...носит вам ум на подвиги...»

Ст. 350.... как сокол на ветрах ширяется... –То есть «парит»; слово в этом значе-нии сохранилось в украинском языке.

Ст. 352. ... панцири! – Неточный перевод первых издатели «Слова». В данном случае древнерусское «папорзи» означает «чешуйчатый ремень у шлема, застеги-вавшийся под подбородком». Такая конструкция была характерна для

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov западноевропейских («латинских») шлемов этого времени.

Ст. 353. Дрогнули от них земля и многие области ханов... – Автограф: «Дрогнули им многие земли и области хановы...»

Ст. 354. ...деремела, ятвяги... –Литовские племена.

Ст. 360. По Роси... – Правый приток Днепра, река, пограничная с половецкими землями. В автографе было «По Руси...».

Ст. 365. ...Ипгвар, и Всеволод, и все три Метис лавича... – Волыньские князья.

Ст. 366. Не худого гнезда шестокрильцы... – То есть соколы (оперенье крыла сокола состоит из трех частей, заметных в полете). «Гнездо» – в данном случае галицко-волыньская ветвь «Мстиславова племени».

Ст. 372–375. Не течет уже Сула ~ под кликом неверных. – В обращении к полоцким князьям автор «Слова» подчеркивает их неспособность противостоять в одиночку нападениям иноземцев. Смысл фразы: «Сула и Двина утратили для врагов свое значение пограничных рек».

Ст. 376. Один Изяслав, сын Васильков... – Полоцкий князь, погибший в сражении с литовцами. Сведения о нем и его далее упоминаемых братьях Брячиславе и Всеволоде в летописях практически отсутствуют.

Ст. 377. Позвенел своими острыми мечами... – Первоначально в копии вместо «мечами» было «щитами».

Ст. 381. И па сем одре возгласил он... – В древнерусском тексте «темное место», не получившее удовлетворительного истолкования. Возможно, что последующую эпитафию погибшему войску произносит не сам Изяслав, а его любимец – дружинный поэт.

Ст. 386–388. Один изропил ты жемчужную душу II Из храброго тела II Через золотое ожерелье! – По средневековым представлениям душа человека в момент его смерти ускользала через горло и уста. «Ожерелье» – вышитый золотом и драгоценными камнями вырез ворота княжеской рубахи, который был круглой или квадратной формы и плотно облегал плечи и шею.

Ст. 391. Трубят городские трубы. – Это происходило при сдаче города.

Ст. 392. И ты, Ярослав, и вы, внуки Всеслава... – Д. С. Лихачев предложил внести в древнерусский текст конъектурную правку: «Ярославля все внуце и Всеслави», что означает обращение к потомкам двух постоянно враждовавших между собой княжеских ветвей – потомков Ярослава Мудрого и Всеслава Полоцкого (Лихачев. С. 42).

Ст. 398. О, какое ж бывало вам прежде насилие от земли Половецкая! – В автографе: «Бывало нам прежде какое насилие...» В копии первоначально отсутствовала частица «ж».

Ст. 399. На седьмом веке Трояном... – См. прим. к ст. 150–153. Ст. 400–403. Бросил Всеслав жребий о девице, ему милой ~ до золотого престола Киевского. – В ст. 400 в автографе и копии отсутствовало местоимение «ему».

Гибельность княжеских раздоров показывается на примере неприкаянной судьбы Всеслава Брячиславича Полоцкого (ум. 1101), вся жизнь которого была насыщена междоусобными распрями. В этих строках индифферентно («в манере Бояна») говорится о перипетиях борьбы Всеслава за киевский престол («милой ему девицей» назван этот желанный для князя город) – о его заточении противниками в «порубе», откуда он освободился хитростью («подпершись клюками») – воспользовавшись восстанием в Киеве, и ненадолго занял («коснулся древком копья») княжеский престол, но вскоре вынужден был бежать.

Ст. 404. Лютым, зверем... – Уже при жизни Всеслав Полоцкий слыл чародеем (по свидетельству летописца он родился от волхования), в «Слове» этот мятежный князь назван «вещим» и изображается оборотнем, который в обличье волка мог преодолевать большие расстояния.

Ст. 406. К утру ж, вонзивши стрикузы, раздвинул врата Новгороду... – В автографе: «К утру же стрикузы водрузивши, раздвинул врага Новгороду».

«Темное место» древнерусского текста, в котором предположительно речь идет о военной удаче Всеслава («вазнь» – счастье, удача) – захвате им Новгорода.

Ст. 408. ...сдудуток к Немизе. – В автографе и копии был вариант: «...к Нема-ну...». То же далее в ст. 409, 413.

Дудутки предположительно местность под Новгородом, Немига (Немиза) – река в окрестностях Минска, где произошло сражение, в котором войско Всеслава потерпело поражение (1067).

Ст. 415. Кпязь Всеслав людей судил... – В автографе вместо «Всеслав» было «Все-волод».

Ст. 419. К Херсоию великому волком он путь перерыскивал. – В первом издании «Слова» фрагмент: «великому хрьсови вльком путь прерыскаше» опущен, с примечанием: «Не вразумительно». Жуковский прочитал эту фразу ошибочно. Имеется в виду языческий бог солнца Хоре, которого оборотень Всеслав мог обогнать в своем волшебном беге.

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Ст. 425. Ему первому и вещей Боян мудрым припевом предрек... – В автографе: «Ему и вещей Боян древней припевкой предрек...» В копии первоначально было про-пущено слово «первому».

Ст. 427. Будь по птице горазд... – Одно из предположительных толкований: «разбирайся в гадании по полету птиц», по другому толкованию: древнерусское «пътиць / пытьць» – «колдун».

Ст. 431. Нельзя было старого Владимира пригвоздить к горам киевским! – Речь идет о Владимире I, который часто ходил в походы на недругов.

Ст. 431 435. Нося на рогах их, волю ныне землю пашут, // И копыта славят па Дунае». – В автографе и первоначально в копии: «Не розинося им хоботы пашут // И копыта поют на Дунае».

Неверное прочтение древнерусского текста первыми издателями «Слова».

Со-временное толкование: «Но врозь развиваются их боевые стяги. Копыта поют».

Ст. 436. Голос Ярославин... – Дочь Ярослава Галицкого, жена князя Игоря, мать его шестерых сыновей. О том, что ее звали Евфросиньей, сообщают лишь пер-вые издатели «Слова», других свидетельств об этом нет.

Ст. 437. ...чечеткою по Дунаю... – В автографе и первоначально в копии вместо «чечеткою» было «кукушкою».

Чечетка – вид певчих птиц из рода коноплянок, семейство вьюрковых. Со-гласно «Толковому словарю...» В. И. Даля, просто «пташка» (СПб.; М., 1882. Т. 4.

С. 603). В древнерусском тексте «зегзицию». В других рукописных памятниках, а также в украинских и южнорусских говорах сходными словами обозначают кукуш-ку, чайку, чибиса. Традиционный перевод – «кукушка» (идуший от фольклора об-раз горюющей женщины), хотя в переводах и переложениях «Плача Ярославны» встречаются и другие птицы: «ласточка» (А. Н. Майков), «горлица» (Н. Гербель, П. Шкляревский), наконец, просто «зегзица» без перевода (Н. Старшинов, А. Югов, В. Соснора, И. Шкляревский).

В устном народном творчестве «Дунай» – поэтическое название реки вообще.

Одновременно это река в родном для Ярославны Галицком княжестве, крайняя западная граница Русской земли.

Ст. 438. ...бобровый рукав... – До недавнего времени считалось, что древнерус-ское «бебрян рукав» значило «рукав с бобровою опушкой». Н. А. Мещерский уста-новил, что «бебряный» могло значить и «шелковый» (Мещерский Н.А.К толкованию лексики «Слова о полку Игореве» // Уч. зап. ЛГУ. 1956. № 198. Вып. 24. С. 5–6).

Ст. 439. ...па отвердевшем теле... – Древнерусское «жестоцем [теле]», обычно пе-реводится «могучем». В брянских говорах, впрочем, «жестокий» значит «горячий, воспаленный» (Козырев В. А. Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика современных русских народных говоров//ТОДРЛ. л., 1976. С. 96–97).

Ст. 440. Ярославна поутру плачет в Путивле па стене... – В автографе отсутствует: «в Путивле».

Ст. 443–445. На что лее наносишь ты стрелы ханские ~ На воинов лады моей? – В «пушкинском» списке строки пропущены; они вставлены по черновому автографу.

Ст. 443. ...стрелы ханские... – В древнерусском тексте «хиновьская». О «хинове» см. прим к ст. 280.

Ст. 450. ...Днепр, ты, слава-река! – В древнерусском тексте «Славутич», то есть «прославленный, славный». Этот эпитет Днепра сохранился до сих пор в украин-ском фольклоре.

Ст. 451. Ты пробил горы каменные... – Имеются в виду днепровские пороги.

Ст. 461. // заточило им тульг печалию?» – В автографе рядом со словом «заточи-ло» не зачеркнуто: «заткало».

Ст. 473. Овлур свистнул... – Крещеный половец, помогший Игорю бежать из плена. В летописях назывался также Лавром.

Ст. 475. Не быть князю Игорю! – Подразумевается: не оставаться в плену.

Ст. 476–478. Кликнула, стукнула земля ~ подвинулись. – Толкование Д. С.

Ли-хачева: «(Овлур) кликнул, застучала земля (под копытами коней), зашумела трава (потревоженная беглецами), вежи (шатры) половецкие зашевелились (половцы за-метили бегство Игоря)» (Лихачев. С. 44).

Ст. 480. Белым гоголем... – Гоголь – птица из семейства утиных.

Ст. 482. Соскочил с пего босым волком... – В копии Жуковский исправил: «бе-сом волком» на «босым волком». Пушкин предложил эпитет «плотоядным» (Рукою Пушкина. С. 143).

Тюркизм «босый» значит «серый, светлый». «Босый волк» – по одному из толкований «весенний волк в период гона» (когда звери особенно активны). На-мек на быстроту передвижения беглеца. Другое толкование – волшебный волк-оборотень, один из тюркских тотемов.

Ст. 496. Тебе, лелеявшему па волнах князя... – Слово «тебе» было вписано в копии Жуковским.

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Ст. 502–503. Чайками па струях, II Чернедыми па ветрах. – Чернядь, как и го-голь, – чуткая птица из семейства утиных; «чайца» древнерусского текста допущает два толкования – не только чайка, но и чибис. Впрочем, обе птицы также отличаются чуткостью и осторожностью.

Ст. 504. ...Стугпа-река... – Небольшая река, правый приток Днепра, иногда внезапно разливающаяся в половодье. В копии Жуковский исправил «Стузна» на «Стugna».

Ст. 507–509. ...расторгает. IIA юноше князю Ростиславу II Днепр затворил брега зеленые. – В автографе и первоначально в копии вместо «расторгает» было «разди-рает». Кроме того, в автографе ст. 508 читалось: «O! юноше князю Ростиславу...»

Речь идет о гибели при переправе через Стугну (1093) юного князя Ростислава, младшего брата Владимира Мономаха. Упоминание Днепра здесь – следствие не-правильного членения древнерусского текста его первыми издателями. На берегу Днепра плачет по Ростиславу его мать, о чем есть также упоминание в летописи.

Ст. 514. Не сороки, защекотали... – В автографе: «...застрекотали...» В древнерус-ском тексте «встрокоташа».

Ст. 516. Тогда враны не граяли... – Пушкин в копии исправил «граяли» на «игра-ли» (Рукою Пушкина. С. 144).

Ст. 519. Ползок только ползали... –Древнерусское «полозие ползоша» означа-ет, вероятно, бесшумное движение полозов, крупных неядовитых степных змей.

Ст. 525. Гзак в ответ копчику... – Описка В. А. Жуковского, повторенная в обо-их списках его перевода. По смыслу следует: «Кончак в ответ Гзаку».

Ст. 527. Соколенка опутаем красной девицей!» – Намек на заранее уже подготов-ленный брак Владимира, сынаИгоря с дочерью Кончака.

Ст. 530–531. То соколенка не будет у нас, II Не будет и красной девицы... – В 1187 г. Владимир вместе с женой и ребенком действительно вернулся на Русь.

Ст. 535. ...супруга дщери когановой. – Фрагмент одного из «темных мест» «Слова». «Каган» – хазарский титул, иногда присоединявшийся к именам великих князей. Здесь именование для Олега «Гориславнча», дружинным певцом которого, вероя т-но, был упоминаемый несколько выше Боян. «Супруга» – неправильное прочтение первыми издателями слова «хоти», что означает не только жену, возлюбленную, но и двойственное число от «хоть», любимец. Некоторые исследователи считают, что во фрагменте упоминаются два любимых певца Олега – Боян и вычитанный в неясном древнерусском тексте Ходына. У скандинавских скальдов было принято исполнение произведения сразу двумя певцами по очереди (амебейное чтение), следы ориентации на подобное исполнение Д. С. Лихачев обнаруживает и в «Сло-ве» (Лихачев Д. С. Предположение о диалогическом строении «Слова о полку Иго-реве» // РЛ. 1984. № 3. С. 130–144).

Ст. 543. Игорь едет по Боричеву... – Боричев взвоз – киевская улица, ведущая от берега Днепра к центру города.

Ст. 544. Ко святой, богородице Пирогощей... – Киевская церковь Богородицы Пи-рогощей названа так по имени хранящейся в ней византийской иконы. Маршрут Игоря в Киеве, вероятно, намекает на какой-то данный им ранее обет.

Ст. 554. Слава князьям, а дружине аминь! – Большинство современных исследова-телей полагает, что союз «а» употреблен здесь в редком для него соединительном, а не противительном значении. Принятое чтение: «Князьям слава и дружине! Аминь».

М. Климова
Цейкс и Гальциона
Отрывок из Овидиевых «Превращений» («Цейкс, тревожимый ужасом тайных, чудесных видений...»)
(С. 23)
Автограф (РНБ. Оп. 1. № 29. л. 39–42) – черновой, с подзаголовком «Из Овидия» и пометами: «13 декабря» – в начале рукописи и «20 декабря 1819» – в конце.
Впервые:
1) Известия Российской Академии. Спб., 1820. кн. 8. С. 33–45 – без заглавия и подзаголовка; публикацию предваряет следующее примечание: «Поупом, Член Ака-демии Г. Над. Сов. и Кав. Николай Иванович Гнедич читал следующий перевод отсутствующего Члена Академии Г. Кол. Асе. и Кав. Василия Андреевича Жуковского с Латинского языка Российскими Экзаментрами басни о Цейксе и Гальционе из одиннадцатой книги Овидиевых превращений» и указание: «Торжественное годичное собрание было 8 января 1820».
2) со. 1821. № 9. С. 73–92 – с подзаголовком: «Из XI кн. Овидиевых Превра-щений» и подписью: «Ж».
В прижизненных и з д а н и я х: С 3 (Т. 3. С. 333–360) – с подзаголовком: «Отрывок из Овидиевых Превращений»; С 4 (Т. 6. С. 146–167) – с тем же подза-головком; С 5 (Т. 4. С. 31–50) – в подборке произведений 1822 г., с тем же

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukovskiy.pdf

подза-головком.

Датируется: 13–20 декабря 1819 г.

Основанием датировки являются записи в черновом автографе: «13 декабря» – в начале, и «20 декабря 1819» – в конце. Учитывая хронологический порядок расположения текстов в тетради, помету «13 декабря» следует относить к 1819 г. «Цейкс и Гальциона» – перевод фрагмента эпической поэмы «Метаморфозы» (песнь XI, ст. 410–748) римского поэта Публия Овидия Назона (43 г. до н. э. – 18 г. н. э.). В библиотеке поэта сохранились три издания «Метаморфоз» Овидия в немецких переводах:

- 1) Des P. Ovidius Naso sammetliche werke. Ubersetzt vori H. Heynemann, N. C. Eichhoff und J. P. Krebs. Bde 1–4. Erankfurt a. M., J. C. Herrmann, 1797–1803;
- 2) Verwandlungen. Nach Publius Ovidius Naso von Johann Heinrich Voss. Theile 1–2. Berlin, Fr. Vieweg, 1798;
- 3) Publius Ovidius Naso's werke. Ubersetzt von H. C. Pfitz und E. F. Metger. Stuttgart, 1833. См.: Описание. № 1800–1802.

Если последнее издание было уже приобретено после создания перевода, то два первых имеют к нему самое непосредственное отношение, и пометы в них представляют интерес для понимания творческой истории текста «Цейкса и Гальционы».

Прозаическое переложение «Цейкса и Гальционы» принадлежит Н. Неупетапп «Rector am Gymnasium in Speyer» (Vd. 1. S. 420–444). На нижней обложке тома Жуковский подсчитывает общее количество стихов в «Метаморфозах» (12x750 = 8700), что свидетельствует о более масштабном замысле перевода.

В стихотворном переводе известного немецкого поэта Иоганна Генриха Фосса (1751–1826), который находится во второй части (№ XLIX. S. 217–245; всего 338 ст.), Жуковский подчеркивает карандашом несколько стихов (169, 223, 277, 338), а в оглавлении первого тома черными чернилами отмечает крестиком следующие отрывки: XXIII «Persius»; XXV «Ceres»; XXVI «Arachne»; XXVII «Niobe»; XXX «Prokne und Philomela».

Уже в 1805 г. Жуковским был составлен план произведений, которые он намеревался прочитать, часть из которых – перевести. В разделе «Эпическая поэзия» Жуковский проявляет интерес к Гомеру, Вергилию, Мильтону, а также Овидию, записывая в конце раздела: «Отрывки из Овидия» (Резанов. С. 240). К 1819 г. интерес Жуковского к эпическому наследию вообще и к творчеству Овидия в частности возрастает, что объясняется желанием возродить для своих современников эпическое наследие древних поэтов. Тремя переводами фрагментов из эпических поэм Гомера, Вергилия и Овидия Жуковский намеревается создать цикл, являющийся собой «героиду» человеческого поведения в различных жизненных ситуациях, – на войне, в любви, в горе, где перевод каждого отдельного отрывка представляет один из вариантов героического. Подтверждением критерия целостного восприятия этих переводов может служить их общее обособленное положение касательно имеющих рубрик «Смесь» и «Сельские стихотворения» в оглавлении четвертого прижизненного издания (С 4), а также их включение Жуковским в раздел «Эпические стихотворения» «Общего оглавления» с указанием единого для всех трех фрагментов времени их перевода – 1822 г. (Матяш. С. 153).

Произведения Жуковского 1819 г. в жанровом аспекте определяются как про-изведения переходного характера от элегии к лиро-эпосу. Однако предпринятый Жуковским перевод фрагмента из эпической поэмы Овидия следует рассматривать не только как этап в постижении эпического, но и как художественно оформленный способ саморефлексии в подведении итогов своим элегическим и балладным опытам. Элегическая тональность, свойственная эпическому наследию Овидия, органично соединилась с творческими поисками самого Жуковского. Эту особенность отрывка отметил уже П. Загарин (Л. Поливанов): «Из всех переводов классических языков "Цейкс и Гальциона" (...) – несомненно, лучший. Этот поэт ближе других подходит к лиро-эпическому складу, так родственному таланту Жуковского» (Загарин. С. 316).

Изучая трактаты Эшенбурга и Лагарпа (Эстетика и критика. С. 49–158, 285), путем сравнения Гомеровского (греческого) и Вергилиевского (римского) эпосов, Жуковский приходит к пониманию новаторской сути эпического наследия Овидия, которая сводилась к тому, что Овидий не просто собрал множество мифов, а их художественным оформлением смоделировал заново осмысленную историю чело-вечества. Следуя за Овидием, Жуковский формулирует свой способ создания эпоса в условиях Нового времени. «Эпос Нового времени» представляет собой перевод фрагмента из эпического произведения древнего поэта, отобранный с учетом наличия в нем тем, мотивов и образов, апеллирующих ко всему художественному наследию автора, в свою очередь организованных в отрывке способом жанро-родового полисинтетизма – концентрацией нескольких жанровых и родовых начал в пре-делах переводимого текста, с целью воспроизведения для своих

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov современников представления обо всей художественной системе древнего поэта и органичного включения перевода в систему художественных поисков Жуковского-поэта.

Идея концентрации всего творческого наследия Овидия в переводимом Жуковским фрагменте была им эксплицирована в подзаголовке, указанном в автографе, – «Из Овидия». К 1849 г. – ко времени последней прижизненной публикации «Цейкса и Гальционы», Жуковский приходит к пониманию необходимости указания в подзаголовке категории «отрывочности», которая являлась бы не только формальным показателем перевода фрагмента из XI кн. «Метаморфоз», но и включала бы семантику «эстетического манифеста», ранее заявленную Жуковским в аналогичном подзаголовке элегии «Невыразимое».

В самом же фрагменте, выбранном Жуковским для перевода, присутствуют мотивы, апеллирующие к произведениям разных периодов творчества римского поэта-изгнанника. С ранним этаном творчества Овидия, связанным с произведениями преимущественно любовного содержания, соотносим сюжет истории преданной любви между Цейксом и Гальционой. С биографической историей расставания Овидия с женой, причиной которого послужило его изгнание из Рима, совпадающее с периодом его зрелого творчества – временем написания «Метаморфоз», в выбранном Жуковским отрывке соотносится ситуация расставания любящих супругов Цейкса и Гальционы (биографически эта ситуация была близка и Жуковскому – расставание с М. А. Протасовой, ее свадьба с Мойером). Последовавшее за расставанием одиночество, достигшее каждого из супругов после отплытия Цейкса, соотносимо с мироощущением Овидия-изгнанника, отразившееся в произведениях его позднего творчества («Тристии», «Письма с Понта»).

Выявляя эпическое начало в переводимом отрывке, Жуковский прибегает к концентрации элегических тем, мотивов и образов, сложившихся к 1819 г. в его художественной системе, использует свой опыт балладника, а также на примере «Цейкса и Гальционы» пробует силы в области драматургии.

Так, опыт натурфилософских элегий («Сельское кладбище», «Славянка», «Вечер») обнаруживает себя в переведенном отрывке через описание бури на море. С философскими элегиями («Цвет завета», «Лалла Рук», «Певец», «Мечты») перевод отрывка из поэмы Овидия связывает тема любви, приобретающая в «Метаморфозах», в отличие от опытов его раннего творчества, философское осмысление. С «эстетическими манифестами» роднит концепция одухотворения бытия и оживления души под воздействием сильных чувств.

Чудесное превращение Цейкса и Гальционы в зимородков соотносится с превращениями в балладах Жуковского. Весь свой балладный опыт Жуковский рассматривал как этап в постижении эпического, и в качестве характерной черты как эпической поэмы, так и баллады, отмечал «чудесное» (Эстетика и критика. С. 84–94).

Элементы драматургического начала в переводе репрезентируют себя посредством основной характеристики драмы как жанра – диалога, представленного в имплицитной форме в сцене расставания супругов, что объясняется большей функциональностью данной формы диалога: возможностью вопросов личного характера соотнести с проблемами общечеловеческих, вселенских масштабов.

Во время работы над переводом Жуковский, по всей вероятности, был в Дерпте, о чем свидетельствует содержание письма М. А. Протасовой к Жуковскому от 19 января 1819 г. (УС. С. 234). Жизнь Жуковского в это время связана с пребыванием при дворе императрицы Марии Федоровны, где он увлечен гр. С. А. Самойловой – фрейлиной императрицы, надеется на брак с нею, соперничает в борьбе за ее сердце с другом В. А. Перовским. Один из рабочих вариантов «Цейкса и Гальционы» был переписан Жуковским в альбом Софье Александровне (Кульман. С. 1085–1087, 1131–1133). Трагическая история любви Жуковского и М. А. Протасовой, увлечение С. А. Самойловой позволяют усматривать в выборе отрывка для перевода автобиографический контекст. И все же основная причина проявленного Жуковским интереса к творчеству Овидия заключалась в желании возродить эпическое наследие древнего поэта для своих современников.

Отдельно данный сюжетный фрагмент «Метаморфоз» впервые в практике перевода в истории русской литературы был осуществлен Жуковским. Позже этот же отрывок был переведен и обработан в драматургическом ключе Т. Щепкиной-Куперник (Современник. СПб., август 1912. кн. 8. С. 3–20). Полный перевод поэмы принадлежит А. А. Фету и С. В. Шервинскому.

Передавая текст оригинала достаточно точно, Жуковский усиливает эмоциональный строй повествования и осуществляет ряд необходимых изменений с целью реализации поставленной им задачи по созданию в переводе одного отрывка из поэмы Овидия представления обо всей его художественной системе.

Цейкс – Сеух; КірΛ, варианты произношения – Кеикс, Кеик. Овидий контаминирует два мифологических образа: 1) фессалийский царь города Трахины, у которого

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukovskiy скрывался Геракл после убийства Эвнома; 2) сын Люцифера (от лат. Lux – свет, утренняя звезда), брат Дедалиана, супруг Алкиона, дочери бога ветров Эола. Гальциона – ἡ Γαλκίωνα; ἡ Ἀλκίωνα, варианты произношения – Альциона, Алкиона. Дочь бога ветров Эола, жена Цеикса, бросившаяся в море, узнав о гибели мужа. Супруги были превращены богами в зимородков (вариант: Цеикс – в чайку. Галь-циона – в зимородка; Алкиона по-гречески ἡ Ἀλκίωνα и ἡ Γαλκίωνα – зимородок). Дру-гой вариант мифа: Цеикс и Гальциона были превращены богами в птиц не из со-страдания к их прерванному на земле счастью, а по причине наказания за гордость, за то, что называли себя Герой и Зевсом.

Ст. 1 (410–411 –здесь и далее стих оригинала. – Н. Б.). Цеикс, тревожимый ужа-сом тайных, чудесных видений... – В оригинале: *Interea fratrisque sui fratremque secutis // Lp̄hga prodigiis turbatur pectora Ceux...* – Тем временем, Цеикс встревожен чудесами брата и следовавшими за ними, душа беспокойна... – (здесь и далее перевод комментатора), – Жуковский опускает при переводе 410-й стих, объясняющий причину тревожных предчувствий и отправления Цеикса в опасное путешествие, что позволяет представить данный сюжет поэмы как самостоятельное, фабульно завершенное произведение.

Ст. 2 (413). ...Кларийского бога... – Имеется в виду Аполлон-прорицатель, храм которого располагался в Малой Азии близ Колофона в Ионии. В автографе: «Был уж готов...»

Ст. 3 (414). ...форбас и дружины флегияи. – Форбас, форбант, флэгий – предво-дитель разбойничьего племени, располагавшегося, главным образом, в Фессамш (Гомер «Илиада»), либо в Беотии (Павсаний «Описание Эллады»). За попытку огра-бления храма в Дельфах был наказан Аполлоном. В оригинале: ... сит P̄fdegyis... – с флегийцами, – Жуковский самостоятельно вводит лексику высокого стиля. См. также ст. 44 (456), 58 (472–473), 114 (528), 156 (578), 198 (613), 237 (655).

Ст. 5 (416). Ей сказать о разлуке... сказал... ужаснулась... – Многоточие, отсутству-ющее в оригинале, способствует усилению эмоционального строя в переводе Жу-ковского. В автографе и первой публикации вместо многоточия было тире. Стоит

334

отметить последовательное уменьшение экспрессии (приблизительно в два раза) от автографа к С 5. Так, в С 3 – 59 восклицательных знака; в С 4 – 36; в С 5 – всего 25! С целью усиления эмоционального строя Жуковский использует сложные эпитеты (см. ст. 9 (420), 111 (525), 138 (553), 313 (732)); самостоятельно вводимые Жуковским в перевод слова, передающие чувства, состояние персонажей, отражающие какое-либо явление в его понимании Жуковским (см. ст. 37 (449), 44 (458–459), 46 (459), 47 (460) 129 (540), 133 (543), 149–150 (564), 208 (623)); междометия (см. ст. 25 (237), 60 (471) и др.); вторичные значения слов, указывающие на чувственную, нематери-альную сторону предмета, явления (см. ст. 10–11 (421), 33 (444–445), 122 (535), 148 (563), 209 (624)); повторы (см. ст. 77 (490), 167 (582), 298 (717), 303 (722)); введение слова «друг», отсутствующее в оригинале (см. ст. 19 (230), 29 (240), 260 (679)).

Ст. 10–11 (421). ...какою виной от себя удалила //Я твое сердце? – В оригинале: ... *Quae te a supra tuam, dixit carissime, mentem Ц Vertit?* – любимейший, какая моя вина, что твой ум отвратила? – Жуковским использовано вторичное значение слова теш – «сердце», вместо «ум», «рассудок».

Ст. 20 (431). Дружбой родителя, бога Эола... – У Овидия – ...*socer Hippotades*... – свекр Гиппотад. В греческой мифологии: 1) родоначальник племени эолийцев, сын Эллина и нимфы Орсеиды. От Энареты имел семерых сыновей и пятерых дочерей, среди которых была Гальциона; 2) бог ветров, место обитания которого – остров Эолия.

Ст. 23 (434). ...и земля и моря им покорны... – В автографе вместо «покорны» было «подвластны».

Ст. 24 (435). Тучи на небо и страшным огнем... – Там же вместо «Тучи на небо...» было «На небо тучи...»

Ст. 32 (445). ...сынЛюциферов... – В оригинале: ... *sidereus coniunx*... – звездный супруг.

Ст. 33 (444–445). Долго безмолвствовал, в сердце тая... – В оригинале: ...*movetur* (...) *neque enim t̄n̄p̄og ignis in ipso est* – был тронут (...) и не меньший огонь в нем при-сутствует.

Ст. 34 (446). Но, постоянный в желанье, он... – В автографе вместо «постоянный в желанье» – «в желании твердый».

Ст. 37 (449). Нет убежденья печальной душе... – У Овидия: *Non tamen idcirco causam probat*... –Также не убеждают и доводы.

Ст. 38–39 (452–453). ...Люцифером //Светлым... – В оригинале: ...*per patrios ignes*... – отцовским огнем.

Ст. 43 (455). ...устроить и всё изготовить... – В черновом автографе: «убрав,

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov
 все изготовить...»
 Ст. 44–45 (456–457). ...ладью Гальциона и, вещей душой предузнавши // Будущий
 рок... – В оригинале: ... *pinum (...)* *rursus visa velut ipraesagafuturi...* – сосну
 (...) вновь увидев, словно предчувствуя будущее, – имеется в виду материал, из
 которого сделаны корабли, – характерная особенность Овидия обозначать предметы
 путем метонимического переноса. См. также ст. 117 (533). Жуковский вводит
 отсутствующее в оригинале слово «душа».
 Ст. 46 (459). ...нелепо... – Отсутствует в оригинале.
 Ст. 47 (460). Томно шепнула... – В оригинале: ... *dixit...* – сказала.
 Ст. 53 (465). Тем лее знаком... – В автографе вместо «знаком» было «приветом».
 Ст. 54 (466). ...распознать уж не могут... – Там же вместо «распознать» –
 «различить».
 Ст. 58–59 (471–472). ...и безмолвно в чертог опустелый II Тихо пошла Гальциона и
 пала на одр одинокий... – В оригинале: ... *vacuum petit anxia lectum II Seque*
ronit – обеспокоенная идет к пустому ложу и ложится на постель. В автографе
 эпитеты «опустелый» и «одинокий» поменялись местами. Был еще зачеркнутый
 вариант: «пала на ложе пустое».
 Ст. 67 (480). Берег повсюду равно отдален... – В автографе вместо «отдален» было
 «удален». В Известиях АН: «вздуваясь»; в С 3: «вздымаясь».
 Ст. 77 (490). ...а буря грозней и грозней... – Жуковский усиливает
 экспрессивность повтором.
 Ст. 78 (489). ...вздыхался... – В автографе первоначальными вариантами были
 слова «свирепствуя», «гремя», позже зачеркнутые Жуковским.
 Ст. 87 (500). ...стигийская влаги... – Река в Аиде – царстве мертвых. Также
 Стикс (Ети^Λ – ненавистная) – дочь Океана и Тефиды либо Ночи и Эреба, боже-ство,
 управляющее водами одноименной реки. Водами Стикса Зевс имел право на-ложить
 заклинание на провинившегося бога. Считалось, что воды Стикса обладают очень
 сильным воздействием, избавиться от проклятия практически невозможно.
 Примечательно, что река с таким же названием действительно протекала в Греции
 (Северная Аркадия) и ее воды считались губительными.
 Ст. 89 (503). Мчится трахийское легкое судно игралищем бури... – В автографе,
 первой публикации, С 3–4 было: «Мчится трахинское судно легким игралищем
 бури...»
 Ст. 91 (504). ...в глубокую мглу Ахерона... – Ахерон ('Ахерсов), одна из рек в
 Аиде, через которую Харон перевозит души умерших. Река с таким названием
 действительно существовала в Эпире, отличалась грязно-мутной водой. В автографе
 вместо «вдруг» – «то»; вместо «стремнины» – «вершины».
 Ст. 94 (506). ...отшибая разящие волны... – В автографе вместо «разящие» было
 «грозящие».
 Ст. 98 (510). ...кидается в копья... – Там же вместо «кидается» – «бросается».
 Ст. 104 (518). И море воздвиглося к небу. – Там же вместо «воздвиглося к небу» –
 «воздвиглось до неба».
 Ст. 111 (525). ...Подобно бойцу-великану... – В оригинале: ... *miles...* – воину.
 Ст. 114 (528). ...один из дружи та... – В оригинале: *Inter mille viros...* – из
 тысячи мужей.
 Ст. 116 (530). ...воздвигся страшный девятый... – В автографе было «десятый». В
 оригинале: ... *insurgens decimae (...)* *undae...* – подняв натиск десятой волны –
 Жуковский использует при переводе устойчивое в русском языке название
 наивысшей точки морского шторма. Для римлян таковой считалась волна, сила
 которой была в десять раз больше остальных.
 Ст. 122 (537). ...мужество пало... – В оригинале: ... *animique cadunt...* – и дух
 пал – Жуковский использует вторичное значение слова апгтш – «мужество», вместо
 «душа».
 Ст. 129 (540). ...о милой своей Гальционие... – Эпитет «милая» добавлен
 Жуковским.
 Ст. 133 (543). ...кмилому дому... – См. прим. к ст. 129 (540).
 Ст. 135 (550). ...и ночь беспредельная всюду. – В оригинале: ... *duplicataque*
postis imago est... – и удвоен образ ночи – Жуковский переводит, создавая более
 про-странный образ наступившей темноты, не уточняя, во сколько именно раз стало
 темнее обычного. См. также ст. 175 (590), 218 (633).
 Ст. 138 (553). Грозен, жаден (...) вал-победитель. – У Овидия: ... *unda velut*
victrix... – победоносная волна. «Грозен», «жаден» добавлено переводчиком.
 Ст. 139 (554). ...Афос... – (Афон), гора в Македонии. В автографе слово «Афос»
 Жуковским неоднократно написано и зачеркнуто, что свидетельствует о поисках
 замены.
 Ст. 140 (554)–Пгшд... – Горный хребет между фессалией, Македонией и Эпиром. Ст.
 143 (563). В автографе вместо «разом» было «быстро».
 Ст. 146 (561–562). В помощь отца, в помощь Эола, водою душимый... – В

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov
оригинале: ...socerumque patremque I/ Invocat, heu! – и отца, и свекра зовет –
напрасно! – у Жуковского стерта родственная соотнесенность между Цейком и
Золом. В авто-графе и первой публикации вместо «в помощь» было «в помочь».
Вместо «водою душимый» в первой публикации, С 3–4 – «водой поглощаем».
Ст. 148 (563). С нею мысли и сердце; жаль ее, а не жизни... – В оригинале:
...Шат meminisse... – и вспоминает ее.
Ст. 149–150 (564)... до очей. Гальционы //Милых дотсть... – См. прим. к ст. 129
(540).
Ст. 156 (571). ...вершины Олимпа... – В оригинале: ...caelo... – с неба.
Жуков-ский использует более конкретное указание места обитания богов.
Ст. 158 (573). ...дочь, об утрате не зная... – В автографе вместо «об утрате» –
«о несчастье».
Ст. 163 (577). Жертвенный ладан; Юнону ж богиню усерднее молит... – В
оригина-ле: ...рга tura... – жертвенные благовония. Juno; "Hra, "Hrgj – в
римской мифоло-гии покровительница женщин, брака, материнства.
Ст. 171 (586). Знаешь, где Сон обитает, безмолвный податель покоя. – Somnus,
"Υπνος;, в греческой мифологии божество сна, сын Ночи (Никты). Сон спокоен, тих
и благостен к людям, в отличие от своего беспощадного брата Смерти (Танатоса). У
Гомера Сон обитает на острове Лемнос. У Овидия – в Киммерийской земле. В
оригинале: ...vise soporiferam Somni velociter ahjat... – с легкостью
отправляясь в усыпляющий дворец Сна – Жуковский указывает на то, как он себе
представляет такое явление как сон, определяет основную его функцию – давать
временный покой смертным.
Ст. 172 (587). К этому богу лети... – В автографе и первой публикации: «К Богу
сему полети...» То же в С 3–4, но «богу» – с прописной буквы.
Ст. 175 (589). Яркостью красок блестящей... – У Овидия: ..velamina mille
colorem... – одежды тысячецветные.
Ст. 177 (592). ...в стороне киммерияп... – По названию народа, населяющего
крайний Запад. Место, куда не проникают лучи солнца. Историческая Кимме-рия –
Крым.
Ст. 178 (593). Мрачной пещерой... – Данное определение самостоятельно внесе-но
переводчиком.
Ст. 180 (595). Феб... – (греч. – блистающий), один из вариантов имени Аполлона.
Здесь Аполлон выступает с функциями бога Солнца (Гелиоса) – всевидящего ока.
Ст. 188 (603). ..Летийский ручей... – Ручей реки забвения Леты, протекающей в
Аиде, – царстве мертвых.
Ст. 189 (604). Слабым, чуть слышным... – В автографе вместо «слабым» – «легким».
Ст. 198–199 (613–614). ложе осыпав, Сны бестелесные, легкие Грезы // тихо лежат в
беспорядке... – В автографе вместо «сны» было «мечты». У Овидия: Nipsc
circapassim varias imitantia formas // Somnia vana iacent totidem... – Здесь
повсюду вокруг различные формы лежат, столь же подобные лживым Снам... –
Жуковский классифицирует различные формы Сна, что отсутствует у Овидия. См.
также ст. 211 (626).
22 – 3088
337
Ст. 205 (620)...слабость голову сонную клонит... – В оригинале:...percutiens
nutanti pectora mento... – ударяясь склоняющейся головой о грудь – Жуковский
использует устойчивое выражение, отражающее процесс погружения в состояние
дремоты.
Ст. 206 (621). Нехотя он приподнялся; шатаюсь, оперся на руку... – В оригинале:
... Excussit tandem sibi se cubitoque levatus... – наконец вытряс себя из себя и
оперевшись на локоть.
Ст. 208 (623). ...божество благодати! – У Овидия: ...placidissime, Somne,
deorum... – Сон, спокойнейший из богов.
Ст. 209 (624). ...усталого сердца... – У Овидия: ...corpora fessa... – усталого
тела.
Ст. 211 (626). Сон! повели, чтоб мечта, подражатель обманчивый правде... – У
Ови-дия: ...Somnia, quae veras aequant imitantia fomms... – Повели, чтобы Сны,
подражаю-щие формам, полетели...
Ст. 212 (627)____под видом царя полетела... – В первой публикации, С 3–4 вместо
«под видом» – «в лике».
Ст. 213 (628). Вместо «Там сновиденьем погибель...» в автографе: «Там
привиде-нием гибель...»; в первой публикации: «Верным виденьем погибель...»
Ст. 217 (632). Снова лазурью по радуге светлой она полетела. – Отсутствует в
авто-графе, переписанном в альбом С. Самойловой (Кульман. С. 1132).
Ст. 218 (633). Бог из несметного роя им порожденных видений... – У Овидия: At
pater e populo natorum mille suorum... – Отец из тысячи рожденных образов... –
см. прим. к ст. 135 (550).

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Ст. 219 (635). ...Морфея... – (Морсернис;), в греческой мифологии один из трех сы-новой Сна, крылатое божество. Способен принимать разные человеческие формы (рорерг} – форма) и являться людям во сне.

Ст. 221 (637). ...и телодвижепья, и голос... – Вместо «телодвиженья» – «движе-нья таясь» (автограф, первая публикация, С 3–4). Союз «и» в первых двух случаях отсутствует.

Ст. 222 (638). Даже все виды одежд... – Вместо «все виды» в автографе «отличья»; в первой публикации, С 3–4: «отмены».

Ст. 223 (639). ...лишь один... – Вместо «лишь» в автографе «только».

Ст. 225 (640). ...на Олимпе Икелос, а в людях Фоветор... – Сын бога Сна. В отли-чие от Морфея, он способен принимать лишь облик неодушевленных предметов. Образ Икелоса-фоветора (греч. подобный-ужаситель) не мифологический, само-стоятельное творение Овидия.

Ст. 226 (642). ...Фаптазос... – Сын бога сна, брат Фоветора и Морфея. Является людям во сне под видом змей, птиц, зверей.

Ст. 231 (647). ...Ириды... – В оригинале: Thaumantidos – Богиня радуги, дочь морского божества Тавманта, сестра гарпий. Вестница Зевса и Геры. Посредница между богами и людьми.

Ст. 235 (652). В граде Гемонском... – Имеется в виду город в Фессалии.

Ст. 237 (655). ...кодру Гальционы... – В оригинале:...Coniugisante torum miserae... – к постели несчастной супруги...

Ст. 238 (656). ...с волос бежали потоки. – Вместо «бежали» в автографе «кипели», «кишили».

Ст. 242 (670). ...супруга обнимешь. – Там же вместо «обнимешь» – «увидишь». Ст. 248 (668). ...слуху неверному ныне... – Вместо «неверному» – «напрасному» (черновой автограф).

Ст. 251 (670). О! Да не буду я в Тартаре темном бродить... – (Тартарос,) в гре-ческой мифологии пространство, находящееся в глубине космоса, ниже Аида, там находятся концы и начала всего. Тартар страшен своей бездной даже богам. Если Олимп – верхнее небо, где обитают боги нового поколения – дети свергнутых титанов, то в Таратаре – боги прошлого поколения, свергнутые титаны.

Ст. 257 (676). «Стой! – она возопила. – Помедли, я за тобою». – В автографе: «Стой! куда ты? – воскликнула. Я с тобою – помедли!»

Ст. 260 (679). ...друг?... – В оригинале употреблено относительное местоимение qui – который.

Ст. 265–266 (684–685). «Нет Гальционы, – она возопила, – пет Гальционы! /IC Це-иксом вместе она умерла; оставь утешенье... – В автографе: «Нет Гальционы, – она возопила, – нет ее! в море // С Цеиксом вместе она схоронилась; прочь, утешенье!»

Ст. 273 (693). ...там стоял он, печальный! – В автографе вместо «печальный» было «недвижимо-грустный».

Ст. 274 (694). ... (и мутно глаза привиденья искали). – В автографе: «и мутным взором глаза привиденья искали...»; в первой публикации, С 3–4: «и мутные взоры призрака искали...»

Ст. 281 (700). Ныне ж в отсутствии гибну... – В первой публикации, С 3–4 вме-сто «в отсутствии» было «отсутственна».

Ст. 284 (703). Тяжкую жизнь... – В автографе вместо «тяжкую» – «бренную».

Ст. 286 (705). ...пас в могиле... – В автографе, первой публикации, С 3–4 вместо «в могиле» было «во гробе».

Ст. 290 (709). Дух занимало... – В автографе вместо «занимало» было «запирало».

Ст. 291 (710). ...на тихое взморье... – В автографе и первой публикации вместо «на взморье» было «на берег моря».

Ст. 293 (712). ...Отсюдалядя побежала... – В автографе: «Здесь отчалило судно...»

Ст. 297 (716). Что-то, как труп... – В автографе и первой публикации: «Что-то, словно, как труп...» В первой публикации нет эпитета «печального».

Ст. 298 (717). Ближе и ближе, видней и видней... – В оригинале: ...postquamraulum adpulit unda... – когда волна немного приблизила.

Ст. 303 (723). ...сердце в пей боле и боле мутится. – В оригинале: ...Noc minus et minus est mentis sua... – тем меньше и меньше остается рассудка в ней.

Ст. 313 (732). ...внезапно-расцветшим крылом... – У Овидия: ...Percutiensque Tevem modo natis aerapennis... – разрезая только что рожденными крыльями легкий воздух.

Ст. 328 (748). ...и воды спокойны. – В первой публикации вместо «воды» было «волны».

Н. Болгова
Сид в царствование Фердинанда (великого)
(«Мрачен, грустен дон Диего!») (С. 32)

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Автографы:

1) РНБ. Оп. 2. № 20. л. 1 – белой, с заглавием: Цид в царствование Ферди-нанда (великого)» и датой: «Март, 28. 1820 г.»; в левой половине листа проставлена цифра «1». Под ней четко, с разбивкой на строфы следует текст (52 строки), соответствующий первому романсу «Сиды» И. Гердера. В правой части листа проставлена цифра «2». Текст отсутствует.

2) НБ ТГУ. № 1281 – черновой с многочисленными правками и переписанными на белом отдельных отрывками, между строк немецкого текста и на свободных частях страниц (6–51) книги: *Der Sid. Nach Spanischen Romanzen besungen durch Johann Cottfried Herder. Neue unveranderte Auflage. Stuttgart u. Tubingen, 1820.* (Описание. С. 183). Перевод начат со второго романса.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: БЖ. Ч. 1. Томск, 1979. С. 214–233. Публикация Н. Б. Реморовой.

Печатается по тексту первой публикации со сверкой по автографу и заменой огласовки имени героя, переданного в рукописи как Цид, на Сид, что соответствует испанскому произношению и исправлено самим поэтом уже в БП и БИП (1831 г.) при публикации нового произведения, созданного на основании обработки «под-линых романсов испанских» (см. ниже).

Датируется: март–декабрь 1820 г.

Перевод семнадцати романсов из произведения И. Гердера «Сид» ни в одно собрание сочинений Жуковского не входил. Он был обнаружен нами при работе над хранящейся в НБ ТГУ библиотекой поэта и его архивом в РНБ. (См. об этом в БЖ. Ч. 1. С. 209–260.)

Испанские романсы – одно из интереснейших явлений народного творчества. Небольшие лиро-эпические произведения на сюжеты старинных героических преданий, они возникли и получили развитие в XIV–XV вв., в период начавшегося упадка героического эпоса, образцом которого является относящаяся к XI–XII вв. «Песнь о моем Сиде». В романсах разрабатывались не только отдельные мотивы и ситуации героического эпоса, но и новеллистические эпизоды, трогательные любовные истории из жизни героев эпических сказаний.

Основные персонажи и эпизоды романсов, как и в эпосе, связаны с эпохой Реконкисты – национально-освободительной борьбы испанского народа против захвативших его землю мавров, борьбы, длившейся с VIII по XV в. Однако характеры персонажей и многие эпизоды, изображаемые в них, не претендуют на точное соответствие Хроникам. В романсах исторические факты поэтически обобщены и переосмыслены под влиянием новых общественных и политических отношений и в этом смысле «фантастичны», что не препятствует, а порой даже способствует правдивому отражению основных противоречий испанской жизни.

Романсы свободны от патетики и приподнятости; вероятно, первоначально они исполнялись под аккомпанемент гитары и лишь позднее обрели статус самостоятельного литературного произведения.

Многие из романсов связаны с именем национального героя Испании периода Реконкисты Родриго Диаса, прозванного Сидом, и жизнь его отражена в них бук-вально от рождения и до самой смерти. При этом все события несколько сдвинуты в прошлое. Вопреки истории они начинаются не в царствование Санчо II или Аль-фонса VI, а в царствование их отца – Фердинанда I.

Создавались романсы в разное время, и они не всегда согласованы между собой в деталях, содержат множество хронологических смещений и совмещений фактов и исторических событий. Порядок исполнения романсов, как и их количество, определялось желанием исполнителя и слушателей. Расположение романсов в порядке последовательного жизнеописания героя – результат деятельности собирателей и первых публикаторов, к числу которых принадлежит и И. Гердер.

Иоганн Готфрид Гердер (1744–1806), немецкий философ, писатель-просветитель, создатель замечательных сборников «Голоса народов в песнях», был одним из первых, кто решил познакомить европейскую публику с самобытным жанром испанского народного творчества. Он несомненно знал, что испанские романсы не делятся на строфы, но, желая «примирить» фольклорную и литературную традиции, в своей обработке использует строфы различного объема (от 3 до 11 строк), что в некоторой степени напоминает «тирады» французского героического эпоса.

Своего «Сиды» («*Der Sid. Nach spanischen Romanzen*»), включающего сьдесят романсов, он создавал не только на основе знакомства с испанским текстом, но и по материалам французской «Всемирной библиотеки романсов...» («*Bibliothèque universelle des romans ouvrage periodique*») за июль 1783 г., где содержался их прозаический пересказ, при котором «первобытная дикость», «циническая суровость» и «варварское бесстыдство» древнего памятника (Ф. И. Буслаев) были не только несколько сглажены, но и дополнены «галантностью», восходящей к традициям куртуазной литературы, что несомненно сказалось в изображении героев, особенно Родриго и Химены (11, 12, 13 и 14-я песни). Употребление термина «песня» по

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov от-ношению к отдельным разделам «Сиды» Гердера, являющегося обработкой роман-сов, обусловлено тем, что, будучи выстроенными в единое, целостное, хронологи-чески последовательное повествование, дополненное материалами французского пересказа, романсы утрачивают ряд своих специфических черт, характерных для фольклора, и становятся своего рода главами или песнями единого эпического по-вествования.

Так, 12-я и 13-я песни в несколько завуалированной форме подобны рыцар-ской тенсоне. В них, в отличие от подлинных испанских романсов, нет внешнего действия, каждая из них сама по себе монологична: в 12-й король, «желая испы-тать» Родриго, излагает свой взгляд на «женскую природу» и супружество; в 13-й – Родриго отвечает королю почтительно, но настойчиво опровергая каждый тезис, выдвинутый предшественником. Но вместе они составляют «прения», спор на за-данную тему. Вся лексика, все образы заимствованы здесь не из быта вольных ка-стильцев, но из области феодальных отношений, как это свойственно рыцарской поэзии. И хотя все завершается просьбой Родриго к королю дать ему в супруги Химену, ни слова о любви, о личном чувстве здесь нет, ибо в данном контексте просьба Родриго – лишь антитезис к заключительным словам короля из 12-й пес-ни: «Вывод правилен рассудка // От супружества бежать».

Четырнадцатая песня построена как диалог, что, казалось бы, ближе к рыцар-ским «прениям», но в этом «диалоге» фактически звучит лишь один голос – голос любви, что определяется единством эмоционального настроения героев и под-черкнуто внутренней переключкой реплик говорящих с помощью системы рифм. Судя по всему, эта песня целиком принадлежит самому Гердеру. Одиннадцатая песня – разработка мотивов, содержащихся в романсах об осаде королем Доном Санчо города Заморы (Саморы) и обращенным к Сиду напоминанием Доньи Ура-ки о событиях прошлого. Уже сама форма песни – внутренний монолог – невоз-можна в средневековой литературе, она столь же далека от подлинных народных произведений, как и три выше упомянутых.

Подобные примеры, есть не только в первой, но и в других частях гердеров-ского произведения. Однако следует иметь в виду, что в свое время они не рассма-тривались как сколько-нибудь серьезный недостаток и не препятствовали высокой оценке труда Гердера, впервые представившего европейской публике произведе-ния испанского фольклора в приближенной к оригиналу форме и одновременно выстроенные как занимательный роман о знаменитом герое от его первого юноше-ского подвига до смерти.

После Гердера в Германии было немало попыток, отказавшись от французско-го посредничества, перевести романсы с испанского, расширить их круг, предста-вить варианты. Таковы работы F. Diez'a (1818), A. Keiig'a (1840), F. M. Duttonhofer'a (1842) и др. В изданиях появились краткие комментарии и предисловия. Но это был уже другой жанр.

В. А. Жуковский обращается к переводу гердеровского произведения в период, когда в его сознании совершается переход от балладного творчества к произведе-ниям эпического характера: к переводу «Слова о полку Игореве», отрывков из «Энеиды», «Метаморфоз» Овидия и т. д., при переводе которых, по его мнению, не-обходимо максимально точно следовать оригиналу, дабы отразить в переводе дух эпохи, эти произведения породившей.

Очевидно, что начав работу над переводом «Сиды» Гердера, поэт рассматривал его как достаточно верное воспроизведение народных испанских романсов, а пото-му в основных моментах строго следовал за оригиналом. В переведенной части со-хранены все действующие лица, их взаимоотношения и характеры, расположение частей, строфическая структура и размер оригинала (белый четырехстопный хорей с женскими и мужскрши клаузулами).

Одновременно с этим в переводе продолжено начатое еще Гердером облагора-живание героев. Жуковский, со своей стороны, также стремится их опозитизировать и «возвысить», а потому иногда смягчает, а иногда просто опускает то, что кажется ему грубым и непристойным. Так, в песне Гердера, где речь идет о знаменитом мече Мударры, последний, в соответствии с традицией, дважды назван «храбрым бастар-дом» («tapfre Bastard»), что отражает принципиальный для испанского эпоса мотив демократизма героев. В ряде романсов (Гердером не использованных) и о Родриго говорится как о «рожденном вне брака», но во всех отношениях превосходящем чванливых и трусливых грандов. Жуковский не только убирает имеющее в русском языке пренебрежительный оттенок слово «бастард», но и вообще изгоняет какой-либо намек на демократическое происхождение Мударры, называя его лишь «зна-менитым» и «отважным». Впрочем, этот сглаженный вариант темы представляется нам более близким не только Гердеру, но и испанскому оригиналу, чем считающийся более «точным» перевод П. А. Катенина, который, сохраняя по отношению к Му-дарре определение «бастард», фактически противопоставляет «подлого» Мударру и благородного Родриго, что совершенно чуждо испанскому эпосу. У него Родриго

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov произносит: «Слушай, меч на свете славный! // За тебя взялась рука // Не подлеи руки Бастарда, // Хотя еще не так сильна...»

Основная часть перевода сделана Жуковским на страницах книги между строк оригинала и наглядно демонстрирует характер работы поэта над «лирическим сю-жетом», присутствующим в гердеровской обработке (14-я песня). Подробно это рассмотрено нами в БЖ. Ч. 1. С. 252–259. Здесь же заметим, что описание ночного свидания буквально «захватило» поэта, привлекло его возможностью окунуться в необычную для основного тона гердеровского произведения лирическую стихию и самому добавить в нее несколько капель. Расширяя, развертывая лирическую тему (у Гердера 32 строки, у Жуковского – 41), Жуковский стремится передать ту же смятенность чувствования, то же единство душевных устремлений героев, что и немецкий поэт, и в этом безусловно преуспевает, не разрушая образности, не пере-создавая характеры, изображенные Гердером.

Перед нами черновой, лишь частично перебеленный текст перевода. Из первой части произведения «Der Sid unter Ferdinand dem Grossen», включающей 22 песни, переведено 17. Возникает вопрос – случайно ли это ограничение? Полагаем – не случайно. На данном этапе творчества поэт свою работу завершил. Переведенная часть включает в себя две переплетающиеся сюжетные линии: историю первого подвига Родриго и изображение его любви к прекрасной Химене, дочери убитого им Дона Гормаса, завершающейся (благодаря вмешательству доброго, мудрого и справедливого короля) счастливой свадьбой героев.

Последняя (17-я) песня – род идиллического эпилога: «На груди молодой супру-ги» Родриго не забыл о рыцарском долге, продолжал одерживать победы над врага-ми, заслужил еще большую любовь и уважение короля и был тем очень счастлив. Думается, что данный финал не только отвечал тексту оригинала, но и был со-звучен тайным надеждам поэта на благоприятное течение и счастливое заверше-ние предпринимаемого им в это время заграничного вояжа в свите Александры Федоровны, его недавней ученицы, а ныне великой княгини.

Последние пять оставленных без перевода песен первой части не завершали ее, а готовили переход к новым, отнюдь не идиллическим событиям: Родриго стал настолько знаменит, что явившиеся ко двору мавританские послы, назвав его Си-дом (господином), хотели ему, а не королю вручить дары от своих правителей, но благородный Сид указал им на ошибку; король Дон Фернандо умирает, не совсем справедливо разделив свои владения между детьми, его наследники – Дон Аль-фонс, Дон Санчо и Донна Урака – напряжены и готовы начать междоусобицу, которая составит содержание многих романсов второй и третьей частей, где отно-шения Сиды с новыми королями изображены сложнее и драматичнее.

Остается вопрос, почему поэт, проделав столь большую работу и уже когда-то перебелив первую песнь, отказался от публикации? Одной из причин могло быть обнаружение им факта «вторичности» проделанной работы. Узнать об этом он мог уже во время своего вояжа 1820–1821 гг. Дело в том, что в сохранив-шемся в его библиотеке (Описание. № 1279) посмертном Собрании сочинений И. Г. Гердера в 46 т. не доставало 12-ти, в том числе и 3-го тома (1808) из серии «Zur schonen Literatur» (1805), где и был помещен «Der Sid». Восстановить не-достающую часть, видимо, так никогда и не смог, а потому перевод делался им по отдельному дешевому изданию без каких-либо комментариев и примечаний. Не сумев приобрести искомый том, поэт мог с ним так или иначе ознакомиться во время той же заграничной поездки и узнать из предисловия Иоганна фон Мюл-лера об источниках гердеровских романсов: об издании испанских текстов ро-мансов Хуаном Эскобаром (1613 и 1702 гг.) и о пересказе, содержащемся во «Все-мирной библиотеке романов...» за июль 1783 г. и выполненном на основе тех же изданий Эскобара. Очевидно, уже тогда появилась мысль найти первоисточник. Однако издания были очень старые и приобретение их весьма проблематично. Правда, сравнительно недавно в Германии Собрание испанских романсов вы-пустил G. V. Derring, но оно, в гот момент, видимо, обнаружено не было. Идея продолжить поиск осталась. Сид в царствование Фердинанда (великого). Сид-Кампеадор – испанский рыцарь Родриго Диас де Бивар. Родился в Биваре под Бургосом (Кастилия) ок. 1030 г., умер в 1099 г. в Валенсии. Сид по-арабски – господин. Этот почетный титул встречается в испанских грамотах перед именами испанских сеньоров, имев-ших мусульманских вассалов или данников. Но преданию, Родриго Диасу этот ти-тул был присвоен самими арабами. Кампеадор – букв. «ратоборец». С XIV в. это слово утратило свой общий смысл и превратилось в прозвище Сиды.

Король Фердинанд – Фердинанд I Кастильский (1035–1065), сын короля На-варры Санчо Великого, получил от него графство Кастильское, присоединил к сво-им владениям Леон. Эпитет «Великий» к нему никогда не прилагался. Следуя за Гердером, Жуковский включает эпитет в заголовок перевода, однако заключает его в скобки и пишет с маленькой буквы, что наводит на мысль о возможном сомнении переводчика в его правомерности, тем более что и в оригинале имя короля в

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov
даль-нейшем эпитетом «великий» нигде не сопровождается.

Ст. 1. Мрачен, грустен Дон Диего!.. – В романсе – отец Родриго. В истории лич-ность неизвестная.

Ст. 6. ...дом Аеиесов. – (точнее – лайнесов или лаинесов) – один из древней-ших испанских родов.

Ст. 7–8. ...ни Иииги, ИИни Аварки... – Древние испанские фамилии.

Ст. 11. Л Дои Гормас торжествует... – Имя графа Гормаса встречается в исто-рических хрониках. В романсах о юности Сиде фигурирует как оскорбитель Диего Лайнеса. Конкретная причина оскорбления ни в одном из известных романсов не упоминается, говорится только лишь о зависти Гормаса к предпочтению, которое было оказано Дону Диего при королевском дворе, и о якобы данной Гормасом Диего Лайнесу пощечине.

Ст. 57–58. Знает, в горной Астурии II Дон Гормас богат друзг>ями... – Астурия – историческая область на севере Испании, сохранившая независимость от маври-танских властей, куда бежали недовольные, гордые, смелые и независимые люди, и ставшая центром Реконкисты.

Ст. 66. Храбрым юность не причина... – В черновом автографе варианты: а) «Не причина храбрым юность...»; б) «Не сидеть для храбрых...»

Далее все варианты приводятся по этому автографу, без специальных указаний. В квадратных скобках даны зачеркнутые варианты.

Ст. 71. Знаменитый меч Модарда! (у Гердера – Mudarda) – Mudarra el castellano – Мударра Гонсалес – легендарная фигура испанской истории, внебрачный сын Гон-сало Густьоса (отца семи инфантов Лара) от мавританской царевны, отомстивший за подлое убийство своих братьев. Впоследствии окрещенный и возведенный в ры-царское достоинство; положил начало знаменитой династии Манрике де Лара.

Ст. 73. Он висел, как бы горя... – «Он висел, как бы в печали...»

Ст. 85–86. Чей ты был, тому победа. II Будет тот, чей ты, отважен. – «Так тому служил ты прежде, II... силой с ним сравниться...»

Ст. 90–91. Ты проникнешь обнаженный. II Обнажись же! Наступила... – «Ты вон-зишься обнаженный // С Богом! Для нас пришла...»

Ст. 105–106. ...что Дои Диего II Есть потомоклайпа Калва... – В отколовшейся от королевства Леон-Кастилии (XIII в.) вместо королевской власти была введена система судей, одним из которых и был Лаин Калво. По легендарной биографии Сид был его внуком.

Ст. 116. Смелый витязь возразил. – «Дон Родриго возразил».

Ст. 121–122. И заглаживать обиды IIКровью дерзких», – и умолкнув... – «И загла-живать их кровью // Оскорбленья...»

Ст. 123. Он упер в лицо Гормаса... – «Он вперил в лицо Гормаса...»

Ст. 128. Как от слов сих вспыхнул Сид! – «Как от слов сих вспыхнул он».

Ст. 137. Обесчещен –все прискорбно... – «Честь утратить – все прискорбно...»

Ст. 142. Как вошел к нему Родриго... – «Как приблизился Родриго...»

Ст. 152. Мне даешь такой совет?» – «Ты ль даешь такой совет?».

Ст. 154. Ты поднять священные очи». – «Ты поднять священный взор».

Ст. 161–163. Со слезами на коленях II Сын лобзает руки старца... – «Со слезами лобызает// Сын родительские руки».

Ст. 165–166. Крики, вопли, шумны крики, II Конский топот, стук оружия... – «Плач и крики, шутки, // Конский топот, шум народа...»

Ст. 167–168. ...во Бургосе, IIКоролевский двор открыт... – Бургос – город в ста-рой Кастилии, в IX–XIII вв. был резиденцией кастильских королей.

Ст. 169. И король на шум выходит... – «И король, сам Дон Фернандо...»

Ст. 171–172. С ним идут его вельможи II Ко дворцовым воротам... – «И его фер-нандо [и к дверям] // Провожают до ворот...»

Ст. 173. У ворот стоит Химена... – Вероятно, имя вымышленное. Под ним на-родная фантазия соединила двух женщин. Одна (в романсах и других сказаниях о Сиде) – возлюбленная юного Родриго, дочь убитого им Дона Гормаса (см. прим. к ст. 11); вторая – двоюродная сестра короля Альфонса VI, дочь Диего, графа Асту-рийского, с которой, как утверждают историки, Родриго вступил в брак в 1074 г., когда ему было 44 года. Историки указывают, что это был второй брак.

Ст. 177. И вблизи был Дон Диего... – «И напротив [Ей напротив]...»

Ст. 180. Гордый, смелый Кастильяец... – (исп. Castellano, у Гердера – Castellaner – букв, «уроженец и житель Кастилии». В романсах о Сиде – одно из прозвищ Родриго Диаса, не только уроженца Кастилии, но и героя, вобравшего в себя лучшие черты мужественного кастильского народа.

Ст. 183–186. Те в перчатках с бахромою; II Он один в простых перчатках; II Те в пар-че, серебре и злате; II Он один в стальной броне. – Начиная с этих строк и до конца ро-манса, через детали костюма, вооружения и поведения дается противопоставление героя и высшей знати.

Ст. 186. Оп один в стальной броне. – «Он в одежде [в бранных латах он один]...»

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Ст. 189–190. «Вот дитя, которым славный II Дон Гормас был побежден». – «Вот могучего Гормаса // Победитель молодой».

Ст. 193–197. «Если кто обижен смертью ~ «Пусть с тобой дерется, шельма... – «Если кто из вас обижен // Смертью графа // Конный, пеший, кто б он ни был // Выходи! Но молчат [все молчат] // Сатана лишь только может [Мысля пусть с гобой дерется]...»

Ст. 199–201. Тут все триста провожатых ~ Подойти к руке монарха. – «С мулов триста провожатых // Сходят с мулов [К королевской] И целуют // Руку [Подойти к руке монарха]...»

Ст. 206–207. «Если требуешь, родитель, II То исполню для тебя». – «Если ты ве-лишь, родитель, // Для тебя то выполняю».

Ст. 220. Пал могучий мой родитель. – «Пал родитель...»

Ст. 226. Православного Пелага. – Здесь Жуковский повторяет идущую от фран-цузского пересказа ошибку Гердера, именующего «первого христианского короля» («ersten christen konig») Пелагиусом (Pelagius). В испанском тексте речь идет о Доне Пелайо (Pelayo, 639–737 гг.) – первом короле Астурии, положившем начало Ре-конкисте победой над арабским войском при Ковадонге. Определение «православный» – русификация переводчика.

Ст. 230. Он был ужас Альманзоров... – Альмансор (Аль-Мансур) – прозвище одного из правителей Кордовского Калифата, генерала Магомета бен Абдала. Су-ществовал и его сподвижник Якуп Альмансор. При них испанские войска не раз терпели поражение.

Ст. 267. Скорбь безвременно лишила... – «Незаглажена осталась дома нашего...»

Ст. 282. Мне в обиду он прислал. – Далее в переводе опущены восемь строк По-слания Родриго Химене и девять заключительных строк романа. В Послании Родриго предлагает Химене выйти за него замуж, в противном случае его сокол перебьет всех ее голубок. Король, прочтя письмо, «догадался о чувствах Родриго». Весь этот текст создан Гердером на основе пересказа в «Bibliothèque...». Ничего подобного нет в испанских романах. Почувствовав это, Жуковский, видимо, и от-казался от перевода.

Ст. 292. Христиан влекут в неволю... – «Христиан ведут в неволю...»

Ст. 297–298. Собрались с добычей мавры, II Чтоб идти с ней восвосяси. – «Уж с своей добычей мавры // Собрались...»

Ст. 325. Наказанья и награды. – В рукописи Жуковского, видимо, описка: «На-гражденья и награды».

Ст. 371–372. Пятерых пленил он разом II Мавританских королей. – В тексте Гер-дера (и переводе Жуковского) о «пяти королях» было упомянуто уже в 8-м роман-се (см. ст. 284 и 318). Следует иметь в виду, что в сказаниях о Саде «пять побед» героя являются эпическим числом и повторяются во всех памятниках. Во вре-мена короля Фердинанда I в Испании не было пяти королей. Обычно речь идет о том, что Родриго «пять раз победил в открытом поле». Предположительно это были битвы с Раймундом Барселонским, упоминаемыми в произведениях, но не зафиксированными в хрониках Фарисом и Гальве, валенсийцами и Севильским «царем».

Ст. 375–376. Их без выкупа в отчизну II Дои Фернандо отпустил. – В отличие от французского героического эпоса («Песнь о Роланде») в испанском эпосе и роман-сах изображение борьбы с маврами не носит подчеркнута религиозного фанатизма, и герои, освобождая свою землю, не стремятся к поголовному уничтожению мав-ров. Восемь веков совместного проживания, заключавшиеся во время междоусо-биц союзы с арабами и маврами способствовали тому, что вытесняемые захватчи-ки постоянно брались в плен и, выплатив выкуп, частью покидали Пиренейский полуостров, частью оставались, становясь подданными испанских правителей или крупных феодалов. То, что пленные отпущены без выкупа, подчеркивает благо-родство и бескорыстие Дона Фернандо.

Ст. 377. Град Коимбра был в осаде... – Коимбра – город на территории современ-ной Португалии. Был под мавританским владычеством с начала VIII в. и освобож-ден полностью лишь в 1064 г. Во многих романах о Родриго с одним из очередных освобождений Коимбры связано получение героем статуса рыцаря.

Ст. 392. И подумала краснея... – «Тихо матери промолвив...»

Ст. 395. Невозбранно, без укора... – «На свободе, без укора...»

Ст. 415. Ты пленил и Дои Гормаса... – «Заковал ты в цепь победы...»

Ст. 418. Каждый рыцарь благородный... – «Знай, испанец благородный...»

Ст. 433–434. Нам приданое наги славный, II Наш великий царский род. – «Их при-даное в их славе, // В благородстве крови их...»

Ст. 438. Уж не злато ли ты любишь? – «Не за толь ее ты любишь [Вот любви твоей причина]...»

Ст. 441–442. Ты любим, любовь свободна. II Для меня же не утрата... – «Ты любим, любим Хименой [будь счастлив] // Для меня не оскорбленье...»

Ст. 448–449. Ты красавец – но красую II Уподобился Нарциссу. – «Ты красавец – но с Нарциссом // Не равняйся красотой...»

Нарцисс (Греч.) – прекрасный юноша, сын греческого бога Кефиса и наяды Лирионы. Увидев в реке свое отражение, Нарцисс влюбился в него и умер от люб-ви. – Символ самовлюбленного человека.

Ст. 450. Мудр – но что пред Соломоном? – Соломон (евр.) – царь Израильско-Иудейского царства (965–928 гг. до н. э.), сын Давида, славился величайшей му-дростью.

Ст. 454. Ты богат – не честь богатство... – «Ты богат – но что богатство...»

С. 465. Перед дочерью царя». – «Ты гляди на дочь царя...»

Ст. 482. Вышел; двор его за ним. – «С ним весь двор [Вслед за ними]...»

Ст. 483–485. Благосклонно давши руку ~ С ним к ручью, который мчался... – «Бла-госклонно давши руку // Дон Родриго удалился // С ним он на берег цветущий...»

Ст. 488–489. Долго длилась беседа. II Все, участвуя очами... – «Долго длился раз-говор их, // Все участвовали взором...»

Ст. 493. Я люблю тебя отважным... – «Я люблю тебя за храбрость...»

Ст. 508. Что творится ею все. – «Нам, что всё творит она».

Ст. 512. Опасайся перейти. – «Перейти не торопись».

Ст. 513–514. Иль с тобою то ж случится, II Что с философом старинным... – Речь идет о достаточно популярной легенде о смерти древнегреческого философа, поэт-та, врача и политического деятеля Эмпедокла из Агригента (ок. 400 – ок. 430 гг. до н. э.), якобы погибшего в кратере Этны. Образ Эмпедокла привлекал многих художников, в частности Ф. Гёльдерлина, автора драмы «Смерть Эмпедокла».

Ст. 522–523. Лишь тогда, когда предстанем II Мы на суд, явясь пред Богом... – «И когда на суд предстанем // Где откроется пред Богом...»

Ст. 528. Столь запутано оно. – «Столь коварно сердце...»

Ст. 533. Мы вперед – они за нами... – «Мы вперед идем...»

Ст. 540. Шаг за шагом вслед идет... – «И охотник шаг за шагом // Вслед идет...»

Ст. 546. Мы пред ними безоружны... – «Безоружные и в силе...»

Ст. 562. Честь от доброй, чистой крови... – «Честь от доброй, славной крови...»

Ст. 572. Чтоб нашел под ним и странник... – «Чтоб нашел под ним и чуждый...»

Ст. 577. Узы брака уважать. – «Брак с [Узы брачные принять]...»

Ст. 592. Властолюбие их тайна. – «Всем владычество...»

Ст. 594–595. Как безумными владеют II Господами их рабы. – «Как владеют госпо-дином // Безрасчетливым рабы...»

Ст. 608. Сходство их одной с другою... – «Всё одна с другою схожи...»

Ст. 622. Дон Фериаид и Дои Родриго... – «Так беседа, Родриго...»

Ст. 627. Без утешенья и замены... – «Не ведая во тьме ночной покоя... [Не от-крывая перемены...]»

Ст. 629. Перед окном Химеи... – «Перед окном, печальная Химена...»

Ст. 636–639. Прекрасная, услышь мое желанье ~ Ревнивую, Химена, дверь. – «Пре-красная, услышь, услышь желанье // И сердцу верному поверь, // И отвори мне на свиданье // Свою, Химена дверь».

Ст. 648–651. На что меня вопрошаешь ~ Химеи-сирота.. – а) «Давно Химена // Меня ты знаешь // В сердце спроси // Мои черты...»; б) «Напрасно вопрошаешь // Меня не скроет темнота // Меня ты знаешь // Химена-сирота».

Ст. 656–658. Не я, но честь его пролила кровь, II Но примиритель будь –любовь. II Покинь меня!... – «Не мной, но честь его пролила кровь // Нам примиритель будь любовь. // Покинь меня!..»

Ст. 664. Любовь велит любить. Ей подчинись! – «Любовь влечет... Ей гордись...»

Ст. 675–677. Перечисляя в переводе города, подаренные королем Сиду, Жу-ковский ради сохранения ритма меняет их порядок, не заметив, что из одного (зна-чимого для истории героя) географического объекта делает два весьма условных. Он пишет: Он Салдапу, фальдуэру, II Де Кордону, Бельфорато II И Сап Педро дал ему. Должно быть едино: Сан Педро де Кордонья – монастырь Сан Педро в Кордонье. В нем, согласно легенде, Сид в будущем оставлял свою семью во время своего из-гнания, здесь он был похоронен, как и его жена Химена. Недалеко от ворот мона-стыря был погребен и его конь Бабиека.

Ст. 683. Обтяжные панталоны. – Осовремененная переводчиком деталь ко-стюма. Испанцы того времени носили короткие (чуть за колена) и широкие штаны, именуемые в испанском тексте «un medio botarga» (полушаровары). При этом уточнено, что это «calzas valonas» (валлонские панталоны), т. е. привозные и дорогие, из Валлонской провинции, находившейся на территории современ-ной северной Франции и южной Бельгии. В средние века она была одной из самых цветущих в Европе и славилась производством сукон. Гердер, отталкива-ясь от французского пересказа, сохраняет ссылку на Валлонию: «Eicht = Valloner pantalone» (подлинно валлонские панталоны). Для переводчика смысл этой ссылки, видимо, был неясен, ибо Валлония

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukovskiy как провинция давно перестала существовать, а память о валлонских сукнах вытеснили сукна английские. Определе-ние же «обтяжные» явилось, вероятно, по аналогии с костюмом современной поэту конной гвардии.

Ст. 697. Падал кожаный колет. – Здесь род отложного воротника.

Ст. 698. Сеть, сплетенная из нитей... – Одна из деталей испанского националь-ного костюма, на наличие которой обращали внимание путешествовавшие по Ис-пании и в более позднее время. Так, Ф. Булгарин в «Воспоминаниях об Испании» (СПб., 1823) пишет: «Испанцы всех состояний, бедные и богатые, мужчины и жен-щины носят на голове сетки, покрывающие волосы, которых большая часть из них никогда не стригут» (С. 5).

Ст. 702–703. Петушиное перо II Веяло на тонкой шляпе II Из кортрайского сукна. – Головной убор в виде широкополой шляпы, украшенной петушиным пером, также является частью национального испанского костюма. Он не только фигурирует в романсах о свадьбе Родриго («Una gorra de coutraí // con una pluma de galla»), фик-сируется Гердером («Auf dem Hute (...) hob sich eine Hahnenfeder»), но сохраняет свой облик и в XIX в., на что обращает внимание тот же Булгарин: «у гидальгосов и чиновников (...) поля шляп нередко украшены перьями» (см. прим. к ст. 698); кортрайское сукно – изготовленное в г. Кортрайк (Куртре) в Валлонии (см. прим. к ст. 683).

Ст. 705–706. Ящерипа с бахромою II Опускалася до лядвий... – Jaserina (исп. ист.) – кольчуга; до лядвий – вин. пад. отляга, лядвея – (тульское) верхняя половина ноги, бедро (в. Даль. Т. 2. С. 285). Редкий случай употребления Жуковским областниче-ского (диалектного) слова.

Ст. 710. Меч прозваньем Тисопада... – Или Тисона – меч, якобы добытый Сидом в битве с легендарным царем Букаром. Описан в инвентаре Сеговийского алькаса-ра (дворца). Средневековые рыцари (герои народных эпосов) давали своему мечу (лучшему другу в битве) имя, которое обычно сохранялось за ним и после передачи (дарения) другому владельцу.

Ст. 722–723. С образами и с невестой II Ожидали жениха. – «С образами ожида-ли // Молодых...»

Ст. 745. Очи полные любви... – «Взоры полные любви...»

Ст. 752–755. Отдаю тебе обратно ~ И слугу – все возвращаю. – «И слугу я сам [Самого себя даю] // И себя тебе // Безвозвратно [Навечно отдаю] // Отдаю тебя себе [дать тебе] все заменяю...»

Ст. 763. Мой обет – тебя любить. – «дать тебе всего замену...»

Ст. 767. Ты ж:у отец архиепископ... – «В добрый час, отец святой... [И теперь, отец святой...]

Ст. 776. На пути к дворцу стояли... – «На дороге их стояли...»

Ст. 778. Всюду выветаны в окнах... – «Были вывешаны в окнах...»

Ст. 789. Поздравляли молодых. – «Прославляли молодых...»

Ст. 795. Оп, свой лоб украсив рогом... – «Ехал, лоб украсив рогом...»

Ст. 820–821. Из-за легкая косынки II Их с улыбкой выбирал. – «Сам своей рукою // Из-за легкия косынки // Улыбаясь выбирал».

Ст. 825. Предпочеть я согласился... – «Предпочеть теперь решуся...»

Ст. 839–842. Пред наместника Петра II Пред святейшего Виктора II Сам немецкий император II Генрих жалобу принес. – Святейший Виктор – вероятно, папа Виктор II (1055–1057), возведенный на престол Генрихом III, как и все римские папы, счи-тался наместником святого Петра; Генрих – вероятно, Генрих III (1026–1156), гер-манский король и император Священной Римской империи. Вся излагаемая далее история последнего подвига Родриго целиком баснословна, хотя и повторяется в поэме «Родриго» (XV в.) и в прозаической «Хронике о Сиде». Испания никогда не воевала с Францией («Принц Раймон из Савой») или Италией («И Италию занял он...»). В то же время в данном эпизоде выразилась нелюбовь испанского народа к французам, которые, вступая в браки с испанской знатью и помогая испанским коро-лям, получали в награду от них монастыри (крепости) и земли, отвоеванные в пери-од Реконкисты. Кроме того, французы несли с собой религиозную нетерпимость по отношению к «неверным» (ярко отражена в «Песне о Роланде»), которой не знала ис-панская нация, складывавшаяся в постоянных контактах с арабами, что отразилось во многих памятниках культуры, в том числе и в письменных, где нередко вместо выражения «все испанцы» можно встретить другое – «и христиане и мавры».

Ст. 849. Чтоб познал во славе церкви... – «Что признал во славе церкви...»

Ст. 852–854. Посылает к Дон Фериаиду ~ Императору он стал. – «И велит, чтобы покорно // Грозно требует [императора признал] // Императору предстал».

Ст. 857. На него вооружить. – «На ослушника послать».

Ст. 865. Наслаждался любовью... – «Он любовью наслаждался».

Ст. 883. Сам их вызови, надменных! – «Милость, данную нам Ботом...»

Ст. 905–906. И прельстился Дои Фернандо II Юной пленницей, и сына... – «И

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukovko-роль прельстился ею // И с красавицей он прижил...»
Ст. 914–915. Что и папа, и немецкий II Император, ужасившись... – «Что сам император с папой // И от дани отказались...»

Н. Реморова

Разрушение Трои

Из «Энеиды» Вергилия («Все молчат, обратив на Энея внимательны лица...») (С. 57) Автограф (РНБ. Оп. 1. № 30. л. 3–6 с об., 7) – черновой, ст. 1–420; в альбоме красного сафьянного переплета, в продолговатую 8-ю долю листа, содержащем черновые редакции произведений 1822–1831 гг., с заглавием: «Разрушение Трои» и пометой в начале: «Начато 12 мая 1822 в Павловске», собственноручной разбивкой на десятистишия. До ст. 365 достаточно чисто, с более поздней правкой; со ст. 366 – другими чернилами, более черновой набросок. Автограф окончания перевода (ст. 421–795) не обнаружен.

Впервые (отрывки):

1) ПЗ на 1823 год. С. 173–176. Ст. 501–551 – с заглавием: «Смерть Приама:

Отрывок из II песни Энеиды» (в оглавлении: «Смерть Приама, из Вергилиевой Энеиды») и подписью: «С Латинского – Жуковский». Ц. р. от 30 ноября 1822 г.

2) ПЗ на 1824 год. С. 308–312. Ст. 431–500 – с заглавием: «Приступ к чертогам Приама (Из II песни Энеиды)» и подписью: «Жуковский». Ц. р. от 20 декабря 1823 г.

Впервые (полностью): С 3. Т. 3. С. 361–424. В титуле с подзаголовком: «Опыт перевода Энеиды. Книга II». В оглавлении: «Вторая песнь Вергилиевой Энеиды». В прижизненных изданиях: С 4. Т. 6. С. 210–261. В титуле и оглавлении с подзаголовком: «Опыт перевода Энеиды. Книга II»; С 5. Т. 4. С. 65–110. В титуле и оглавлении – с подзаголовком в круглых скобках: «Из Энеиды Вергилия».

Датируется: 12 мая 1822 – около 7 октября 1822 г.

Основанием для датировки является указание в автографе: «Начато 12 мая 1822 в Павловске» и положение этого автографа в рукописи. В альбоме, где тексты расположены в хронологической последовательности, вслед за автографом перевода ст. 1–420 «Энеиды» идут 36 четверостиший чернового автографа «Замка Смаль-гольма» из Вальтера Скотта и 11 шестистиший также чернового наброска «Куб-ка» из Шиллера, относящихся уже к июню 1822 г. Это дает основание говорить, что первая часть перевода была закончена к июню 1822 г. В письме к секретарю Академии П. И. Соколову от 7 октября 1822 г. Жуковский сообщает: «...у меня к этому времени готовился перевод гекзаметрами второй песни "Энеиды". Он готов. Я не отвечал на почтенное письмо ваше от того так долго, что прежде желал переписать мой отрывок, дабы его вместе с письмом к вам доставить» (ПД. Ф. 184. № 154/2. Цит. по: Айшкова И. А. В. А. Жуковский в истории Российской Академии // Жуковский и время. Томск, 2007. С. 241). Известно, что в публичном собрании Российской Академии перевод был прочитан Н. И. Гнедичем 2 декабря 1822 г. и 14 января 1823 г. (Сухомлинов М. И. История Российской Академии. СПб., 1885. Вып. 7. С. 466). Как явствует из письма к И. И. Дмитриеву, Жуковский не собирался ограничиваться переводом лишь второй песни «Энеиды». «Между тем грожуся по "Энеиду": – сообщал он 11 февраля 1823 г., – вторая песнь кончена; мало по-малу переведу всю. Трудиться над переводом классики насчаждение необыкновенное...» (С 7. Т. 6. С. 431). Никаких следов продолжения перевода до сих пор не обнаружено, но очевидно, что перевод второй песни был завершен и подготовлен к печати около 7 октября 1822 г.

«Разрушение Трои» – перевод второй книги эпической поэмы «Энеида» римского поэта Публия Марона Вергилия (лат. P. Vergilius Maro; в V в. возникает форма Virgilius; 70–19 гг. до н. э.). В поэме основой сюжета стала судьба Энея и его жизнь со времени падения Трои до победы над вождем италийского племени рутулов Турном. В композиции «Энеиды» Вергилий сознательно ориентируется на гомеровский эпос: 1–6-я книги соответствуют «Одиссее», а 7–12-я – «Илиаде».

804-м стихам второй песни «Энеиды» у Жуковского соответствуют 794 стиха.

Небольшие сокращения в переложении ст. 77–93, 370–401, 547–587 «Энеиды» были связаны у Жуковского с более лаконичным изложением речи Синона, описанием ночной Трои и убийства Приама. Но в целом перевод Жуковского достаточно верен и тщательно воссоздает повествовательный ритм оригинала. Большая правка и обилие вариантов содержатся в ст. 203–210 (описание двух змей, загрызших Лаокоона и его сыновей) и ст. 376–387 (сравнение Андрогее с путником, разбудившим змею). Жуковский подбором эпитетов и заменой глаголов добивается большей динамики и зримости картины.

В лексиконе и синтаксисе перевода обнаруживаются три тенденции: насыщение текста схожими эпитетами (дивно-огромный, гороподобный, бесполезно-прискорбная, благодушный, благовеющий, бедоносный, плачевно-ужасный, броненосная, стенобойный, неизбежно-ужасный, святотатный, чудотворный, обильно-медлительный, светоносный и др.), старославянизмами (риза, шуйца, десна, вопияла, к прагу,

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukovskiy рамена, бразда, выя) и редукция восклицательной эмфатики от С 3 к С 5 (в С 3 307 вос-клицательных знаков; в С 4 – 117; в С 5 – всего 57). Реконструкция составных гомеровских эпитетов и черт летописного стиля имела для Жуковского принципиальное значение. Это был поиск эпической формы. Эпитет «роковой» («день роковой наступил», «роковая повязка», «время пришло роковое», «ослепленная роком»), отсутствующий в оригинале, сопрягает перевод Жуковского с поэтикой античной баллады. Уменьшение количества восклицательных знаков – следствие поступательного движения Жуковского в 1840-е гг., когда шла работа над С 5, к повествовательности.

Несмотря на то, что уже в при первой публикации отрывка из перевода в ПЗ было указано: «С латинского», можно с уверенностью говорить об обращении Жуковского к тексту-посреднику. Как обычно, при обращении к переводу классических текстов Жуковский приобретает все известные ему и популярные их переводы на европейские языки. В библиотеке поэта сохранились следующие издания перевода «Энеиды»:

1) *SEneide, traduite par Jacques Delille*. T. 1–4. Paris, 1804. (Описание. № 2320).

2) *Virgifs Aeneis, translated into English*. By John Dryden. London, 1819 (Описание. № 2317).

3) *Des Publius Vergilius Maro werke von Johann Heinrich Voss*. Bd. 2. Braunschweig, 1821 (Описание. №2318).

Стихотворный перевод известного французского поэта и переводчика Жака Деллня (1738–1813) с параллельным латинским текстом и подробным комментарием – одно из лучших изданий «Энеиды» того времени. По всей вероятности, книга попала к Жуковскому из книжного собрания К. Н. Батюшкова (подробнее см.: Батюшков: Исследования и материалы. Череповец, 2002. С. 106–107). Никаких помет* в тексте перевода, в том числе и второй песни, нет.

К творчеству английского поэта Джона Драйдена (1631–1700) Жуковский обращался еще в 1812 г., переводя его кантату «Пиршество Александра, или Сила гармонии». Именно сочинения Драйдена и Попа он считал этапом в развитии национального содержания английской литературы (БЖ. Ч. 2. С. 210). В стихотворном переводе Драйдена (Book II. P. 148–175; не все строфицы разрезаны) содержится 1094 стиха. Никаких помет Жуковского в этом переводе нет.

Перевод второй песни («Zweiter Gesang») немецкого поэта Иоганна Генриха Фосса (1751–1826), которого Жуковский высоко ценил как знатока классической литературы, находится во второй части трехтомного собрания переводов Вергилия (с. 69–140) и содержит 803 стиха. Никаких помет в этой части нет. Зато в третьей части, содержащей 7–12 песни «Энеиды», на нумерованной странице, где дано содержание седьмой песни, имеется запись в столбик карандашом рукою Жуковского: «Сон Турна. Раненый олень», а на нижней обложке тоже карандашом написано: «Немецк. (ая) миф. (ологическая) лексика. Бонстеттен». Что касается первой записи внутри седьмой песни, то она касается двух центральных ее сцен. Вторая за-пись с трудом поддается комментарию. Возможно, при работе над переводом и во время чтения Жуковский, затрудняясь в выборе слов для мифологических реалий, обращался к немецкой версии Фосса, а его консультантом был немецкий историк и педагог Шарль (Карл) Виктор Бонстеттен (1745–1832). В дневнике первого за-граничного путешествия (записи от 24–26 августа 1821 г.) Жуковский постоянно говорит о своих встречах и беседах с ним во время посещения Женевы. Характерна в этом отношении запись от 26 сентября: «У Бонстеттена. (...) Подарок Бонстетте-на» (ПССИП. Т. 13. С. 211). Не исключено, что это был томик с переводом Фосса, только что вышедший из печати.

Но важнее другое: приступив к переводу второй песни «Энеиды», Жуковский опирается не только на текст оригинала, но и привлекает для сравнения три (французский, немецкий и английский) его перевода.

Интерес Жуковского к эпосу Вергилия восходит еще к эпохе его поэтической молодости. В 1805–1810 гг., штудирова классические труды европейских теоретиков искусства и составляя свой «Конспект по истории литературы и критики», он неоднократно обращается к «Энеиде» и постоянно подчеркивает, что поэма Вергилия «есть прекраснейший из памятников, оставленных нам древностью», «главное отличие Вергилия состоит в слоге, который красотой превосходит все, что известно нам в стихотворстве» (Эстетика и критика. С. 56, 78). Вслед за автором «Лицея», французским критиком Ж.-Ф. Лагарпом, Жуковский размышляет о композиции и слоге «Энеиды», своеобразии ее героев (Там же. С. 77–78). Читая «Опыт об эпической поэме» Вольтера, автор «Конспекта...» говорит о соотношении «Энеиды» и поэм Гомера, о характере главного героя (Там же. С. 56–57). Вместе с английским теоретиком литературы Хью Блером, автором «Лекций по риторике и изящным искусству», он продолжает сравнительную характеристику «Энеиды» и поэм Гомера, подчеркивает, что «Вергилий не так возвышен и оживлен, как Гомер, но он ровнее, разнообразнее, правильнее, образованнее, выдержаннее», «простота и

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov
горы». В черновом варианте: «Гороподобного (...) из твердыя сосны...»
Ст. 17. В жертву богам при отплытии... – Вместо «в жертву» было «в дар»
(черно-вой вариант, С 3–4); вместо «при отплытии» – «на отплытие» (С 3).
Ст. 19. ...в пространные недра чудовиий... – Зачеркнуто: «...в пространную
вну-тренность махины...»
Ст. 20. ...чрево громады одеяных броней ратных. – Черновой вариант:
«...грозное чрево страшилища бронеедеянных ратных». Этот вариант сохранился до
С 5. Но в С 3–4 вместо «страшилища» – «громады».
Ст. 21. Теиедос – небольшой, ранее заселенный эолийцами остров в Эгейском море.
Согласно легенде, корабли греков, отошедшие от Трои, бросили якорь у Те-недоса,
чтобы взять на корабль деревянного коня и вернуться с ним в Трою.
Ст. 22. Остров, обильный, доколе стояло царство Приама... – В автографе
зачеркнуто: «Остров, цветущий, в то время как было царство Приама...»
Ст. 26. Тевкрия – Троида, по имени легендарного первого царя Тевкра, сына
речного бога Скамандра.
Ст. 27. ...рвемся па волю... – Вместо «рвемся» было «жаждем». Сохранилось в С 3.
Ст. 29. ...шатер был Ахиллов... – В оригинале добавлен характерный эпитет
«ужасный».
Ст. 32. ...дивятся великой громаде... – Вместо «великой громаде» первоначально
зачеркнуто: «громадному зданью». В С 3: «огромному зданью».
Тиметос – намек на возможность его измены, так как его жена и сын, согласно
Сервию, комментатору Вергилия (IV в.), были убиты по приказу Приама.
Ст. 35. ...проницательный Капис... – Эпитет «проницательный» отсутствует в
оригинале.
Ст. 46. Или громада сия создана... – Лаокоон принимает коня за своеобразную
осадную башню; подобные башни римляне строили из дерева, ставили на колеса и во
время осады продвигали вплотную к городским стенам. Сам образ прорицателя и
жреца Аполлона в Трое Лаокоона Вергилий во многом сближает с реалиями римской
действительности.
Ст. 50. ...копье тяжелое... – Вместо эпитета «тяжелое» в первоначальном
варианте – «великое».
Ст. 52. ...дрогнуло зданье... – Вместо «зданье» было «чрево».
Ст. 54. ...когда б не затменье рассудка... – В черновом варианте: «...когда б не
слепой наш рассудок...»
Ст. 55. ...открыло их козни железо... – Вместо «козни железо...» было «козни
ар-гивские».
Ст. 68. Робко водил он кругом недоверчивый, взор... – В автографе зачеркнуто:
«Он с недоверчивым страхом ее обозрел...» В С 3–4 вместо «кругом» было «окрест».
Ст. 69. ...какое море, – воскликнул... – Вместо «воскликнул» было «сказал он».
Ст. 71. ...а здесь раздраженная Троя... – Вместо «раздраженная Троя» было
«раздраженны Дардане».
Ст. 72. ...погибелью мне угрожает!... – Вместо «погибелью» было «казнию».
Сохранилось до С 5.
Ст. 73. ...тронула наши сердца; замолчало... – Вместо «замолчало» в автографе
зачеркнуто: «усмирилось».
Ст. 78. Сион... – Согласно греческой легенде, воин, родственник Одиссея,
по-зволивший троянцам взять себя в плен, сделав вид, что его преследуют греки.
Ст. 81. ...о делах Паламеда, Вилова сына... – Первоначально: «...о делах
Паламе-да, рожденного Белом!»
Паламед – сын царя Навплия и Эвбеи. Разоблачил в ходе Троянской войны мнимое
безумие Одиссея и был за это коварно обвинен последним в том, что подкуплен
Приамом. Известны были мудрость и дар изобретения Паламеда, которому
приписывалось создание букв, цифр, шашек, мер и весов. Отец Паламеда позднее
отомстил грекам, возвращающимся из Трои. Бел (Вил) – согласно греческой
ми-фологии, родоначальник будущих героев. У Вергилия – «Belid».
Ст. 92. О безрассудный! я не смолчал, но смело грозился... – Черновой вариант:
«И не смолчал я, безумец, но смело убийцам грозился...»
Ст. 96. ...меня обвинял в замыслеях... – Зачеркнуто: «...против меня вымышлял
побасенки...»
Ст. 98. ...доколе Калхаса... – Используя многозначие в конце стиха, Жуковский
сохраняет стилистическую фигуру умолчания, употребленную Вергилием по отно-шению
к Калхасу, греческому прорицателю, предсказавшему продолжение Троянской войны.
У Вергилия деревянный конь сооружен по его совету. По другой версии, эта идея
принадлежала Одиссею.

23'
355

Ст. 99. ...продолжать бесполезно-прискорбную повесть? – Эпитет
«бесполезно-прискорбную» в оригинале отсутствует.

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Ст. 101. ...поражайте меня... – Вместо «поражайте» было «казните».

Ст. 105. Снова начал он робкую речь... – Вместо «робкую речь» было «трепетну речь». Сохранилось до С 5.

Ст. 107. Греки не раз отупорпыя Трои бежать замышляли. – Первоначально: «Ча-сто данаи бежать замышляли, Трою покинув».

Ст. 110. ...из брусьев сосновых... – В оригинале: «из кленовых бревен», но далее (ст. 258) у Вергилия говорится о сосновых затворах коня. Это можно рассматривать как противоречие в тексте, но необходимо учитывать, что, например, обозначения сосны и ели (pinus, abies) употреблялись римскими авторами без разграничения – как синонимы.

Ст. 112. В трепете мы Эрифила узнать, что велит нам оракул... – Черновой вариант: «В недоумении мы Эрифила спросить прорицанье...» В С 3–4: «Полны смятения, мы Эрифила, да спросит Оракул...»

Ст. 113. В Дельфы послали... – В оригинале: «узнать оракул феба». Жуковский добавляет топоним, имея в виду наиболее знаменитый оракул Аполлона в Дельфах, в Фокиде, хотя Вергилий, возможно, имел в виду другой оракул, расположенный ближе к месту событий. Культ Аполлона был развит в Малой Азии, и его оракулы существовали и в городах, захваченных греками (Хриса, Тенедос).

Ст. 114. ...кровию девы закланной... – Имеется в виду Ифигения, дочь Агамемнона и Клитемнестры, принесенная по совету Калхаса в жертву Артемиде. Богиня, во время обряда жертвоприношения заменив девушку ланью, сделала ее своей жрицей.

Ст. 120. С шумом тогда Улисс ухищренный Калхаса пророка... – Черновой вариант: «Туг Улисс Калхаса пророка с шумом великим...»

Ст. 124. Десять дней прорицатель молчал... – В оригинале: «Молчит Калхас дважды пять дней...»

Ст. 131. Были готовы и соль (...) и повязка... – Солью, смешанной с мукой, посыпали голову жертвы, ножи и огонь; повязки предназначались для жертвы, жрецов и культовых изображений.

Ст. 141. ...яви сожаленье... – Вместо «сожаленье» было «состраданье».

Ст. 142. Бедному мне и тронься... – Вместо «тронься» было «сжался».

Ст. 143. Мы, сострадая... – В автографе зачеркнуто: «Тронуты всё, мы...»

Ст. 144. Сам благодушный Приам... – Эпитет «благодушный» в оригинале отсутствует.

Ст. 146. ...о своих неприязненных греках... – Вместо «неприязненных» было «утраченных».

Ст. 151. ...к священному небу свободные руки... – Первоначально: «...к звездам старцем избавленны руки...»

Ст. 154. ...роковая повязка... – В оригинале: «повязки богов».

Ст. 156. ...открою трояиам их тайны... – Черновой вариант: «...открою их гибельны тайны...» То же в С 3–4.

Ст. 157. Чуждый отчизне... – Первоначально: «Вместе с отчизной...»

Ст. 159. ...истину молвлю. – Зачеркнуто: «...правду открою...»

Ст. 160. ...надежной, помощницей в битвах... – Вариант: «...верной помощницей в бранях...» В С 3–4 этот же вариант, но вместо «в бранях» – «в брани».

Ст. 162. Сын Тидеев... –Диомед, сын Тидея, один из известных греческих героев, был в числе женихов Елены и участвовал в походе под Трою. Диомед и Улисс похитили Палладиум, древнее резное изображение защитницы города Паллады, упавшее с неба, когда был основан Илион. Пока оно хранилось в акрополе, город был неприступен, поэтому Вергилий называет его «роковым» (fatale), что не пердает Жуковский. Сион намекает, что конь послан троянцам вместо похищенной святыни.

Ст. 166. Кончилась паша доверенность к ней, охладела надежда... – Зачеркнуто: «Наша доверенность стала свободна...» Вместо «охладела» было «оробела».

Ст. 168. ...гнева Тритоны... – Эпитет Минервы по месту ее рождения (Тритониды – озеро в Ливии, или ручей в Беотии, называвшийся Тритон).

Ст. 169. Был утвержден похищенный идол... – Вместо «похищенный» было «божественный».

Ст. 174–175. ...снова //Греки должны спросить оракул в Аргосе... – Здесь Вергилий переносит римскую деталь (повторные гадания при неудачах) на культовые обычаи древнегреческого общества.

Ст. 175. ...оракул... – Зачеркнуто: «...прорицанье...»

Ст. 177. ...переплывши в Аргос с благовеющим ветром... – Черновой вариант, С 3–4: «...провожденны в Аргос благовеющим ветром...» В оригинале: «в родные Микены». Эпитет «благовеющим» – добавление переводчика.

Ст. 184. ...не пройти во врата... – В С 5, вероятно, опечатка: «...не пройти до врата...», которую мы исправляем.

Ст. 190. ...степы Пелопсовы сильной оступит... – Вместо «сильной» было «страшной».

Пелопсовы (Пелоповы) стены, т. е. пелопонесские города Аргос и Микена.

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Ст. 197. ...неслыханно страшное чудо... – Вместо «неслыханно страшное» в черно-вом автографе было «грозное».

Ст. 198. ...и вселило в сердца неописанный трепет. – Зачеркнуто: «...и смутило сердца неописанным страхом».

Ст. 199–220. Смерть Лаокоона и его сыновей – один из распространенных сю-жетов в античном и западноевропейском изобразительном искусстве (Эль Греко). Особенно известна скульптурная группа из мрамора, найденная в Риме в 1506 г. (находится в музее Ватикана), оказавшая влияние на художественное мышление Винкельмана, Лессинга и Гёте.

Именно эти стихи подвергаются особенно тщательной работе Жуковского. Мно-жество черновых вариантов – попытка добиться большей динамики картины.

Ст. 223. ...ко храму высокому... – Черновой вариант: «...к высокому капищу...»

Ст. 224. Там, достигши святилца... – В автографе и С 3 вместо «достигши» – «достигнув».

Ст. 226. ...ужас глубоко проникнул... – Вместо «проникнул» был вариант: «напол-нил».

Ст. 234. Ставят громаду... – Было: «Махину ставят...»

Ст. 241. ...внутри зазвучало железо... – Черновой вариант: «...оружие [стукнуло], звякнуло в чреве...»

Ст. 242. ...разумутратив, не зрим... – Вместо «разум» в автографе было «память».

Ст. 243. ...истукан бедоисный. – В оригинале: «роковой конь».

Ст. 244. ...Кассандра... – Или Александра, прекраснейшая из дочерей Приама. Согласно киклическим сказаниям, она получила дар предсказания от Аполлона, но отвергла его любовь, и он наказал ее тем, что ее пророчествам никто не верил. У Го-мера ничего не говорится о ее даре. Еще в 1809 г. Жуковский обратился к ее образу, переведя балладу Шиллера «Кассандра» (ВЕ. 1809. ч. 47. № 20. с. 258–263).

Ст. 246. Мы, слепцы, для которых... – «Мы, безумцы, для коих...» (черновой ва-риант; С 3–4).

Ст. 248. Небо тем временем круг совершило, и ночь полетела... – В космогонии древних небо представлялось вращающимся сводом, и солнце, опускаясь в Океан, завершает этим день.

Вместо «полетела» в черновом варианте: «побежала».

Ст. 253. ...безлуння мраке... – Зачеркнуто: «...безлунном молчаньп».

Ст. 255. ...судьбою богов, нам враждебных, хранимый... – Черновой вариант, С 3–4: «...судьбою враждебных богов ограждены...»

Ст. 256. ...в громаде дана ям... – Вместо «в громаде» в автографе и С 3: «во чреве».

Ст. 257. Отпер коварный Синои... – В автографе, С 3–4: «Вскрыл осторожный Синон...»

Ст. 259. Стенел, и Тессаидр, и Улисс кровожадный... – Вместо «кровожадный» в автографе было «осторожный».

Стенел (Сфенел) – вождь аргивян, друг Диомеда. Тессандр (Фесандр) у Гомера не упоминается.

Ст. 260. Фоас (в автографе и С 3: «Тоас»); у Вергилия Фоант – один из ахейских вождей. Афамап (в автографе и С 3: «Акамант») – греческий герой, сподвижник Диомеда.

Ст. 261. Неоптолем – сын Ахилла, был приведен под Трою Улиссом, т. к., со-гласно оракулу, без него город не мог быть взят. Магаои (Махаон) – врач в стане греков.

Ст. 262. Эпеос (Эпей) – мастер, воздвигший коня; упоминается и в «Одиссее» Гомера.

Ст. 266. Было то время, когда на усталых сходить начинает... – Вместо «было то время» – «был тот час»; вместо «на усталых» – «на смертных». Оба варианта в ав-тографе зачеркнуты.

Ст. 268. Вдруг... мне заснувшему видится... – Вместо «вдруг» – «вот»; вместо «ви-дится» – «грезится». Оба варианта зачеркнуты.

Ст. 273.. ..бегущим в Ахилловой броне... – Когда Ахилл из-за обиды на Агамемнона от казался участвовать в битве, в его доспехах сражался Патрокл. Убив его, Гектор завладел этими доспехами (см.: «Илиада»; XVI–XVII).

Ст. 274. Иль запалившим фригийский пожар в кораблях супостата! – В ори-гинале: «обрушивший огонь на корабли данайцев». В переводе оценочное до-бавление, переданное славянизмом-просторечием. Жуковский колебался в его выборе. В автографе было: «мирмидонян». Во всех прижизненных изданиях: «супостата». Во время отступления ахейцев Гектору удалось дойти до побережья, где стояли греческие корабли, и поджечь их («Илиада»; XV, 592 и след.).

Ст. 275. ...от крови склеилися кудри... – Вместо «склеилися» до С 5 было «слеплися».

Ст. 283. Сердцем унылых обрел!.. – Вместо «сердцем» в автографе зачеркнуто

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukovskiy

«духом».

Ст. 286. ...вздох исторгнув из груди... – Вместо «из груди» в автографе зачеркнуто «из сердца».

Ст. 287. Молвил: «Беги, сын богини, спасайся; Пергам погибает... – Черновой вариант: «Молвил: "Горе, горе, беги, сын богини! спасайся!"»

Ст. 290. ...Пергам бы спасен был этой рукою. – Вместо «этой рукою» было «сею рукою». Сохранилось в С 3–4.

Ст. 291. Троя пеиапюв своих тебе поверяет... – У римлян пенатами называлась внутренняя часть храма или дома, божества-хранители и все боги домашнего очага. Здесь – указание на пророчество о возрождении Трои после основания Рима Энеем.

Ст. 293. ...их же воздвигнешь... – В автографе, С 3–4 вместо «их же» было «кои».

Ст. 296. ...разливалась гибель. – В автографе: «...разливалось горе».

Ст. 300. ...и ложе покинул... – Первоначально: «...воспрянул от ложа...» То же в С 3–4.

Ст. 301. ...внимательным слушая ухом. – В автографе вместо «внимательным» было «примечательным».

Ст. 304. ...веселые нивы... – В оригинале просто «поля».

Ст. 308. Деифоб – один из сыновей Приама и Гекубы, любимый друг Энея.

Ст. 310. ...сигейские воды... – Воды Сигейской бухты близ Трои.

Ст. 313. ...броситься в замок... – В автографе зачеркнуто: «с криком».

Ст. 321. Я спросил; отчаянным стоном... – В автографе вместо «спросил» было зачеркнуто: «воскликнул». В оригинале вместо «отчаянным стоном» просто «стоном».

Ст. 339. Хорее – правильно: Короб – фригиец, сын Мигдона, сватался к Кас-сандре, предложив Приаму помощь в войне с ахейцами. Жуковский колебался в написании этого имени. Вплоть до С 4 он употреблял форму «Хороб». Вероятно, на него повлияло написание имени героя русских летописей и трагедии А. П. Сума-рокова «Хорев».

Ст. 348–349. ...наши покинули храмы // Боги... – Согласно поверью древних, боги-покровители покидали побежденный город.

Ст. 354–355. ...пасти засохшие, жадно разинув, // Их волчата ждут в логовиингх... – В автографе, С 3–4: «...брошены дети, засохшая пасти // Жадно разинув, их ждут в логовищах...»

Ст. 361. ...лежат неподвижно во прахе... – Вместо «неподвижно» в автографе зачеркнуто «безобразно».

Ст. 366. Ужас, и бой.... – В автографе: «Горе и страх...»; в С 3–4: «гибель и страх...»

Ст. 368. Андрогей – по Вергилию, греческий вождь, погибший при взятии Трои. В греческой мифологии есть герой с том же именем, сын критского царя Миноса.

Ст. 376–378. Подверглись большой правке.

Ст. 405–406. ...пшчевпо-улсасиый//Бой... – В оригинале: «несчастнейшая битва».

Ст. 410. Бросился враг... – ВС 3–4 вместо «бросился» – «ринулся».

Ст. 412–415. Бросился враг... – Вписаны отдельно на л. 6 об., из-за чего сбилась общая нумерация стихов.

Ст. 419. ...чужие заметили звуки. – Имеется в виду акцент троянцев, говоривших по-гречески.

Ст. 421. ...броненосной Паллады... – Стремясь к насыщению текста перевода сложными эпитетами, Жуковский заменяет определение Вергилия: «воинственной».

Ст. 436. ...сдвинув щиты черепахой... – Т. е. прикрывшись щитами сверху. Этот прием защиты часто встречается при описании сражений.

Ст. 447. Ратных усилить и бодрого духа придать побежденным. – Отсутствует в ПЗ.

Ст. 460–462. ...гремя и дымяся ~ и градом... – В ПЗ: «...горою развалин// С гро-мом она повалилась и вся необъятна на греков // Пала; раздавленных быстро сме-нили другие, и страшным градом...»

Ст. 464. ... Пирр бедопосиый... – В' оригинале эпитет «бедоносный» отсутствует.

Ст. 485. Праги объемлют дверей... – У римлян двери и порог дома считались священными и охранялись богом – двуликим Янусом.

Ст. 489. Силе прочистился путь... – В оригинале парономасия, выразительная в результате созвучия слов *fit via vi* (ст. 494) – «путь возникает благодаря силе».

Ст. 491–492. ...и разрушивши степу, ИС ревом и с пеной стремится поток из берегов и, равнину... – При публикации отрывка из перевода в ПЗ: «...из берегов выбегает// Пенный поток и, волнами стену ломя и равнину...»

Ст. 496. ...сто невесток... – Имеются в виду все женщины во дворце Приама.

Ст. 499. Стольких внуков... – ВС 3–4: «внуков толиких...»

Ст. 499–500. ...добыч многочисленных златом, II Гордые... – В оригинале: «гор-дые варварским золотом и доспехами». Известен римский обычай украшать двери дома военными трофеями.

Ст. 500. ...царица... – Т. е. Дидона, к которой обращен рассказ Энея.

Ст. 502. ...видя пылающий замок... – ВС 3–4 вместо «пылающий» было

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukovskiy
«раз-рушенный».

- Ст. 504. ...па хилые плечи... – В ПЗ, С 3–4 – «на трепегны плечи». Ст. 507. ...царских чертогов... – В ПЗ: «...обитателей царских...» Ст. 510. ...Напрасно –укрывшись... – Во всех предшествующих публикациях: «... Вотще – приютившись...» Ст. 512. ...под ветви... – В ПЗ: «...под кровлю...» Ст. 527. К лону родителей кинулся юноша в страхе, пред ними... – В ПЗ: «К лону родителей кинулся в страхе младенец; пред ними...» Ст. 529. ...толь великого горя... – В предшествующих публикациях: «...толикого горя...» Ст. 533. Ты, предо мной моего растерзавший последнего сына! – При публикации отрывка в ПЗ: «Ты перед взором моим моего растерзавший младенца!» Далее в ПЗ следовал стих: «Ты, ужаснувший погибелью сына родителей очи!», отсутствующий в С4иС5. В СЗон выглядел так: «Ты погибелью чад ужаснувший родительски очи!» Ст. 534–535. То ли Ахилл ~ Сделал с Приамом-врагом?.. – Ахилл не устоял перед мольбами Приама, когда тот пришел к нему с просьбой отдать тело Гектора для погребения («Илиада»; XXIV). Здесь Приам имеет в виду, что у столь великодушного отца не может быть столь жестокого сына. В оригинале: «Ты ложно выдаешь себя за сына». Приход Приама к Ахиллу изображен Жуковским в балладе «Ахилл» (1812–1814). Ст. 538. ...слабойрукою... – В ПЗ: «...хилой рукою...» Ст. 553. ...я о милом старце родителе вспомнил... – В С 3: «...я о милом родителя образе вспомнил...» Ст. 555. ...о сирой Креузе... – В оригинале: «покинутой Креусе». Ст. 562. ...Тидарову дочь... – Т. е. Елену, дочь спартанского царя Тиндарея. По более распространенной версии мифа она была дочерью Зевса и Леды, жены Тиндарея. Ст. 582. ...предстала мать... – Венера (Афродита), мать Энея, покровительница Елены и троянцев. Она просветляет взор Энея, чтобы он увидел, что должен по-кориться богам, погубившим Троию. Ст. 600 и далее. Посидои (Нептун), Ира (Гера, Юнона), Церера (Деметра) – Жуковский в целом полно передает римский колорит поэмы, хотя нередко использует имена богов в греческом и латинском вариантах. Ст. 606. Села, гремящую тучей и страшной Горгоной блистая... – В С 3–4: «Села, гремящую тучею блещет и страшной Горгоной...» Ст. 615. ...Нептуиова Троя... – Согласно мифу, Посейдон и Аполлон помогали царю Лаомедонту возводить стены Трои. Ст. 626. На гору старца отца переиесть... – Анхис, нарушив запрет Афродиты, раскрыл людям тайну их любви, за что Зевс поразил его молнией и сделал хромым (по другой версии – ослепил). По Вергилию, был вынесен сыном из Трои и умер на Сицилии. Ст. 629. ...мужеской силы... – В С 3–4: «...крепкия мышцы...» Ст. 633. ...сожжение града. – Анхис видел, как Геракл разрушил Троию при Лаомедонте за то, что царь, нарушив обещанье, не отдал свою дочь Гессиюну в жены герою. Ст. 670. ...совершилося чудо... – Исполнилось пророчество богов о судьбе Иула и его потомков. Ст. 676. ...огоньзатушить чудотворный. – Эпитет «чудотворный» – изобретение переводчика. Ст. 703–704. ...Церерии Идревле покинутый храм... – Этот храм троянцы не по-сещали во время войны, т. к. он находился за пределами города. Ст. 709–710. ...орошеиьем И Свежия влаги...» – К священным предметам можно было прикоснуться только чистыми руками, поэтому перед обрядом жертвоприношения происходило символическое омовение рук проточной водой. Ст. 771. Там в Гесперии, где водгллидийского Тибра... – Место, где будет основан Рим. Ст. 772. ...обильно-медлительным током... – Эпитет «обильно-медлительным» – еще одно изобретение Жуковского. В оригинале: «тихим течением». Ст. 773. ...невесту царевну... – Речь идет о Лавинии, дочери царя Латина, которую став женой Энея, принесет ему власть над Лациумом. Ст. 791. ...светоносныйЛюцифер... – Утренняя звезда, буквально: «светоносец». Употребляя отсутствующий у Вергилия эпитет «светоносный», Жуковский допускает тавтологию. Нет в оригинале и последующего определения: «юного дня благо-вестник».

Л. Янушкевич, М. Янушкевич

Предание

(Из «Конрада Валленрода») («О предание народное! Ты кивот завета...») (С. 77) Автограф (РНБ. Оп. 1. № 30. Л. 38 об.) – черновой, без заглавия, под № 2. Копия (РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 3. Л. 2 – 2 об.) – рукою неизвестного лица, с

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov заглавием: «Предание. Песнь народная». Впервые: Собратель. 1829. № 1. С. 17–18 – с заглавием: «Предание». В прижизненные собрания сочинений не входило. Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: вторая половина ноября (между 14-м и 27-м) 1828 г.

Основанием для датировки является положение чернового автографа в альбоме в красном сафьянном переплете, в продолговатую 8-ю долю листа (Бумаги Жуковского. С. 89), который содержит расположенные в хронологическом порядке черновые редакции произведений 1822–1831 гг. «Преданию» (в автографе без заглавия) предшествует окончание стихотворения «У гроба Императрицы Марии Федоровны» (с датой: 12–13 ноября 1828 г.); после него находится четверостишие из XXIV песни «Илиады», вошедшее в тот же номер «Собирателя», с датой: «27 ноябрь (1828)». Все это позволяет с достаточной определенностью говорить о создании «Предания» в промежутке между 14 и 27 ноября 1828 г. В пользу этого предположения говорит и факт его публикации в первом номере журнала «Собиратель», материалы для которого Жуковский готовил, как правило, накануне. Как удалось установить, «Предание» является переложением отрывка «Песни Вайделота» из 4-й части «Пир» поэмы известного польского поэта Адама Мицкевича (1798–1855) «Конрад Валленрод», которая была отпечатана в Петербурге и вышла в свет в начале февраля 1828 г. Поэма была восторженно встречена русской публикой. Так, Ксенофонт Полевой сообщает в своих воспоминаниях: «Многочисленный круг русских почитателей поэта знал эту поэму, не зная польского языка, то есть знал ее содержание, изучая подробности и красоты ее. Это едва ли не единственный в своем роде пример! Но это объясняется общим вниманием петербургской и московской публики к славному польскому поэту, и так как в Петербурге было много образованных поляков, то знакомые обращались к ним и читали новую поэму Мицкевича в буквальном переводе. Так прочел ее и Пушкин. У него был даже рукописный подстрочный перевод ее...» (Полевой Николай. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934. С. 209). Как известно, в мае-декабре 1827 г., то есть еще до выхода поэмы в свет, «Вступление» к ней перевел А. С. Пушкин (см.: Левкович Я. Л. К датировке перевода Пушкина из «Конрада Валленрода» Мицкевича // Временник Пушкинской комиссии. 1980. л., 1983. С. 122). Опубликовано в журнале «Московский вестник» (1829. ч. I. № 1. С. 181–187). С апреля 1828 г. печатает прозаический перевод поэмы Мицкевича С. П. Шевырев.

По всей вероятности, встреча Жуковского с Мицкевичем произошла в конце 1827 г. Рекомендую польского поэта Жуковскому, А. П. Елагина, хорошо знавшая своего родственника, замечает: «Вас непременно соединит то, что в вас есть общего: возвышенная простота души человеческой» (РС. 1883. № 1. С. 40). И это предсказание сбылось. Уже после первой встречи с Мицкевичем Жуковский сообщает ей: «Мне он очень по сердцу. Он должен быть великий поэт...» (РА. 1898. № 1. С. 83). Чуть позже, в письме к Иоахиму Лелевелю от 12 июня 1828 г. Мицкевич так характеризует своего русского собрата: «Это человек редкого характера, редкой честности и мой искренний друг» (Мицкевич А. Собр. соч.: в 5 т. М., 1954. Т. 5. С. 426). Подробнее об этом см.: Янушкевич А. С. В. А. Жуковский – переводчик отрывка из поэмы А. Мицкевича «Конрад Валленрод» // Историко-литературный сборник: к 60-летию Леонида Генриховича Фризмана. Харьков, 1995. С. 33–38. 17 декабря 1827 г. в цит. выше письме к А. П. Елагиной Жуковский, в частности, сообщает: «Я ничего из его творений не знаю; но то, что он прочитал мне в плохой французской прозе из своего вступления поэмы, им конченной, превосходно. Если бы я теперь писал или имел время писать, я бы тотчас кинулся переводить эту поэму. Дышит жизнью Валтер Скотта» (РА. 1898. № 1. С. 83). В письме к А. Э. Одынцу от 22 марта (6 апреля) 1828 г., опираясь, вероятно, на это письмо, Мицкевич сообщает: «Жуковский, с которым я познакомился и который очень ко мне благосклонен, писал, что если возьмется за перо, то посвятит его переводу моих стихов...» (Мицкевич А. Собр. соч. Т. 5. С. 397).

Журнал одного автора, «Собиратель» издавался Жуковским мизерным тиражом (10–15 экз.), во многом с утилитарно-практической целью. С его помощью воспитатель наследника знакомил своего ученика и других членов царского семейства с проблемами философии и истории. Статьи, помещенные в первом номере: «Взгляд на мир и человека», «Польза истории для государей», «Климат физический и нравственный», «Ничтожность человека на земле», способствовали нравственному образованию, рассматривались как органичная составляющая «политической педагогики».

Но вместе с тем «Собиратель» как определенное художественное единство выявлял своеобразие мирозерцания поэта-романтика. Неслучайно такое место в журнале занял раздел «Поэзия» с выписками из Байрона, Гёте, Шиллера, с размышлениями о Гомере (Штольберга), о бардах (Оссиана). Мотив поэзии как хранительницы

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov исторических деяний, летописи нравственных подвигов человечества обретает сквозной характер. В этом смысле перевод отрывка из поэмы Мицкевича, фрагмента о народном предании как «кивоте завета от времен минувших к време-нам настоящим» логично завершает движение мысли Жуковского, композиционно оформляет мотив поэтической и исторической памяти. В структуре поэмы Мицке-вича 4-я глава «Пир», и в особенности «Песнь Вайделота», занимают особое место. В поэтическом поединке итальянца, «трубадура от берегов Гаронны» и Вайделота раскрываются представления о назначении поэзии, сущности поэтического слова.

А. Янушкевич

Сид

Отрывки из испанских романсов (С. 78)

Автографы:

1) РНБ. Оп. 1. № 35. л. 8 об. – собственноручный список произведений с указанием времени их написания. Под датой «1831 г.» значится: «Сид. Генварь».

2) РНБ. Оп. 1. № 33. л. 1–14 (с оборотами) – прозаический текст с незначительной авторской правкой без заглавия и датировки, усховно озаглавленный И. А. Бычковым «Прозаический перевод отрывков из гердерова перевода «Сиды». Находится в такой же тетради, как и тетрадь № 6, на первых трех страницах которой находится дневник Жуковского с 30 апреля по 11 июля 1829 г., а на последней – запись о числе верст от Петербурга до Дерпта. В дальнейшем рукопись изменится нами «конспект» и датируется 1829 г.

Впервые: Муравейник. Литературные листы, издаваемые неизвестным обществом неученых людей. 1831. № 1. С. 9–12; № 2. С. 11–19. Под заглавием: «Сид.

Извлечения из древних романсов испанских». Подпись: «W. Z.» Публикации текста предпослано предисловие (С. 9–10), начинающееся словами: «Горные испанцы вместе с религиею, законами, честью и свободою предков...» Во всех последующих изданиях предисловие перепечатывалось, а имя героя получило соответствующую испанскому языку огласовку – Сид.

Конспект опубликован впервые: БЖ. Ч. 1. Томск. 1978. С. 264–269.

В прижизненных изданиях: БП и БИП с заглавием: «Отрывки из испанских романсов о Сиде». В С 4 в разделе «Баллады», с заглавием: «Отрывки из испанских романсов о Сиде». В оглавлении тома заглавие сохранено полностью.

В С 5 с заглавием в тексте: «Сид. Отрывок». В оглавлении: «Сид. Отрывок (с Гердерова перевода)» и отнесено к 1832 г.

Датируется: январь 1831 г. согласно указанию автора и времени первой публикации. «Сид» Жуковского написан в январе 1831 г. и опубликован в том же году трижды. Первый раз (февраль–март) в «Муравейнике» (№ 1 и 2) под заглавием «Сид, извлечения из древних романсов испанских»; второй (июнь–июль) в БП и третий раз (октябрь–ноябрь) в БИП с заглавием на титульном листе: «Отрывки из испанских романсов о Сиде». Это же заглавие было точно повторено и в С 4 (1836 г.).

Издатели С 5, сократив заглавие в тексте («Сид. Отрывок»), во-первых, исказили смысл публикации как целостного произведения Жуковского; во-вторых, добавив в оглавлении мифический подзаголовок: «(с Гердерова перевода)», провоцировали ложную трактовку произведения как перевода с немецкого оригинала. С их легкой руки все дальнейшие публикаторы, комментаторы и критики, начиная с С. П. Ше-стакова и кончая И. М. Семенко, говорили о «неточностях», «отступлениях» поэта и даже об «искажении» им оригинала, то есть произведения Гердера.

Обнаружение черного варианта переведенных Жуковским 17-ти песен гердеровского «Сиды» (1820), достаточно точно передающего немецкий текст, позволило поставить под сомнение правильность приведенных выше точек зрения (БЖ. Ч. 1. С. 260–299; см. выше), тем более что в печатном варианте (1831 г.) обнаружилось не только «отступления» от немецкого текста и его перевода поэтом, но и пассажи, серьезно расходящиеся с общепринятыми представлениями о эстетических принципах самого поэта: некоторое «ужесточение», «огрубление» характера героя по сравнению с немецким текстом, сокращение и даже отказ от отдельных когда-то переведенных лирических сцен и отрывков и их психо-логизации, традиционно усиливаемой русским поэтом. (См. прим. к ст. 94–101, 272–282, 283–308).

Обратил на себя внимание и отказ от строфического деления текста внутри главы, что соответствует традиции испанских народных романсов, в то время как в варианте 1820 г. поэт строго следовал за строфическим строем оригинала.

Интересным дополнением к размышлению явилась хранящаяся в РНБ (авто-граф № 2) рукопись плана-конспекта печатного варианта. Сам факт его существования в творчестве Жуковского – явление не уникальное. Поэт любил составлять списки созданных и предполагаемых к созданию произведений; ему случалось (особенно в ранний период) составлять планы произведений (таковы, например, планы «Весны», «Розамунды», «Владимира» и др.), но они остались нереализованы, поэтического воплощения не получили. В более поздний период творчества (1820-е гг.) сравнительно небольшие планы-конспекты появлялись у поэта в тех случаях, когда

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov
он не просто вольно переводил, но преднамеренно «пересоздавал» какое-либо
произведение. Таковы, например, его конспекты к балладе «Узник» по мотивам
элегии А. Шенье (1819) и к поэме «Пери и Ангел», разрабатывающей один из мотивов
обширной поэмы Т. Мура «Лалла Рук» (1821).
В случае с «Сидом» мы видим развернутый (12 л., с об.) подробный конспект
будущего произведения, отдельные мотивы и сюжеты которого существуют в
различных вариантах во множестве народных произведений, именуемых в Испании
романсами (об этом см. в наст. изд.)
Поскольку составленный Жуковским план-конспект, являясь творческой и
целенаправленной переработкой испанских романсов, представляет интерес не
только как подготовительный материал для написания поэтического произведения,
но и отражает важный этап эволюции художественного сознания поэта, приведем его
полностью.
В рукописи некоторые слова зачеркнуты, но они прочитываются без труда. Мы
заключаем их в обычные скобки. В угловые скобки, как и везде, заключены слова,
прочтение которых дается предположительно.
Победа над пятью царями мавров
л. 2 об. Они именуют Родрига своим Цидом и признают себя его вассалами. Их послы
являются к Родригу Биварскому и так смиренно его приветствуют:
«Добрый Цид, мы посланы пятью царями твоими вассалами, чтобы за-платить тебе
дань их».
Тогда отвечает Цид. «Друзья, вы ошибаетесь. Не ко мне ваше посольство. Я не
господии там, где присутствует король Фердинанд мой государь. Все его, ничто не
мое».
И король, довольный смирением Цида, говорит посланникам:
«Скажите вашим царям, что господии их, хотя и не король, но сидит на ряду с
королем, что все, чем я владею, завоевано мне Цидом».
И с той поры не было Родригу другого имени у мавров, кроме Цида.
Цид получил рыцарство в Коимбре
Семь лет осаждал король Фердинанд город Коимбру. И никогда бы ему не одолеть ее:
ибо она была крепка башнями, неприступными степами. л. 3. Тогда явился Сап-Яго,
рыцарь Христа, на прекрасном белом копе, с ног до
головы покрытый доспехами, свежими, чистыми, блестящими. Он говорил: «Этим
ключом, который в руках у меня, отворю завтра на рассвете королю Фердинанду
крепость Коимбру».
И король вступил в Коимбру, и мечеть ее названа церковью Богоматери.
Там вооружен был рыцарем знаменитый Дои Родриг Баварский. Король опоясал его
мечем и дал ему целование мира; по он не дал ему акколады, ибо то сделал уже для
другого; чтобы оказать больше чести Родригу, королева подвела ему коня, а
инфанта надела на пего шпоры.
Первое приключение
В глубокой печали сидит Дои Диего; подобной скорби ниюпо па свете не ис-пытал
подобного горя (sid). Ночь и день помышляет он о бесчестии своего дома, о
посрамлении древнего, храброго города Ааиецов, с которыми не равня-лись
смелостью ни Иниги, пи Аварки. Расслабленный болезнью и летами, он а. 3 об.
чувствует себя близким ко гробу, тогда как враг его Дои Гормас без страха и суда
гуляет па плоиигди народной.
Он не спит ночь, не касается к пище, не поднимает глаз от земли, не смеет и
выйти из своего замка, не говорит с друзьями, не позволяет и им го-ворить с
собою, ибо страшится, что дыхание посрамленного оскорбит их.
Наконец, желая сбросить бремя печали (безмерной) он приглашает к себе сыновей и,
не сказав им ни слова, повелевает-связать их нежные благородные руки. И сыновья
его спрашивают в страхе: л 3 об «какое намерение твое, родитель? Не
хочешь ли умертвить нас?»
И надежда в нем умирала уже, когда обратился он к Родригу. Но Родриг с глазами,
сверкающими, подобный грозному тигру, произнес слова сии: «Раз-вяжи мои руки,
отец. Беда мне. Развяжи скорее! Когда бы ты не был отец мой, не словами, а
делами я дал бы себе управу! Я собственною рукою вырвал бы все твои
внутренности, и пальцы мои были бы для меня вместо меча или кинжала...»
л. 4. И старец, плача от радости, говорит ему: «Сын души моей! Скорбь твоя
мне приятна! Исступленья твое меня радует. Яви, мой Родриг, такую же смелость в
заступленьи за честь мою, которая погибла, если ты мне ее не выкупишь».
И он рассказал ему о своей обиде и благословил его, и дал ему тот меч, ко-торым
он положил (лишить жизни) Гормаса и начало славным делам своим.
Цид перед боем
Родриг стоит в размышлении; он думает (о) молодых своих летах; он ду-мает о
сильном враге, который (многих) друзей астурийских в горах повелевал, первый при
дворе короля Аеоиского, первый во брани.

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Но все это [его не смущает] кажется ему мало [важным]: родясь, он обя-зался умереть за честь свою, он сын гидальга. ...От неба он просит правосудия, от земли поля битвы, от чести могущества руке своей.

И он снимает со степы старый меч, покрытый ржавчиной, как будто (одетый) траур(ом) (по господине) своем. «Я знаю, добрый меч, – говорит он, что тебе стыдно видеть себя в молодой руке моей! Но (нрзб.) обещаю не по-срамить тебя, биться не отступя ни шагу! пойдём!»

Встреча Цида с Д. Гормасом

л. 4 об. На площади дворцовой встречается Родриг с Гормасом. Он один; пуста дворцовая площадь. Так говорит Родриг Гормасу:

«Знал ли ты, меня, высокий Гормас, меня Д (он) Диегова сына, когда ты поднял руку на благородное лицо отца моего? Знал ли ты, что Дон Диего потомок Ауйиа Калва, что нет ничего, пет ничего (sic!) благороднее крови и щита его? Знаешь ли ты, что пока я жив, я, его сын, никто ни чем, кроме разве единого Бога всевышнего, не может сделать того, что сделано было тобою».

л. 5. «А ты, младенец, – отвечает надменный Гормас, – знаешь ли хотя по-ловипу жизни!» – «Знаю твердо! Одна половина ее в том, чтобы почитать благородных; другая в том, чтобы наказывать гордых и омывать последней каплей крови своей полученную обиду». Сказав это, впери́л он глаза па гордого графа; а сей ответствовал:

«Чего же ты хочешь, дерзкий младенец!» – «Хочу головы твоей, Дон Гор-мас!» – «Ты хочешь розог, дитя! Поди! тебя пакаэкут, как ветренного паж!» Царь небесный! Что почувствовал Цид при этом слове!

Возвращение Цида

л. 5. об. Слезгл катились, безмолвные слезы по ланитам старца, который сидел за столом, все позабыв, что его окружало. Он думал о посрамлении своего дома, он думал о младости своего сына, он думал о ждущей его опасности и о силе врага своего. Веселье бежит посрамленного, а вместе с весельем и доверенность и на-дежда; по юные, радостные сопутиики чести, с нею они возвращаются.

Погруженный в уныние, не видит он подходящго Родрига; с мечем, под мышкою, прижавши ко груди руки, он долго, до глубины

л. 6. сердца пораженный жалостью, смотрит на доброго старца; наконец прибли-жается и, схватив его за руку: «Ешь, мой добрый родитель», – говорит он. Но пуще плачет Дои Диего. «Ты ли говоришь со мною, сын мой! Ты ли, мне это советуешь!» – «Я, родитель! Подыми благородное, почтенное лицо твое!» – «Спасена ли честь паша?» – «Родитель! Он убит!» – «Сядь же со мною, сын мой, Родриго! Охотно я разделю с тобою пищу! Кто смог сразить подобную голову, тот будет главой, моего дома».

а. 6 об. В слезах преклонил колена Родриго, целует руки отца своего; в слезах Дои Диего целует лицо своего сына.

Химена и король

Владыка король сидит на престоле своем, дабы внимать жалобам на-родным и каждому давать управу. Великодушный и (нрзб.) награждает на-граждает (sic!) он добрых, наказывает злых: ибо наказание и милость творят добрых подданных.

В длинной одежде печальной, провожаемая тремястами пажей благород-ных, входит Химена, дочь графа Гормаса. Дворец безмолвствует в изумлении; преклонив колена свои па последней ступени трона, так начинает она свою жалобу.

а. 7. «Государь, шесть месяцев прошло уэ/се с той минуты, как погиб мой ро-дитель под ударами воина младого. И я уж:е падала уже ко стопам твоим; даны мне были обещания; но правосудие дано не было. Дерзкий и гордый Ро-дриго смеется над твоими законами, а ты потворствуешь его надменности. Если добрые государи суть подобие Бога па земле, то государь, не дающий правосудия и поощряющий буйства, не может быть ни любим, , ни страшен. Если ты это худо видишь, то худо будешь и слушаушь; прости же мне, если выражаюсь перед тобою худо: для женщины обида, превращается подчас в досаду».

а. 7 об. «Ни слова более, моя Химена, – ответствен фердинанд первый. – жа-лоба твоя не встретит здесь ни мрамора, ни железа. Если, я сохранил Дои Родрига, то сохранил его для твоего доброго сердца; время придет, и ты сама будешь проливать от пего радостные слезы».

Свидание Родрига с Хименою

л. 8. Была спокойная полночь.

Химена . Откройся! Говори, кто ты? Родриго. Химена, сирота! ты меня знаешь.

л. 8. Химена. Так, л знаю тебя! тебя, лишившего дом мои, благородной главы его! Родриго . Честь то сделала! не я!

Брак Родрига и Химены

Перед алтарем говорит Родриго Химене: «Химена! Я убил отца твоего, но не изменю, а меч против меча, дабы отмстить обиду!.. Мужа я убил! Мужа и даю тебе! Здесь я в твоей воле! И вместо мертвого отца получаешь ты че-стью украшенного

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukovskiy
супруга».

С сим словом он обнажает свой крепкий меч и, обративши конец его к небу, произносит клятву верности неизменной. Так совершился брак Родрига Кастильского. Цид одерживал победы во всех войнах короля Фердинанда. Наконец

л. 8 об. король Фердинанд приближается к концу своему. Он лежит на одре болезни, ноги его обращены к востоку, в руке [он держит] свеча; у изголовья стоят архиепископы и прелаты; по правую руку сыновья его. Он разделил уже между ними свои земли, когда инфанта Донна Урака, покрытая черным трауром, льющая слезы, (sic!) Она говорит ему:

«Родитель! Между законами божественными и человеческими есть хотя один, повелевающий все отдавать сыновьям, а дочерей лишать наследства».

л. 9. Король отвечает ей: «Оставляю тебе Заморю, богатую, крепкую башнями, со всеми вассалами для защиты и услуг твоих. Мое проклятие тому, кто помыслит ее у тебя похитить!» – Все говорят: «Аминь!» Один Д. Санхо безмолвствует.

Цид в царствование Д. Санха Кастильского

Цид с королем Санхом едет на богомольство в Рим. Они входят в церковь святого Петра. Там видит он семь седалищ для семи царей христианских; и седалище короля французского

л. 9 об. близ самого светлейшего отца; а седалище государя его ступеней ниже.

Ударом ноги он опрокинул сие седалище из кости слоновой и оно разбилось на четыре части; потом он взял седалище короля своего и поставил его выше. То узнавши, папа отрешил Цида от церкви. Цид простирается перед папой и говорит ему: «Разрешите меня святейший отец! Иначе беда приключится тебе!» – И с кротостию отвечает папа: «Разрешено тебя, Родриго, доброю волею, но с тем, чтобы ты вел себя учтивее при дворе моем!»

Междоусобие сыновей Фердинанда

л. 10. Едва успел Дои Санхо проводить со своими братьями гробницу короля Фердинанда в могилу, и уже он сел на коня и велит гремя трубе военной, и готовит в бой против братьев. Он сзывает вассалов. Первое сражение было с королем Галиции. Малочисленная дружина кастильцев окружает еще короля своего. Тогда является Цид.

«В добрый час, благородный Цид! Ты вовремя поспел сюда». На то от-ветствует Цид: «Но ты, государь, здесь не вовремя! Было бы лучит, когда бы, сложив в молитве руки, стоял ты над гробом отца

л. 10 об. своего! Я исполню должность вассала, но стыд – одному тебе!» – Он берет в плен короля Галиции. – «Что делаешь, Цид благородный?» – «Государь, я то же бы сделал и для тебя, когда бы служил тебе вассалом».

Один из братьев заключен Дон Санхом в крепкую башню. Тогда король Лионский, второй брат, обнажил меч; он посылает вызов Цида, мулсу чести, подающему руку на злое дело.

«К оружию! – Воскликает Дои Санхо. – К оружию, Цид благородный!»

л. 11. «Перл империи, цвет Испании, зеркало рыцарства! Они из Леона и лев на их знаменах... Но в Кастилии много замков и есть куда запереть их!» – «Го-сударь, – отвечает Цид, – право па стороне твоего брата! Одна фортуна делает его неправым!».

Побежденный Дои Альфонс бежит к толедским маврам. Как ястреб, от-ведав первой добычи, жаждущий крови, бросается на родную голубку, так на-падает Дон Санхо на одну из сестер своих и запирает ее в монастырь. Поупом идет он к Загоре, где владычествоует сестра его Донна Урака.

л. 11 об. Видя сей город, не имеющий равного в Испании, высеченный в утесе, ко-торым покрыт он, как панцирем рыцарь, обнимаемый влажными руками Дуэро, с бесчисленными замками и башнями, коих не счесть в целый день, дои Санхо призывает Цида.

л. 12. «Тебя, – говорит он, – отец наш оставил нам советником мудрым; до-брый Цид! Твердый столп королевского дома, иди посланником моим в За-морю; предложи мену сестре моей Ураке: пускай назначит она цену свою, но скажи ей: когда отвергнет, что предлагаю, я возьму, чего требую!»

«Какие стены! – Думает про себя Цид. – Чем долее смотрю на них, тем неприступнее, грознее они мне кажутся».

«Какие стены! – Думает про себя король. – Это первые, которые, не дрогнули при виде Цида». «Какие степы!» – Думает добрый конь Бабиека, замедляя шаг свой, опустив свою гриву.

л. 12 об. Безмолвен город Загора: он носит траур по королю Фердинанду. Церкви За-моры обтянуты черными тканями: они носят траур по короле Фердинанде. Инфанта Донна Урака заперлась в башне своего замка: она носит траур по отце своем, короле Фердинанде. Она оплакивает сестер своих и братьев. Тяжко вздыхала она, когда перед стенами явился рыцарь Кастилии, оружие-носцами окруженный. (

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov
Улицы наполнились шумом, крик достигает до замка, инфанта спешит на ограду...
Смотрит и видит грозу Кастилии – Цида!

л. 13. Цид поднимает глаза и видит инфанту, некогда надевшую на пего золо-тые шпоры.

Стой, Родриго: ты же на пути беславия! Цид благородный, назад!

Она ему напомнила клятву быть защитником дочери государя его; она \ ему напомнила прекрасные дни младости, проведенные при дворе короля Фер-динанда; она ему напомнила светлый праздник Коимбры.

Назад, Дон Родриго! Ты на пути беславия! Цид благородный, назад!

И он остановился! В первый раз обратил он коня своего Бабиеку; и шепчет про себя: «Назад!» И молча возвращает в стан королевский,

4 – 3088

л. 13 об. и дает королю ответ свой.

Но там говорит Дои Санхо во гневе: «Неблагоразумны те государи, кои чрезмерно честят своих вассалов: они творят одних надменных. Ты, Дои Ро-дриго, возбуждаешь мятежников Заморы! Мудрость твоя теперь не в ладу с моим советом! Выдь из моего присутствия! Выдь из Кастилии! Выдь из всех владений моих!

л. 14. «Из владений твоих, государь! Из каких владений? из тех ли, кои рука моя тебе завоевала? Или из тех, кои рука моя сохранила тебе?»

«Из тех и других!» – И Цид сперва задумчивый, потом улыбающийся, бро-сает спокойный взгляд кругом себя и садится на Бабиеку. – Цид удалился! ...и гробовое молчание царствует в стане.

Конспект, как и печатный текст, включает 2 части. Первая – не озаглавлена, но в ней даны названия главам, расположенным в том же порядке, что и в печат-ном тексте; во второй, озаглавленной «Цид в царствование Д. Санха Кастильского», графически выделен только один раздел – «Междоусобие сыновей Фердинанда», реализованный в поэтическом тексте в 1, 2 и 3 главах. «Такая нечеткость» в плане у крайне пунктуального Жуковского наталкивает на мысль о поспешности создания рукописи, о стремлении скорее зафиксировать необходимое содержание при мини-мальной заботе о четкости выделения всех составляющих будущего произведения.

Наличие специфически испанских мотивов, понятий и выражений в тексте кон-спекта не оставляет сомнений в том, что делался он без иноязычного посредника, то есть прямо по испанскому тексту.

Вероятно решив вернуться к работе над романсами, к чему у поэта были как эстетические, так и нравственно-этические предпосылки, он намеревается про-должить поиск оригинальных источников, в Россию практически не проникавших, чему препятствовала взаимная языковая и религиозная замкнутость обеих стран. Оказавшись в католической Польше, во многих городах которой были крупнейшие по тому времени библиотеки, пополнявшиеся по линии богатейших монастырских книжных собраний, Жуковский посещает библиотеку (или библиотеки?) в Варша-ве, что зафиксировано в его дневнике за 10 и 15 мая 1829 г. (дневники. С. 208, 209). В Варшаве того времени было не менее пяти библиотек, в числе которых была би-блиотека Университета, библиотека гр. Красинских, Публичная библиотека. Работой в библиотеке или временным пользованием книгами, из нее взятыми, можно объяснить упомянутую выше небрежность в записях Конспекта.

Наиболее вероятным ист очником создания конспекта могло явиться «Собрание лучших древних испанских исторических, рыцарских и мавританских романсов», собранных, изданных и прокомментированных Г. Б. Деппингом (Альтенбург и Лейпциг. 1817).

Имя Георга-Бернгарда Деппинга (1784–1853), путешественника и издателя, Жуковскому в это время было уже хорошо известно. В его библиотеке (Описание. № 898) хранится шеститомное издание по истории и топографии Великобритании (Grande-Bretagne), вышедшее в 1824 г., с пометами читателя. Испанские романсы издавались Деппингом трижды. Второе издание 1825 г. вышло в Лондоне с пре-дисловием и комментариями на английском языке, третье – в 1844 г. в Лейпциге, но с предисловием и комментариями на испанском.

Первое издание, по которому, вероятно, создавался Конспект, было выпущено Деппингом совместно с Ф. А. Брокгаузом. Предисловие и комментарии даны на немецком языке. Кроме того, каждому романсу предпослана небольшая темати-ческая аннотация, облегчающая читателю, не достаточно владеющему испанским, нахождение нужного романа. Можно думать, что именно к этим аннотациям вос-ходит идея Жуковского дать заголовки отдельным разделам Конспекта, особенно в начале его создания, где фиксируемые эпизоды укладываются в объем одного романа.

Комментарий Деппинга интересен наличием указаний на существование дру-гих вариантов романсов и мотивировкой выбора их для публикации. Так, на-пример, о романсе «Consolando al noble viejo...» (№ 41) сказано, что он взят из «Romancego». Но в «Истории Сида» есть другой, начинающийся словами «Llorando Diego Laynez...», в котором возвращающийся после поединка Родриго волочит за

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov... волосы огрубленную голову врага и предлагает «эту сорную траву» отцу «для улучшения аппетита». На что Дон Диего отвечает каламбуром (worterspiele). Каламбур приводится на испанском и тут же дается в немецком переводе. Вероятно, романс отвергнут Деппингом не только потому, что находится в другом источнике, но и по причине неприятия издателем, человеком XIX в., грубого юмора древнего романса, тогда как в публикации других составителей даже в более позднее время этот романс обычно включался. Естественно, что и в Конспекте Жуковского фигурирует романс, предлагаемый Деппингом.

Составляющие содержание конспекта и поэтического текста события рас-положены автором с нарушением хронологии жизни героя, которую стремились выстраивать как составители сборников романсов, так и авторы их обработок (Bibliothèque..., Гердер). Одновременно с этим все «неточности» и «отступления» от гердеровского текста, в которых более 100 лет упрекали Жуковского, в Конспекте присутствуют и, что самое важное, соответствуют тексту подлинных испанских романсов. При сравнении печатного варианта и конспекта обнаруживается полное их со-ответствие в разбивке и расположении разделов первой части. Что касается части второй, то в Конспекте, во-первых, присутствует небольшой, начинающий его раздел (л. 9 об.), не вошедший в печатный текст. Во-вторых, конспект заканчивается разделом, соответствующим главе III печатного текста, тогда как в последнем имеется еще одна, заключительная (IV), глава.

Что касается «излишка», то в нем рассказана история посещения Сидом Собора Св. Петра в Риме и устроенного им там самоуправства. Романс на эту тему есть во всех сборниках исторических испанских романсов (у Деппинга – № 62), однако, как замечает составитель, подобный факт, «льстивший гордым испанцам» и упо-мянутый даже в «Дон Кихоте» Сервантеса (ч. 1, гл. 19), «есть, по всей вероятности, выдумка создателей» (с. 92).

Если эта часть конспекта и была превращена в поэтический текст, что не из-вестно по причине отсутствия автографа, она не могла бы быть пропущена русской цензурой, тем более в 1831 г. Отсутствующий же в конспекте материал, составив-ший содержание самой большой главы второй части (ст. 521–597) легко обнаружи-вается в тех же романсах Деппинга и построен по тому же принципу экстракции содержания, что и конспект. Это романсы № 70, 72 и 74. (Сравнение испанского текста и переложения Жуковского см.: БЖ. ч. 1. с. 285–286).

Весь раздел конспекта, озаглавленный «Междоусобие сыновей Фердинанда» и реализованный в I, II и III главах второй части, соответствует «экстракту» содержа-ния пяти романсов (по Деппингу № 63, 64, 65, 68 и 69).

Первая часть конспекта, как и произведения, – «Сид в царствование коро-ля Фердинанда» – начинается главой, восходящей к романсу «En Zamora esta Rodrigo...» (Деппинг. № 53). Романс очень сильно сокращен, главным образом за счет отказа от перечисления даров, привезенных маврами.

Глава вторая (ч. I), имеющая в «Конспекте» заглавие «Сид получил рыцарство в Коимбре», – сокращенный перевод романса «Cercada tiene a Coimbra...» (Деппинг. № 50), включающего в себя эпизод с явлением Сант-Яго. Романс очень длинный (88 строк), из которого поэт использует только 35. (Сравнение текстов см.: БЖ. ч. 1. с. 280–282). Фактически это не перевод, а близкий к оригиналу пересказ, сохра-няющий его основные образы и детали. Сокращение же, как и в других случаях, достигается за счет опущения всех мотивов, осложняющих развитие основного сю-жета – изображения деяний героя.

По тому же принципу «экстрагирования» создана и последняя глава первой ча-сти «Сида» (ст. 309–340). Она построена как краткий пересказ романсов «Doñante se sienta el Rey...», «Acabado el Rey Fernando...» и «Atento escucha las qnexas...» (Деп-пинг. № 58, 59, 60). В указанных романсах в сумме 136 строк. У Жуковского – 32.

Наиболее целостно переданы поэтом романсы, относящиеся к первому подвигу Родриго и жалобе Химены королю. Пять глав (начиная с третьей) соответствуют пяти романсам испанским: «Guydando Diego Laynez...», «Pensativo estava el Cid...», «Non es de sesudos homes...», «Consoiando al noble ujejo...» и «Sentado esta señor Rey...» (Деппинг. № 38, 39, 40, 41 и 45).

Некоторая «нелогичность» построения «конспекта», вероятно, определялась желанием поэта представить читателю, еще ничего не знавшему об испанском эпосе, своего героя, объяснить его необычное имя. Ведь Жуковский был первым, кто познакомил Россию с испанскими романсами, а «Песнь о моем Сиде» впервые в отрывках будет опубликована на русском языке только через 66 лет, в 1897 г. (А. А. Смирнов). Этой же цели должно было послужить и предисловие, которое Жуковский пред-послал первой публикации «Сида» и которое неизменно перепечат ывалось им во всех последующих изданиях. Для предисловия был необходим достоверный ис-точник по истории Испании и ее культуры. Некоторые сведения о национально-историческом своеобразии и поэтических особенностях романсов даются в об-ширном и достаточно

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov
обстоятельно «Введении» (Einleitung) Деппинга, имеющем неплохой для своего
времени ссылочный аппарат. Именно здесь есть ссылка на труд Симонде де Сисмонди
(1770–1842) «Литература средневековой Европы» (Париж, 1813), в котором говорится
об испанской нации и ее народном герое. Позднее этот труд швейцарского ученого
неоднократно переиздавался, однако в России, по всей видимости, был редкостью.
Во всяком случае, одним из первых известий о нем была переводная статья «О
литературе арабов» (Вестн. 1818. ч. 102. № 123. С. 175–216), представляющая собой
отрывок из первого тома исследования. Как известно, А. С. Пушкин, знавший о
труде Сисмонди, в письме к брату от 14 марта 1825 г. просил его достать эту
книгу («Sismondie (litteratur)»). Однако приобрести ее смог лишь спустя более
чем 4 года: в его библиотеке имеется лишь издание 1829 г. (4 тома). При этом
книга внимательно читалась: 1 и 2 т. разрезаны целиком; в т. 3 разрезаны
страницы 1–209 и 537–556 (Модзалевский. № 1391). Среди разрезанных страниц 3-го
тома находится и глава об испанских романсах. Кстати, в библиотеке А. С. Пушкина
имеется и 2-е издание испанских романсов Деппинга, вышедшее в Лондоне в 1825 г.
в 2 т. (Модзалевский. № 758).

Среди книг Жуковского труды Сисмонди есть. Но это работы по «Истории
средневековых итальянских республик», о «Новых принципах экономической
политики» и «Этюды о конституциях свободных народов» (Описание. № 2131, 2132,
2133). «Литературы средневековой Европы» среди них нет. Вполне вероятно, что и
Жуковскому познакомиться с этой книгой удалось не ранее 1829 г., когда вышло
новое издание и когда сам поэт был за границей. Свидетельство знакомства –
Пре-дисловие к «Сиду», текст которого, как было установлено нами (БЖ. ч. 1. С.
296–300), есть краткий, выборочно сделанный и по-своему скомпонованный текст из
книги Сисмонди «De la Litterature du midi de l'Europe. Paris, 1829» V. 3. Ch.
XXIII. Naissance de Langue et la Poesie espagnol. Poem du Sid. P 108–118.
Поэт опускает иногда целые страницы, иногда абзацы или фразы, иногда их ча-сти
или слова, стремясь дать читателю краткую справку о некоторых особенностях
национального характера испанцев и прославленного ими героя. Именно это
акцентировано в предисловии: древние происхождением, горные испанцы, включая и
«самых нищих», люди «гордые, отважные, неспособные покорствоваться рабскому игу»,
не отдающие «никаких отличных почестей фортуне». Герой их, «знаменитый породю»,
прозвища свои получил от побежденных им мавров (Сид) и дружины своей (Кампеадор,
то есть – воитель), а богатство приобрел не сжуженном королю, а «мужеством и
оружием» и «подвиги его сохранились в народных песнях».
По поводу данного «экстракта» Н. Т. Беляева замечает, что ни один испанист не
расположил бы отрывки из Сисмонди так, как это сделал Жуковский, и к тому же
«следовало бы немного продолжить вступительное слово», то есть более точно и
детально рассказать о междоусобии (Зарубежная поэзия. Т. 2. С. 460).
Позволим себе с этим не согласиться, тем более, что суть претензий к
предисловию практически тождественна общему смыслу претензий, некогда
адресованных поэту по поводу разного рода «отоуплений» в самом поэтическом
тексте.

Создавая в 1831 г. свой вариант «Сиды» и предисловия к нему, Жуковский выступил
не в качестве историка или переводчика ряда романсов, а в качестве Поэта,
создавшего по мотивам испанских романсов самостоятельное произведе-ние. Да,
описывая историю первого подвига Родриго, переводившуюся ранее из Гердера,
Жуковский частично использует прошлый (не публиковавшийся) текст. В новом «Сиде»
содержится около 30 строк автореминисценций (См., напр., ст. 63, 64, 67–70, 79,
111–118, 128, 139–148, 175–180), а некоторые могут восприни-маться как варианты
переведенных некогда строк. Но это доказывает лишь одно: и Жуковский и Гердер
использовали в данном случае одни и те же романсы. Од-нако в целом выбор
вариантов романсов, акцентировка отдельных моментов сю-жета, использование
поэтических образов – всё теперь идет от самого поэта, от его понимания не
только содержания романа, но и своей поэтической цели – не просто познакомить
читателя с неизвестным произведением испанского эпоса в его этнографической
самобытности и экзотичности бытовых подробностей, но показать героя сильного
духом, могучего в битве, справедливого в споре, героя, воплотившего в себе не
только национально-исторические, но и общечеловече-ские ценности.
Свободно komponуя части произведения, прибегая как к целостной обработке того
или иного романа, так и к объединению в пределах одной главы нескольких
сюжетных мотивов, поэт одновременно стремится сохранить и воссоздать
харак-терные особенности образности и стилистики древнего оригинала. Так, имя
героя, как и в фольклоре, сопровождается постоянным эпитетом «добрый» (buen),
его со-циальное положение определено как «гидальго» (hijodalgo, fijodalgo), отец
именует его «сын души моей» (frjo de raí alma), король говорит Химене: «Здесь
твоя душа не встретит / Ни железа, ни гранита» (Que no veran vustras cuytas, /
Entrenas azero y marmo) и т. д., что вполне согласуется с образами оригинала и

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukovskiy создает своеобразный национально-исторический колорит эпохи. Поэт позволяет себе отбрасывать некоторые подробности эпизодов, описание воинских и свадебных нарядов, упоминание многочисленных имен, в изобилии присутствующих в испанских романах, так как для русского читателя, не знающего всей истории Родриго и всего обилия романсов и сказаний о нем, эти имена и подробности могли быть лишь экзотическими украшениями, а не необходимыми деталями истории и не способствовали углублению психологической проблематики «Сада». В то же время все части произведения (как и Конспекта), созданные на основе «экстракта» нескольких романсов, имеют краткую (в пределах 4-х строк) авторскую экспозицию, определяющую место действия и основные обстоятельства его, что в народных романах обычно отсутствует, ибо там предполагается, что история героя известна всем.

Образ Сиды, реального исторического деятеля, ставшего героем национального эпоса, был очень привлекательной фигурой для поэта, ибо, обладая высокими нравственными качествами эпического героя, он погружен в конкретно-исторические обстоятельства. Будучи личностью самобытной, отважной, «неспособной покорствовать рабскому игу», от кого бы оно ни исходило – от иноземных захватчиков или от короля, его сеньора, – высоту своих помыслов и порывов он необходимо должен соотносить с понятиями феодальной чести, борьбой за свободу своей земли и вассальным долгом.

Принципиально важно, что если в переводе 1820 г. поэт ограничился изображением героя в царствование короля Фердинанда, то теперь (при меньшем объеме произведения) действие разворачивается в царствование двух королей, откровенно противопоставленных друг другу: короля Фердинанда и его сына, Дона-Санхо Кастильского.

Первый, вопреки истории, но согласно традиции народных сказаний, предстает как мудрый и справедливый король, заслуживший славу великого правителя, ибо он, в конечном итоге, предстает в этой части таким, каким его хотят видеть подданные. «Твердый, кроткий, правосудный // Награждал он добрых щедро // И казнил виновных строго» (ст. 223–225); он – «Государь правдолюбивый», на земле он – «образ Бога» (ст. 252–253), на упреки подданных он «ответствует без гнева» (ст. 264). Награждал он за воинские заслуги и Родриго, собственноручно посвятив его в рыцари. И Сид с уважением говорит мавританским послам, что здесь «господствует великий // Фердинанд, мой повелитель» (ст. 16).

В первой части «Сада», по существу, дается целая программа просвещенной монархии, формулируется принцип идеального «сотрудничества» короля и его подданных: «Наказание и милость // Верных подданных творят» (ст. 252). Подобных формулировок не было и не могло быть в испанских романах, не было это у Гердера и в переводе его Жуковским, не развивались эти темы и в Конспекте, который делался на основании романсов. Но размышления на эти темы постоянно возникают в письмах Жуковского конца 1829–1830 гг., когда он занят хлопотами по делам декабристов, когда в январе 1830 г. пишет письмо Николаю I, в очередной раз прося за сосланных, настаивая на помиловании: «Время строгости для них миновало! Время милости наступило! (...) Государь! произнесите амнистию!» По мнению Жуковского, объявление амнистии позволило бы императору явиться перед Россией «в естественном (...) величии», «овладеть доверенностью (...) подданных и уважением остального света» (Дубровин. С. 74).

Жуковский не писал аллегорий. Но его взгляды, его понимание, его ощущение времени и обстоятельств неизменно и неизбежно отражались в его произведениях. И «естественное величие» правителя виделось ему не в завоеваниях и суровости, а в человечности, милости и доверенности к подданным, которые, в свою очередь, будут почитать своего короля. Таков король Дон Фернандо в первой части «Сада». А потому после смерти короля все «носят траур по великом Фердинанде». Эта формула трижды повторена поэтом (ст. 449, 453, 458), как это было принято в народных произведениях, и прилагательное «великий» здесь не титул, не имя – оно выражает отношение подданных, признание достоинств правителя.

Главный герой в первой части – человек открытый, прямой, действующий во всех случаях жизни по законам рыцарской чести, о которой говорится и в романах, и на что, как на особенность испанских народных произведений, обращал внимание Ф. И. Буслаев.

Любопытно отметить, что в ряде испанских романсов о юности Родриго герой первоначально не склонен присягать королю, претендуя на независимость, как то часто было в среде испанских феодалов того времени, что не помешало ему в дальнейшем быть верным вассалом. Этот мотив есть и в гердеровской обработке, и, соответственно, в переводе Жуковского 1820 г. (см. наст. изд. ст. 200–208). В данном варианте эта тема поэтом полностью опущена.

Вторая часть произведения «Сид в царствование короля Дон Санхо Кастильского» по объему несколько меньше первой. В ней 257 строк против 340 в первой. Однако глав

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov в ней всего 4, они более крупны, и действие в них развивается более интенсивно и напряженно, а сам герой постоянно оказывается в экстремальной ситуации выбора жизненного поведения, решающим для себя по сути «гамлетовский вопрос» – «быть или не быть», как соотносить свое понимание чести и человечности с бесчеловечными обстоятельствами, созданными жестоким и несправедливым королем Доном Санхо, который не дал требуемой клятвы у постели умирающего отца, разделившего земли между детьми и завещавшего соблюдать этот раздел. Положение Родриго в «междоусобии сыновей Фердинанда» с юридической стороны предопределено тем, что, будучи сам кастильцем и вассалом Кастильского короля, Сид автоматически стал вассалом его преемника – Дона Санхо – и обязан служить ему и помогать во всех войнах, им ведомых, даже если сам как частный человек считает эту войну несправедливой. Ситуация усложнена тем, что все участники войны – дети Дона Фернандо, и, следовательно, при жизни короля Фернандо Сид был и их вассалом, ибо все они были инфантами Кастильскими. Вообще, ситуация «выбора» между вассальным долгом и собственным пониманием справедливости и чести в испанских романах лишь намечена, но Жуковский в своем произведении акцент делает именно на ней. Он подчеркивает, что все участники распри знают Сид как человека благородного, достойного, как «мужа чести». В ходе междоусобицы все враждующие стороны обращаются в поисках решения своих проблем не друг к другу, не брат к брату, а к «благородному Сиду»: «В добрый час, мой благородный // Сид! – сказал ему Дон Санхо» (ст. 356–357); «Что ты делаешь, добрый // Сид? – сказал с упреком» Гарсий (ст. 369–370); к «мужу чести» направляет свое послание Дон Альфонс (ст. 378). Таким себя считает и сам герой. Ему кажется, что высказав свое осуждение поступкам короля, но продолжая исполнять его волю, как должно вассалу, можно сохранить самоуважение, а бремя позора падет лишь на короля, его сеньора: «Я исполню долг вассала; // Стыд же примешь ты один» (ст. 365, 366). Вассальным же долгом он пытается оправдаться и перед плененным Доном Гарсием, заявив: «Если б я теперь вассалом / Был твоим, я то же б сделал, // Государь, и для тебя» (ст. 371–373). Герой не сразу понимает, что исполнение вассального долга перед человеком, лишенным чести, способным нарушить клятву, разорвать законы родства, бросает тень и на него, «мужа чести, // Подымающего руку // На бесчестно-злое дело». Выделение этих слов в тексте принадлежит самому Жуковскому, который еще в дневнике 1828 г. писал: «Жить при дворе есть учиться или мудрости иди подлости. Надобно выбирать одно из двух. Среднею дорогою идти нельзя» (ПССИП. т. 13. с. 305).

Поэт, отступая от традиций народной поэзии, не знавшей и не умевшей еще передавать душевные состояния персонажей, включает в текст строки: «И ему шепнула совесть: // «Стой, Родриго, ты вступаешь // На бесславную дорогу; // Благородный Сид, назад!» (ст. 473–475). Это было первое отступление в жизни героя. Но это было не унижение себя, а сохранение своего достоинства в противовес королю Дону Санхо, утрачивавшему всякое достоинство в междоусобной войне.

Понятие совести как единственного руководителя в жизни становится ключевым в ряде записей Жуковского 1830 г. Так, например, после беседы с Николаем I в начале апреля 1830 г., представлявшей собой, как он заметит, «род головомойки», поэт напишет: «Я (...) буду продолжать жить, как я жил. (...) у меня есть другой вожатый – моя совесть (...)» (Дубровин. с. 81). Однако действия «по совести» в отнoшениях с правителями часто бывают «не без тяжелых ощущений». Так и его герой, имевший многие заслуги вассала, которому в минуты нужды в нем Дон Санхо рас-точал льстивые речи, называя его «цветом Испании», «зерцалом чести рыцарской», теперь объявлен «мятежником надменным» и изгнан из завоеванных и сохраненных им же для короля владений. Спокойно, с достоинством и улыбкой покидает королев-ский стан Родриго. Как сказано в заключении, «молчанье // В стане царствует, как в гробе». Этим завершается Конспект, этим заканчивается и III глава второй части.

Был ли первоначально у поэта замысел ограничиться именно этой сценой, или Конспект оказался неоконченным по недостатку времени, – сказать трудно. Могло быть и то и другое. Ведь завершается же аналогичной сценой «Илья Муромец» А. К. Толстого, написанный 40 лет спустя. Однако если исходить из того, что для Жуковского равно важно было показать не только самобытного и яркого героя, но и сравнить два царствования как два возможных варианта судьбы героя, то необходимо должно было последовать продолжение. Что и произошло.

Центральной фигурой последней главы является не Родриго, который остался тем же могучим, страшным для врагов, терпимым к слабостям ближних, справедливым и честным Сидом, каким знали мы его на протяжении всего предшествующего повествования, но король Дон Санхо, характеристика личности которого осталась в финале III главы как бы незавершенной. Он воинственен – да; но храбр ли –

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukovskiy неизвестно. Все победы ему приносит Сид, которому он неумеренно льстит; он не дорожит семейными узами, но, казалось бы, ценит воинские доблести соратника, однако и это не так: Сидом он изгоняет. Он жесток, хитер, несправедлив. Но все эти качества показаны косвенно, ему не дано ни одного определения, ни одной прямой характеристики извне.

Финал для него трагичен. Не доверяя никому, не слушая ничьих советов, Дон Санхо доверился изменнику, перебежчику, обещавшему открыть королю потаенный вход в осажденную, но неприступную Замору. Вместо этого «Острый свой кинжал предатель // весь вонзил в него и скрылся» (ст. 547–575).

В период работы над «Сидом» Жуковский много размышлял о кризисе нравственности в обществе, в котором власть «вся предана на произвол доносчиков» и доверием пользуются только Булгарины и Бенкендорфы. А кризис нравственности, считает поэт, неизбежно приведет и к кризису власти государственной: «Между царем и Россией будет бездна, огороженная забором из наушников» (Дубровин. С. 81). Размышления эти, несомненно, сказались и на последней главе произведения, и на характере финала, который построен на использовании романса, включающего плач Сидом об убитом короле. Жуковский опускает те части его, где содержится восхваление королевских доблестей, воспроизводя лишь упрек «благородного Родриго» в адрес короля, гибель которого была своего рода возмездием за нарушение им законов чести и человечности.

Ст. 16–17. Где господствует Великий П Фердинанд... – Король Фердинанд I Кастильский «Великим» не именовался. Здесь и далее (ст. 449, 452, 483) прилагательное «великий» титулом или именем не является, сохраняя значение качественной характеристики.

Ст. 32. Неприступную Коимбру... – См. прим. к ст. 377 на с. 346 наст. изд.

Ст. 37. Но является Сан-Яго... – Точнее, Сант-Яго – апостол Иаков, брат Иоанна Богослова; по преданию, в 30 г. н. э. прибыл в Испанию, где основал церковь. Считался покровителем Испании. Его именем названы десятки городов во всех испаноязычных странах. В романсах о Сиде упоминается постоянно.

Ст. 48–49. И мечеть ее называли // Церковью Марии Девы. – Во время Реконквисты и мечети и соборы во множестве подвергались разрушению. Пришедшие к власти для отправления своих религиозных нужд вынуждены были использовать оставшиеся постройки, перестраивая их при необходимости в большей или меньшей степени. После окончания Реконквисты часть мечетей была превращена в католические соборы, посвященные тем или иным святым. В архитектуре этих старых храмов и доныне видны следы мавританской архитектуры того времени.

Ст. 55. Только не дал акколады... – В испанском тексте: «*po le di era pezcozada // como otros habia dado*» – «только не дал подзатыльника, как другим давать случалось». Видимо, поэт, не совсем понимая значение слова *pezcozada* (подзатыльник), которое своей «приземленностью», просторечностью не вязалось с литературно поэтизированной процедурой «посвящения в рыцари», и заменяет его на французскую акколаду, более известную, но тоже не всегда понятную читателю, а потому не разрушающую впечатления торжественности момента, тем более что в «Полном французско-русском словаре (СПб., 1824. Т. 1.) указывается: *Accolade (acolade) s, f* – объятие, обнимание, облобызание.

В то же время, как указывает Н. Т. Беляева, в обычном употреблении «получить акколаду» означало «получить по шее», «получить пескозаду» – «получить подзатыльник». И то и другое входило в обряд посвящения в рыцари (Зарубежная поэзия. Т. 2. С. 633).

Ст. 63. Мрачен, грустен Дон Диего... – См. прим. к ст. 1 на с. 344 наст. изд.

Ст. 145. Оскорбив рукою дерзкой... – См. прим. к ст. 11 на с. 344 наст. изд.

Ст. 228–229. Входит юная Химена II Дочь Гормаса... – См. прим. к ст. 173 на с. 345 наст. изд.

Ст. 272–282. Эти 10 строк отсутствуют как в романсах, так и во французском пересказе в *Bibliothèque...*, но включены Жуковским в конспект. Тема ночного свидания, которая вслед за Гердером, ее автором, лирически углублена и развернута Жуковским в «Сиде» 1820 г. (см. прим. на с. 342–343 наст. изд.), здесь предельно сжата, но сохранена автором как необходимый с его точки зрения переход от жалобы Химены королю к сцене свадьбы (ст. 282–307), которая представляет собой очень близкое к тексту «извлечение» из подлинного испанского романса «*A Ximene u a Rodrigo...*» (Х. Эскобар. № 9).

Ст. 321. Дочь Урака в черном платье... – Урака – дочь короля Фердинанда, женой которой на несправедливый раздел наследства посвящено несколько испанских романсов, где она предстает как человек решительный, готовый отстаивать свои права.

Ст. 330. Я даю тебе Заморю... – Точнее, Самору – провинция в королевстве Леон с главным городом того же названия, на р. Дуэро.

Ст. 340. Только что успел Дон Санхо... – Точнее – Дон Санчо-второй, сын короля

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukovskiy
Фердинанда, получивший по завещанию Кастилию, будущий король Санчо II
Кастильский (1065–1072).

Ст. 349–350. Был Галисии властитель, II Старший брат его Дон Гарсий... – Точнее, Дон Гарсия; Галисия – небольшая область на юге Каталонии, составляла часть римской Терраконы. В V–VI вв. была завоевана свевами, затем – вестготами. Мавры никогда ею не владели. В 1065 г. Фернандо завещал ее старшему сыну Гарсии в виде отдельного королевства. Санчо II присоединил ее к Кастилии.

Ст. 364–365. Я исполню долг вассала; II Стыд же примешь ты один. – После смерти короля Фердинанда Сид (Кастилец) автоматически становится вассалом короля Кастильского, Санчо II. Однако именно с этих слов Сид начинается прямое противостояние благородного героя жестокому и коварному королю Дону Санчо. Ст. 375–376. За пего король леоиский II Восстает... – Дон Альфонс VI (1072–1109), сын короля Фернандо и брат Дона Санчо. Получил в наследство от отца королевство Леон.

Ст. 377–379. Выделение в тексте принадлежит Жуковскому.

Ст. 403–405. На одну сестру напавши... II Запирает в монастырь. – Сестра – младшая дочь короля Фернандо Эльвира, которой при разделе наследства достался город Торо (в провинции Самора).

Ст. 443. Конь могучий Бабиека... – Точнее, Бабьека – знаменитый конь Сиды, имя которого по испански означает «пентюх», «болван», «дуралей», «балда». О происхождении имени в сказаниях о Сиде существует немало легенд. По одним он добыт в бою с легендарным царем Букарой, в других говорится, что он был привезен «варваром заморским». В одной из хроник рассказывается, что юный Родриго сам выбрал в конюшне своего крестного самого захудалого конька.

Крестный, рассердившись, воскликнул: «Дуралей, кого ты выбрал?» На что будущий Сид ответил: «Это будет добрый конь и имя ему будет – Бабиека».

Ст. 476–485. И она ему па память (...) //дни прекратил Коимбры. – Очень яркий, но достаточно редкий случай, когда Жуковский отказывается от предоставляемой самим материалом возможности развития лирической темы. В романсе (Деп-пинг. № 68), обращаясь из окна башни к Сиду, Урака не только напоминает ему о получении им рыцарства во времена короля Фердинанда (см. ст. 52–62), но и говорит о своей прошлой и тайной любви к нему. Однако, предельно сократив текст, Жуковский стремится передать лирический накал ситуации, чему способствует употребление им в тексте «высокой» старославянской лексики («подъемлет очи», «зрит», «златые», «младость») и анафорически повторяющиеся обороты («Привела те дни», «Дни, когда...», «Дни прекрасны»).

Наль и Дамаянти

Индийская повесть Подражание Рюккерт («В те дни, когда мы верим нашим снам...») (С. 96)

Автографы:

1) ПД. Р. 1. Оп. 9. № 32. л. 8–115 с об. – белой, полный текст черными чернилами в переплетенной книге с коричневой твердой обложкой, размер листа 24x33 см. На л. 8 название: «Наль и Дамаянти. Индийская Повесть, переведенная с немецкого В. Жуковским». Нал. 9 об. расположен портрет великой княжны Александры Николаевны в карандаше, выполненный Жуковским. На л. 10 запись: «Ея императорско-му высочеству Государыне великой княжне Александре Николаевне». В конце Посвящения нал. 13 об. подписано: «Жуковский. Дюссельдорф 1843 16/28 февраля».

2) НБ ТГУ. Na1 und Damajanti. Eine indische Geschichte bearbeitet von Friedrich Ruckert. Frankfurt a. M., 1828. S. 2, 4. (Описанием 1986) – черновой, карандашом; ст. 1–10 над строками немецкого текста.

3) РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 37. л. 11 – черновой в составе дневника путешествия с великим князем под датой: «16 (мая). Воскресенье. (1837)».

4) РНБ. Оп. 1. № 13. л. 13 – черновой (ст. 1–17), с датой: «3 декабря (1832)».

5) РНБ. Оп. 1. № 43а. л. 8–58 с об., 60–73 с об. – черновой, (1–13 песни), выполнен карандашом и чернилами; тетрадь размером 15x21 см, между страницами вшиты листки печатного издания Rtickert F. Na1 und Damajanti, аналогичного хранящемуся в НБ ТГУ (Описание № 1986). На лицевом листе картонного переплета графом В. А. Соллогубом сделана надпись: «Собственноручный перевод В. А. Жуковского, подаренный им самим 23 апреля 1841 в С.-Петербурге. Г(граф) В. Соллогуб» (см.: Бычков И. А. В. А. Жуковский. Из собрания Императорской Публичной Библиотеки // Чествование его памяти в С.-Петербурге 29 и 30 января 1883 года. СПб., 1883. С. 55). На л. 2 об. запись о пребывании в Угличе и Рыбинске во время путешествия 1837 года.

6) РНБ. Оп. 1. № 436. л. 2–139 с об. – черновой, (15–30 песни); тетрадь, аналогичная А 5; в процессе перевода отмечены даты (1841) и места пребывания (Мо-сква, Завидово, Зайцево, Петербург, Тильзит, Кенигсберг, Берлин, Ганау).

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

7) ПД. № 2778. л. 59–59 об. – черновой, перевод стихов 459–462, лист, вырванный из А5; внизу текста на листе 59 об. сделаны записи: «Июня 1. Переезд из Тюмени в Тобольск». Ниже рисунка, сделанного под этой записью, следуют две строки: «Transcrit en 1837, 1 / 13 juin entre Tumen et Tobolsk» и «transcrit a Moscou la 25 Fevr(ier) / 9 Mars 1841».

8) РНБ. Оп. 1. № 44. л. 79–80 с об. – черновой, текст Примечания и записей, связанных с работой над повестью и с изданием книги.

9) РНБ. Оп. 1. № 40. л. 7, 20 об. – черновой, набросок карандашом стихов 1–29 Посвящения.

10) РНБ. Оп. 1. № 53. л. 2 об. – 10 – черновой, полный текст Посвящения с проставленными на полях рукописи датами: «11/23 февр(аля), 12/24 февр(аля), 13/25 февр(аля), 14/26 февр(аля)» (1843).

11) РНБ. Оп. 1. № 40. л. 21–21 об. – черновой, текст Посвящения в прозе на немецком языке.

Копии:

1) РНБ. Оп. 1. № 44. л. 1–64 с об. – авторизованная, без Посвящения, состоит из нескольких сшитых тетрадей из листов белой бумаги размером 22,5x35 см; на-писана разными почерками, в том числе рукой А. П. Елагиной (стихи 1843–2310); Жуковским проставлены даты, начиная с «30 октября» до «26 июня / 8 декабря 1841.

Дюссельдорф». В конце третьей тетради (л. 64 об.) сделана запись: «Перепи-сано и поправлено 16/28 декабря 1841. Начато 21 мая 1837».

2) РНБ. Оп. 1. № 44. л. 65–78, 81–87 с об. – писарская авторизованная копия стихов 1–209 и 310–448; листы бумаги форматом 21,5x27 см.

3) РГБ. Ф. 104. Оп. 1. № 4 – текст Посвящения, рукою Е. А. Жуковской. Впервые: Наль и Дамаянти. Индейская повесть В. А. Жуковского. СПб., 1844.

На титульной обложке под рисунком, изображающим Наля и Дамаянти, напеча-тано: «Стихотворение Жуковского. Рисунки по распоряжению Автора выполнены г. Майделем. Издание Фишера». Ц. р. 12 мая 1843. Цензор А. В. Никитенко.

В прижизненных и з д а н и я х: С 5. Т. 5. С. 341–468 – с заглавием: «Наль и Дамаянти. Индейская повесть» и подзаголовком в скобках: «Подражание Рюк-керту»; с датой: «1840».

Датируется: 16 мая 1837 г. – 16 (28) декабря 1841; Посвящение к повести – 16(28) февраля 1843 г.

«Наль и Дамаянти» В. А. Жуковского – свободный стихотворный перевод по-вести «Nal und Damajanti» (1819) немецкого поэта, ученого-востоковеда Фридриха Рюккерта (Rückert Friedrich, 1788–1866), которая представляет собой переложение в стихах отрывка величайшего памятника древнеиндийского героического эпоса «Махабхарата».

В Примечании к «Налю и Дамаянти» Жуковский указал на известные ему два немецких переложения этой повести, Боппа и Рюккерта, и объяснил причины своего выбора: «Этот отрывок, сам по себе составляющий полное целое, два раза переведен на немецкий язык; один перевод, Боппов, ближе к оригиналу; другой, Рюккертов, имеет более поэтического достоинства. Я держался последнего. Не зная подлинника, я не мог иметь намерения познакомить с ним русских читателей; я просто хотел рассказать им по-русски ту повесть, которая пленила меня в рассказе Рюккерта, хотел сам насладиться трудом поэтическим, стараясь найти в языке моем выражения для той девственной, первобытной красоты, которою полна ин-дейская повесть о Нале и Дамаянти».

Работа Жуковского над переводом проходила в несколько этапов, растянувших-ся на большой период – с 1828 по 1843 год. Это время в русской культуре отмечено интересом к «Налю и Дамаянти», что было обусловлено акт ивизацией националь-ного самосознания и поисками художественного выражения эпических замыслов. В 1834 г. был предпринят перевод первой «Песни Нала из Махабараты» с санскри-та П. Я. Петровым, студенческим товарищем В. Г. Белинского, будущим профес-сором Московского университета, известным ориенталистом (См.: В. Г. Белинский и его корреспонденты. М., 1948. С. 234–236). Стихотворный перевод грех первых песен, основанный «на латинском переводе г. Боппа», был сделан А. Вельтманом в 1839 году и опубликован в «Отечественных записках» под названием: «Нало. По-весть Врихадазвы, рассказанная Бгарату» (см.: Вельпман А. Несколько слов о пере-воде повести «Нало» и о санскритской поэзии // ОЗ. 1839. № 5. Раздел: Словесность. С. 253–274).

Первое обращение Жуковского к повести Рюккерта и начало работы над пере-водом можно отнести к концу 1820-х – началу 1830-х годов. В библиотеке поэта на-ходится Nal und Damajanti. Eine indische Geschichte bearbeitet von Friedrich Rückert. Frankfurt. M., 1828. (Описание № 1986). Экземпляр неполный, сохранились верх-няя наборная обложка и первый печатный лист книги с текстом первых трех песен поэмы. На обороте заглавного листа готической скорописью написано следующее посвящение:

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov
Zueignung.

Als (naht...) die schonen poetischen Tage, in Antonin verlebt, schicke ich Ihnen dieses Gedicht mein Lieber Freund. Wahre, achte Poesie verschwistert die Seelen, von allen Climat.es. Es ist die Umarmung der Gemuhter, die dort oben statt finden wird und von der wir hier, uns unbewust, eine Ahnung haben, die in Wirklichkeit (...) ubergeben wird, bis dahin mussen wir uns hienieden treu sein.
Maria von Kleist

Посвящение.

Когда (...) прекрасные поэтические дни, я в Антонине переживала, посылаю вам это стихотворение, мой дорогой друг. Настоящая, истинная поэзия роднит души во всех климатах. Это объятия душ, которые пребывают там, наверху, и о которых мы здесь бессознательно имеем понятие, которое передается в реальность до тех пор, пока мы верны ему здесь.

Мария фон Клейст.

Книга, подаренная Марией Клейст (1761–1831), немецкой приятельницей Жуковского со времени его первого путешествия в Европу и до встречи в 1829 г. в замке Радзивиллов Антонин под Варшавой (см.: Дневники, запись от 22 мая (3 июня) 1829 г. Т. 13. С. 309), возвращала поэта к событиям 1821 года – к Берлинскому празднику, к переводу повести «Пери и Ангел» из восточного романа Т. Мура «Лалла Рук», к пережитому чувству восторженного поклонения Алек-сандре Федоровне и созданию поэтических манифестов («Лалла Рук», «Явление поэзии в виде Лалла Рук»), в которых получила выражение его романтическая концепция жизни и поэзии. На с. 2 и 4 этого экземпляра повести Рюккерта карандашом над строками Жуковский сделал черновой набросок перевода 1–15 стихов Рюккерта:

[Жил бьм] Царил в Индии царь

назывался он Нал ем, [всеми] бмл одарен добродетелью,
молодостью, красотой, Храбростью и сиял между царями земными,
как солнце сияет На небе между звездами,
все озарял. Никто с ним в доблестях прекрасных

сравниться не мог: светлым
премудрым Разумом, сильной рукой

духовных мужей усердный Читатель, глубокий знаток
тайн священных писаний. Жертводаритель усердный Богам.

Перевод, выполненный дольником, похож на подстрочный перевод в точности следования первоисточнику, однако Жуковский оставил без внимания локальные индийские названия: он не перевел «Sohn wirasen» (Сын Виразены), «Nischada-Land» (Нишадская земля).

Первое упоминание о повести «Наль и Дамаянти» появляется в списках, помещенных на предпоследней и последней страницах красного альбома с золотым обрезаем среди произведений в стихах и прозе 1822–1831 гг. (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 30. л. 85 об. и 86):

л. 85 об. (...)

Легенда

Лягушки и мыши Из Овидия Феокрит

Разговор двух ангелов Эдип царь Эдип в Афинах Наль и Дамаянти Макбет

л. 86.

Поэзия

Ахилл и Приам

Иван Царевич и молодая царевна

Разбойники

Валлештейнов Лагерь

Лягушки и мыши

Наль и Дамаянти

Разговор двух ангелов

(...)

Следующее по хронологии упоминание «Наль и Дамаянти» содержится в списке на л. 1 зеленой тетради «Стихотворений 1832–1833 гг.» (РНБ. Оп. I. № 37). Под датой «1832» расположены три столбика названий произведений, во втором следуют:

3#2

(...)

Dcr Vloiuie Esberl

Ундина

Италия

Наль и Дамаянти Негтап и Dorothea Одиссея Lalla Rotikh кровавая монахиня лягушки и мыши Allegro и Penserosa Цнд

Библиейские повести Детские стихотворения Эолова арфа Орлеанская дева

Таким образом, название будущей повести появляется в круге больших эпических произведений, таких как «Ундина», «Герман и Доротея», «Одиссея». Вместе с тем

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukovskiy 1831–1832 годы – это период третьего «балладного взрыва» в творчестве Жуковского. Работа над переводом возникает в балладном контексте. В «Дневни-ке» за декабрь 1832 года упоминания о чтении «Наля и Дамаянти» окружены балладами: «20(2), воскресенье. Прогулка в Монтрё. (...) Чтение "Наль и Дамаянти". Начал стихи»; «21(3) понедельник. Прогулка по террасе. "Nal und Damajanti". "Der Wanderer". Ввечеру чтение»; «23(5) среда. Письмо великого князя. Минуты, в которые какою-то магическою силою пробуждаются воспоминания и все знакомые лица весьма ясно видимы. Слышишь голоса, чувствуешь то, что чувствовал, воздух, сторона, дом, чувство прошедшей жизни. Конец "Наля и Дамаянти". Рейтернова болезнь. Rehberger (...)». (ПССИП. Т. 13. С. 340). В черновой зеленой тетради (РНБ. Оп. 1. № 37. Л. 13) зафиксировано обращение к переводу «Наля и Дамаянти». Прервав работу над балладой «Братоубийца» (на л. 12 об. с датой «Декабрь» – «2 декабря». «3 декабря» идет черновой автограф «Братоубийцы»), на л. 13 Жуковский записывает 17 стихов «Наля и Дамаянти», а затем на л. 13 об. под датой «4 декабря» продолжает балладу со стиха: «Сзади в грубых власяницах (...)».

Написанные на л. 13 стихи переведены четырехдольником, близко передающим размер Рюккерта – старонемецкого короткого стиха с вольно расставленными ударениями и парными (иногда и тройными) рифмами, так называемым книт-тельферсом.

Жил царь, могучий и славный,

Наля, сын Впразепы державный,

Был он создан людям на радость

Всё он имел: красоту, мужество, младость.

Он возвышался над всеми земными царями,

Словно как Бог Богов над всеми другими Богами,

Всю землю каким солнцем в лучах озарял,

Премудро Нишаде кой страной обладал,

Слыл он в Индии первым Царем,

Сильный рукою и светлым умом, Усердный, духовных мужей почитатель, Умный писаний

святых толкователь, В храмах набожный жертв сожигатель, Смиритель буйных желаний

своих, Радость для добрых, ужас для злых, Тайная дума пламенных дев, Агнец с

друзьями, с противными лев,

Судя по балладному контексту, в котором появился этот перевод, Жуковского в

индийской повести могла заинтересовать острая драматическая коллизия в

отношениях двух братьев – Наля и Пушкары: Наля, проиграв брату все свое

царство, обречен на нищету и скитания, а Пушкара, очарованный бесовскими силами

злодея Кали, намеревается выиграть и жену Наля – красавицу Дамаянти. Другой

драматический узел, содержащий отклик на современные проблемы, заключался в

возможном соотношении судьбы мужественной и верной Дамаянти с декабристками,

следующими, как и она, добровольно за своими мужьями, вопреки всем выпадавшим

на их долю мучениям и испытаниям. Характерно, что И. И. Пущин в письме к

декабристу А. П. Барятинскому из Туринска 10 июня 1842 года (за два года до

выхода в свет перевода В. А. Жуковского) сообщает, что он послал Н. Д.

Фонвизинной, жене декабриста М. А. Фонвизина «в переплете "Наль и Дамаянти"»

(См.: Пущин И. И. Сочинения и письма: в 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 255). Этот факт

очевидно говорит не только о литературных интересах декабристов, но и о

современных аллюзиях, позволявших видеть в поведении верной Дамаянти, не

покидающей своего мужа, поэтический образ супружеского и гражданского подвига.

Однако начав перевод, Жуковский не продолжает его, возможно потому, что тема

губительной вражды и преступления брата против брата была разработана в балладе

«Братоубийца», одновременно шло создание «Суда в подземелье» с отчетливо

выраженной декабристской аллюзией, а работа над большой эпической формой в этот

момент была представлена «Ундиной», которая отодвинула на время работу над

повестью о Нале и Дамаянти.

Новый этап работы над повестью относится к весне-лету 1837 года. Этот пере-вод

Жуковский предпринял во время путешествия с великим князем Александром

Николаевичем по северу России, Уралу и Сибири. Обращение к большому

поэтическому тексту было обусловлено целым рядом причин. Летом 1836 года

Жуковский закончил работу над «Ундиной», в феврале 1837 года написал

«Посвящение» к «Ундине».

Эпическому развороту избранного сюжета повести соответствовал характер

путешествия Жуковского с наследником на восток, масштабность открывающегося

пространства России, встречи с неизвестным, грандиозность нравственных целей.

Жуковский писал императрице Александре Федоровне 6 мая 1837 года из Твери:

«(...) главная польза вся нравственная, та именно, которую только теперь можно

приобрести великому князю: польза глубокого, неизгладимого впечатления. (...) он

начинает деятельную жизнь своим путешествием по России – и каким путеше-ствием!»

(6, 310, изд. 7).

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Отправляясь в путешествие, Жуковский приготовил для работы и дорожных записей специально сшитые тетради (А5 и А6): между страниц белой бумаги размером 15x21 см вшиты листы размером 11x17 см из печатного издания книги: Ruckert F. «*Na1 und Damajanti*», идентичной хранящейся в НБ ТГУ (Описание № 1986). Первая тетрадь (А5) содержит перевод 1–15 песен Рюккерта, точную датировку создания первых десяти песен. Л. 2, 2 об. и 4 заполнены черновыми вариантами дневниковых записей посещения Углича и Рыбинска, которые затем были пере-несены в дневник (см.: Янушкевич А. С. Неопубликованные страницы «Дневника» В. А. Жуковского // ИЛО. 1997. № 28, с. 159–179). Начиная с л. 8 об. и л. 9 (на полях немецкого текста) Жуковский начинает перевод, сначала карандашом, а затем черными чернилами. Первые 31 стих были переписаны с небольшими разночтениями в Дневник от 16 мая: «16. Воскресение. Переезд из Макарьева в Гомзиху» (Там же. С. 169).

Начиная с 79 стиха, под которым записано 21 мая 1837 (л. 16), Жуковский на страницах А5 проставляет ниже последнего стиха, написанного в очередной день, точную дату: после стиха 243 – 22 мая (л. 20 об.), после 252 – 23 мая (л. 24), после 287 – Мая 25 (л. 38), после стиха 345 – Мая 26 (л. 44 об.), после стиха 425 – Мая 3. Тюмень (л. 52 об.), после стиха 598 – июня 18 (л. 71 об.), после стиха 650 – июня 20 (л. 77 об.).

В тетради с А5 отсутствуют два листа (они вырваны), находившиеся между л. 57 и л. 58 со стихами 456–469. Лист 57 со стихами 459–462 обнаружен в РО ПД (А7). Внизу листа под стихами карандашом сделана запись: «Июня 1. Переезд из Тюмени в Тобольск». Ниже рисунка, помещенного под этой записью, следуют две строки: «*Traïscrit en 1837 1 /13 juin entre Tumen et Toboïsk*» и «*transcrit a Moscou la 25 Fevr(ier) / 9 M(ars) 1841*» (л. 1 об.).

Характерно, что все даты, проставленные в А5, судя по записям в Дневнике, связаны с переездом из одного места в другое, что позволяет полагать, что Жуковский делал перевод в дороге, во время езды. К этому предположению склоняет характер написания текста карандашом и нечеткая каллиграфия (неровные строчки, в разные стороны наклоненные буквы).

После даты 20 июня под стихом 650 (в Дневнике этот день отмечен: «Переезд из Чистополя в Казань. У обедни. Бедный собор» // ПССИП. Т. 14. С. 60) перевод был продолжен. Тетрадь заканчивается текстом финала XIV главы повести Рюккерта, стихом 973.

А6, занимающий вторую тетрадь перевода, начинается с XV песни, со стиха 974 – и первая дата поставлена на л. 56 под стихом 1526 («Начал Судева повесть о том, что сделалось с Дамаянти»), завершающим XX песню: 1841. 11 февраля. Москва. Эта дата относится уже к новому этапу работы над переводом, после длительного перерыва. Архивные материалы не позволяют точно указать, в какое время были переведены стихи 651–1520, но по всей видимости, это произошло в 1837 г. или в начале 1841 г.

Возобновление работы над переводом было обусловлено переменами в личной судьбе Жуковского. В 1837 г. Жуковский на обратном пути в Петербург встретился с декабристами, посетил родные места: Белев, Мишенское, Долбино, Володьково, Петрищево, Игнатьево (с 13 по 22 июля); виделся с А. П. Елагиной, потом был в Москве, после чего состоялась вновь поездка в Муратове) и возвращение в Петербург. На протяжении 1838–1839-х годов было предпринято путешествие с наследником по странам Европы, в том числе в Италию, Англию – и все это время Жуковский не возвращался к работе над продолжением перевода «Наля и Дамаянти».

25 – 3088

3*5
В Дневнике от 24 апреля (6 мая) 1840 года поэт сделал запись, навеянную оперой Г. Спонтини «Нурмагал», написанной на сюжет одной из частей романа Т. Мура «Лалла Рук» – «Свет гарема»: «В театре. "Нурмагал". Марш Лалла Рук, ария Нурмагала. Скольких я вспомнил: Фосс. Элиза. Семейство Радзивилл. Брюль, Гребен, Герман. Все отношения с семейством Клейст. Гуфланд. Саша. Маша. Молодость. Теперь передо мною новый мир» (ПССИП. Т. 14. С. 205). Посещение оперы и вызванные ею воспоминания имели прямое отношение к работе над «Налем и Дамаянти» – это память о подарке Марии Клейст и ее Посвящении Жуковскому, о начатом переводе. Запись в Дневнике была ближайшим вестником будущего возобновления работы над переводом.

В августе 1840 г. состоялась помолвка с Елизаветой Рейтерн, Жуковский оказал-ся на пороге новой жизни. В конце апреля 1841 г. поэт вышел в отставку, 21 мая 1841 г. в Германии, в Канштадте, произошло венчание. В состоянии духовного подъема всех нравственных сил, в предуготовлении к семейной жизни Жуковский вновь обратился к повести «Наля и Дамаянти», в которой теперь для него актуальными становятся нравственно-философские и общественные вопросы, связанные с проблемой устройства утопии гармонической жизни, воссоздание идеального типа любящей

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

женщины и определение принципов семейного счастья.

В А6, начиная с л. 56, прохронометрирован процесс работы над переводом. После стиха 1521 (конец XX главы) следует запись: 1841. 11 февраля. Москва. В начале XXI главы на том же листе перед стихом 1522 (конец XXII главы) отмечено: Нап(исаио) 1841 6/18 – 7/19 марта по дороге из Завидово в Зайцево. Это названия станций по пути из Петербурга в Москву, где Жуковский встречался и простился с друзьями, затем возвращение в северную столицу: на л. 82 об. – после стиха 1756 (конец XXIII главы) – запись: 8/20 марта по дороге в Петербург; л. 92 – после стиха 1843 (конец XXIV главы): Подъезжая к Петербургу. Начиная с 6 мая (5 мая поэт про-вел в Дерите, где простился с друзьями и посетил могилу Маши) Жуковский переводит каждую очередную главу за два или даже за один день. л. 101 (на листочке с немецким текстом) – Между Вильновом и Ригою. Мая 6; л. 106 об. – после стиха 1999 (конец XXVI главы) – Мая 8. Между Тильзитом и Кенигсбергом; л. 115 об. – после стиха 2061 стиха (конец XXVII главы) – Между Кенигсбергом и Мариенбургом. 9 Мая; л. 126 об. – после стиха 2178 (конец XXVIII главы) – 11 Мая, подъезжая к Берлину; л. 132 об. – после стиха 2229 (конец XXIX главы) – Половина, подглезжая к (Берли-ну?), другая, подъезжая к Наумбургу. 14 Мая; л. 139 об. – на полях немецкого текста записано: Кончил 16/28 Мая, подъезжая к Гашу. Рукопись завершается на л. 140 за-ключительным стихом повести (2310): «Вдвое блаженна была очищенным в опыте счастьем». Таким образом, Жуковский сделал подарок к свадьбе: 16 мая черновая редакция перевода «Наля и Дамаянти» была окончена.

Следующий этап работы над повестью связан с редакторской работой Жуков-ского, запечатленной в авторизованных копиях. К1 и К2 расположены в тетради, сшитой черными нитками из листов белой бумаги размером 22,5x35 см (К1) и 21,5x27 см (К2). Более ранней по времени является К2 – перевод первых 448 сти-хов. Деление на главы здесь соответствует первоисточнику. В копии оставлены пропуски для слов, вероятно не разобранных переписчиком. Судя по характеру правок, можно говорить, что эта копия сделана непосредственно с А5. Например, стих 2 в А5 имел вид: «Сын обладатель Нишадского сильного царства. И этот». В К2 стих звучит иначе: «Сильный сын, обладатель Нишадского царства. И этот»

(л. 66). Стих 26 в К2 («Полны мужества! Чистым цветком расцвела Дамаянти») Жуковский переделывает: «живы и смелы! Звездой красоты расцвела Дамаянти» (л. 66 об.).

К1) содержит полный текст повести, переписанный черными чернилами тремя почерками. По всей видимости, л. 1–28 с об. были переписаны крупным почерком В. Кальянова. Стихи на л. 28–46 с об. написаны мелким изящным почерком. Начиная с л. 48 до конца (стихи 1843–2310) текст переписан размашистым почерком (буквы вертикально вытянуты вверх, небольшой наклон вправо) А. П. Елагиной, которая вместе с Катей Мойер посетила Жуковского и его жену в Дюссельдорфе в начале августа 1841 года. В письме к Жуковскому от 25/13 июля 1841 г. Елагина пи-сала: «Мы постараемся быть в Дюссельдорфе, у вас, милая душа моя, к 3-му Августу, нашего стия. Мои шесть недель не будут полны [А. П. Елагина принимала ванны в Карлсбаде. – Э. Ж.], но вся жизнь моя не будет полна, если уехать надобно из Германии, не видав вашего милого счастья, вашей жены, вашего семейного быта» (РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 172. л. 30–30 об.). То, что А. П. Елагина была введе-на в круг занятий поэта и помогала ему в работе, подтверждается ее вопросами в письме от 13 июля 1843 г. из Белева: «Что Наль наш? – отчего примолкли? Где ты игрок? – что Одиссея?» (Там же, л. 39).

Редакторская работа предшествовала переписыванию текста набело самим Жуковским. В письме к великому князю Константину Николаевичу от 5/17 сентя-бря 1841 г. поэт сообщает о своем желании посвятить «Наль и Дамаянти» великой княжне Александре Николаевне, рассматривая свою «поэму» (так в письме он опре-деляет жанр «Наля и Дамаянти») как дар и действительный акт связи с Россией: «(...)прошу сказать её высочеству Александре Николаевне, что поэма, которой по-священие ей угодно принять, готова в черне; что я принимаюсь ее переписывать, и что она, по напечатанию, будет представлена ее высочеству. Постараюсь, чтоб мое пребывание за границей не осталось бесплодным для русской литературы. Теперь, пока я вполне живу семейной жизнью, для меня новою; но впереди, как ясная звезда – возвращение на родину» (С 7. Т. 6. С. 352). По ходу переписки Жуковский делал в К1 исправления, вносил новые варианты стихов и проставлял даты, по ко-торым можно составить хронику работы:

л. 18 после 515 стиха следует запись: 30 Октября;
л. 21 об. после 650 стиха – 2 Ноября;
л. 23 об. после 728 стиха – Ноября 3;
л. 25 об. после 899 стиха – 5 Ноября;
л. 26 об. после 970 стиха – 5 Ноября;
л. 29 после 1072 стиха – 6 Ноября;

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov
л. 64 об. после 2310 стиха – 26 ноября / 8 декабря 1841. Дюссельдорф. Ниже
последней даты на том же листе сделана итоговая запись:
Переписано и поправлено 16/28 декабря 1841 Начато 21 мая 1837.
Письмо Жуковского великому князю Константину Николаевичу от 28 декабря 1841 г.
(т. е. того дня, когда в К1 сделана последняя запись) позволяет
прокомментировать даты на л. 64 об. Жуковский пишет из Дюссельдорфа: «(...)»
прошу вас сказать ея высочеству великой княжне Александре Николаевне, что я
готовил свою поэму, которую она позволила мне посвятить ей, к новому году.
Поправив ее в черне, я принялся переписывать (что составило порядочный труд,
более 200 страниц), но вот что вышло: переписав набело, я перечитав ее должен
был еще раз перемарать в 50 местах. Из этого вышла довольно пестрая рукопись.
Надобно снова переписывать(...)» (т. 6. с. 355). Таким образом, редакторская
работа над переводом, начатая, по всей видимости, 26 июня 1841 г., была
завершена 8 декабря 1841 г. с 8 по 16/28 декабря 1841 г. Жуковский
собственноручно переписал весь текст повести, о чем и сообщил в письме к
великому князю Константину Николаевичу.
Названная в письме «пестрая рукопись» не обнаружена, но, вероятно, о ней идет
речь в распоряжениях Жуковского (экземпляр жене) о рассылке рукописных
материалов, связанных с «Налем и Дамянти», после окончания работы над
повестью:

№ /. пакет к (ирзб.)

Манускрипт

Экзем(пляр) к Александре) Циколаевне) Экземпляр) Соллог.(убу)

№ II пакет жене

Экземпляр Письмо к Фишеру

Письмо к Майделю. (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 44. л. 80 об.).

Экземпляр же, содержащий А1 полного текста «Наля и Дамянти», выполненный на
такой же бумаге, как и К1, и подаренный великой княжне Александре Николаевне, не
содержит исправлений, но в нем можно отметить различия с опубликованным в
1844 году текстом в 47 стихах, что говорит о том, что редакторская работа
Жуковского не прекращалась, изменения вносились в повесть на всех этапах ее
создания.

Редакторская правка Жуковского над повестью, запечатленная в А5, А6, К1, К2,
тщательна, многообразна и велика по объему.

В сравнении с повестью Рюккерта Жуковский уменьшил число стихов почти вдвое (у
Рюккерта их 4191, у Жуковского – 2310), поскольку две короткие строки,
написанные старонемецким кнittelферсом, Жуковский стягивал в одну строку, при
этом сохраняя общий объем содержания и деление всей повести на 30 глав (у
Рюккерта 30 песен). Так было в А5, А6, К1 и К2. Но уже после проведенной правки
в К1 Жуковский на чистом л. 2 карандашом делает запись, касающуюся правил
графического размещения текста на странице и дает образец оформления заглавия
главы на листе:

Глава пишется на этом месте. Первая страница в 1/2 Глава I

После этого следует цифровая выкладка, в которой Жуковский предлагает новую
организацию всего текста повести: должно быть 10 глав, каждая из которых будет
содержать три части:

/

///

////

IV

V

VI

VII

VIII

IX

X

1 4 7

10 13

16

19 22 25 28

2

5

8

и

14

17

20

23

26

29

3 6 9

12 15 18 21 24 27 30.

Таким образом, 30 глав повести (соответственно 30 песням первоисточника) были преобразованы в новую структуру, получившую воплощение в А1. Повесть, не теряя своей завершенности и полноты, меняла облик и ритм: эпически-описательное и сказовое ее течение как бы разбивалось, и повествование приобретало

определенную динамику и драматизацию. Не случайно на последнем этапе работы рядом с определением «Наля и Дамаянти» как «индейской повести» в Примечании и письмах Жуковского появляется жанровое определение «поэма». Повесть «Наля и Дамаянти» в нравственно-философском и эстетическом смысле явилась итоговым произведением и одновременно открывающим перспективу будущим творениям. Жуковский создавал лиро-эпос поэтического, идеального содержания, равного по напряженности законченной перед этим «Ундине». Глубина нравственно-философской проблематики, эпический масштаб обрисовки событий и явлений, охватывающий мир «бессмертных Богов» и людей, сил земных и небесных, сочетаются с тончайшим лиризмом в изображении любви, несущей радость и спасающей героев. Начав полный перевод в 1837 году и остановившись на описании великих странствий Дамаянти, Жуковский в поэтическом порыве необычайной силы в 1841 г. завершает работу – им самим движет любовь. Тема любви Наля и Дамаянти, во всей полноте ее проявления, любви нежной, самоотверженной, мужественной и кроткой, является в повести доминирующей и определяет философский смысл произведения, становясь в конфликте выражением гуманного начала, противостоящего власти бесовских сил, совращающих душу человека.

Образ Дамаянти в поэтическом сознании Жуковского оказывается в ряду выдающихся образов, созданных в мировой литературе. В Примечании к повести, написанном в 1843 году, Жуковский цитирует Августа Шлегеля: «Повесть о Нале и Дамаянти есть самая любимая из народных повестей в Индии, где верность и героическое самоотвержение Дамаянти так же известны всем и каждому, как у нас постоянство Пенелопы». В материалах, связанных с написанием Примечания к «Налю и Дамаянти», необычайно важной представляется большая по объему запись в виде двух столбцов, в которых перечисляются имена героинь Шекспира (Дездемона, Юлия, Офелия), Гомера (Пенелопа), Виргилия (Дидона), Тассо (Эрминия, Клоринда), Данте (Франческа), Петрарки (Лаура), а также героинь поэмы Байрона и романов В. Скотта (РНБ. Оп. 1. № 44. л. 80). Составленные Жуковским списки дают представление о ходе размышлений поэта, о широте его художественно-исторической концепции, синтезирующей явления восточного и европейского искусства в едином процессе мирового развития.

3*9

Глубина философского содержания повести «Наля и Дамаянти» связана с проходящими через все произведение раздумьями о судьбе человека. Путь к счастью у Дамаянти и Наля был исполнен тяжелых испытаний их нравственности. Жуковский вводит в повесть мотив игры как выражение судьбы человека на весах между человечностью и духовным забвением и мотив пути. Многообразные превращения – не только сюжетные, но и нравственно-психологические (метаморфозы лица и личины, Наля и Вагуки, бесовства и мудрости), выраженные в фантастических трансформациях сказочного эпоса, художественно воплощают идею духовного странствия человека на пути обретения им истинного лица и судьбы.

Сохранение восточного сказочного колорита повести оказалось для Жуковского, вслед за Рюккертом, способом передать не только художественное своеобразие восточной поэзии, но выразить разделяемое поэтом философское представление восточного человека о полноте, богатстве, цветении и торжестве духовной и телесной, природной красоты жизни.

Стихия высокой духовности, идеальности, являясь выражением нравственной сущности героев, определяет их социальное поведение, отношения с другими людьми. В сказочно-утопической форме рассказа о царях и их детях (Наля – сын «сильного царя Виразены», «обладателя Нишадского Царства»; Дамаянти – дочь «славного державного», «благодарного» Бимы-царя, владевшего Видарбинским царством) Жуковский рисовал и утверждал идеалы государственного масштаба, где между правителями и их народом господствуют принципы уважения и гуманности. В письме к великому князю Константину Николаевичу от 29 октября 1842 года, в период окончательного оформления «Наля и Дамаянти» и начала работы над «Одиссеей», Жуковский повторил рассуждения, ранее высказанные в письме к матери наследника в 1837 году, когда речь шла о нравственных целях предпринимаемого путешествия: «(...) как представители народа, они ("государь и князь". – Э. Ж.) должны жить его жизнью, т. е. уважать его историю, хранить то, что создали для него века (...)» (С 7. Т. 6. С. 357). В подобной связи народа и его правителей Жуковский

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov
видел залог благо-денствия государства, способного уберечься от всех потрясений. Таким образом, ска-зочный эпос Индии в переводе Жуковского, не теряя своей мифологической основы (изображение жизни Богов, людей, животных, трав как универсальной целостности бытия), заключал в себе возможность постановки острейших проблем современности, касающихся личной судьбы каждого человека и государства, нации в целом. Воссозда-ние лиро-эпической картины мира потребовало адекватных художественных форм.

В отличие от Рюккерта и собственного опыта 1832 г. Жуковский выполнил пе-ревод 1837–1842 гг. гекзаметром. Выбор размера во многом определялся не только предшествующим опытом Жуковского в создании эпических произведений («Унди-на»), но содержанием эстетической концепции поэта о точках соприкосновения древнеиндийского эпоса с греческим. В письме к великому князю Константину Николаевичу от 29 октября (9 ноября) 1842 г. Жуковский пишет по поводу «Наля и Дамаянти»: «Эта поэма опять написана гекзаметрами: надобно однако забыть о гекзаметрах и читать их, как прозу. (...) Эта индейская поэзия имеет прелесть не-сказанную, и светлая простота ее стоит наравне с гомерической» (Там же. С. 359). Гекзаметр как размер соотносился в определенной степени с многосложным ин-дийским оригиналом. Уже П. Я. Петров, переводивший в 1834 г. «Песнь Налы из Махабараты» с санскритского, сознавая трудность «по-русски выразить всю красоту Индийской шиоки (стиха)» (В. Г. Белинский и его корреспонденты. С. 299), ис-пользует 6-стопный размер («Царь был по имени Нала, сын Вирасэны могучий; // Доблестный, дивный красою, славный коней управленьем» (Там же. С. 234)). А. Вельтман, специально занимавшийся размером стиха и составивший очерк «Музыкальный размер и разделение стихов Магабгараты», считал 8-стоинный метр «Магабгараты» «совершенно соответственным нашим древним, или вернее на-родным повествовательным песням» (Вельтман. Указ. соч. С. 256). Вельтман вы-полнил свой перевод 1 песни 8-стопным хореем («Некогда жил Раджа Нало, сын могучий Виразена, // Доблестный, собой прекрасный и искуснейший в ристаньях» (Там же. С. 612)). Таким образом, избранный размер указывает на своеобразие концепции жу-ковского о близости национального эпоса разных народов. Но сохраняя мифоло-гическую структуру индийской повести, Жуковский, в отличие от Вельтмана, не стремится к демонстративной русификации и «одревнению» текста во имя актуали-зации фольклорного начала, а воссоздает повесть в более широких рамках миро-вого эпоса, диалектически сочетая народно-поэтические основы с лирическим и лиро-эпическим контекстом европейской литературы, как прозы, так и поэзии. В переводе Жуковский сочетал эпическую полноту в развитии сюжета, драмати-ческих перепитий, богатство восточной фантастики и символов с проникновенным лиризмом современной европейской поэзии в изображении глубоких нравствен-ных переживаний и сердечных волнений героев.

Заключительный этап работы над повестью связан с написанием Посвящения, завершеного, как обозначено самим Жуковским, 16 (28) декабря 1843 г. в Дюс-сельдорфе (А1, л. 13 об.).

Началом создания Посвящения можно считать черновой набросок карандашом: Я видел сон. [Дорога] – зач.) Кашмир, дорога. Видение (А9, л. 7), сделанный в тетради (РНБ. Оп. 1. № 40) после текста «Рыцарь Фридрих Барбаросса». Продолжение рабо-ты над Посвящением расположено на л. 20 после стихотворения «1-е июля 1842 г.», занимающего в этой тетради л. 8 об. – 20. Вот полный текст первого чернового наброска Посвящения:

Я видел сон. [Дорога] Кашмир, дорога. Видение. Блестящий за собою след. Всё было Спокойно [вечер тихо благоухал] вечер тихо воцарился
Теперь в кустах благоухали розы. Пел соловей.
И сладко [молчании] ночь разливала Молчание, лишь в кустах (1 нрзб.) песнь соловья любовные тайные речи. И снилось мне, я [одни] иду один по [Дороге вдоль] Широкой дороге по долине вдоль озера. И вдруг [с моих глаз] передо мной [Чудесное ви] Сверкает чудесное видение. Я вижу ход, вдали. Я слышу крики. Я слышу струн торжественные звуки Царевну [видим. Не уж ли] младая Лалла Рук и рядом с ней её мать прекрасная.

Первую строку наброска, рассматриваемую как начало воплощения замысла Посвящения, можно датировать по местоположению ее в рукописи – после текста произведения, написанного 8 октября 1841 г. (см.: БЖ. Ч. 2. С. 511), – временем после октября 1841 г.

Черновой же набросок был сделан, по всей видимости, судя по местоположению его в рукописи, после 12–22 июня 1842 г., когда была завершена работа над сти-хотворением «1-ое июля 1842» (см.: ПССИП. Т. 2. С. 729).

Непосредственным толчком для начала работы над Посвящением могли явить-ся впечатления от письма императрицы Александры Федоровны, на которое Жу-ковский отвечал в марте 1842 г.: «(...) Ваше письмо, которым Вы оживили мое домашнее счастье. При чтении его, как будто вдруг повторились предо мною все 25 лет моей

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov
и что теперь [так] сладостно чарует и покой мой [вечер жизни] ясно заходящий
вечер жизни.

На л. 8 об., 9, 9 об., 10 (последняя дата стоит на л. 9 об.: 15 (27) февраля)
Жуков-ский переписывает полный текст Посвящения, продолжая редактировать, особо
сосредоточившись на финале:

И что теперь сладостно чарует и покой [Так сладко мой еще не темный вечер] [Так
сладко мой обвечеревшин день] Покой моей обвечеревшен жизни (л. 10).

Найденная аллегория «вечер жизни» получает поэтическое развитие в углубле-нии ее
философского смысла и психологической полноты.

Посвящение явилось лирико-философским итогом глубоких размышлений, по-сетивших
поэта в процессе долгой работы над «Налем и Дамаянти» и проложивших дорогу к
«Одиссее». Посвящение написано в традиционном для Жуковского жанре
лирико-философской элегии с характерными для нее мотивами воспоминаний,
ви-дений, снов. Основа лирического сюжета Посвящения – история духовного пути
поэта, «важнейших эпох исторической жизни его» (Жуковский в воспоминаниях. С.
415), освещение самых сокровенных страниц, тех мгновений, когда открывается
связь земного с небесным. Воспоминания и сны о прошлом и настоящем предстают
звеньями единого потока жизни, поэтически связанного с явлением красоты в
об-разе Александры: «невесты севера» – «младой Лаллы Рук» и младенца-дочери.
По-священие продолжает ряд эстетических манифестов Жуковского с их центральной
проблемой невыразимости духовного Божественного языка, понятного и подвласт-ного
лишь природе и Поэзии.

Повесть В. А. Жуковского «Наль и Дамаянти» была опубликована отдельной книгой в
1844 г. Ц. р. от 12 мая 1843 г. Цензор А. Никитенко. На титульном листе указано:
«Рисунки по распоряжению Автора выполнены г. Майделем».

По указанию Жуковского Р. Р. Родионов должен был доставить несколько
эк-земпляров книг гр. М. Ю. Виельгорскому для «поднесения царской фамилии».
Жу-ковский писал Виельгорскому 4 февраля н. ст. 1844 г. из Дюссельдорфа: «Возьми
на себя этот труд. Экземпляры императрице и Александре Николаевне отдашь при
письмах, которые здесь прилагаю. Остальные великой княгине Марии Николаев-не,
Ольге Николаевне, Константину, Михаилу и Николаю Николаевичам. Также вел. кн.
Михаилу Павловичу, Елене Павловне и трем их великим княжнам. Надоб-но ли
Императору? Сделай это сам» (С 7. Т. 6. С. 608).

В свою очередь, А. П. Елагина сообщала Жуковскому 6 февраля 1844 г. об
испол-нении его просьбы: «Ваши экземпляры Няля получили, и все вместе благодарим
Вас. Все разослали по адресам, включив экземпляр Катерине Ник. Орловой, кото-рая
в Италии проводит зиму; я от вас отдала его Языкову. – Языков начинает
по-правляться и радуется вашей поэмой с прежним жаром. Баратынского экзе(мпляр)
также дожидается возможности перелететь в Париж, где он обретается, но я пош-лю
туда – ибо там это – счастье» (РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 106. л. 55).

Восприятие «Наль и Дамаянти» Жуковского современной ему критикой ока-залось
неоднозначным. Единогласным было суждение о мастерстве Жуковского-переводчика,
особенно о его искусстве писать гекзаметры. А. В. Никитенко в Днев-нике 1843 г.
записывает: «Май 10 Жуковский прислал мне на цензуру свою новую пьесу: "Наль и
Дамаянти", эпизод из индейской поэмы "Магабараты" Что сказать о ней? Гекзаметры
прекрасны: свежий, стройный, роскошно благоухающий язык» (Никитенко А. В.
Дневник: в 3 т. М., 1955. Т. 1. С. 266). В. Г. Белинский рецен-зию о «Нале и
Дамаянти» (опубликованную в «Отечественных записках». 1844. Т. XXXII. № 2)
начинает с указания на совершенство перевода Жуковского: «Лег-кость,
прозрачность, удивительная простота и благородная поэзия его гекзаметра
обнаруживают высокое искусство, неподражаемое художество. Это перевод вполне
художественный, и русская литература сделала в нем важное для себя
приобре-тение» (Белинский. Т. 8. С. 112).

Однако выбор произведения для перевода – сказочный сюжет из древнеин-дийского
эпоса – получил противоречивые оценки. С большой осторожностью цензор А. В.
Никитенко заметил, что «фантастическое здание поэмы не сразу мо-жет прийтись по
вкусу нашим европейским требованиям» (никитенко. С. 266). П. А. Плетнев в письме
к Я. К. Гроту от 15 июля 1844 г., говоря, что «создание, как "Наль и Дамаянти",
не входит в характеристику современной жизни», тем не менее утверждал:

«Жуковский совершил свое призвание и внес в мир посланное ему не-бом для
сообщения миру (...)» (Жуковский в воспоминаниях. С. 371). В итоговой работе –
«О жизни и сочинениях В. А. Жуковского», – изданной после смерти поэта, П. А.
Плетнев развернул оценку, данную повести в письме к Гроту: «Наше приобретение с
появлением этой поэмы – во всем смысле истинное сокровище. Это – открытие нового
мира с новыми богатствами всех царств природы. Поэт вводит нас в страну Солнца и
чудес, где люди, звери, растения, горы, реки и все видимое как бы утаены были от
общих испытаний творения и живут под законами одной всемошной фантазии. Надобно
было созидать все новое для повествования о новообретенном крае. Тут явился

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukovskiy
Жуковский истинным образователем языка, раздвинув область его во все стороны»
(Там же. С. 415).

Оценка Плетнева, по-видимому, имела полемический характер в отношении Белинского с его критическим разбором повести. В своей рецензии Белинский утверждал мысль о чуждости этой индийской поэмы современному европейско-му сознанию в силу «противуположности индийского пантеизма, азиатского миросозерцания» с «его чудовищностью, нелепостью, дикостью, сердечной тепло-той, пленительной наивностью» европейскому духу. Критик писал об индийской поэзии: «В азиатском нравственном мире преобладает субстанциальное, безразличное и неопределенное общее – эта бездна, поглощающая и уничтожающая личность человека» (Белинский. Т. 8. С. 112). Белинский называет «Наля и Да-маянти» Жуковского «просто сказкой, имеющей важное значение исторического факта жизни великого племени (...), сказкой, изложенной поэтически» (Там же. С. 113). Подобная оценка была следствием полемики Белинского с романтической концепцией славянофилов, отстаивавших особый неевропейский путь развития России и культ общины. Однако в рецензии на том девятый «Стихотворения В. Жуковского» (1844), вновь обращаясь к «Налю и Да-маянти», Белинский, повторив мысль о том, что Жуковский далек от современности («теперь особенно занимает не сущность содержания, а простота формы в изящных произведениях»), критик не мог удержаться от восторженного восхищения поэтическим совершенством поэта: «(...) при этой простоте стих Жуковского так легок, так прозрачен, тепел, прекрасен, что благодаря ему вы можете прочесть от начала до конца "Наля и Да-маянти" – индийскую поэму с немецко-романтическим колоритом – и к совершенному вашему удивлению, несмотря на то, что привыкли требовать от поэзии пищи не одному чувству или одной фантазии, но и уму» (Там же. С. 347).

На сюжет повести «Наля и Да-маянти» Жуковского была написана А. С. Аренским опера «Наля и Да-маянти», премьера которой состоялась в Большом театре в Москве в 1899 г. (Рус. поэзия в отеч. музыке. Вып. 1. М., 1966. С. 128).

Ст. 1. В те дни, когда мы верим нашим снам... – Материалом, непосредственно связанным с творческой историей Посвящения, является черновой автограф По-священия в прозе на немецком языке (РНБ. Оп. 1. № 40. л. 21–21 об.).

In den Tagen, als wir glaubten unsere Träume für Wirklichkeit halten hatte ich einen Traum.

Es schien mir als ob ich durch das blühende Thal allein ging. Von allen Seiten erhoben sich riesenhaft die Berge und in der Tiefe des Thals wie in einer Smaragdenen bis auf den Rand mit hellen Lasuren erfüllten Schachtel leuchtete der See, (...) still (...). Von Westen schlingelt sich durch den Thal ein Weg nach wo er verschwand in der weiten Ferne. Der Abend war still; und alles um mich Schwebte; nur von Zeit zu Zeit flatterte über meinem Kopf eine leuchtend Taube und ihre Flügel sangen zerschneidend die Luft.

Auf einmal höre ich Stimmen in der weite; und ich sehe, wie eine Zug von Westen gehen; wie eine unendliche Schlange windet sie sich im Thal; und dann höre ich wie eine feierliche Musik, und diese Klänge erfüllen [mich] mit (...) Wehmuth meine Seele. Indem ich gedanken-voll lauschte, geht alles vorüber, und ich hatte nur die Zeit in der Höhe, über dem freudich rauschem Menge einen Palankin zu erblickem; wie eine Geistererscheinung blitzte er nur in den Augen. (...) in dem Palankin sah ich eine junge Zarentochter; die Braut des Nordens und (...) blickte sie auf mich im Vorübergehen (...) Und alles verschwand (...) Und wenn ich zur Besinnung kam, es war schon Nacht und über dem Thal standen Sterne. Aber in meiner Seele war heller Tag; ich fühlte ganz in ihrer Tiefe etwas gehen geschah, als ob ihr um alles Schöne in einem einzigen lebendiger Gesichte offenbart hätte. Hier verändert sich mein Traum.

Ich sah mich in dem Zarenhause und vor meinen Blicken stand lebende die Vision der Seele; und es schien mir, als ob in wenigen Augenblicken Jahre gingen vorüber, mir eine Erinnerung zurucklaufen, Eine Erinnerung heller Zeiten, von etwas Wunderbaren, von einem zaubersten Leben, – und wieder veränderte sich mein Traum; ich sah mich am Ufer eines breiten Flusses. Die Sonne senkte sich; auf den Fluten wogten langsam blinzende Schiffe und ein Silberstreif zog ihnen nach; in der Nähe des Gebüsch leuchtete ein stilles Haus.

Und auf der Schwellenden Thür stand die junge Wirthin mit einem schlafenden Kind auf ihrem Schooße – und es war mein Weib mit meiner kühnen Tochter (...) Und ich erwachte; und mein Traum ward zu einer Sehnsüchtigen Wirklichkeit. Nur still und wogenlos fließt der Strom meines abgeschiedenen Lebens.

Bei dem Anblicke meiner Gefährtin die mir Gott zur Leirichtung meiner Gebete gab, bei dem Augenblicke meines Kindes, das wie ein Engel auf dem Schooße seiner Mutter schläft, fühle ich tief im Ruhe, die wir so sch (...) voll hier suchen, öhne sie zu finden; und höre eine alte irdische sorten heilige Stimme. Diene Seele erschreckte nicht „Glaube an Gott und an mich glaube,“ – spricht sie zu

mir. Er war mir verschieden mit eigener Hand diese heiligen Worte des Heilands auf zwei verschiedenen (...) Gedichte (...) (...) Grdber hinzuschreiben. Und nun (...) (...) (...) (...) (...), der Hand meines Weibes und der Hand meines Kindes schreiten sie für mich noch auf dem leichten Blatte des Lebens um (...) sie auf dem gastfreundlichen Grab.. stein (...) (...) (...) (...), zum Andenken des irdischen Gliclis, zur (...) der (...) Liebe und zur Hoffnung des ewigen Lebens. Und in meinem stillen Zufluchtsorte, abgewandt von allen irdischen Sorgen durch die lebendige Wand meines Gartens, kommt von Zeit zu Zeit der Traum (...) vergangenen Tage, der Poesie, um mich (...) ihre Erzählungen zu erdulden. Und jenes Lichtgestalt die einmal mich so bezauberte, lebt immer in meiner Seele. Oft auf [ошибка: at] dem Rande des Himmels, wie die Sonne schon untergegangen, sehen wir Wolken, hinter der Purpurnen steigen auf ahnende blitzende Glocke Berggipfeln ahnende.

Und der bloßen Phantasie erschien dort wie eine andere Welt so liegt jetzt in der Eeme mein Vergangenes, wie ein Fraubild, wie eine Luftgegend. Und es scheint mir, als ob die wunderliche Gestalt die ich auf dem Lebenswege begegne, leuchtete mir von dort wie einst.

Und diese Gestalt ist schon nicht allein; ich sehe zwei. Die vorige trägt eine Krone, die jetzige im Kranze von weißen Rosen, und sie ist ähnlich der vorigen wie eine aufblühende Blume die aufblühete; und sie rückt sich zu mir mit demselben zauberlichen Imcheln; wie die erste bei anderen Begegnung; Und Sie tragen beide (...) Namen.

Und nun mit diesem lieben Namen bezeichne ich die letzte mir von der Poesie dargebrachte Blume zur Erinnerung, an alles, was so schon in meinen vergangenen Jahren war und was jetzt siifi meine Ruhe bezaubert

(Перевод: В те дни, когда мы считали наши сны реальностью, я видел сон. Мне привиделось, как будто я шел один по цветущей долине. Со всех сторон величаво возвышались горы, и в глубине долины, как в изумрудном, до краев наполненном светлой лазурью сосуде, сияло озеро, тихо отражающее вечернее небо. От запада извивалась через долину дорога на Восток, где она исчезала в новой дали. Вечер был тих, и все вокруг меня молчало; и только время от времени над моей головой порхал, светясь, голубь, и его крылья пели, разрезая воздух. Вдруг я слышу вдали голоса и вижу, как с запада тянется ход: как бесконечная змея, извивается он по долине; и затем слышу я торжественную музыку, и ее звуки наполняют грустью мою душу. Пока я задумчиво прислушиваюсь, все проходит, и у меня был лишь миг увидеть паланкин над радостно шумящим народом; как видение, блеснул он перед глазами. В паланкине увидел я юную царевну, невесту Севера, и она взглянула на меня мимоходом... И все исчезло... И когда я очнулся, была уже ночь и над долиной светили звезды. Но в моей душе был светлый день; я почувствовал, что в глубине ее что-то произошло, как будто все прекрасное открылось в ее единственном оживленном лице.

Здесь мой сон изменяется. Я увидел себя в царском доме, и перед моим взором стояло любимое видение моей души; и мне казалось, как будто за несколько мгновений прошли мимо годы, оставив за собой воспоминание, воспоминание о светлых временах, о чем-то прекрасном, о (...) сказочной жизни, и снова переменялся мой сон. Я увидел себя на берегу широкой реки. Солнце село, на волнах медленно колыхались блестящие суда, и серебряная полоса тянулась за ними; вблизи, в кустах светился тихий дом. И на освещенном пороге стояла молодая хозяйка со спящим ребенком на руках – и это была моя жена с моей маленькой дочерью... и я проснулся, и мой сон стал духовной явью.

Только тихо и без волнения течет поток моей уединенной жизни. Во взгляде моей спутницы, которую мне дал Бог благодаря моим молитвам, во взгляде моего ребенка, который как ангел спит на коленях своей матери, я глубоко чувствую в (душе?) покой, который мы так жадно здесь ищем, не находя его; и я слышу земной, мягкий, смиренный голос. «Да не смущается твоя душа. Верь в Бога и в меня верь», – говорит он мне. Он призвал меня написать собственной рукой эти священные слова Спасителя в стихах на могилах двух умерших.

И тут (...) прикасается к руке моей жены и руке моего ребенка. Она для меня на легкой листке жизни. Она на гостеприимном могильном камне (...) на память о земном счастье, о (...) любви и надежде на вечную жизнь. И в моем тихом прибежище, отгородившись от всех земных забот живой стеной моего сада, приходит время от времени сон прошлых дней, поэзии, чтобы разъяснить мне грезы поэзии. И тот светлый образ, который меня так очаровал однажды, все еще живет в моей душе. Часто на краю неба, когда солнце уже село, мы видим облака, подобные блестящим колпакам поднимающихся пурпурных горных вершин. И бледной фантазии видится там как бы другой мир. Так мое прошлое находится сейчас вдали, как женский образ, как воздушное видение. И кажется мне, как будто чудесный образ, который я встретил на жизненном пути, сияет мне оттуда как единственный. И этот образ уже

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov
не один; я вижу два. На прежнем корона, нынешний в венке из белых роз. И он
похож на прежний, как распускающийся цветок на уже распустившийся, и он
наклоняется ко мне с той же чарующей улыбкой, как и первый при другой встрече; и
они оба носят одно имя. И этим любимым именем я называю последний цветок, мне
поэзией в дар принесенный, в воспоминание обо всем, что было так прекрасно в
моей прошлой жизни и что сейчас так сладостно очаровывает мой покой.)
После прозаического текста на немецком языке были написаны четыре стиха:
Я не могу тебе
Изобразить того, что происходит Теперь во мне, и что я сам; могу лишь Тебе свою
я повесть рассказать.
Это черновой набросок стихов из четвертого явления драматической поэмы «Камозэнс»
(март 1839). Ср. :
Того, что происходит
Теперь во мне и что я сам такое,
Я изъяснить словами не могу.
Но выслушан мою простую повесть...
(СС 1. Т. 2. С. 423). Указано О. Б. Лебедевой.
Ст. 29–30. Увидел я Царевну молодую, // Невесту севера... – Великая княгиня
Алек-сандра Федоровна изображала на празднике в Берлине в 1821 г. индийскую
прин-цессу Лаллу Рук.
Ст. 71–72. ...на двух родных, земной судьбиной // Разрозненных могилах... –
Жуков-ский пишет о сестрах Протасовых, на могилах которых он поставил одинаковые
надгробные плиты: в Дерите – на могиле М. А. Протасовой-Мойер и в Ливорно – на
могиле «Светланы», А. А. Протасовой-Воейковой.
Ст. 102. Но он уж: не один, их два... – Речь идет о великой княгине Александре
Федоровне и ее дочери Александре Николаевне.
Ст. 144–145. Свежим венком, сияла меж них Дамаянти, как роза // В пышной зелени
листьев сияет... – «Све[тлым]жим вен[ц]ком сияла меж них Дамаянти, как роза //
[Между зеленых листьев] В темной зелени листьев сияет» (К1, л. 2 об.)
Здесь и далее приводятся образцы текста первоначальной редакции, исправ-ленной
Жуковским на страницах авторизованной копии.
Ст. 159. В воздухе белых гусей; распутив златоперые крылья... – В
авторизованной копии первоначально была другая редакция этого стиха: «В воздухе
белых гусей [вереницу] на широких златом блестящих» (К1, л. 3 об.).
Ст. 164. Службу тебе сослужу... – «Скорби твоей помогу...» (К1, л. 3 об.).
Ст. 195. После того, что сказал ей Гусь золотой... – «После того, что сказал ей
крылатый посол» (К1, л. 3 об.).
Ст. 261. Боги, спустясь с высоты, на дороге увидели Наля... – «Боги, на
[свадьбу] праздник летя, на дороге встретили Наля» (К1, л. 6 об.).
Ст. 304–305. Тихо шептались они, повторяя: откуда пришел оп? II Кто оп? какой он
породы? райской? земной? исполинской? – «Тихо шептали они, повторяя: какое
созданье! // Какой он райской, [земной] духовной (земной- вст.) исполинской?»
(К1, л. 8 об.).
Ст. 350. Легкость чистых, беспыльно-эфирных одежд, неземные... – «Легкость
чи-стых, [от праха свободных] беспыльно-эфирных одежд, неземные...» (К1, л. 9
об.).
Ст. 409–412. Там величавые гости па пышных, упругих подушках ~ Тигра, полным
зубов... – «Там Цари на подушках упругих, разубранных пышно // Их густая толпа
была, как львиная грива // Полная светлых Царей палата, как зев растворенный //
Тигра полным зубов...» (К1, л. 12 об.).
Ст. 591. Но очарованный Наль был глух, и слеп, и бесчувствен... – «Но очарован
был адскою силою Царь, был словно как мертвый...» (К1, л. 18).
Ст. 718–720. Оба к низенькой, хижине, лесом густым окруженной ~ Друг подле друга
легли на голой земле без подушки. – «Оба к низенькой хижине, лесом густым
осенен-ной, // Там простершись, без сна, Царь и Царица // Пылью покрытые на
голой земле без подушки...» (К1, л. 21).
Ст. 735–736. Вражья рука ей, небесно прекрасной, божественно чистой II Зла
при-ключить ие дерзнет... – «Вражья рука не коснется ее небесно прекрасной
светлой. // Божественной чистой опасность может грозить ей...» (К1, л. 21).
Ст. 961–963. Все чаруя небесно-смиренною прелестью женской, II Темиокудрявая,
сладостно-стройная, тихо, как будто П Вея по воздуху, к старцам святым подошла
Дама-янти... – «Все чаруя небесною женской красою // [Светло] Темно кудрявая,
светло-окая, поступью легкой, // словно как вея, приблизилась, робко склонившись
пред ними (К1, л. 25).
Ст. 1574. Этот прекрасный, невидимо блещущий свет... – «Этот прекрасный свет,
незаметно блестящий...» (К1, л. 37 об.).
Ст. 1656–1659. Тихо подкравшись к подруге, с ее головы покрывало ~ ярко, как
ме-сяц, II Тучу пронзивший, блеснула оттуда звезда благодати. – «Робкой стопой к

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Дамаян-ти приблизясь, с нее покрывало // Тихо сняла и кудри волос, осенявших прекрас-ный // Лоб видарбинской царевны, откинула: ярко как в тучах // Вышедший месяц блеснул, оттуда звезда благодати» (К1, л. 39).

Ст. 1690–1691. ...дали коней с колесницею; дали II Также и стражей, дабы ее на пути охраняли... – «Добрых коней заложила в повозку царевна Сунанда (...)

Стражей отправили с ней охранять ее безопасность» (К1, л. 40).

Ст. 2143–2146. ...засохшую розу II Он увидел; в пыли она без листьев лежала; II Он ее поднял, взглянул на нее, и явилась живая II Роза в руке у него на месте прежней, поблекшей. – «...поблекшую розу // Он увидел: она в пыли лежала без листьев. // Он ее под-нял, меж пальцев растер, и явилась живая // Пышная роза в руке у него прекраснее прежней» (К1, л. 54 об.).

Ст. 2296. Мать разбудила царя неожиданно-радостной вестью. – «Тут Царица ра-достной вестью Царя разбудила (К1, л. 60).

Э. Жиликова

Рустем и Зораб

Персидская повесть, заимствованная из царственной книги Ирана (Шах-Намё) Вольное подражание Рюккерту («Из книги царственной Ирана...») (С. 161)

Автографы:

1) РНБ. Оп. 1. № 54. л. 2 об., 17–59 – черновой, с начала по восьмую главу пятой книги (ст. 1–2577), с датами внутри текста: 1 (13) июля 1846, 2 (14), 3 (15), 6(18), 7(19), 7 марта 1847.

2) РНБ. Оп. 1. № 65. л. 1–236 – белой, с многочисленными исправлениями и вычеркиваниями.

Впервые: Новые стихотворения. Т. 1. СПб., 1849. С. 1–222. Ц. р. от 14 июля 1847 г. – с заглавием в титуле: «Рустем и Зораб. Персидская повесть, заимствован-ная из царственной книги Ирана (Шах-Намё) и подзаголовком в общем оглавлении ко всему тому: «Вольное подражание Рюккерту».

В прижизненных и з д а н и я х: С 5. Т. 6. С. 3–220. Текст является точной перепечаткой из «Новых стихотворений».

Датируется: начало 1846 г. – 12 апреля н. ст. 1847 г.

Основанием для датировки работы Жуковского над стихотворной повестью «Рустем и Зораб» являются его собственные указания в черновой рукописи (авто-граф № 1). На л. 17, приступив к работе, он фиксирует: «1846. Начато в начале года».

Отсутствие документальных свидетельств не позволяет со всей определен-ностью сказать, что имел он в виду, говоря: «начало года». Дневники за 1846 г. ве-лись несистематически. Так, в записи за январь нет упоминаний о начале перевода. За февраль характерная запись: «Еще не принимался за свои работы» (Дневники. С. 534). В письме к А. М. Тургеневу от 18 (30) марта 1846 г. читаем: «...глаза по-шаливают (...). От сей причины я несколько времени ни за какую работу не при-нимался» (РС. 1892. № 11. С. 387). Отсутствие дневниковых записей за март-май позволяет говорить, что, видимо, в это время Жуковский приступает к работе. Во всяком случае до 1 (13) июля 1846 г., как явствует из чернового автографа (л. 19 об.), он успел написать ст. 1–161, т. е. перевел пять песен первой книги. Перед шестой песней стоит дата 2 (14); перед седьмой – 3 (15). На л. 22 об., приступая к работе над второй книгой, он фиксирует: 6(18); перед третьей песней второй книги стоит дата: 7 (19). Все они относятся к июлю 1846 г. В списке произведений 1843–1847 гг. (автограф № 1, л. 1 об.) он рядом с «Рустемом и Зорабом» помечает: (150 / 278) август и сент(ябрь) 1846 / 3 мар(та) – 12 апр(еля) 1847. Что касается цифр (150 и 278), то, по всей вероятности, это указа-ние на нумерацию страниц из книги Ф. Рюккерта (см. ниже). Первая дата: «август и сентябрь 1846» связана с продолжением перевода последующих песен в черновой рукописи (до ст. 2577; по 8-ю главу пятой книги). Вторая дата отражает уже этапы окончания чернового варианта (3 марта 1847 г.) и переписывания текста набело, завершеного 12 апреля н. ст. этого же года. Вся работа над текстом проходила во Франкфурте-на-Майне, где жил в это время Жуковский со своей семьей.

400
В письме Н. В. Гоголю от 20 февраля (4 марта) – 12 (24) марта 1847 г. читаем: «И я размахался тем, что кончил "Рустема и Зораба" (...). Теперь переписываю и в то же время поправляю поэму» (СС 1. Т. 4. С. 549). Письмо создавалось в два при-ема, в течение 20 дней. Свидетельство об окончании «Рустема и Зораба» находит-ся во второй его части, датированной 12 (24) марта и начинающейся следующими словами: «Выставленное здесь число скажет тебе, что это письмо, начатое 4 марта, целые двадцать дней пролежало на письменном столе моем; мне некогда было при-няться за его окончание; не хотелось послать его неоконченным» (Там же).

В архиве поэта (РНБ. Оп. 1. № 77. л. 34) среди поздних рукописей, содержащих сведения о некоторых творческих замыслах, имеется следующая запись: «Апрель. Переписать Рустема». В письме к А. Малыцу от 11 мая 1847 г. Жуковский сообщает,

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukovskiy imya v vidu «Рустема и Зораба»: «Мой труд вполне кончен» (РБ. С. 12), а из письма П. А. Плетнева от 11 (23) июля 1847 г. известно, что к этому времени повесть уже была в России и отдана в цензуру (Переписка. Т. 3. С. 584). 20 июля ст. ст. 1847 г. вяземский писал Жуковскому: «Сейчас Уваров возвратил мне процenzурованную твою рукопись. Передаю ее Плетневу» (Гиллельсон. С. 57). Цензурное разрешение от 14 июля 1847 г. в первом томе «Новых стихотворений», где впервые была напечатана повесть, отражает этот момент творческой истории. Поэтому примечание И. Шляп-кина к письмам Жуковского о том, что перевод «Рустема и Зораба» был «продолжен в июле и кончен 12 августа 1847 г.» (РБ. С. 12), является недоразумением или опечаткой. Также не имеет фактических оснований утверждение П. Ефремова, а вслед за ним и П. Загарина (Загарин. С. 589) о том, что «перевод был начат в 1844 г., но с января 1845 г. приостановлен почти на два года» (С 7. Т. 5. С. 541; С 9. Т. 3. С. 521). Начало 1846 г. (скорее всего, март) – время, когда Жуковский приступил к переводу. 12 апреля н. ст. 1847 г. – дата окончания переписывания текста повести. 14 июля ст. ст. 1847 г. – получение цензурного разрешения на печатание «Рустема и Зораба».

Наконец, необходимо сказать, что, несмотря на указанные в издании «Новых стихотворений» выходные данные: «СПб., 1849», первый том, который открывался повестью «Рустем и Зораб», печатался в Карлсруэ, в придворной типографии В. Га-спера (ср.: «Между тем "Одиссея" и "Рустем" печатаются в Карлсруэ» – из письма Гоголю от конца 1847 г.: СС 1. Т. 4. С. 550) и вышел в свет между 19 апреля (1 мая) и 16 (28) мая 1848 г. Ср.: письма к великому князю Константину Николаевичу от 19 апреля (1 мая): «Скоро печатание кончится» (С 7. Т. 6. С. 365) и 16 (28) мая 1848 г.: «Пользуюсь случаем, чтобы предоставить вашему императорскому высочеству два тома сочинений моих, вышедших из печати...» (С 7. Т. 6. С. 366). Таковы основные моменты творческой истории повести «Рустем и Зораб» и фактические основания для датировки работы Жуковского над ней.

«Рустем и Зораб» – вольный (по словам самого Жуковского, «своевольный»: Зейдлиц. С. 236) перевод поэмы немецкого поэта Фридриха Рюккерта (о нем см. примечания к повести «Наль и Дамаанти» в наст. изд.). В библиотеке Жуковского имеется следующее издание этого произведения: Rostem uind Suhrab. Eine Heldengeschichte in 12 Buchern von Friedrich Ruckert, Erlangen, Th. Bliising, 1838 – с многочисленными пометами владельца. См.: Описание. № 1989. В свою очередь Рюккерт, обратившись к героической эпопее персидского поэта Фирдоуси (ок. 934 – 1020 или 1030) «Шах-наме», сделал вольное переложение одного из ее эпизодов «Росгем и Сохраб».

26 – 3088

/МО!

«Шах-наме» («Книга царей») – огромная стихотворная эпопея, объем которой колебался от 40 до 120 тысяч бейтов (двустий). В настоящее время востоковеды сходятся, что ее реальный текст содержит 55 000 бейтов. Поэма состоит из описания пятидесяти царствований, начиная от царей легендарных и кончая историческими личностями. Борьба иранцев против туранцев – основной исторический фон в «Шах-наме» – связана с доисламским зороастризмом: силы зла и мрака воплощены в Туране, силы добра и света – в Иране.

Кроме «книг о царствах», в «Шах-наме» есть разделы, в которые Фирдоуси включил самостоятельные поэмы героического или романтического характера. Такова история о Росгеме и Сохрабе. Эта история – одна из важнейших во всей книге, так как жизнь и деяния героя Ростема (Рустама) обрели масштаб национальной эпопеи. Не случайно «Шах-наме» народ нередко называл «Книгой о Рустеме». Эпизод с Сохрабом (Зорабом) является вариантом широко распространенного эпического сюжета боя отца с сыном (Хильдебранд и Хадубрант в древнегерманском эпосе, Кухуллин и Конлоах в ирландском, Илья Муромец и Сокольник в русском и др.). К. Зейдлиц даже высказывал мысль об автобиографическом подтексте переложения Жуковского: «Его, видимо, занимал образ Зораба, сына иранца от матери-туранки. В жилах нашего поэта тоже текла туранская кровь» (Зейдлиц. С. 247).

Показательно, что в библиотеке Жуковского имелось следующее издание: Das Heldenbuch von Iran aus dem Schah Nameh des Firdussi. Vde 1–2. Berlin; Reiraer, 1820 (Описание. № 1151) – пересказ «Шах-наме», подготовленный немецким критиком и публицистом Йозефом фон Герресом (1776–1848). О нем и его переложении «Шах-наме» см.: Михайлов А. В. Йозеф Геррес: Эстетические и литературно-критические опыты романтического мыслителя // Михайлов А. В.: Обратный перевод. М., 2000. С. 222–246, прим. 2. К сожалению, в настоящее время эта книга отсутствует в библиотеке Жуковского, что не позволяет со всей определенностью говорить о характере ее чтения, но можно точно сказать о знакомстве русского переводчика с полным текстом эпопеи Фирдоуси на немецком языке.

Как явствует из письма Жуковского к Аполонию Малыцу от 11 мая 1847 г., с поэмой Рюккерта его познакомила г-жа Шорн (РБ. С. 12). Из «Дневников» Жуков-ского известно, что он впервые встретился с г-жой Шорн, которая до замужества была фрейлиной великой княгини Саксен-Веймарской Марии Павловны Генриет-той фон Штейн, в августе 1838 г. во время посещения Веймара: «26 августа (7 сен-тября). (...) Фрейлина Штейн очень милая...»; «30 августа (11 сентября). (...) Милая фрейлина Штейн моя соседка за обедом...»; «1(13) сентября. К фрейлине Штейн, разговор о письме Дежерандо...» (Дневники. С. 408–410). С февраля 1839 г. (см.: Briefe des Kanzlers Friedrich von Muller an Wasily Andrejevitsch Joukowsky. Herausgegeben Adelheid von Schorn // Deutsche Rundschau. Bd. CXX. Berlin, 1904. S. 285) Генриетта фон Штейн становится женою историка искусств, директора Института изящных искусств в Веймаре Иоганна Карла Люд-вига фон Шорна (1793–1842), с которым Жуковский тоже познакомился в августе 1838 г.: «28 августа (9 сентября), воскресет>е. (...) Знакомство с Шорном» (Дневники. С. 409). Во время посещения Веймара в марте 1840 г. он посещает его дом: «26 (мар-та), вторник. (...) К Шорну, который только что избавился от болезни» (Дневники. С. 522). По всей вероятности, он встретился и с его женой, г-жой Шорн.

О еще одной встрече с Генриеттой фон Шорн уже после смерти ее мужа, когда Жуковский 28 августа 1849 г. приехал в Веймар на 100-летний юбилей Гете, так вспоминает дочь Шорнов Адельевда (1841 – после 1904), будущая издательница и мемуаристка: «Я едва могу вспомнить этот праздник – лишь один человек, один образ вновь и вновь всплывает в моей памяти. Я сидела у стола, раздался звонок, и мы услышали мужской голос, доносящийся снаружи. Услышав какое-то имя, моя мать вскочила с радостным возгласом и бросилась к двери. Большой стареющий господин с полным удивленным лицом, прекрасными глазами и кротким, любез-ным выражением вошел с мамой в комнату. Она встретила его так сердечно, что я никогда ни забуду ни имени его, ни облика. Это был Жуковский, воспитатель императора Александра II, один из величайших поэтов, когда-либо рожденных Россией, и замечательный человек. Он раньше часто бывал в Веймаре со своим воспитанником и очень подружился с моими родителями» (Gerhardt. S. 261–262. Ср.: Жуковский в воспоминаниях. С. 350–351).

Так как поэма Рюккерта появилась в 1838 г. (именно это издание имеется в библиотеке Жуковского), когда Жуковский был в Веймаре и познакомился с Ген-риеттой Штейн (впоследствии г-жой Шорн), то скорее всего тогда же г-жа Шорн познакомила его с ней. В упоминавшемся выше письме к А. Мальтицу, рассказывая о знакомстве через г-жу Шорн с поэмой Рюккерта, Жуковский добавляет: «и у меня уже давно была идея завладеть ею» (РБ. С. 12), что позволяет предполагать более ранний, чем начало перевода в 1846 г., интерес поэта к «Рустему и Зорабу». Рассказывая о работе над переводом в письме к К. Зейдлицу, Жуковский сооб-щал: «Эта поэма не есть чисто персидская. Все лучшее в поэме принадлежит Рюк-керту. Мой перевод не только вольный, но и своевольный: я много выбросил и многое прибавил» (Зейдлиц. С. 246). О том же он говорил и в письме к Мальтицу от 4 августа 1848 г.: «...при переводе я не имел намерения быть точным; я хотел только, следуя Рюккерту, рассказать по-своему великие дела его героев; есть много вещей, мной опущенных; много мной прибавленных» (РБ. С. 16).

«Своеволие» Жуковского проявилось в том, что он прежде всего дал иную транс-крипцию имен: вместо Ростема – Рустем, вместо Сухраба – Зораб. Имя коня Рустема стало Гром вместо непереводимого «Рахш» Фирдоуси, переданного Рюк-кертом как «Rachs». Изменился состав текста, его композиция. Вместо 12 книг, на которые разделена повесть Рюккерта, у Жуковского – 10, но в отличие от Рюккер-та они озаглавлены: «Книга первая. Рустем на охоте», «Книга вторая. Зораб» и т. д. У Рюккерта – сплошная нумерация глав (всего их 118), у Жуковского – отдельная нумерация в пределах каждой книги: книга первая – VIII, вторая – VIII, тре-тья – XIV, четвертая – XV, пятая – X, шестая – VIII, седьмая – X, восьмая – VII, девятая – IX, десятая – VIII; всего 97 глав. Общий объем текста Рюккерта – 3917 стихов; Жуковского – 4902 стиха. П. А. Плетнев определял роль Рюккерта для Жуковского следующим образом: «Но немецкий переводчик был для него не более как путеуказатель» (Переписка. Т. 3. С. 146).

В упоминавшемся выше письме к Зейдлицу Жуковский говорит и о своих «при-бавлениях» к тексту Рюккерта. Это сцена «явления девы ночью к телу Зораба» и «эпизод прощания с конем». Комментируя содержание первой сцены, Жуковский писал: «Но ты ошибся, приняв эту деву телесную за дух бесплотный. Это не умершая Темина, а живая Гурдаферид, которая пророчила ему безвременную смерть и обе-щала плакать по нем и исполнила свое обещание. Он, умирая, на это надеялся, а она, как будто почувствовала вдали его желание, принесла ему свои слезы: сердце сердцу весть подает» (Зейдлиц. С. 247). «Эпизод прощания с конем принадлежит мне» (Там же), – сообщал Жуковский, а в письме к А. Мальтицу добавлял: «...два

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov коня, русско-го героя (имеется в виду Иван Царевич. –А. Я.) и Зораба, имеют один и тот же вид; описание русского коня взято от слова до слова из наших сказок» (РБ. С. 16). К. Зейд-лиц увидел в этих «прибавлениях» «отголоски прежнего романтизма Жуковского»: «как будто украдкой взял он из прежних своих произведений вышеупомянутые два эпизода, из которых первый напоминает сходный эпизод в "Песни барда над гро-бом славян-победителей", а другой – в балладе "Ахилл". Но в последней повести Жуковского явление таинственной девы у гроба и прощание старика отца с конем умершего сына делают особенно трогательное впечатление на читателя, знающего, в каком смущении сердца поэт писал эти стихи» (Зейдлиц. С. 248).

Поэма Фирдоуси написана популярным размером персидского (метрического) стихосложения мутакарибом, героико-эпическим стихом, представляющим собой два рифмующихся между собой полустихия по 11 слогов, в которых короткий слог сменяется двумя долгими. У Рюккерта ему соответствует шестистопный риф-мованный ямб (александрийский стих). Жуковский, добываясь большей свободы повествования с большей интонационной амплитудой, использовал в своем пере-ложении белый вольный ямб. По подсчетам исследователя, в повести Жуковского 4-стопный ямб составляет 50,4 %; 6-стопный – 3,7 %; 5-стопный – 31,5 %; 3-стоп-ный – 13,5 %; 2-стопный около 1 %; 1-стопный отсутствует. «Отказ от рифмы в эпо-се был для Жуковского средством прозаизации стиха, приближением его к живой речи», – резюмирует автор (Матяш С. А. Поэма В. А. Жуковского «Рустем и Зораб»: Своеобразие идейного звучания и стихотворного стиля // Вопросы истории, языка и литературы. Вып. 3. Караганда, 1976. С. 43. курсив автора).

Первые читатели поэмы, друзья Жуковского – К. Зейдлиц, П. Плетнев, П. Вя-земский – в своих отзывах отметили стихотворное новаторство переводчика. Плетнев говорил о «металлическом стихе (Переписка. Т. 3. С. 146). Вяземский вос-хищался: «Удивительно, что за свежесть, за бойкость, за сила, за здорovenность в языке и в стихе твоём. Так и трещит он молодостью и богатырством. И воля твоя, слава Богу, что ты не употребил здесь гекзаметра. На «Одиссею» дело другое, а в по-добных повестях только что опутал бы и подморозил рассказ» (Гиллельсон. С. 57). Наконец, Зейдлиц, не будучи профессиональным литератором и не разбираясь во всех хитростях стихосложения, замечал: «Как тяжелые стихи немецкого "Наля" превратились под рукою Жуковского в плавно текущие гекзаметры, так и вместо вялого шестистопного стиха Рюккертова "Рустема" русский поэт избрал для своей повести четырехстопный ямб без рифмы, а в иных местах, смотря по содержанию поэмы (например, в письме оторопевшего от приближения туранских войск к Бе-лому Замку защитника крепости Гездехема), употреблял живой трехстопный ямб (Зейдлиц. С. 248).

В начале 1840-х годов Жуковский весь во власти замыслов в области эпической формы. Он обращается к различным ее образцам, от опытов перевода «Потерян-ного рая» Мильтона, «Божественной комедии» Данте, «Песни о Нибелунгах» до переложения восточного эпоса и классического перевода «Одиссеи» (подробнее см.: Янушкевич. С. 244–259). К середине 1840-х годов у него формируется гранди-озный проект собрания повестей для юношества, «самой образовательной детской книги». В этом отношении в переложении отрывка из «Шах-наме» он следовал рус-ской и западноевропейской традиции использования филоориентализма для гума-нистической проповеди.

Выбрав вслед за Рюккертом наиболее драматический эпизод восточного эпоса, он пытается с максимальной полнотой выявить его этический пафос. Герои Жуков-ского «царского сана», но для поэта главное передать их человеческое содержание, открыть их человеческие страдания. Тема возрождения, очищения, воскресения через испытания и страдания как содержательная основа эпоса впервые заявлена Жуковским именно в этих переложениях. Последняя глава повести, подчеркнута названная «Рустем», оставляет героя наедине с самим собой. «Скорбю согбенный», «неутешимой преданный печали», с «загвожденными железной судорогой устами», он «впервые сердцем сокрушенный». В конце 116-й главы рюккертовского пере-ложения Жуковский, комментируя эпизод передачи Рустемом повязки Зораба его матери, записывает прямо на страницах книги из своей библиотеки: «moralischer Egoismus». «Нравственный эгоизм» Рустема оказывается разрушен великими стра-даниями героя. Его «последний, самый трудный подвиг» не воинский, а челове-ческий, нравственный: «...в пустыне, самого себя // Хочу размыкать я и змея – // Грызущее мне душу горе – // Убить...» В одиночестве всмотреться в себя, открыть свою душу – вот к чему стремится трагический герой Жуковского. Уход богатыря, эпического героя в пустыню, в неизвестном направлении, разочарование в про-житой жизни и чувство трагической вины – путь к себе, к обретению подлинных человеческих ценностей.

Настойчивое выделение трагического содержания восточного эпоса в перело-жении эпизода из «Шах-наме» вело к известному разрушению самой природы геро-ического

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov
эпоса. Идеализированный образ богатыря – воина Рустема, заявленный в начале повествования, претерпевает в ходе его значительные изменения. Военские подвиги и богатырская сила не заслоняют этического потенциала поступков героев. По справедливому замечанию С. А. Матяш, «герои Фирдоуси и Рюккерта масштабны, они – герои, боги (...), у Жуковского они люди, наделенные сомнениями, предчувствиями, большими и маленькими страстями» (Матяш С. А. Указ. соч. С. 39). Тема сыноубийства, трагического неузнавания отца и сына у Жуковского проецируется на современность. Черты эпохи разрушения человеческих связей, раздробления чувств, меркантилизма воссозданы в историях из далекого прошлого. Лесть и подкуп, тирания и бессердечие сильных мира сего, моральный эгоизм в переложении Жуковского воплощены в живых характерах иранского шаха Кейкавуса, туранского царя Афразиаба, его верховного вождя Барумана, Хеджира. Общая атмосфера расчета, бесчеловечности и безнравственности способствует трагическому ходу событий. Процесс очеловечивания героического восточного эпоса – главное направление поисков русского поэта. Именно этот пафос произведения Жуковского хорошо почувствовали его друзья-современники. Вяземский сразу же после прочтения рукописи эмоционально отреагировал: «Поздравляю тебя и себя и всех православных с Зорабом Руста-мовичем. Славный молодец! Я плакал как ребенок, как баба или просто как поэт – если я и не поэт на стихах, то поэт на слезах – читая последние главы. Бой отца с сыном, кончина сына – всё это разительно, раздирательно хорошо. (...) ты так же как Рустем, оставил у какого-то горного духа излишек сил па сбереженье, который теперь тебе пригодился» (Гиллельсон. С. 57. Курсив автора. – А. Я.). Ему вторил Плетнев: «Благодарю вас за то высокое насаждение, которое вы доставили мне присылкою Рустема. Я в первый раз читал его один – и когда дошел до последних

4<5

глав, то слезы текли у меня, и я так был счастлив, как давно этого не случилось со мною. Вяземский после сказывал мне, что и с ним происходило то же самое» (Переписка. Т. 3. С. 584). По мнению К. Зейдлица, «...приятно было слышать в этой поэме отголосок прежнего романтизма Жуковского. (...) Вообще изложение у Жуковского сокращеннее, события следуют скорее одно за другим, исключены некоторые эпизоды, ничего не прибавляющие к развитию действия» (Зейдлиц. С. 247).

Последнее замечание друга и биографа Жуковского заслуживает более подробного разговора. С. А. Матяш впервые обратила внимание на то, что в беловой рукописи «Рустема и Зораба» (автограф № 2) «большие куски текста, составляющие подчас целые главы», перечеркнуты и не вошли в печатный текст поэмы (Матяш С. Л. Неопубликованные главы поэмы В. А. Жуковского «Рустем и Зораб» // Русская литература. 1878. № 3. С. 125–131). Из письма П. А. Плетнева от 4 (16) августа 1847 г. известно, что в цензуру Жуковский отправлял уже другой список, не известный нам, разумеется, без вычеркиваний: «Рустема отправил я к вам, не зная, что у вас есть другой его список: а в проценированном ни одного слова не зачеркнуто» (Переписка. Т. 3. С. 590).

Общий объем этих купюр в беловом автографе составляет около 200 стихов (подробнее см. постишный комментарий). Говоря о причинах исключенных по этому фрагментов текста, С. А. Матяш замечает: «...все вычеркнутые Жуковским куски поэмы представляют собой «чужую» речь: письмо Афразиаба Зорабу; речь Барумана, обращенная к Зорабу перед взятием Белого Замка; разговор Зораба с Хеджиром; разговор Зораба с Баруманом и следующая за ним речь Барумана после взятия Белого Замка; монолог Рустема; речь перепуганных вельмож после ссоры Рустема с Кейкавусом. Следовательно, можно предположить, что Жуковский убрал эти главы для того, чтобы динамизировать повествование» (Там же. С. 127). С этим выводом исследователя трудно не согласиться.

Хотелось бы только обратить внимание на следующий факт. В цитированном выше письме к Гоголю от 20 февраля (4 марта) – 12 (24) марта 1847 г. Жуковский, говоря о переписывании поэмы и одновременно поправках (стилистическая правка действительно есть в тексте белового автографа), замечает: «Мне весело будет слушать, как ты опять будешь читать ее вслух предо мною для новых поправок» (СС 1. Т. 4. С. 549). 12 апреля 1847 г. поэма была переписана. Как известно из писем Гоголя, в течение месяца, примерно с 10 июня по 10 июля 1847 г., он живет во Франкфурте рядом с Жуковским и постоянно встречается с ним (см.: Гоголь. Т. 13. С. 319–349). И хотя целиком поглощенный реакцией друзей и критики на свои «Выбранные места...», Гоголь почти ничего не говорит о своей франкфуртской жизни, трудно представить, что Жуковский не дал ему на прочтение свое новое сочинение и не выслушал его замечания, которые так высоко ценил. Накануне посылки «Рустема и Зораба» в Россию для цензурования, вероятно, и были сделаны вычеркивания уже в перебеленном тексте.

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

В истории русской культуры, несмотря на многочисленные переводы «Шах-наме» (Ц. Бану, М. Лозинский, И. Сельвинский, К. Липскеров и др.), переложение Жуковским поэмы Рюккерта стало заметным явлением. Сам Жуковский считал «Ру-стема и Зораба», наряду с «Одиссеей», «лучшим из всего, что мне случилось намарать на бумаге пером моим» (из письма П. В. Нащокину от 6 (18) декабря 1849 г. // За-гарин. С. LXX. Приложение VIII). А в письме к А. П. Зонтаг от 20 декабря 1848 г. (1 января 1849 г.) он называл их «мои милейшие дети» (УС. С. 123).

Ст. 1. Из книги царственной Ирана... – Поэма Фирдоуси состоит из описания пя-тидесяти царствований. Но, возможно, дважды (в подзаголовке и первом же стихе) приводя эпитет «царственная» по отношению к «книге», Жуковский придавал ему и определенный оценочный смысл: возвышенная, величественная.

Ст. 7. ...на царя Афразиаба... – Владыка Турана, сын шаха Пашанга, неоднократно нападавший на Иран и бывший его главным врагом.

Ст. 9. Мои сабульские дружины... – От названия удела систанских богатырей – Забула, или Забулистана (Сабулистана). В настоящее время небольшая провинция Ирана на границе с Афганистаном.

Ст. 11. ...в Истахар... – Персидское название города, расположенного вблизи Истахара, столицы Ахмендов. В «Шах-наме» Истахар (Истахр) – столица иранских шахов.

Ст. 12. Шахкейкавус... – Правильное написание: Кей-Кавус, так как «кей» – титул нескольких иранских шахов, которые составляют династию Кейанидов. Рустам неоднократно спасал Кейкавуса и освободил его из хамаваранского плена.

Ст. 15. Могучий конь мой Гром... – Как уже указывалось в преамбуле, имя коня Рустема – изобретение Жуковского вместо непереводаемого «Рехш» Фирдоуси, переработанное Рюккертом как «Rachs». В его описании, как и в характеристике коня Зораба, он опирается на русский фольклор.

Ст. 29–30. ...где за горами //лежал Турин. – Туран – область, граница которой проходит по реке Аму-Дарье. Туранцы – иранские кочевые племена, постоянно тревожившие набегам оседлое население. Позднее Туран стал отождествляться с Туркестаном. Турецкая кровь Жуковского (как известно, его матерью была плен-ная турчанка) даже позволила К. Зейдлицу высказать предположение об автобио-графическом подтексте переложения повести (см. преамбулу).

Ст. 32. ...множество гуляющих онагрей... – Диких ослов, куланов. Исламом было запрещено есть их мясо, но в зороастризме такого запрета нет, и в иранском эпосе богатыри считают мясо онагрей вкусным и охотятся на них.

Ст. 57–58. Под ветвями густого Широколистного чинара... – Чинар (чинара), дерево семейства платановых. Определение «широкотенный» принадлежит Жуковскому и свидетельствует, как и во многих других случаях, о его тяготении к сложным гомеровским эпитетам. Параллельная работа над переводом «Одиссеи» стимулировала эту тенденцию стилистических поисков.

Ст. 124. Ко граду Семепгаму... – У Фирдоуси эта область на границе Турана и Ирана называется Саманган.

Ст. 161. И к царским подошел палатам. – В черновом автографе (л. 19 об.) после этого стиха стоит дата: 1(13) июля 1846. Это позволяет высказать предположение, что основная работа по переложению поэмы Рюккерта проходила на швальбахских водах, куда Жуковский приехал 8 июля н. ст. 1846 г. Ср. в письме А. М. Тургеневу от 7 июля 1846 г.: «Еду завтра на три недели в Швальбах» (РС. 1892. №11. Ноябрь. С. 389).

Ст. 220. ...хииские кувшины... – То есть китайские кувшины.

Ст. 233. ...благоухавший муском... – Муск (мускус) содержится в корне аптечного дягиля, в семенах гибискуса и обладает особым благовонием, используемым в пар-фюмерной промышленности.

Ст. 247. Темина, дочь царя... – У Фирдоуси дочь шаха Самангана зовется Тах-мина. История Ростема и Зухраба заканчивается подробным описанием ее смерти при известии о гибели сына. Рюккерт, а вслед за ним и Жуковский, о смерти матери говорят намеком, через возвращение повязки убитого Зораба, посланной ей. Ср. у Жуковского:

При входе брата приподнял
Он голову. Зевар
На те.к) молча положил
Окровавленную повязку.
При атом виде содрогнувшись,
Рустем спросил: «Зачем, мой брат Зевар,
Принес назад мою повязку?»
Зевар отвечив: «Там никому
Она уж боле не нужна»...

Ст. 315. Мобедов царских... – То есть жрецов.

Ст. 334. Он сиял с руки повязку золотую... – У Фирдоуси вместо «повязки

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

золо-той» – талисман с камнем счастья.

Ст. 382. ...в Систан, потом в Сабулштаи... – Систан – область на востоке Ирана, заселенная задолго до появления ислама восточноиранскими племенами саков.

От-сюда и название (Сакастан – Сагистан – Сеистан – Систан).

Ст. 712. Вручил письмо к Зорабу... – Далее в тексте белого автографа (л. 36–38) зачеркнут следующий текст письма Афразиба к Зорабу:

Богатую серебряную сбрую,
Осыпанную жемчугами
И туркестанской бирюзой;
Шлю для тюрбана твоего
Султан из ветвей изумрудных
С росинками из Индостанских
жемчужин редкой белизны;
Шлю две алмазные короны.
И с ними два работы чудной
Престола из слоновой кости.
Прими дары, и в них желанье,
Чтоб под твоей рукою две короны
Соединил пел в одну.

И чтоб из двух престолов
Ты наконец воздвиг одни великий.

Когда Иран ты завоеешь,
Тогда надолго и в Ту ране
Покой желанный водворится.

Доныне вечно враждовал.
Как с ночью день, Туран с Ираном –
Но ты в них утверди пи. единство.

Лежит на рубеже меж ними Семенгам:

Пускай он будет неразрывным
Узлом двух царств великих;
Л ты тремя владычествуи один.

И для того к тебе я войско
4о8

С моим вождем верховным Баруманом

Шлю ныне: нм ты самовластно,
Как собственным повелевай;

И добрый путь тебе к победе!

Дан скоро нам услышать вести

О подвигах твоих в Иране;

Л мой престол не сыновьям в наследство

я назначаю, а тебе.

Такое написал письмо

Лфразнаб к Зорабу.

Его вручил он Баруману.

Ст. 761. Тимпаны загремели... – Тимпан (от греч. τυμpanον – бубен) – музы-кальный инструмент, напоминающий барабан с широким ободом, на который с двух сгорон натягивалась кожа.

Ст. 1296. За ним туда всё войско возвратилось... – Начало 12-й главы третьей кни-ги в беловом автографе (л. 66–68) было другим. Жуковский зачеркнул 50

стихов, включающих речь Барумана:

Была давно уж ночь, когда Зораб

Вошел в шатер свой – вслед за ним

Вошел туда и старый Баруман.

И он сказал: Зораб, ты не обдумал

Того, что сделал. Пищу у врага

Отрезал ты, и все его

Запасы уничтожил,

Но тем ты и себя ограбил.

Здесь целый лес сожжен безумно,

Л из него для приступа могли бы

Мы лестницы построить – замка

Без лестниц не возьмешь; твой конь не перескочит

Его стены. И что ж причиной было

Такого бешенства? Досада,

что хитростию женской

Ты проведен, и что твоя

Красавина перед тобою

Захлопнула ворота замка.

Но что, когда б она
Их не захлопнула? Когда бы сладил
Со множеством вооруженных?
Тебя никто на поединке
Не одолеет – правда; и собаки
И сильного одолевают льва,
Когда их много. Если ты
Рукой и головою войска
Быть хочешь – будь с отважными разумен.
И что ж бы я лфразиabu,
Приславшему для доброго совета
Меня к тебе, теперь мог донести?
«Твой бурным витязь в Белом Замке;
Туда он смело ворвался.
Но вырваться оттуда уж не может». –
Зораб смиренно,
Как провинившийся ребенок.
Упреки выслушал; но улыбнулся
И с дерзкою беспечностью сказал:
Быть стариком неможно молодому;
И никогда еще
Мне слышать не случалось,
Чтобы Рустем, состарившийся в битвах,
Строеньем лестниц забавлялся,
Готонясь ворваться в Крепкий Замок;
Строй лестницы, тому я не противлюсь,
Но уговор: чтоб первый я
Взошел на стену, и чтоб все*
Готово было завтра утром;
Иначе и без лестниц
Я поведу на приступ войско.
Ст. 1395. И где найти тебя, не знаю». –Текст 13-й главы третьей книги в беловом автографе (л. 72–73) имел другое продолжение, включающее еще 39 зачеркнутых стихов:
Тут, вспомнив о Хеджи ре, он
Велел его к себе прнвесть. Хеджнр
Явился, скованный цепями;
Но для пего ценен тяжеле
Был стыд неволн в тех стенах,
Где властвовал он накануне.
Его от уз освободив,
Зораб приветливо сказал:
Хеджнр, но–нрежнему ты будешь
Владыкой здесь, когда откроешь
Мне имя тон прекрасной.
Которую мы оба слишком знаем.
Скажи мне, где она и как ее найду я?
Такой вопрос ударом громовым
Был для Хеджира; он Зорабу
Ответствовал: когда тебе сам Бог
Такую дал невесту, я назвать
Не отрекусь ее перед тобою.
Ее зовут: Гурдаферид.
Но где она и как могла
Из замка скрыться – я не знаю.
Не знаю также и того,
Каким путем ушел
Отсюда Гездехем,
И где он скрыл свои богатства.
Их может быть похитил змей крылатый,
4ю
Иль буря унесла,
Иль дух умчал могучий.
Хеджир умолк. О тайном подземелье
Он ведал; но о нем Зорабу
И для спасенья жизни
Он не сказал бм: не о замке,
Не о военной чести,

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Не об отечестве он думал,
Он одного страшился,
Чтобы во масть Зораба не досталась
Гурдаферид, звезда его любви.
Хеджпровым ответом раздраженный,
Зораб велел опять его сковать...

Ст. 1459. Красавицы, в ием эюхвшей, укрепи... – В беловом автографе (л. 76–77)
речь Барумана была более пространной. Жуковский сократил ее, вычеркнув
следующие 23 стиха:

Ему Зораб не отвечал ни слова
И старый вождь, нахмурясь, продолжал:
Ты юноша; советы стариков
С смиреньем выслушать ты должен.
Ты предпринял великое, так будь же
С собою заодно – тогда и славно
Окончишь то, что славно начал;
С собою заодно – ты победишь;
С собою раздвоись – ты будешь
Самим собою побежден,

И ум свой сердцу
Безумному безумно покоришь.
За грозным львом ты вышел на охоту –
Вертляною газе л ой не прельщайся;
Забудь ловить красавиц легкоумных –
Твоя теперь добыча трон Ирана:
Возьми его – тогда красавиц много
Поймаешь сетью мужества и славы.
Друг, красота есть цвет на поле жизни;
Любовь роса на этом нежном цвете.
Да расцветет на свежем луге счастья
И младости, росой любви покрытый,
Цвет красоты, мой витязь, для тебя.

Ст. 1514. Был Геф, Рустемов зять... – У Фирдоуси нет указания на то, что Геф
(Гив) был зятем Рустема. Так как дочери у Рустема не было, то Геф был, вероятно,
мужем его сестры.

Ст. 1518. ...царский пехлеап... – Пехлеваном (пахлаваном) назывались самые
могущественные богатыри, в том числе и Рустем.

Ст. 1609. И в нем моя помолодеет старость». – Монолог Рустема в беловом
авто-графе (л. 86) имел следующее продолжение, зачеркнутое Жуковским:

Мне некому оставить здесь в наследство
Мое прославленное имя
И мой Сабулнстан богатый.
Быть может, скажет Кейкавус,
Что быть Ирана Пехлеваном
Нельзя рожденному у тур ков...
Но что мне Кейкавус! Хотел бы
Однако я на этого Зораба
Взглянуть; об нем идет молва.
Что он отродье Семен гаме них
Царей: тогда он может – если вправду
Родился сын Ростему от Темнны –
Мне рассказать о матери и сыне,
И отнести, когда не ляжет
Здесь мертвый под моей рукою,
Им весть живую о Рустеме.

Нужно заметить, что в рукописи Жуковский вариативно именовал героя то Ро-стемом,
то Рустемом, вероятно, под влиянием Рюккерта, у которого герой назван Rostem.

Ст. 1914. Гудерс пошел к царю. – Текст в беловом автографе (л. 101–102) после
этих слов имел продолжение, позднее изъятое Жуковским:

Тем временем вельможи
Так рассуждали: не но-царскн
Державный шах наш посту пил
Так необдуманно обидевши Рустема.
Чего же нам надеяться, когда
Достойнейший меж нами
Так произвольно был обруган?
Рустема в петлю – а Рустем
Его па трон отцовский посадил

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

И он же тропа
Твердейшая опора.

Что ж будет нам, когда Рустема в петлю? И что с Ираном будет без Рустема?
Раздавит нас Туран могучий; Погибнет, если Кейкавус Не согласится предложить
Рустему мир, пока он не успел в Сабунстан свой возвратиться.
Так рассуждали меж собою Вельможи. Той порой Гудерс Пришел к разгневанному шаху.
Жуковский исключил эти стихи, зачеркнув их не вертикально, как во всех дру-гих
случаях, а пост рочно.

Ст. 2033. На слово он ругательное скор... – В С 5 вместо «ругательное»
напечатано «ручательное». Эта очевидная опечатка, чему свидетельство и автограф,
исправлена в посмертных изданиях.

Ст. 2281–2287. О! благородна пламенеет ~ //, задымясь, вдруг погаснет... –
Перво-начальный вариант: «О благородно пламенеет // Твоя душа, но // Упавши в
воду, шипит// И задымившись угасает...»

Ст. 2553. А справа Синд... – Первоначально в автографе вместо «Синд» было
«Зенд».

Ст. 3817–3818. Так раскрывается младая // Распуколька... – Жуковский здесь
ис-пользует характерное для русского языка обозначение цветочной почки. Ср.:
«Рас-пукалка, цветочная почка (...). Распуклая почка или раснукиш, лопнувшая,
расцве-тающая» (Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т.
4. СПб.; М., 1882. С. 72).

А. Янушкевич

ИЗ ЧЕРНОВЫХ И НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ТЕКСТОВ

(Из «Потерянного рая» Мильтона)
(«Грехопадение, плод запрещенный...») (С. 293)

Автограф (НБ ТГУ. Библиотека В. А. Жуковского. № 12163) – черновой на-бросок 19
стихов между строк английского текста в кн.: *Le paradis perdu, de Milton. Trad.
pouv. par M. de Chateaubriand. Paris, 1836. Т. 1. Р. 6, 8* (см.: Описание. С.
231. № 1659).

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: БЖ. Ч. 2. С. 488. Публикация А. С. Янушкевича. Печатается по тексту
первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: приблизительно конец
1836-го – начало 1837 г.

В многочисленных списках произведений, предназначенных для чтения и перевода,
Жуковский постоянно, начиная с 1805 г., упоминает поэму известного английского
поэта и общественного деятеля Джона Мильтона (1608–1674) «Поте-рянный рай»
(«Paradise Lost»; 1667). Так, в «Росписи во всякого рода лучших книг и
сочинений, из которых большей части должно сделать экстракты» (1805) читаем:
«XVIII. Поэзия. (...) Milton's Paradise Lost» (РНБ. Оп. 2. № 46. л. 1). В
рукописи с заглавием: «На что делать примечания в Эшенбурговой теории» поэт
фиксирует: «NB. Сравнить Гомера, Вергилия, Мильтона, Тасса, Клопштока» (Резанов.
Вып. 2. С. 246). В «Конспекте по истории литературы и критики» (1805–1810) он по
различным поводам обращается к поэме Мильтона. Уже в самом начале Жуков-ский
приводит два авторитетных мнения об этом произведении. Первое принад-лежит
Вольтеру, автору «Опыта об эпической поэзии»; второе – соотечественнику Мильтона
критику Хью Блеру. Материалы «Конспекта...» позволяют говорить о творческом
осмыслении Жуковским поэмы «Потерянный рай». Высказывая свои наблюдения о
характере Сатаны, о развязке поэмы, он выступал как самостоятель-ный и
интересный ее критик (подробнее см.: Эстетика и критика. С. 55, 61–62, 68,
73–74, 83).

4*3

Эти ранние следы интереса русского поэта к произведению Мильтона полу-чают свое
продолжение и развитие в 1812–1814 гг., во время его работы над переводом поэмы
Клопштока «Мессиада». Чутко уловив генетическую связь поэм Мильтона и Клопштока,
Жуковский пытается разобраться в этом на практике. Перевод «Аббадоны»
сопровождается обращением к Мильтону. В заметках и спи-сках этого периода под
названием «Что сочинить и перевести» возникают следую-щие записи: «Эпическая
поэма. Отрывки из Мессиады и Мильтона»; «Перевести. Из Гесснера. Юнга. Гервея.
Мильтона. Клопштока. Клейста» (Резанов. Вып. 2. С. 252–256).

Никаких следов осуществления этого замысла в 1810-е гг. не обнаружено, но
об-ращение к образцам эпической поэмы, в том числе и к «Потерянному раю», важно
было для Жуковского в его работе над оригинальной исторической поэмой
«Вла-димир». Материалы библиотеки поэта позволяет говорить, что осмысление поэмы
Мильтона продолжается и позже.

В библиотеке Жуковского (собрание НБ ТГУ) имеются три издания поэмы «По-терянный
рай»:

1. Johann Milton's Verlorne's Paradies. Ubersetzt von S. G. Burde. Th. 1–2.
Berlin, 1793;

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

2. The poetical works of John Milton. From the text of Dr. Newton. To which are prefixed the life of the author; a criticism on his works by Dr. S. Johnson, and a critique on Paradise lost by J. Addison. Vol. 2. London, 1803;

3. Le Paradis perdu, de Milton. Trad. nouv. Par M. de Chateaubriand. T. 1–2. Paris, 1836. См.: Описание. № 1658–1659, 2704.

Список авторов и произведений рукою Жуковского на нижнем форзаце и нижней обложке конволюта немецкого издания позволяет говорить, что обращение к переводу Самюэля Готтлиба Бюрге (1753–1831) относится как минимум к началу 1830-х гг.

(об этом подробнее см.: БЖ. Ч. 2. С. 484–485). Но особый интерес представляет обнаруженный автограф Жуковского во французском переводе «Потерянного рая», принадлежащем франсуа Рене де Шатобриану (1768–1848). Этот перевод, появившийся в конце июня 1836 г., почти сразу же стал известен в России. В конце 1836-го – начале 1837 г. в связи с полемикой, возникшей в английских и французских журналах по поводу этого перевода, Пушкин пишет статью «О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая» (подробнее см.: Гиллельсон М. И. Статья Пушкина «О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1979. Т. IX. С. 231–241), а в начале 1837 г. разговор об этом переводе и книге Шатобриана «Опыт английской литературы...» («Essai sur la littérature anglaise... Т. 1–2. Paris, 1836) продолжается в кругах, близких Жуковскому. Так, А. И. Тургенев в дневнике от 21 января 1837 г. записывает: «Зашел к Пушкину: о Шатобриане и о Гёте» (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 175). Вечером этого же дня Тургенев встречался с Жуковским, и вряд ли он не рассказал ему о своем разговоре с Пушкиным.

В библиотеке Жуковского кроме шатобрианова перевода «Потерянного рая» имеется и указанное издание «Опыта английской литературы» (Описание. № 801). Постоянно встречаясь в это время с Пушкиным и Тургеневым, Жуковский не мог не высказать свою точку зрения и свое отношение к переводу Шатобриана.

Наконец, Жуковскому пришлось после гибели Пушкина готовить к печати рукопись его статьи «О Мильтоне и Шатобриановом переводе "Потерянного рая"» (см.: Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 320), а это давало возможность еще раз вдуматься в размышления Пушкина о характере данного перевода.

Следствием всех этих моментов восприятия перевода Шатобриана и явилась попытка Жуковского дать свой вариант переложения поэмы Мильтона. Обе части этого издания из библиотеки Жуковского разрезаны полностью. На нижней обложке второй части черными чернилами сделаны арифметические подсчеты, которые легко расшифровываются. Жуковский подсчитывает количество стихов каждой из 12 песен, первой и второй части и наконец – общее количество стихов всей поэмы: 10510. Сами эти подсчеты симптоматичны: они отражают серьезность замысла поэта. По всей вероятности, еще до того, как в сознании Жуковского оформилась идея работы над «Одиссеей», он искал материал из репертуара мирового эпоса для поэтического переложения.

Работа над переводом поэмы отражена на 6-й и 8-й страницах первой части. Французский перевод Шатобриана (на нечетных страницах) и английский текст Мильтона (на четных) даны параллельно (en regard). На с. 6 сначала между стихов подлинника карандашом Жуковский набрасывает перевод первых восьми и начала девятого стиха первой песни.

Затем на нижнем чистом поле этой же страницы он достаточно аккуратно, с не-большими исправлениями переписывает эти стихи и добавляет к ним еще два. Из-за недостатка места перевод переносится на верхнее чистое поле этой же страницы. Появляется еще шесть стихов. Эти 17 стихов и являются переводом 16 стихов первой строфы «Потерянного рая». Однако работа над переводом продолжается на с. 8, где записано всего два стиха. Первый – между 2-й и 3-й строфой, второй – внизу страницы, и они соответствуют первому стиху третьей строфы и шестому-седьмому стиху второй строфы поэмы Мильтона.

Сам процесс работы Жуковского над переводом – свидетельство того, что он давался ему не просто. Мучительный поиск слова, целых стихов – все это очевидно. И все-таки возникает ощущение какой-то поэтической легкости и внутренней законченности фрагмента. Любопытно, что, сделав перевод первой строфы, поэт дополняет его двумя стихами из второй и третьей строф, причем и сама последовательность их написания, и характер их отбора предполагал определенную эстетическую организацию материала. В переводе 19-ти стихов «Потерянного рая» возникала важная для Жуковского тема особой миссии поэта в познании мира. Со-бытия трагической гибели Пушкина, история работы над драматической поэмой «Камоэнс» актуализировали эту проблему. Подробнее о работе над переводом см.: БЖ. Ч. 2. С. 488–490.

От казавшийся от точного подстрочного перевода, Жуковский вместе с тем смело пошел по пути поэтического воссоздания подлинника. И это была полемика не только

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov с переводом Шатобриана, сделанным прозой, но и с устойчивой русской традицией переложения «Потерянного рая» прозой (см.: Левин Ю. Д. Английская поэзия и литература русского сентиментализма. Приложение // От классицизма к романтизму: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1970. С. 277–279). Поэт обращается к размеру подлинника, пытаясь передать ритмиче-ский рисунок «героического стиха» английской эпической поэзии. В целом ему это удается, хотя и в этом отношении он проявляет творческую самостоятельность. Белый пятистопный ямб с женскими окончаниями сохраняется в большинстве стихов (в 12 из 17). Два отдельно выделенных стиха отличаются в этом отношении, но это можно объяснить или их особым местом во фрагменте, или просто поэтиче-ской неотделанностью.

Время работы над переводом устанавливается предположительно, так как ни-каких прямых свидетельств не сохранилось. Конец 1836-го- начало 1837 г. наиболее приемлемый вариант датировки. Последующие события, связанные с гибелью Пушкина и двумя путешествиями Жуковского с наследником, вряд ли способствовали продолжению перевода. Атмосфера споров о переводе Шатобриана, пуш-кинская статья о нем, где говорилось о том, что «подстрочный перевод никогда не может быть верен» (Пушкин. Т. 12. С. 144), стимулировали творческий поиск Жуковского. Необходимо указать еще на один косвенный аргумент в пользу пред-лагаемой датировки: на верхнем форзаце первой части экземпляра шатобриано-ва перевода, хранящегося в библиотеке Жуковского и содержащего наброски его перевода, имеется достаточно четкий отпечаток чернильной записки. Это воспро-изведение даты какого-то послания поэта. Как это нередко бывало у Жуковского, оказавшаяся под рукой книга выполнила функцию промокательной бумаги. Если число и месяц прочитать невозможно, то год читается совершенно ясно – «1836». Думается, что перевод Шатобриана уже в 1836 г. привлек внимание поэта и вызвал его творческий отклик.

Ст. 1. Грехопадение, плод запрещенный... –Этот стих, включающий шестисложное и четырехсложное слова и задающий особую ритмическую организацию стиха, не имеет соответствия ни в подлиннике, ни в переводе Шатобриана. У Мильтона: «Of Man's first disobedience and the fruit...» («О первом преслушанье, о плоде запрет-ном...»); у Шатобриана: «La premiere desobeissance de Гнотше...» («Первое непо-виновение человека...»).

Ст. 2. От древа, коим смерть была на землю... – Черновые варианты: «от древа жизни», «смерть на землю приведена была». Библейская реминисценция: «И запо-ведал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть; А от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Бытие, II, 16–17).

Ст. 3. Приведена и с тратою Эдема... – Вариант: «Пришла...». Библейская ре-минисценция: «И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке; и поместил там человека, которого создал» (Бытие, II, 8). Мильтон следует традиции называть рай Эдемом, хотя Адам и Ева, вкусив запретный плод, лишились рая.

Ст. 4–5. ...великий II Спаситель... – Вариант: «...великий // Муж...» Имеется в виду Иисус Христос. У Мильтона: «greater Man» («Величайший человек»).

Ст. 5. Спаситель пе пришел отдать их иебу. – Первоначально зачеркнуто: «Муж не...», «Нас муж не искупил отдав...»; затем: «Спаситель не возвратил нас небу...»

Ст. 6. Воспой, святая муза... – Первоначально вместо «святая муза» было «не-бесная певица». У Мильтона: «heavenly muse» («Муза горняя»).

Ст. 7. На высотах Синая и Горева... – Первоначально: «На высотах Горева и Си-ная...» Синай и Горев (Хорив) – места Божественного откровения.

Ст. 8. Вдохнувшая все песни пастырю... – Имеется в виду Моисей как духовный наставник, учивший свой народ Божьему закону.

Ст. 10–11.... как в начале создал небо III землю Бог. – Жуковский опускает важное для Мильтона понятие: «of chaos» («из хаоса»). Подробнее см.: Милтон Джои. Потерянный рай. Возвращенный рай. Другие поэтические произведения / Изд. подгото-вили А. Н. Горбунов, Т. Ю. Стамова. Сер. «Лит. памятники». М., 2006. С. 696.

Ст. 11. ...холм сионский... – Гора Сион, где Соломон построил Иерусалимский храм, который считался местом особого присутствия Бога.

Ст. 12–13. ...силоамский II Пророцеств ключ... – Первоначально: «силоамский ключ». Ручей к западу от горы Сион, ассоциирующийся, согласно пророку Исайе с Божественным вдохновением (Исайя, VIII, 6).

Ст. 14. И оживи мне голос вдохновенья... – Первоначально: «И оживи меня для песни вдохновенья...»

Ст. 16. С высот Аний хочу парить. – Имеется в виду гора Геликон, гора в Беотии, место обитания муз. Говоря «над Геликоном», Мильтон подразумевал, что его тема более возвышена, чем темы языческих поэтов античности.

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov
Ст. 17. О недоступном знанию человека. – Этот стих – плод творчества Жуковского.
Ст. 18. Ты ведаешь все тайны неба, все пути. – Этот стих соответствует перво-му стиху третьей строфы подлинника: «Say first, for Heaven hides nothing from thy view...»

Ст. 19. То освети, что низко, подними и поддержи... – Соответствует 6–7 сти-хам второй строфы: «...what in te is clark // Illumine, what is low raise and support» («Исполни светом тьму мою, возвысь // Всё брненное во мне...»

А. Янушкевич

(Из «Божественной комедии» Данте)

(«Полупути достигнув жизни сей...») (с. 294)

Автограф (НБ ТГУ. Библиотека В. А. Жуковского. № 94380) – черновой на-бросок перевода четырех первых терцин в кн.: Божественная комедия Данте Али-гиери. Ад. С очерками Флаксмана и италианским текстом. Перевод с италианско-го Ф. Фан-Дима [Е. В. Кологривовой]. Введение и биография Данте Д. Струкова. СПб., 1842. Вып. 1. На чистом, вклеенном в книгу листе между с. 2 и 3.

При жизни Жуковского не печаталось.

В первые: От Карамзина до Чехова. Томск, 1992. С. 34. Публикация А. Януш-кевича в составе статьи «Жуковский и Данте».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу. Датируется: приблизительно июнь–июль 1843 г.

Экземпляр первого выпуска «Божественной комедии» Данте в прозаическом переводе Ф. Фан-Дима (Е. В. Кологривовой), находящийся в личной библиотеке Жуковского, при переплете был проложен листами чистой бумаги. Поэт каранда-шом пронумеровал страницы в печатном тексте – «2» и «3». Между этими страни-цами, содержащими шесть первых терцин итальянского текста и их прозаический перевод, на чистом листе он набросал свой перевод.

27 – 3088

Восемнадцать карандашных строк, соответствующих четырем начальным тер-цинам «Ада», – таков общий объем этого наброска. Многочисленные зачеркивания, варианты, недописанные слова – свидетельство напряженной работы в самом нача-ле перевода. Видимо, Жуковский столкнулся с непреодолимыми трудностями, хотя за дело брался серьезно, о чем свидетельствуют вклеенные чистые листы не только в первом выпуске перевода Е. Кологривовой, но в четвертом и пятом. Вероятно, он собирался переводить всю первую книгу «Божественной комедии» – «Ад».

В библиотеке Жуковского, кроме перевода Фан-Дима, хранятся еще шесть раз-личных изданий «Божественной комедии», что подтверждает мысль о подготовке к переводу. Вот эти издания. См.: Описание. № 868–873:

1. La Divina commedia di Dante Alighieri. Edizione di Giovanni Giorgio Keil. Cantica I. Gotha, 1807.

2. La Divinacommedia di Dante Alighieri, tradotto in Fiancesedal signorecavaliere A. F. Artaud. 2 ed. T. 1–9. Parigi, 1828–1830.

3. La Divine comedie di Dante Alighieri. Trad. en vers francais par M. Antoni Deschamps (20 chants). Paris, 1829.

4. Dante Alighieri's Gottliche komodie. Ubersetzt und erlautert von K. Stieckfuss. Halle, 1840.

5. La Divine comedie de Dante Alighieri. Trad. par Pier-Angelo Fiorentino. Paris, 1841.

6. Oeuvres de Dante Alighieri. La Divine comedie. Trad. A. Biizeux. Paris, 1841. Каждое из этих изданий, видимо, привлекло внимание русского поэта и сыгра-ло свою роль в его осмыслении поэмы Данте. Подробнее об этом см.: Янушкевич. С. 386–390.

Постижение творения Данте было неразрывно связано с интересом Жуковско-го к личности и творчеству итальянского поэта. Путешествуя по Италии в 1833-м и 1838–1839 гг., он буквально живет в атмосфере Данте. Во Флоренции посещает все места, где ступала нога великого флорентийца. Он обращает внимание на портре-ты Данте и иллюстрации к его поэме, отмечая в дневнике «несравненную картину» Ф. Овербека «История христианского искусства», где изображен «вдохновенный Данте», рисунки из Данте Карстенса, фрески на сюжеты «Божественной комедии» Фейта и Коха.

Сама поэма Данте становится для Жуковского критерием высочайшего искус-ства, а ее образы – комментарием к жизненным впечатлениям. Так, впервые по-сетив Сикстинскую капеллу в мае 1833 г., он замечает: «Это поэма Данта. Начатая Микель Анжем, продолженная Рафаэлем и довершенная Микель Анжем» (ПССИП. Т. 13. С. 374). Жуковский усиленно занимается итальянским языком. Итальянское окружение поэта в 1838 г.: Гоголь, Шевырев, начавший в это время работу над переводом «Божественной комедии», Зинаида Волконская и ее сын Александр, ав-тор статей о Данте в «Современнике», – способствовало проникновению в мир поэмы. Жуковский знакомится с сочинениями С. П. Шевырева, П. Женгене, Ф. Шлегеле-ля, А.

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov

Ранке, посвященными итальянской литературе и творчеству Данте; в мае-июне 1827 г. в Париже он слушал лекции А. Ф. Вильмена по истории эпической поэмы, впечатление от которых так выразил в дневнике: «Превосходное изображение Данта и Камозанса...» (ПССИП. Т. 13. С. 265). Печатный текст этих лекций издания 1841 г. сохранился в его библиотеке (Описание. № 2332). Имеются пометы Жуковского в «Введении» Д. Струкова, предпосланном переводу Е. Кологривовой. Показательно, что в 1838–1841 гг., готовя к печати не изданные при жизни Пушкина произведения, Жуковский объединяет два отрывка: «В начале жизни школу помню я...», «И дале мы пошли...» под общим заглавием «Подражания Данте». По справедливому замечанию исследователя, он чутко уловил созвучность пушкинских отрывков как «музыке дантовского стиха», так и «мыслям-образам Данте» (Благой Д. Д. II gran Padre: Пушкин и Данте // Душа в заветной лире: Очерки жизни и творчества Пушкина. М., 1977. С. 169).

Мир «Божественной комедии» все определеннее входит в творческое сознание русского романтика. В статьях «О стихотворениях Козлова» и «О меланхолии в жизни и в поэзии», в письмах 1840-х гг. Данте осмысливается Жуковским как вершина мировой поэзии, ее высокий идеал. «Поэзия народная, в которой отзывается вся жизнь народа, Гомер, Данте, Шекспир, Мильтон, греческие трагики, некоторые чудные поэты Востока (не называя никого из новейших) – вот товарищи жизни. Беседа с ними во всякое время есть очарование» (С 7. Т. 6. С. 371), – пишет он в конце жизни, тем самым определяя значение Данте как в истории мировой культуры, так и в своей творческой биографии. Характерно, что в дюссельдорфском доме поэта в начале 1840-х гг., по воспоминаниям М. Погодина, висел портрет Данте (Барсуков. Кн. 7. С. 48).

Никаких документальных свидетельств о времени работы над переводом «Божественной комедии» Жуковский не оставил. Но на основании некоторых косвенных данных можно приблизительно ее датировать. Первый выпуск перевода Фан-Дима (песни 1–5) вышел в самые последние дни 1842 г. (ц. р. от 6 октября 1842 г.), однако 5 ноября «Северная пчела» сообщает, что издание только еще готовится, и лишь 29 декабря в «Санкт-Петербургских ведомостях» появляется известие о выходе книги (№ 293. С. 1286).

Жуковский, живущий уже в это время постоянно в Германии, смог получить этот выпуск не раньше января 1843 г., скорее всего в конце мая – начале июня, когда он приезжает в Эмс, где встречает много русских. Бумага, которой проложен первый выпуск и на которой поэт начал свой перевод, имеет водяной знак FEW LETMATHE и изображение лилии. Сам по себе этот знак, к сожалению, не позволяет достаточно определенно датировать время перевода, но нужно учитывать, что точно такой же бумагой проложены и другие выпуски перевода, имеющиеся в библиотеке Жуковского. В том числе и пятый (песни 23–28), вышедший в июне 1843 г. Шестой же выпуск, появившийся в конце 1843 г., в библиотеке поэта отсутствует. Поэтому, вероятно, Жуковский предпринял перевод сразу же после получения пятого выпуска и переплета всех имеющихся у него.

Для датировки перевода интерес представляет еще одна книга, имеющая точно такой же вид, что и выпуски перевода «Божественной комедии»: Sophokles Werke. Uebersetzt von J. J. Donner. Vde 1–2. Heidelberg, 1842. Подробнее об этом см.: Лебедева. С. 139–145, 192–196. На основании помет в рукописи: «5 мая», «23 мая» и дневниковой записи от 10 (21) июня 1843 г.: «Поутру переводил "Эдипа"» (ПССИП. Т. 14. С. 273) можно точно датировать работу над этим переводом. Думается, что и перевод начал «Божественной комедии» по целому ряду признаков (тип бумаги, характер переплета, особенности почерка) может быть отнесен к этому же времени. Скорее всего, он был сделан после получения пятого выпуска перевода Е. Кологривовой и одновременно с переводом «Эдипа» Софокла – в июне-июле 1843 г. Работа над переводом «Одиссеи», которому Жуковский посвящал все время, не позволила ему завершить эти замыслы.

Наконец, нельзя не учитывать тот факт, что три перевода на русский язык «Божественной комедии» появились друг за другом. Вслед за переводом первого выпуска перевода Е. Кологривовой в первом номере «Москвитянина» за 1843 г. С. Шевырев поместил свой перевод двух песен «Ада», а уже во втором номере этого же журнала появляется первый отрывок (5-я песнь «Ада») из перевода Д. Мина, выполненный пятистопными ямбическими терцинами. Если учесть, что Жуковский был тесно связан с «Москвитянином» и его редакцией, публиковал здесь свои произведения, то, конечно же, переводы Шевырева и Мина не могли не привлечь его внимания. Вполне возможно, что своим переводом Жуковский вступал в полемику как с традицией прозаического переложения «Божественной комедии», так и с опытами стихотворного перевода терциной (Катенин, Норов, Шевырев, Мин).

Самой характерной чертой перевода отрывка Жуковским является попытка передать терцины Данте белым пятистопным ямбом. По справедливому замечанию исследователя, Жуковский «с годами все больше уходит в работу над говорным

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukovskiy
повествовательным стихом, стремясь к предельной простоте и естественности»
(Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. М., 1984. С. 163).

Мотив пути, странствия, поиска себя и своего назначения приобретает в опытах Жуковского последнего периода лейтмотивный характер и мировоззренческий смысл. Наль и Дамайанти, Рустем и Зораб, Одиссей, Агасфер, герои сказок и повестей преодолевают свой путь «мучительно долго», чтобы «долгим страданием свой выплатить долг». «Наша жизнь есть странствие по свету» (ПССиП. Т. 4. С. 46) – так в «Двух повестях» поэт определяет смысл человеческого существования, подчеркивая, что вопросы «куда, зачем и кто по ней идти велит» составляют основу жизненной позиции личности.

Набросок перевода из «Божественной комедии» Данте во многом предвосхищает эту столь существенную для позднего Жуковского тему и становится своеобразным эпиграфом к ней. Опираясь на образную философию жизни-движения, бесконечного поиска Данте, Жуковский, с присущей ему тягой к «сквозным словам», уже в переложении первых четырех терцин нагнетает образ пути. Сразу же вместо «земной жизни» Данте заявлен «путь земной»: «полупути достигнув жизни сей», а затем «утеря» «прямого пути», глаголы «сбился», «совратился», передающие эту «утерю», создают эмоциональную атмосферу «Одиссеи человеческой жизни». В этом смысле работа Жуковского по осмыслению дантовской поэмы, ее перевод – органичное звено его общих поисков 1840-х гг. и определенный этап на пути к новым формам поэзии, к «стихотворной прозе». Вместе с тем это неизвестная и достаточна интересная страница русской дантеаны.

Ст. 1. Полупути достигнув жизни сей... – Уже первый стих вызывает затруднения Жуковского в его передаче. Он зачеркивает местоимение «нашей» вместо «сей», слова «пройдя», «когда», варианты: «Дойдя до половины жизни...», «Свершив пути земного половину...»

Ст. 2. В лесу густом увидел я себя... – Первоначально: «В густом лесу себя увидел я...»

Ст. 5–6. Весь опустел ужасный этот лес, //Густой, непроходимый, дикий... – Стих Данте Жуковский распространяет до двух. Ср. в современном переводе М. Лозинского: «Тот дикий лес, дремучий и грозный...» {Данте Алигьери. Божественная комедия. Сер. «Лит. памятники». М., 1967. С. 9}.

Ст. 7. И мысль о нем рождала страх и трепет. – Варианты: «всё заслонила», «страх и ужас».

Ст. 9. Но чтоб сказать о [вечном] нам спасеи... – Слово «вечном» зачеркнуто, но других вариантов нет.

Ст. 12. Жестокий сои меня одолевал... – Варианты: «Был так объят я сном», «одо-левал меня».

Ст. 13. Что я с пути прямого скоро сбился. – Вместо «скоро сбился» было «совратился».

А. Янушкевич

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Арзамас-2 – «Арзамас»: Сборник: в 2 кн. М.: Худ. лит., 1994. Барсуков – Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888–1901. кн. 1–22.

Батюшков – Батюшков К. Н. Сочинения: в 2 т. М., 1989. БдЧ – Библиотека для чтения.

Белинский – Белинский В. Г. Поли. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959.

БЖ – Библиотека В. А. Жуковского в Томске: в 3 ч. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978–1988.

Бумаги Жуковского – Бычков И. А. Бумаги В. А. Жуковского, поступившие в Имп. Публичную библиотеку в 1884*г. // Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1884 г. Приложение. СПб., 1887.

Веселовский – Веселовский А. Н. В. А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904.

ВЕ – Вестник Европы.

Виницкий – Виницкий Илья. Дом толкователя: Поэтическая семантика и историческое изображение В. А. Жуковского. М., 2006.

Вольпе – Жуковский В. А. Стихотворения / Вступит, ст., ред. и примеч. Ц. Вольпе. Л., 1939–1940. т. 1–2 (Б-ка поэта. Большая сер.).

Врем. ПК – Временник Пушкинской комиссии. 1962–1994. М.; Л., 1963–1995.

Вяземский – Вяземский П. А. Поли. собр. соч. СПб., 1878–1896. т. 1–12.

Гиллельсон – Переписка П. А. Вяземского и В. А. Жуковского (1842–1852) / публ. М. И. Гиллельсона // Памятники культуры: Новые открытия. 1979. Л., 1980.

Гоголь – Гоголь Н. В. Поли. собр. соч.: в 14 т. М.; Л., 1937–1952.

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov
Гофман – Гофман М. Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже: Общий обзор, описание и извлечения из рукописного собрания. Париж, 1926 (Hofmann Mod-este. Le Musee Pouchkine сАlexandre Onegine a Paris: Notice, catalogue, extraits de quelques manuscrits. Paris, 1926).

Дневники – Дневники В. А. Жуковского / С примеч. И. А. Бычкова. СПб., 1903.

Дубровин – Дубровин Н. Ф. Василий Андреевич Жуковский и его отношение к декабристам // РС. 1902. № 4. С. 45–119.

Ежегодник – Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома. 1980. л., 1984.

Ж. и русская культура – Жуковский и русская культура: Сб. науч. ст. Л., 1987.

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения.

Жуковский в воспоминаниях – В. А. Жуковский в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текста, вступит, ст. О. Б. Лебедевой, А. С. Янушкевича. М., 1999.

Загарин – Загарин П. В. А. Жуковский и его произведения. М., 1883.

Зарубежная поэзия – Зарубежная поэзия в переводах В. А. Жуковского. М., 1985. Т. 1–2.

Зейдлиц – Зейдлиц К. К. Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. 1783–1852: по не-изданным источникам и личным воспоминаниям. СПб., 1883.

Зонтаг – Зонтаг А. Воспоминания о первых годах детства В. А. Жуковского / Вступит, заметка П. Висковатого // Рус. мысль. 1883. № 2. С. 266–285.

Иезуитова – Иезуитова Р. В. Жуковский и его время. Л., 1989.

ИРЛИ – Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом), рукописный отдел.

ИВ – Исторический вестник.

Лебедева – Лебедева О. Б. Драматургические опыты В. А. Жуковского. Томск, 1992.

Лихачев – Лихачев Д. С. Объяснительный перевод «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: 800 лет. М., 1986. С. 28–65.

ЛГУ – Ленинградский государственный университет. МТ – Московский телеграф.

НБ МГУ – Научная библиотека Московского государственного университета. НБ ТГУ – Научная библиотека Томского государственного университета. НЛО – Новое литературное обозрение.

Описание – Библиотека В. А. Жуковского: (Описание) / Сост. В. В. Лобанов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981.

ОА – Остафьевский архив князей Вяземских / Под ред. и с примеч. В. И. Саитова. СПб., 1899. Т. 1–4.

ПЖИГ – Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. СПб., 1907–1909. Вып. 1–3.

Переписка – Сочинения и переписка П. А. Плетнева. СПб., 1885. Т. 1–3.

ПЖТ – Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895.

ПМЖ – Проблемы метода и жанра. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1988–1997. Вып. 14–19.

ПССИП – Жуковский В. А. Поли. собр. соч. и писем: в 20 т. М., 1999–2009. Т. 1, 2, 3, 4, 13, 14.

ПСС – Поли. собр. соч. В. А. Жуковского: в 12 т. / Под ред., с биограф. очерком и примеч. проф. А. С. Архангельского. СПб., 1902.

Пушкин – Пушкин А. С. Поли. собр. соч.: в 17 т. М.; Л., 1935–1948.

Резанов – Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. СПб., 1916. Вып. 2.

РГБ – Российская государственная библиотека, отдел рукописей.

РНБ – Российская национальная библиотека (С.-Петербург), отдел рукописей.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.

РС – Русская старина.

РА – Русский архив.

РБ – Русский библиофил. 1912. Ноябрь–декабрь (специальный выпуск, посвященный В. А. Жуковскому). РВ – Русский вестник.

С 3 – Стихотворения Василия Жуковского: в 3 т. 3-е изд., испр. и умнож. СПб., 1824.

С 4 – Стихотворения Василия Жуковского: в 9 т. 4-е изд., испр. и умнож. СПб.: Изд-во А. Ф. Смирдина, 1835–1844.

С 5 – Стихотворения Василия Жуковского: в 13 т. 5-е изд., испр. и умнож. СПб., 1849. Т. I–IX; СПб., 1857. Т. X–XIII.

С 6 – Сочинения В. Жуковского / Под ред. К. С. Сербиновича. 6-е изд. СПб., 1869. Ч. 1–6.

С 7 – Сочинения В. Жуковского: с прилож. писем, биографии / Под ред. П. А. Ефремова. 7-е изд. СПб., 1878. Т. 6.

С 8 – Сочинения В. А. Жуковского: в 6 т. / Под ред. П. А. Ефремова. 8-е изд., испр. и доп. СПб., 1885.

С 9 – Стихотворения В. А. Жуковского / Под ред. П. А. Ефремова. 9-е изд., испр. и доп. СПб., 1894. Т. 4.

СС 1 – Жуковский В. А. Собр. соч.: в 4 т. / Вступит, ст. И. М. Семейко; Подгот. текста и примеч. И. М. Семенко, Н. В. Измайлова, В. П. Петушкова, И. Д.

ние сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Эпические стихотворения. Василий Андреевич Жуковский zhukov
Гликма-на. М.;Л., 1959–1960.
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы
(Пушкинский Дом).
Тургенев – Тургенев А. И. Хроника русского: Дневники (1825–1826) / Изд. под-гот.
М. И. Гиллельсон. М.; Л., 1964. Сер. «Лит. памятники».
УС – Уткинский сборник: Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой
/ Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1904.
Щёголев – Щёголев П. К. Дуэль и смерть Пушкина. М., 1987.
Эстетика и критика–Жуковский В. А. Эстетика и критика / Вступит, ст. Ф. З.
Ка-нуновой и А. С. Янушкевича; Подгот. текста, сост. и примеч. Ф. З. Кануновой,
О. Б. Лебедевой, А. С. Янушкевича. М., 1985.
Янушкевич –Янушкевич А. С. В мире Жуковского. М., 2006.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://zhukovskyvasily.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!